

С. В. ПОЗНЫШЕВ

Профессор Государственного Московского Психоневрологического Института,
Профессор Международной Академии Наук в Тулузе

~~10256.~~

~~XXI~~
П.475

П.475

инв. 13487

4685 кб. у. 475

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПРЕСТУПНЫЕ ТИПЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД

1926

Ленгиз № 11158.
Ленинградский Гублит № 10900.
16 л. Отп. 5,000 экз.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Настоящее сочинение проф. Познышева, посвященное криминальной типологии, построено не на последовательно марксистском обосновании криминальной науки и не на объективно-материалистическом понимании психологии. Редакция Ленгиза поэтому совершенно не разделяет убеждения автора, «что изложенные в настоящей книге основы исследования останутся непоколебленными». Однако, при нынешнем зачаточном состоянии как нашей советской криминальной науки, так и объективной экспериментальной психологии, книга проф. Познышева заслуживает внимания и со стороны судебного работника и со стороны студента и даже широкого читателя, которые в ней найдут план криминально-психологического изучения преступников и оригинальную классификацию преступных типов, тем более ценную, что она основана на материале, взятом из нашей современной действительности.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Изучение преступников не только представляет очень серьезный теоретический интерес, но и имеет громадное практическое значение. Преступный мир очень пестр по своему составу. В нем встречаются разнообразнейшие типы, глубоко интересные как с психологической точки зрения, так и в культурно-бытовом отношении. Каждый из них требует особого к себе подхода как со стороны органов уголовного розыска, следствия и суда, так и со стороны исполняющих судебные приговоры пенитенциарных деятелей. Судебные и пенитенциарные работники все чаще и сильнее чувствуют потребность в криминально-психологических знаниях, которые помогли бы им разбираться в тех лицах, с которыми им приходится иметь дело в своей практической деятельности, и выяснять, в какой степени и в каком отношении эти люди социально опасны, а следовательно, что следует с ними делать для защиты общества от их вероятных посягательств. Мало сказать, что человек социально опасен. Надо выяснить, что именно в нем есть такого, что делает его опасным, и в какой степени он опасен. Мало посоветовать наблюдать преступников. Надо выяснить, что именно должно быть предметом наблюдения и изучения в преступнике, ответов на какие именно вопросы надо искать в данных наблюдения и как, соответственно этому, вести самое наблюдение. Преступник должен быть не предметом простого любопытства, при котором бессистемно собирается то, что представляется курьезным, в роде, например, разных, иногда замысловатых и странных, татуировок, отдельных слов жаргона и т. п. Необходимо методическое, научное изучение, которое направлялось бы прежде всего на то, что, действительно, важно и нужно знать о преступнике для правильной постановки борьбы с преступностью и возможного прогресса уголовного правосудия. Необходимо изучение, которое знало бы, что и для чего оно ищет в преступнике, было бы проникнуто ясным сознанием относительного значения и внутренней связи решаемых задач, выдвигало бы на первый план то, что, действительно, важно, отводя деталям подобающее им заднее место.

О необходимости систематического криминально-психологического изучения преступников автор высказывался давно.¹ Посте-

¹ Об изучении преступника в „Вопросах права“. 1911 г.

пенно у него сложился план такого изучения, наметился круг важнейших вопросов, подлежащих исследованию, и накопился большой материал, почерпнутый им при постоянных посещениях мест заключения и зал судебных заседаний. Некоторая часть этого материала найдет себе место на страницах этой книги и подвргнется теоретическому освещению. Одно изложение отдельных случаев, без освещения теоретическими положениями их жизненного значения, лишено цены и интереса, оставляя читателя с невыясненными вопросами: «ну, что же из этого, что отсюда следует? Какое значение имеет та или иная сторона обрисованного случая?» и т. д. Поэтому изложению отдельных обследованных случаев автор предпосылал известные теоретические положения, которыми, затем, пользовался при объяснении этих случаев.

Основная мысль, которая руководила автором, заключается в том, что глубочайшие корни преступности сокрыты в конституции преступника, которая создается и изменяется под влиянием, с одной стороны, окружающих личность внешних и, прежде всего, социальных условий, а с другой стороны, — того, что организм данного субъекта получил в наследство от предков. Понятие конституции, как известного постоянного остова, на котором зиждутся отдельные переживания личности и вообще проявления ее функционирования, завоевало себе прочное место в сфере естествознания, в частности, — в науках медицинских. Для того, чтобы исследование преступления стояло на высоте, вполне соответствующей уровню современных научных требований, рядом с изучением самого преступления, его природы и порождающих его причин, должно стоять тщательное и возможно всестороннее изучение личности преступника, в котором понятие конституции и конституциональным факторам преступности должно быть отведено центральное место.

Планомерное, систематическое изучение заключенных московских мест заключения автор начал три года тому назад, в чем ему оказывали ценную помощь его ассистенты: М. К. Александров-Дольник, С. Л. Воронов, А. С. Иванов, Н. Ф. Кельберер, А. А. Климушкин, Б. М. Наумов, О. С. Познышев, М. П. Ревидцев, О. А. Скворцова, В. С. Спановский, И. И. Станкевич, Н. В. Терзиев и П. С. Цветков. Автор считает своим приятным долгом выразить им здесь свою благодарность. Вместе с тем автор приносит свою благодарность и Главному Управлению Местами Заключения, в лице его прежнего и настоящих руководителей — Л. А. Саврасова, Е. Г. Ширвиндт и Л. Я. Корнблит, за любезное предоставление свободного доступа в места заключения для научных исследований.

Автор.

Москва.
Октябрь
1925 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Криминально-психологическое изучение преступника, его задачи, необходимость и значение.

Преступление всегда имеет два корня: один лежит в личности преступника и сплетается из особенностей его конституции, а другой состоит из внешних для данной личности фактов, своим влиянием толкнувших ее на преступный путь. Те элементы, из которых складывается «личный» корень преступления, можно назвать эндогенными факторами, а те внешние события, которые толкнули субъекта на преступление, — экзогенными факторами этого преступления. В происхождении каждого преступления участвуют и те, и другие факторы, только в одних случаях преобладающая роль принадлежит факторам эндогенным, а в других, наоборот, — экзогенным. Но ни одно преступление нельзя объяснить исключительно внешними причинами, игнорируя особенности совершившей его личности. Нарисуйте какую угодно цепь внешних событий, все равно для того, чтобы под давлением их произошло преступление, необходимо прибавить к ним известный склад личности. Личность иного склада, в тех же условиях, или совершит иное преступление, чем данное, или вовсе не совершит преступления, а найдет иной выход из своего положения, — может-быть, кончит самоубийством, пойдет просить милостыню, помирится с родственниками, с которыми была в ссоре, и попросит у них прощения, переменит профессию, вступит в выгодный брак и т. д. Если же нарисовать картину таких условий, при которых для человека исчезает возможность выбора и он фатально влечется к известной форме реакции на полученные им впечатления, то к таким случаям не может быть прилагается понятие преступления. Это — несчастные случаи, которые не могут влечь за собой никакой уголовной ответственности. Преступление предполагает вину, — умысел или неосторожность, — а вина показывает, что в личности совершившего преступление есть нечто, что послужило корнем этого преступления. Проявившаяся в том или ином преступлении вина есть преходящее конкретное настроение, которое сложилось у человека под влиянием двух сил: действия на него различ-

ных событий, происходивших в окружающей среде, с одной стороны, и его психической конституции — с другой.¹ Заключается ли преступление в том, что человек совершил нечто запрещенное уголовным законом, или не выполнил того, что уголовный закон предписывает, т.-е. заключается ли оно в наказуемом содеянии или в бездействии, оно всегда есть волевой акт и, как таковой, представляет собою известную моторную реакцию на полученные индивидом впечатления. В основе этой реакции лежит выбор из представившихся возможностей, а в этом выборе проявляется вся духовная личность преступника с присущим ей запасом жизненного опыта, с ее способностью или неспособностью предвидеть более или менее далекое будущее, с накопившимися у нее волевыми навыками и тенденциями к определенным видам поведения. Когда человек совершает преступление, он предварительно решает вести себя определенным образом. В его сознании появляется мысль об известном поведении и, так сказать, получает санкцию; при этом, быть-может, он даже ошибочно рисует себе результат этого поведения. В тех случаях, когда он действует умышленно, он сознает, что его деятельность составит или будет иметь своим последствием преступление; его решение поступить определенным образом складывается тогда при наличии этого сознания. Когда он совершает преступление по неосторожности, он решает поступить известным образом, или не предвидя преступных последствий своего поведения, при возможности, однако, их предвидеть, или предвидя их, но легкомысленно рассчитывая, что они будут предотвращены настоящим или будущим вмешательством определенных факторов. Для того, чтобы вполне правильно оценить виновника того или иного преступления, с точки зрения большей или меньшей опасности его для правопорядка, необходимо учесть, с одной стороны, те элементы его личности, которые влияли на сделанный им выбор положительным образом, т.-е., так сказать, склоняли к нему, а с другой стороны, — те, которые служили источником мотивов, удерживавших или отталкивавших от преступления и подсказывавших иной выход из создавшегося положения. Иными словами, мы должны учесть все, что, так сказать, криминогенно и криминорепульсивно в свойствах данной личности. Соотношением элементов этих двух категорий и определяется степень опасности, представляемой данною личностью для правопорядка. Таким образом, глубокое понимание преступления предполагает не только исследование его внешней стороны и установление вины преступника, но и выяснение того отношения, которое существует между виной, как отдельным настроением личности, и конституцией этой личности. Этим отношением и определяется, в каком смысле и в какой степени данный

¹ Подробно см. мой „Очерк основных начал науки уголовного права“. I. 1923. §§ 107 сл.; 183 сл.

субъект опасен для правопорядка, как велика вероятность повторного преступления с его стороны.

Из сказанного ясно, что одного учения о разных формах вины и обстоятельствах, влияющих на них в ту или другую сторону, недостаточно. Необходимо еще психологическое учение о преступной личности в ее целом, которое раскрывало бы нам те типичные складки этой личности, на почве которых вырастают проявляющиеся в различных преступлениях разнообразные оттенки умысла и неосторожности.

Крайне ошибочно было бы думать, что преступный мир можно и нужно изучать лишь с точки зрения психопатологической или, хотя бы шире, — медицинской, т.-е. лишь со стороны обнаруживающихся у его представителей отклонений от того, что считается физическим и душевным здоровьем человека. Никто не станет, разумеется, оспаривать важности такого изучения, но, если не терять из виду современного взгляда на уголовное наказание, необходимости глубокого ознакомления с личностью подсудимого в уголовном процессе и чрезвычайно сложных и быстро растущих задач педагогического характера, стоящих перед пенитенциарными учреждениями, то нельзя ни минуты сомневаться, что такое изучение не является ни единственно возможным и нужным, ни даже главным и самым важным для успешной борьбы с преступностью. Конечно, судье или следователю важно знать, болен или здоров стоящий перед ними преступник, но им важно и нужно знать не только это, а и многое такое о личности этого человека, что выходит далеко за пределы врачебного исследования. Значительный процент преступников, — и часто преступников очень тяжких, — здоровы, но это не значит, что они представляют однородную, сплошную массу, которую не стоит изучать со стороны особенностей составляющих ее индивидов; наоборот, среди этой части преступного мира существует масса разнообразнейших типов, которые очень важно различать как для профилактики преступности, так и для борьбы с последней мерами уголовного правосудия. С другой стороны, и у тех преступников, которые, хотя и не лишены известных патологических черт, но тем не менее признаны ненуждающимися в содержании в психиатрическом учреждении и уголовноответственными, не мало таких особенностей в психическом складе, которые стоят за пределами врачебного исследования и не обнимаются им, но знание которых очень важно для принятия в отношении этих преступников действительных мер, а иногда даже и для понимания, во всей их полноте и своеобразии, присущих им патологических черт. К таким преступникам принадлежат многие лица, страдающие неврастенией, истерией, эпилепсией, лица, обозначаемые расплывчатым и неопределенным термином психопатов, и т. п. Если они признаны виновными и виновными, то должны подлежать уголовной ответственности, но последней следует придать особый характер, определяющийся, с одной

стороны, их патологическими, а с другой — криминогенными чертами.

Для того, чтобы разумно решить, какие меры надо применить к тому или иному преступнику, в целях удаления его с преступного пути, нужно, во-первых, знать, что именно в его личности послужило корнем его преступления и каким изменениям должны подвергнуться эти элементы его личности, а во-вторых, — какого рода психологическому воздействию должен он подвергнуться для того, чтобы было достигнуто то именно изменение его личности, которое необходимо в общественных интересах. Для решения этих вопросов необходимо выяснить, к какой разновидности преступного мира принадлежит данный субъект, и иметь ряд общих сведений о присущих представителям этой разновидности криминогенных особенностях и о целесообразных способах воздействия на них. Криминальная психология и должна дать твердые основания для решения всех этих вопросов. Кратко ее можно определить как психологию борьбы с преступностью. Она рассматривает преступление как проявление психической конституции личности. Она устанавливает и исследует различные типы преступников (криминальная типология), а также признаки и приемы их распознавания (криминальная дифференциальная диагностика). Она устанавливает те типы психологического воздействия, которым, для целей уголовной юстиции, должны подвергаться носители разных криминальных типов (криминальная педагогика).¹ Она изучает, наконец, те психические процессы, которые находят свое выражение в судебном и до-судебном исследовании преступления и преступника.² Говоря вообще, она изучает все те психические состояния личности, которые оказывают то или иное влияние на уголовную ответственность. Психические состояния, при которых уголовная ответственность отпадает совершенно, — так называемые состояния невменяемости, — лежат за ее пределами. Подобно тому, как психология изучает душевную жизнь душевно-здоровых людей, оставляя психиатрам обширную область разнообразных форм болезненного расстройства душевной деятельности, криминальная психология имеет дело лишь с лицами, которые нарушили уголовный закон не в состоянии душевной болезни.

Предмет криминальной психологии составляют не отдельные психические процессы, в возможном мысленном их обособлении,

¹ Указание тех карательных мер и лучших форм их организации, в которых могут найти свое осуществление установленные типы психологического воздействия, составляют задачу педологии.

² Название судебной психологии для этой научной ветви несколько узко, так как в круг ее проблем входят, между прочим, не только психология сознания обвиняемого, свидетельских показаний, судебной экспертизы и судебного решения, но и психология предварительного следствия и розыска. Более удобен и шире термин: „уголовно-процессуальная психология“.

а личность в известном круге ее проявлений, относящихся к области преступления или борьбы с последним. Изучение отдельных психических реакций и особенностей их течения занимает в ней второе место и имеет дополнительное значение. На первом плане в ней стоит личность, под действием известных обстоятельств и обстановки проявляющая себя в определенных формах поведения, относящихся к сфере преступления или борьбы с последним. Основное значение в ней имеют наблюдение поведения личности и точное научное описание отдельных фактов, ее характеризующих или объясняющих, сравнение и анализ добытых данных и установление типов. Данные для своих выводов и описаний криминалист-психолог получает путем тщательного исследования отдельных случаев преступлений и обследования их виновников, их физического и психического состояния, имущественного, семейного и социального положения, а также путем изучения отдельных уголовных процессов. Изучение различных сторон личности по данным истории ее жизни, — вот путь криминалиста-психолога. К своим обобщениям он должен идти от внимательно проверенных и изученных конкретных фактов. Ему необходимо подробно ознакомиться со всей историей жизни данного преступника, с детства и до настоящего момента. Необходимо выяснить по фактам жизни, как реагировала данная личность в различных жизненных положениях. Нужно представить себе ясную картину тех условий, в атмосфере которых складывался характер данного преступника — характер и взаимные отношения его родителей или воспитателей, — материальное и социальное положение, внутреннюю жизнь семьи, характер школы, в которой учился данный субъект, что его в школе интересовало и что, наоборот, давалось ему с трудом и казалось неинтересным и т. д. Впечатления детства и юности часто оказываются роковыми для всей последующей жизни человека. Состояние родителей субъекта важно и в другом отношении, — в смысле передачи по наследству тех или иных качеств и предрасположений. Словом, криминальная психология должна идти по пути возможно углубленного и полного изучения психической конституции субъекта в процессе ее постепенного образования и изменения с детства и до настоящего момента.

В качестве дополнительного приема, криминалист-психолог пользуется, между прочим, и методом статистическим; но последний имеет значение в криминально-психологическом исследовании, лишь поскольку он применяется к данным, добытым или проверенным тщательным индивидуальным обследованием. Криминалист-психолог не должен, во что бы то ни стало, гнаться за большими цифрами; он должен, главным образом, стараться в немногом, но внимательно исследованном и проверенном, найти многое.

Исследование личности преступника должно вестись таким образом, чтобы оно раскрывало тот тип, носителем которого является данный субъект. Необходимо собрать возможно полные

данные о состоянии преступника непосредственно перед совершением преступления, во время совершения последнего и после этого, как до суда и отбытия наказания, так и во время отбытия заключения. Между прочим, психология раскаяния преступника и психология заключенного составляют две частные проблемы криминальной психологии, среди многих других подлежащие самому тщательному изучению. Во время пребывания в карательном учреждении заключенный должен быть объектом постоянного наблюдения, задачей которого является выяснить, во всей их полноте, криминогенные элементы его психической конституции и те изменения, которые в них происходят под влиянием заключения и дают основание сделать вывод, что черты преступного типа, носителем которого является данный субъект, у него бледнеют и стираются, или, напротив, укрепляются, становятся ярче, развиваются. Такое наблюдение должно вестись по особой программе с возможной индивидуализацией ее в отношении отдельных заключенных. Так как криминально-психологическое исследование имеет дело с личностью в ее целом, при чем главное место в нем занимает изучение эмоциональной и волевой сферы личности, мало поддающихся экспериментальному исследованию, то экспериментальные методы могут иметь лишь ограниченное значение в криминальной психологии. Однако не мало и таких случаев, когда они могут служить для криминалиста-психолога ценным подспорьем, как средство обнаружить те или иные элементы конституции субъекта и наличность или отсутствие известного признака, имеющего значение для решения вопроса, носителем какого именно криминального типа является данный субъект. В настоящее время, когда закладывается только фундамент криминальной психологии и проводятся лишь общие разграничительные линии, отделяющие главные криминальные типы друг от друга, роль экспериментальных методов в криминальной психологии меньше, чем она будет с дальнейшим развитием этой отрасли знания.

Много важных и интересных для него данных криминалист-психолог может получить из разных документов, содержащих в себе те или иные сведения о прошлом личности и отдельных ее переживаниях, — из писем, дневников, сочинений преступников, вообще из разных продуктов творчества преступников, — из их литературных произведений, произведений искусства (скульптурных произведений, картин и т. п.), между прочим и из их особого жаргона и татуировок.¹ Показателями своеобразных черт консти-

¹ Что касается татуировок, то следует, однако, предостеречь от заключений о личности посетителя татуировки на основании факта нахождения и характера этой татуировки. Татуировка вовсе не составляет характерной особенности преступников. Ее нередко можно встретить и у людей, не совершавших никаких преступлений и, притом, психически здоровых. Она широко распространена в известных социальных слоях, напр., среди моряков. Содержание и форма татуировки зависят обыкновенно не от того, на чем теле

туции преступников являются иногда особенности форм общения и организаций, складывающихся в преступном мире. Между прочим, криминалист-психолог должен уделять большое внимание психологии преступных шаек и сообществ.

Из сказанного ясно, насколько широко и разнообразно содержание криминальной психологии. У нее есть черты сходства со многими психологическими дисциплинами и она, нередко, прибегает к заимствованиям из них. В ней есть элементы специальной психологии, т.-е. психологии, изучающей индивидов, выделенных по тем или иным внешним признакам, — напр., по полу, возрасту, национальности и т. п. В ней есть и элементы дифференциальной психологии, так как она устанавливает типы и изучает психические различия носителей разных криминальных типов. Она содержит в себе элементы генетической психологии, поскольку исследует процесс развития криминального типа, начиная с зародыша его у подростков и кончая полным развитием у взрослых преступников. В ней есть и элементы коллективной психологии, поскольку она изучает встречающиеся у преступников отклонения от того, что нормально для лиц одного с ними социального слоя, а также слагающиеся в преступном мире коллективные образования, — психологию толпы, преступных сообществ и шаек. Свои руководящие точки зрения, на которые она опирается в определении пределов своих исследований и при делении изучаемых ею преступников на группы и подгруппы по родам и видам совершенных ими преступлений, она получает от науки уголовного права, что дает основание отнести ее к циклу криминальных дисциплин. Она составляет как бы звено, соединяющее круг криминальных и психологических дисциплин. Несомненна и ее тесная связь с той ветвью психологических знаний, которая изучает характер и личность в ее целом. Для учения о личности и характере криминально-психологическое изучение, в свою очередь, может дать богатый материал и ряд ценных выводов.

она изображается, а от рисовальщика. Носителю татуировки или вовсе не предоставляется выбора рисунка, или предоставляется выбор между двумя-тремя рисунками, которые умеет изображать накальвающий татуировку или которые он почему-либо выбрал и предпочитает другим. Затем, часто заключенный соглашается татуироваться из желания слиться с общей массой своих товарищей по неволе, боясь отказать, желая получить расположение вожакв камеры и т. п. Нет никаких оснований придавать татуировке какое-либо атавистическое значение, т.-е. думать, что она указывает на приближение преступников к дикарям.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Преступный тип.

I.

О преступном типе чаще всего говорят как об известном «внешнем» типе, т.-е. как о сочетании определенных внешних признаков, отличающих преступников от остальных людей и способных служить для их классификации и распознавания, как о типе анатомо-физиологическом или антропологическом. При этом полагают, что, если внешние признаки и не исчерпывают содержания преступного типа, то все же являются основными, главными; к ним присоединяются различные психологические признаки, но они менее пригодны для целей диагностики и классификации, менее определены и ярки, а часто и менее постоянны. Как бы то ни было, им, в содержании преступного типа, должно быть будто бы отведено второе место; руководящее же и решающее значение принадлежит внешним признакам. Стоя на такой точке зрения, исследователи сосредоточивали свое внимание преимущественно на одной части тела преступников, — на их голове; характерные для преступников признаки старались найти, прежде всего, в особенностях их черепа и лица. Самые ранние попытки научного изучения преступника и направлялись именно к тому, чтобы уловить все особенности внешнего вида преступников и, прежде всего, их черепа и лица. Первой попыткой этого рода было френологическое учение Галля, возникшее в 20-х годах XIX столетия. Галль исходил из мысли, что полушария большого мозга представляют собою собрание отдельных органов, из которых каждый служит центром для той или иной способности души.¹ Все способности или склонности человека прирожденные и стоят в прямой зависимости от строения и развития органа, через посредство которого они выражаются.

Измерив и рассмотрев череп, думал он, можно определить умственные и нравственные качества человека. Если у человека, судя по выпуклостям, впадинам и соотношению частей черепа,

¹ Подробней история развития научного изучения преступника изложена мною в „Основных началах науки уголовного права“, I, 1912, стр. 406 сл.; в „Основах пенитенциарной науки“, 1924, стр. 82 сл.

развит, например, инстинкт разрушения или хищничества, он станет разбойником или убийцей; если у него развит орган храбрости, он будет мужествен и т. д.

Мысль, что преступники, или, по крайней мере, значительный процент их, являются носителями своеобразного внешнего типа и что задача научного изучения заключается именно в том, чтобы открыть специфические, т.-е. исключительно преступникам свойственные внешние признаки, не умерла вместе с френологией, а продолжала существовать и после Галля, достигнув апогея в своем развитии в учении Ломброзо и его последователей. Основная мысль сочинения Ломброзо «О преступном человеке»¹ заключается в том, что типичный преступник представляет собою особую разновидность человеческого рода, отличающуюся от остальных людей, прежде всего, своей своеобразной анатомо-физиологической структурой. Изучение последней и составляет задачу уголовной антропологии. Школа Ломброзо учит, что существует особый антропологический тип преступника или, вернее, несколько антропологических типов преступников. Около 40% преступников составляют преступники прирожденные. Прирожденный преступник, по учению Ломброзо, есть, прежде всего, анатомо-физиологический тип, т.-е. субъект, отмеченный целым рядом своеобразных анатомических и физиологических признаков. Во всех частях его тела Ломброзо и его школа находят ряд характерных аномалий. Они измеряют преступника буквально с головы до пяток и всюду находят особенности. Одни из этих особенностей носят внешний характер и определяются прямо путем измерений соответствующей части тела на живых и мертвых людях, другие — скрыты внутри организма и обнаруживаются при вскрытии трупов. При этом в перечислении отличительных черт анатомии прирожденного преступника нет определенной системы. В беспорядке излагаются признаки самого разнообразного анатомического и биологического значения. «Перечисляя и описывая признаки установленного им типа, — говорит про Ломброзо проф. Зернов, — он перемешивает и ставит рядом признаки совершенно разного биологического значения, не заботясь осмыслить сколько-нибудь их выбор и, видимо, стремясь импонировать читателю только численностью их».²

Массу особенностей Ломброзо нашел, прежде всего, в черепе прирожденных преступников, — и почти в каждой кости черепа,

¹ „L'uomo delinquente in rapporto all'antropologia, giurisprudenza ed alle discipline carcerarie“. Выходило частями с 1871 по 1876 г. См. подробно об учении Ломброзо и его школы в моей статье: „Цезарь Ломброзо и его учение о прирожденном преступнике“. „Журнал психологии, неврологии и психиатрии“. 1922. Приложение I, стр. 39 сл.

² „Критический очерк антропологических оснований криминальной теории Ломброзо“. 1896, стр. 8 сл.

и в его общем строении и очертании. Вообще у преступников, особенно у воров, преобладают небольшие черепа, черепа наибольшей вместимости попадают у них редко.¹

У прирожденных преступников часто наблюдаются: асимметрия черепа, сравнительное уменьшение передней части черепа, выступающие лица слишком вперед, или так называемый прогнатизм в 69% случаев, различные уклонения формы черепных и лицевых костей.

У преступников, особенно у воров, часто встречаются скошенный лоб, а также сравнительно малая величина лобной кости, сравнительно более длинный лицевой скелет, сильное развитие надбровных дуг, лобной кости и сосцевидных отростков височной кости, сильное развитие нижней челюсти и аномалии ушей; например, у 25% прирожденных преступников Ломброзо и Граденико нашли приращение ушной дольки к щеке.

В сфере физиологической, в отправлениях разных органов тела Ломброзо находит у прирожденных преступников также массу особенностей. Он доходит даже до того, что утверждает, что выделения организма прирожденного преступника иные, чем у случайного преступника и непорочных людей. Прирожденный преступник менее, чем они, выделяет мочевины и более против нормы фосфатов.² И в походке прирожденного преступника есть особенность: левый шаг у него длиннее правого и, кроме того, левая ступня образует с осевой линией больший угол, чем правая; те же особенности замечаются и у эпилептиков.³ Как замечено выше, прирожденный преступник обыкновенно левша, и правое полушарие мозга работает у него более, чем левое. Непорочный человек мыслит левым, прирожденный преступник правым полушарием мозга. Поэтому у него наблюдается преобладание мозговых процессов с левой стороны.

Недостаточная чувствительность и большая острота зрения сближают преступников с дикарями. Обоняние у преступников отличается большой остротой, особенно у преступников против половой нравственности, но вкус несколько притуплен.⁴

Особенное значение придает Ломброзо и его школа притупленной чувствительности прирожденных преступников к боли, так называемой, аналгезии, и вообще их пониженной чувствительности. Он приводит поразительные примеры нечувствительности преступника к боли, а также нечувствительности к поранениям. Так, один вор перенес ампутацию ноги, не издав ни одного стога, а потом стал играть с обрезком. Один убийца, которому директор тюрьмы отказал в удовлетворении его просьбы, распорол себе рукояткой боль-

¹ „L'uomo delinquente“. 5 изд. 1897. I, 136 сл.

² Ломброзо. „Новейшие успехи науки о преступнике“. Перевод д-ра Раппопорт. 1892, стр. 66.

³ „Новейшие успехи науки о преступнике“, стр. 69 — 70.

⁴ „L'uomo delinquente“, I, 398 сл. „Новейшие успехи“, стр. 67 — 69.

шой ложки живот, забрался на свою постель и умер, не издав ни стона. Убийца Декурб, желавший избежать Кайенны, нарочно изранил себе ноги; излеченный от этих ран, он пропустил посредством иглы через коленную чашку волос и умер от этого. «Я видел, — рассказывает Ломброзо — как двое убийц, ненавидящих друг друга с давних пор и сделавших друг на друга донос, на прогулке подрались, при чем один укусил другому губу, а тот вырвал у противника волосы; оба потом жаловались не на раны, повлекшие за собой тяжелые последствия, а на то, что им не удалось докончить мщения». «Такою аналгезиею объясняются мучительные способы самоубийства, практикуемые в тюрьмах, а также склонность к самоубийству даже у тех, которым остается всего несколько дней до освобождения из заключения, как то замечено в Мазасе». «Ею же объясняются некоторые странные явления из уголовной хроники, в особенности явления, называемые древними поэтами *invulnerabilitas*, т.-е. недоступностью для поранения: я обозначил бы это более скромным медицинским термином *disvulnerabilitas* преступников, т.-е. нечувствительностью их к поранению.¹

Аналгезией, полагает Ломброзо, объясняется то, что преступники сравнительно долговечны. Ею же Ломброзо и Ферри объясняют и недоразвитие у преступников чувства сострадания. «Видя страдания другого, — говорит Ломброзо, — мы при помощи нашей памяти испытываем те же ощущения; в нас отражаются, так сказать, эти страдания». «Отсюда рождается сострадание, которое мы считаем добродетелью». «Чем мы чувствительнее, тем более склонны к состраданию». «При врожденном понижении чувства боли и неприятных ощущений, склонности к состраданию почти не замечается». ² С нравственной черствостью и нечувствительностью у прирожденных преступников соединяются непредусмотрительность, в силу которой они недоступны влиянию угрозы уголовного закона, отсутствие нравственного чувства, раскаяния и угрызений совести, а также сильно развитое тщеславие, превосходящее даже тщеславие артистов и литераторов, мстительность и особая гордость. Страсти прирожденных преступников — страсть полова, страсть к игре, к лакомой еде и т. д. — отличаются необузданностью, непостоянством и насильственностью. Даже чувства и влечения благородные у многих из них принимают болезненный характер и отличаются неустойчивостью. Кроме того, прирожденным преступникам присуща склонность татуироваться. «Кроме большой распространенности, — говорит Ломброзо, — поражает и самый характер содержания татуировок:

¹ «Новейшие успехи», стр. 64. Ср. „L'uomo delinquente“, I, 836 сл.; I, 423 сл.; II, 7.

² Ломброзо. «Новейшие успехи», стр. 66. „L'uomo delinquente“, I, 388. Ряд примеров особенной жестокости и огубелости преступников приводит Навелокк Ellis в своей книге „Преступник“ (русский перев., стр. 101); также Ломброзо „L'uomo delinquente“, I, 457 сл.

бесстыдство, хвастовство преступлением и странный контраст дурных страстей, на ряду с нежными чувствами.¹

Прирожденный преступник — человек ненормальный, но не сумасшедший. С первого издания своего сочинения о преступном человеке Ломброзо отчетливо отличает его от душевнобольного. Прирожденный преступник, это — особая разновидность рода человеческого. Первоначально Ломброзо признавал один общий тип природного преступника; затем стал признавать их три: тип убийцы, вора и изнасилователя. О тех же трех типах говорят и два других вождя антропологической школы — Энрико Ферри и Гарофало. Среди массы разнообразных признаков, которыми характеризуется каждый из указанных типов, антропологи-криминалисты придают важное значение лицу. Ферри прямо заявляет, что это — признак решающий. «Я настаиваю, — говорит он,² — на преимущественном значении физиономии при диагностике преступного типа, потому что по одним аномалиям черепа или скелета можно отличить лишь дегенерата, или вообще ненормального человека от нормального, но нельзя по одним этим признакам отличить преступника от других дегенератов». Вот важнейшие из указываемых антропологами отличительных признаков физиономии преступников. Убийцы отличаются обыкновенно стеклянными, холодными глазами, налитыми кровью, большим, часто орлиным, загнутым вниз носом, развитыми кльками, челюстями и скулами. Про воров Ломброзо говорит, что у них наблюдается особенная подвижность лица и рук, блуждающие маленькие глаза, сдвинутые брови, редкая борода, ушная раковина оттопыренная, поставленная углом, кривые, впалые, иногда курносые носы. Преступники против половой нравственности, изнасилватели, отличаются блестящими глазами, вздутыми губами, женственными телодвижениями, разбитым или сиплым голосом. Прирожденные преступники отличаются также относительно большим размером лица, по сравнению с остальной частью черепа, в чем усматривается признак сравнительно низшего органического строения.

Ломброзо дал три объяснения природной преступности. Эти объяснения даны им не как альтернативные, а как одно другое дополняющие. Согласно первому объяснению, природная преступность есть проявление атавизма, т.-е. воскресения в преступнике черт отдаленнейших наших предков-дикарей. Прирожденный преступник — дикарь в современном обществе; и во внешнем виде и строении тела дикаря и преступника Ломброзо находит не мало общих черт (выпуклые скулы, большие челюсти, торчащие уши, ямка на затылочной кости и т. п.). Прирожденный

¹ Ломброзо. „Новейшие успехи“, стр. 71.

² Ферри. „Уголовная социология“, стр. 58. (Русск. перев. под моей редакцией. 1908.)

преступник кажется ему похожим на тип монгола или лапландца. Другое объяснение прирожденной преступности у Ломброзо и его последователей следующее: прирожденного преступника не надо смешивать с сумасшедшим в тесном смысле этого слова, но в нем есть известные патологические черты, именно: он — нравственно-помешанный (*razzo morale*), т. е. существо, лишенное нравственного чувства, чувства добра и зла, слепое в нравственном отношении. Черты нравственного помешательства и прирожденной преступности, утверждает Ломброзо, гораздо более распространены у детей, чем у взрослых, так как затем у некоторых они ступеваются под влиянием воспитания. Вскоре Ломброзо наделил прирожденного преступника и еще одной чертой, — эпилепсией; прирожденная преступность и нравственное помешательство, говорит он, не что иное, как специальные формы проявления эпилепсии.

Данное Ломброзо объяснение прирожденной преступности принимает и Ферри, который замечает, между прочим, что отождествление атавизма и нравственного помешательства, по почину Ломброзо, принято большинством итальянских психиатров.¹ Он соглашается с тем, что в основе прирожденной преступности лежит эпилепсия, но добавляет, что такое объяснение он считает недостаточным. Сам Ферри полагает, что биологический фактор преступления представляет собою особый «преступный невроз». К этому неврозу и присоединяются у того или иного преступника, в большем или меньшем количестве, черты атавизма, остановки в развитии, неврастении или дегенерации.² Физиопсихическая аномалия, добавляет он,³ поражая всю нервную систему и весь организм индивида, может в то же время задеть по преимуществу интеллект, чувство или волю, и, в зависимости от этого, в первом случае получится душевная болезнь, во втором — преступность, в третьем — самоубийство, так как помешательство есть помрачение интеллекта, преступность есть потеря или недоразвитие нравственного или социального чувства, самоубийство есть банкротство воли в ее борьбе за существование.

Прирожденный преступник занимает центральное место среди тех групп преступников, которые различаются представителями антропологической школы. Он является как бы осью, около которой вращаются выставляемые ими классификации, при чем в других группах, от него неясно и расплывчато отграниченных, они склонны видеть лишь как бы особые разновидности прирожденного преступника, в которых черты последнего проявляются слабее, в меньшем числе или даже незаметны для глаза, находятся, так сказать, в скрытом состоянии. Во всяком случае, отчетливо разграниченных групп мы в классификациях, выставленных сторон-

¹ „Уголовная социология“, стр. 103.

² *Ibid.*, стр. 104, 110.

³ *Ibid.*, стр. 110.

никами антропологической школы, не находим. По почину Э. Ферри, Ломброзо и большинство его сторонников делят преступников на пять групп: 1) преступники душевнобольные, 2) прирожденные, 3) привычные, 4) случайные и 5) преступники по страсти.¹

Не входя здесь в подробное рассмотрение учения антропологической школы,—что увлекло бы меня слишком в сторону,—я остановлюсь на присутствии ее представителям общем взгляде на преступный тип. Последний представляется им внешним типом. Правда, наряду с внешними признаками, они указывают и некоторые внутренние, но говорят о них лишь вскользь, суммарно, не очерчивая их сколько-нибудь резко и обыкновенно не приурочивая к какому-либо из трех основных типов — убийц, воров и изнасилвателей. Основное, решающее значение они придают внешним признакам, анатомо-физиологической структуре преступника.

Антропологическая школа представляет собою самую сильную и грандиозную попытку установить внешний тип преступника, предпринятую большой группой исследователей, среди которых не мало людей с крупными научными именами. В настоящее время уже не может быть сомнений, что эта попытка не удалась. В частности, в черепах какой-либо группы преступников нельзя найти ничего специфического. Притом, по верному замечанию проф. Зомера, встречаются значительные ненормальности черепа, без заметного расстройства психической деятельности.² Ни одному криминалисту-антропологу не удалось установить ни одного внешнего признака и ни одного сочетания внешних признаков, которое было бы характерно для преступников и встречалось бы только у них, как специфическая особенность, по которой их можно отличить от остальных людей. Видеть в этом, конечно, никого нельзя, потому что таких признаков не существует, и мы видели, что у самих вождей антропологической школы — у Ферри и Гарофало — вырывается признание, что по одному строению тела, по особенностям черепа и скелета прирожденного преступника нельзя отличить от простого дегенерата. Это заставило их придать решающее значение лицу. Но и в лице преступника они не нашли ничего специфического; указываемые ими черты лица очень часто встречаются и у людей, заведомо не совершивших никаких преступлений, да и черты эти не так отчетливо очерчены; они расплывчаты и, притом, не встречаются у очень многих тяжелых преступников. Никакого устойчивого критерия для распознавания прирожденного преступника в них видеть нельзя. Да и кто же не знает, как часто обманчиво бывает лицо! Можно ли при оценке

¹ Разбор этой классификации см. в ук. моей статье о Ломброзо, стр. 52 и сл.; также мой „Очерк основных начал науки уголовного права“, I, § 177.

² Зомер. „Криминальная психология и судебная психопатология“. Перев. Г. Г. Шлаттера и А. А. Щелинского. СПб. 1909, стр. 25.

личности опираться на такой шаткий критерий! Те объяснения, которые Ломброзо дал прирожденной преступности, также не выдерживают критики. Мысль, что прирожденный преступник — низшее атавистическое существо, похожее на дикаря, неверна: дикарь — вовсе не нравственно помешанный, и что-нибудь из двух: или преступник похож на дикаря, тогда он не нравственно помешанный, или он нравственно помешанный, и тогда между ним и дикарем — коренное различие. Дикарь мстителен и кровожаден, но его месть есть священный обычай; он мстит по известному основанию, потому что обижен чужеродцем, и мстит, как велит ему священный голос обычая. У дикаря есть известные моральные сдержки, но иные, чем у нас, и часто странные с нашей точки зрения. Но именно этой преданности долгу, добру, как он его понимает, и нет у прирожденных преступников, какими их рисует Ломброзо. Другое положение теории атавизма, — будто примитивные люди вообще отличались теми внешними чертами, которые Ломброзо приписывает прирожденным преступникам, — также не доказано. Существуют весьма компетентные свидетельства, что черепа дикарей не отличаются существенно от черепов современных людей; такое свидетельство принадлежит, например, двум таким крупным авторитетам в антропологии как К а т р ф а ж и Б р о к а. Наши современные антропологические сведения о дикарях не приводят к тому мнению, что указываемые Ломброзо аномалии были общим правилом у дикарей. Да и зачем прибегать к такому искусственному объяснению как атавизм, раз преступность может быть объяснена гораздо проще условиями жизни и чертами психики современного человека. «Зачем предполагать, — говорит Ж о л и, — какие-то специальные инстинкты, перепрыгнувшие через дюжины и сотни поколений или пробуждающиеся непонятным образом после того, как они спали в течение веков».¹ Выдвигаемая Ломброзо и заимствованная им у Д е п и н а идея нравственного помешательства также не может быть принята.² Что касается эпилепсии, то, во-первых, среди эпилептиков много совершенно не склонных к преступлению. Во-вторых, у многих очень закоренелых преступников не обнаружено признаков эпилепсии. Однако, если они не эпилептики, то эпилептоиды, говорит Л о м б р о з о. Но при таких условиях все объяснение преступности эпилепсией становится в высшей степени неопределенным. Притом эпилептики вовсе не нравственно помешанные.

«Преступный невроз», о котором говорит Ф е р р и, также не может быть признан удачным объяснением преступности. Что это за невроз, единственным симптомом которого является выражение лица, так как по остальным признакам, как говорит Ферри, преступника нельзя отличить от дегенерата?

¹ „Le crime“, стр. 7.

² Об этом см. ниже.

Идея прирожденного преступника несостоятельна по существу и должна быть решительно оставлена. В самом деле, преступление всегда есть проявление известного сложного психического переживания, известного настроения человека, в котором находят выражение различные черты его характера и которое прирождено быть не может. Прирожденная склонность к преступлению — психологически и логически невозможна. Нельзя отрицать, что среди преступников существует значительный % лиц с более или менее ясною печатью вырождения, неуравновешенности, недоразвития и духовного оскудения. Но все эти черты — обычные черты вырождения, а не какие-либо специфические корни или клейма преступности. На амстердамском конгрессе уголовной антропологии, устами Ферри,¹ антропологическая школа заявила, что человек, обладающий всеми признаками прирожденного преступника, может и не совершить преступления. При таком изменении понятия «прирожденный преступник» от него, в сущности, не остается ничего.²

В виду того, что основные идеи школы Ломброзо не выдержали критики, не может быть принята и выставленная этой школой классификация преступников. Указываемых этой классификацией прирожденных преступников не существует. Не существует, как убедится читатель из дальнейшего изложения, ни случайных, ни привычных преступников.

О преступном типе, как внешнем типе, не может быть и речи; во внешности преступников нет никаких специфических отличий. Между прочим, могу сослаться и на свои личные наблюдения: около 20 лет я постоянно посещаю места заключения и видел массу заключенных самых различных категорий, при чем с давних пор мое внимание особенно привлекают профессиональные воры и убийцы, составляющие главный контингент так называемой на тюремном жаргоне «шпаны». В течение более трех лет я, с группой ассистентов, веду систематическое криминально-психологическое изучение «шпаны» московских мест заключения, и ни разу никто из нас не мог подметить ни одного внешнего признака, который мог бы считаться специфической принадлежностью какой-либо группы преступников. Конечно, например, среди сидящих в тюрьмах убийц и бандитов вы встретите не мало людей с злым, холодным взглядом, с грубыми манерами и с отталкивающей внешностью. Но среди той же категории преступников вы найдете и много людей добродушных, с располагающим лицом и мягкими манерами. С другой стороны, массу лиц с злым, холодным взглядом и с резко выраженной грубостью вы встретите и среди людей, относительно которых нет оснований думать, что они нарушат

¹ Ср. Ферри. „Уголовная социология“, стр. 93 сл.

² Ср. Дриль. „Уголовная антропология в 1901 г.“. „Журн. Минист. Юст.“, 1901 г., № 9, стр. 93.

уголовный закон и в прошлом которых нет никаких преступлений. В выражении лица иногда довольно ясно проявляются отдельные черты характера — злобность, добродушие, любезность, обидчивость, необщительность, угрюмость и т. д. Но из них одних нельзя построить никакого преступного типа. Можно обладать дурным характером, быть злобным, мстительным, ревнивым и т. д., и не совершать никаких преступлений, так как эти черты нередко сдерживаются и уравновешиваются в личности другими чертами, в связи с которыми они не составляют особого предрасположения к какому-либо преступлению.

Ни в лице, ни в какой-либо иной части тела нет черт, которые имелись бы только у какой-либо категории преступников и могли бы считаться специфическими ее признаками. Если иногда по особенностям внешнего облика и можно догадаться, что перед вами стоит представитель определенной группы преступного мира, то не потому, что данный субъект является носителем особого, антропологического типа, а потому, что на нем лежит известный профессиональный отпечаток, чаще всего особенно ясно выражающийся в том, как человек относится к своей внешности, и в манере держать себя с другими людьми. Как и всякая профессия, преступная профессия с течением времени налагает на человека определенный отпечаток, и по этому отпечатку взгляд опытного наблюдателя может догадаться о профессии его носителя, особенно если наблюдение производится в тюрьме, когда наблюдающему наперед уже известно, что всякий, кого он в данный момент наблюдает, какое-то преступление совершил, и ему остается только догадаться—какое. Встретить он данного субъекта на улице или в театре, ему и в голову не придет бы заподозрить в нем вора или какого-либо иного преступника. Во всяком случае, возможность таких догадок на основании лежащего на личности профессионального отпечатка ничего не говорит в пользу взгляда, признающего существование особого антропологического типа преступника.

Но даже если бы удалось найти какие-либо особенности анатомо-физиологической структуры, присущие преступникам и только им или, по крайней мере, известной категории их, это не решило бы вопроса о преступном типе. Сейчас же возник бы дальнейший вопрос о психологическом значении этих признаков, о том, какие психические особенности соединяются с ними. Только в силу связи с последними внешние признаки приобрели бы действительное значение и могли бы, вместе с группой психологических признаков, войти в содержание преступного типа. Преступный тип — понятие телеологическое (целевое) и практическое. В состав его могут войти лишь признаки, имеющие значение для определения характера и размеров уголовной ответственности и лучших способов борьбы с преступностью. Внешние признаки удовлетворяют этому условию, лишь если они служат показателями таких свойств личности, которые, с точки зрения практиче-

ских целей уголовного правосудия, имеют большее или меньшее значение.

Содержание преступного типа образует то сочетание постоянных свойств, в силу которого личность реагировала на полученные ею впечатления преступным поведением определенного характера. Установить и проанализировать это сочетание в высшей степени важно как судье, определяющему уголовную ответственность, так и пенитенциарному деятелю, осуществляющему намеченную приговором ответственность таким образом, чтобы цели уголовной юстиции были возможно полнее осуществлены в отношении каждого отдельного преступника. Для того, чтобы определить, какому воздействию, в интересах правильной борьбы с преступностью, должен быть подвергнут преступник, надо знать, что именно должно быть изменено в нем. Это знание мы и получим, когда установим, носителем какого преступного типа является данный субъект.

Такое понимание преступного типа дает возможность глубоко заглянуть в личность преступника и ведет к тем главным корням его преступления, которые содержатся в его психической конституции.

II.

Психическая жизнь человека представляет собою непрерывный поток психических процессов, обыкновенно не особенно выделяющихся в сознании и в общем напоминающих легкую речную зыбь, иногда же, наоборот, выступающих с чрезвычайной резкостью, как бы сосредоточивающих или поглощающих в себе всю душевную жизнь и похожих на морские волны, высоко вздымающиеся во время бури. Всматриваясь в течение и содержание этих процессов, не трудно заметить, что не все в них быстро меняется, что под поверхностью вечно изменчивого конкретного их содержания лежит как бы более или менее постоянный остов, на котором зиждутся отдельные переживания и который образует то, что называется психической конституцией человека. О чем бы человек ни думал, что бы он ни чувствовал, чего бы ни хотел, он всегда сознает эти переживания, как отдельные, преходящие состояния своей личности, а последнюю как нечто пребывающее в них и более или менее постоянное. Он сознает, что сегодня он таков же, каким был вчера и будет завтра. Разумеется, если взять большие периоды его жизни, ряды лет, то известное изменение его личности станет ясно и ему самому, но оно накапливается исподволь и заметно только через значительные промежутки времени. Конечно, в пожилом возрасте человек не тот, каким был в юности и в детстве, но эта перемена как-то с незаметной постепенностью произошла в нем; в своей эволюции его духовная личность описала линию, хотя и длинную, но малой кривизны; лишь у некото-

рых людей эта эволюция носит характер ломаной линии с резкими изгибами, которые можно приурочить к определенным хронологическим датам. С другой стороны, несмотря на изменения, претерпеваемые духовною личностью человека, в ней многое часто остается постоянным с детства и до гробовой доски.

Каждый человек имеет известные постоянные физические и психические свойства, образующие его физическую и психическую конституцию, и та, и другая слагается частью из врожденных, а частью из приобретенных свойств.¹

Психическая конституция есть совокупность более или менее постоянных психических свойств человека, определяющих, как этот человек реагирует на получаемые им впечатления. В состав ее входят:

- 1) умственные способности личности;
- 2) общие взгляды и убеждения, упрочившиеся в мышлении человека, его мирозерцание;
- 3) характер человека.

И умственные способности человека, и круг его убеждений, и его характер слагаются из очень сложных образований: умственные способности — из способностей к отдельным умственным операциям, мирозерцание — из отдельных убеждений, характер — из склонностей. В свою очередь, каждая умственная способность, каждое убеждение и каждая склонность — очень сложны. В их составе можно подметить известные общие представления или понятия и известные чувства, связанные с этими представлениями, а в склонностях характера к этим двум элементам, — которые можно назвать интеллектуальным и сенсорным, — присоединяется третий — волевой — влечение к поступку, соответствующему известным общим представлениям. Все эти элементы связаны в одно целое, в один комплекс. Слово «комплекс» обозначает, что все эти элементы постоянно появляются в сознании как одно целое, как один психический процесс, входящий в общий поток нашей душевной жизни. Умственные способности слагаются из комплексов функционального характера, определяющих скорость и правильность деятельности нашего ума. В состав этих комплексов входят общие представления разных логических операций нашего ума и порядка их совершения и связанное с умственной деятельностью, так называемое, интеллектуальное чувство. Под

¹ Физическая конституция представляет собою совокупность более или менее постоянных морфологических и функциональных свойств организма, т.-е. свойств, определяющих строение организма и течение у него физиологических и патологических процессов. Понятие конституции получает все большее значение в области медицины. См. проф. М. С. Маслов. „Учение о конституциях и аномалиях конституции в детском возрасте и их биологическом и патологическом значении“. 1924. Автор понимает термин конституции в широком биологическом смысле фенотипа, в составе которого различает генотип и паратип. В. с., стр. 10 — 11.

последним разумеются те приятные, неприятные или смешанные состояния, которые сопровождают умственные процессы.¹ Убеждения человека представляют собою комплексы, посредством которых человек ориентируется в явлениях, происходящих в нем самом и в окружающем его мире, объясняет и оценивает их. В склонностях характера мы имеем комплексы, в которых сочетаны в одно целое общие представления известного образа действий, чувства, доставляемые этим образом действий и его результатами, и влечение к этому поведению.

Оставляя пока в стороне дальнейший анализ понятия психической конституции, посмотрим теперь, что оно дает для построения учения о преступном типе. Бросим взгляд на психическую конституцию со стороны ее отношения к тому или иному преступлению. Обыкновенно она представляется неблагоприятной почвой для развития стремления к преступлению, потому что содержит в себе такие элементы, которые задерживают это стремление, противодействуют его росту. Иными словами, в нормальных случаях психическая конституция человека представляет собою, в отношении преступления, как бы динамическую систему, находящуюся в равновесии под давлением окружающей среды.

Многое обыкновенно удерживает человека от преступления и, прежде всего, общий уклад его жизни и преследуемый им круг жизненных целей, которым преступление часто наносит большой и непоправимый вред, так как подрывает благосостояние семьи и те отношения, которые сложились у субъекта со многими другими людьми.

Жизнь отдельной личности протекает в рамках известных объективных условий, в связи с которыми и в соответствии с ее характером у нее вырабатывается круг определенных общих целей и способов их достижения, и из этого складывается главное содержание ее жизни. Человек хочет завести себе семью, добиться известного социального, служебного, имущественного положения, сделать известную карьеру, обеспечить себе определенный уровень благосостояния и т. д., избирает для всего этого известные пути и двигается по ним в мере своих способностей, энергии и наличных средств. Из склонностей его к достижению известных жизненных целей и определенного уровня благосостояния вырастают более или менее сильные склонности избегать всего, что может помешать этому, стать ему поперек дороги, разрушить или затормозить сложившееся течение жизни. Желая, например, добиться известного места или кредита, он завязывает и поддерживает добрые отношения со всеми, кто ему может быть полезен в этом деле, и старается избегать или не допускать того, что может возбудить к нему нерасположение или недоверие нужных ему лиц и т. д.

¹ Ср. Рибб. „Психология чувств“. Перев. Гольдсмит. 1898, стр. 395.

В общем, воспитание и жизненные интересы личности заставляют ее обыкновенно держаться на определенном моральном уровне, создают в ней известный моральный тонус, т.е. нравственное напряжение, в силу которого она старается устранять встречающиеся ей на пути затруднения средствами, не вредящими достижению ее главных жизненных целей, и держаться вдали от таких путей и способов действия как преступление, которое грозит ей подрывом добрых отношений с другими людьми, общественным порицанием и недоверием, разлукой с семьей, судом и наказанием, отрывом, на более или менее долгий срок, от дела и т. д.

Как скоро у человека возникает определенная потребность, и он, в поисках за средствами для ее удовлетворения, наталкивается на мысль об известном преступлении, у него появляется, хотя бы суммарный, образ этого преступления и вызывает более или менее живое предощущение (антиципацию) тех ощущений и чувств, которые доставит его практическое осуществление. Представляя известное положение вещей или себя в определенном положении, мы до известной степени испытываем те ощущения и чувства, которые будут доставлены этим положением, когда оно осуществится в действительности, мы «предощущаем» то, что нам доставит осуществление данного образа. Это я и называю кратко термином «антиципация».

Основываясь на данных нашего опыта, на том, что другие и сами мы переживали при тех же или сходных условиях, мы прямо ждем, что определенный поступок доставит нам известные переживания. Конечно, эти антиципации и чувство ожидания их могут быть и часто бывают слабы, но они могут у некоторых лиц и при некоторых обстоятельствах достигать большой живости и яркости.

Так как жизненный опыт учит каждого, думая о своих или чужих поступках, учитывать и их последствия, и по последним оценивать их, то вместе с образом поступка появляются и образы его последствий и антиципации ощущений и чувств, которые будут доставлены этими последствиями. Вслед за мыслью об убийстве появляются образы трупа, осиротевшей семьи, негодования близких, суда и наказания и т. д., а вместе с ними и антиципации чувств и ощущений, которые придется пережить благодаря им. Таким образом, в сознании плывет целая вереница образов живых и полных, или суммарных и бледных, и, в связи с ними, ряд антиципаций тех ощущений и чувств, которые будут доставлены осуществлением этих образов в действительности. По самой природе своей человек стремится к удовольствиям и избегает страданий. Как скоро в перспективе у него открывается известное удовольствие или избавление от какого-либо тягостного состояния, то сейчас же возникает влечение к тому, что обещает доставить подобный результат, и влечение это тем сильнее, чем живее и ярче антиципация приятных чувств и ощущений или ожидаемого избавления от чего-либо неприятного. Если в перспективе имеются не одни приятные,

а и неприятные результаты, то возникает борьба влечений к совершению поступка с стремлениями воздержаться от него. У людей, в психической конституции которых нельзя уловить преступного типа, эта борьба если и имеет место, то кончается победой влечений, противодействующих вступлению на преступный путь. Мысль о преступлении и шевельнувшееся желание его совершить вызывает у них противодействие целого ряда более или менее координированных друг с другом элементов психической конституции. Против этой мысли и желания восстает, прежде всего, нравственное сознание субъекта, которое говорит, что подобный поступок недопустим, плох, бессовестен и т. п. Затем, у очень многих вслед за этим поднимается и голос их социального сознания, сознания недопустимости, вредности такого образа действий в обществе, его противоправности, преступности. Этот голос говорит человеку, что на такой поступок он не имеет права, что подобных поступков в обществе допускать нельзя, так как что же будет, если каждый будет поступать таким образом? и т. д. К моральной и социальной оценке поступка присоединяется сознание разных невыгодных последствий преступления для самого виновника его. Что скажут родители? Как отнесется семья? Какое влияние это окажет на ее положение? Как показаться после этого в деревню? Как отразится это на служебной карьере? Как отнесутся знакомые? и т. д. Человек обыкновенно ценит мнение о нем окружающих и дорожит своей репутацией. Желание сохранить ее влияет удерживающим от преступления образом. Наконец, соображения о рискованности преступления, о разных технических трудностях его выполнения, о предстоящем суде и наказании за него и т. д. также более или менее сильно противодействуют развитию стремления к преступлению. Все указанные силы, враждебные росту преступных стремлений, обыкновенно настолько развиты и координированы друг с другом, что являются достаточным противодействием появившейся в сознании мысли о преступлении, как средстве удовлетворить ту или иную потребность. Они составляют, так сказать, «криминалорегулятивную» часть психической конституции, в нормальных случаях, т. е. в случаях отсутствия преступного типа, гораздо более сильную, чем разрозненные «криминальные» комплексы, которые встречаются у всех или почти у всех людей.

Под криминальными комплексами я в данном случае разумею мысль об известном преступлении вместе с желанием его совершить. В нормальных случаях это желание гаснет под влиянием того противодействия, которое его развитие встречает в психической конституции субъекта.

Преступный тип существует тогда, когда образуется такое сочетание черт, при котором психическая конституция перестает находиться в устойчивом равновесии по отношению к преступлению, или благодаря отсутствию, чрезмерному ослаблению или распаду тех ее элементов, которые способны противодействовать стремле-

нию к преступлению и задерживать его рост, или благодаря отложению в ней, — на почве указанного ослабления криминалорегулятивной части, — таких склонностей, благодаря которым возникший у субъекта образ преступления приобрел в сознании особую устойчивость и силу.

Преступный тип представляет собою такого рода психическую конституцию, при которой у личности развивается и получает осуществление стремление к известному преступлению при таких обстоятельствах, при которых у громадного большинства людей такого стремления не возникает, или, по крайней мере, последнее не получает достаточного для его осуществления развития.

Преступный тип не есть простая сумма известных психических свойств личности, а известный склад личности, известное сочетание ее психических свойств, создающее, так сказать, уклон этой личности в сторону преступления, побуждающий ее или прямо искать случая совершить преступление, или не пропускать такого случая, раз он сам представляется, или, по крайней мере, недостаточно сопротивляться подсказываемым известными чувственными влечениями соблазнам этого случая.

Припоминая, что основными элементами психической конституции являются, как отмечено выше, умственные способности, миросозерцание и характер личности, преступный тип можно определить как сочетание особенностей характера и взглядов человека, создающее уклон личности в сторону преступления, в силу которого человек выбирает преступный путь при таких обстоятельствах, когда другие люди, если им придет в голову мысль о преступлении, — воздерживаются от совершения последнего.

В силу этих особенностей оценка преступления становится неполной и слабой, извращается, отпадает вовсе, или лишается практического значения для поведения субъекта.

Для того, чтобы выяснить черты криминального типа, необходимо тщательно проанализировать совершенное субъектом преступление в связи со всей историей его жизни и со всей обстановкой, при которой это преступление произошло. Рассматриваемое, таким образом, преступление служит как бы увеличительным стеклом для распознавания присущих личности постоянных свойств. То состояние, в котором человек совершил преступление, — его вина, — составляет продукт, с одной стороны, известного давления на него среды, т.-е. действия на него происходивших в окружающей его среде событий, а с другой — его конституции. При этом нередко бывает, что события, непосредственно предшествовавшие преступлению, человек воспринимал, находясь в состоянии, вызванном ранее бывшими исключительными обстоятельствами, в состоянии для него, поэтому, не обычном, а составлявшем исключительный эпизод его жизни, когда, напр., он был рассержен, опечален, потря-

сен,, находился в состоянии восторга и т. п. Каждое новое впечатление ложится, как на известный общий фон, на предшествующее состояние личности и различно изменяется под влиянием элементов, образующих это состояние. На человека, рассерженного предшествующим собеседником, новый собеседник производит иное впечатление, чем то, которое он произвел бы, если бы был принят, наоборот, в спокойном и радостном состоянии. Это, обыкновенно, хорошо учитывают экзаменующиеся, избегающие подходить к экзаменуемому учителю после того, как у него провалился плохой ученик, особенно если последний сильно рассердил учителя. Проявившуюся в преступлении вину, т.-е. известное настроение личности, можно считать произведением или равнодействующей трех множителей или сил: постоянных свойств личности, действовавших на нее раздражений и тех особенностей в ее настроении, — в момент действия данных раздражений, — которые обуславливались не ее постоянными свойствами, а какими-либо исключительными в ее жизни условиями. Если два последние фактора, как не характерные для самой личности, мы объединим в понятие действия на субъекта событий, происходящих в окружающей среде, и обозначим буквой m , а конституцию субъекта — буквой P , то вину C можно выразить формулой:

$$C = \frac{P}{m}$$

Из этой формулы ясно, что чем более доля участия в генезисе вины внешних раздражений и связанных с ними преходящих и исключительных в жизни данной личности психических переживаний, тем менее доля участия в ней постоянных свойств личности или ее конституции, и наоборот. Следовательно, вычтя мысленно, по возможности, из вины преступника то, что надо отнести на счет исключительных обстоятельств данного момента его жизни, — особенной силы полученных им впечатлений или особенностей его состояния во время получения этих впечатлений и реакции на них, — мы получим остаток, служащий показателем состояния психической конституции субъекта, содержания в ней того или иного преступного типа. Последний представляет собою такой склад личности, ее мышления и характера, который или обуславливает недостаточную активность этой личности, направленную к тому, чтобы устранить более или менее серьезные затруднения или лишения, не прибегая, как к средству, к преступлению, или прямо предрасполагает человека к тому, чтобы выбирать средством для удовлетворения известных потребностей определенное преступление.

Преступный тип является мерилom «опасного состояния лица», о котором в настоящее время постоянно говорят и в литературе, и в законодательствах, и в судебной практике, и в котором видят важный дополнительный критерий наказуемости. Часто, однако, при этом ошибочно думают, что существует какое-то одно специфическое «опасное состояние» личности, которое судья одинаково при всех или, по крайней мере, при всех более тяжких преступлениях должен принимать во внимание. На самом деле «опасное состояние личности» есть лишь общее выражение, под которым следует разуметь ряд очень различных состояний, при чем уголовное правосудие и криминальная психология имеют дело лишь с теми из этих состояний, которые находят свое выражение в формах различных преступных типов. Нельзя быть вообще опасным или находиться в состоянии вообще опасном. Можно быть опасным или находиться в состоянии, опасном в определенном отношении или в нескольких отношениях, в смысле вероятности совершения определенных проступков, предрасположенности к последним. К сфере криминальной психологии и уголовного правосудия относятся лишь те опасные состояния, которые выливаются в формы определенных преступных типов и таят в себе вероятность тех или иных преступлений. Наказывая человека за известное преступление, судья должен принимать во внимание не какое-то вообще опасное состояние личности, а тот преступный тип, носителем которого является подсудимый.¹

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Два основные преступные типа: эндогенные и экзогенные преступники. Общая их характеристика.

I.

Исследуя какое-либо преступление, необходимо обратить, прежде всего, внимание на то, чем было вызвано решение человека совершить это преступление. Из факта виновного совершения преступления ясно, что, в момент преступной деятельности, представление этого преступления заняло господствующее место в сознании данного субъекта, стало центром ассоциаций, при чем ассоциации, ему враждебные, или не появились в поле сознания вовсе, или были с него оттеснены. Почему же это произошло? В чем заключалась основная причина такого настроения человека? Это могло быть или в силу известных свойств самой личности, определенных ее склонностей, или в силу внешних условий, в которых она оказалась. Иными словами, то преобладание или господство,

¹ Ср. мои „Основные начала науки уголовного права“, 1912, § 154; также „Очерк основных начал науки уголовного права“. I, 1923, § 181.

которое получило представление данного преступления в сознании субъекта, объясняется или тем, что в конституции этого субъекта существуют такие отложения, в силу которых сознание его наполнилось ассоциациями, поддерживавшими и укреплявшими стремление к преступлению и не допускавшими проникновения в фиксационную точку сознания враждебных им ассоциаций, или тем, что внешние обстоятельства своим давлением прорвали задерживающее влияние криминалорепульсивной части конституции субъекта в виду сравнительной слабости этой стороны его личности.

Таким образом, мы имеем перед собою два различных преступных типа: тип, у которого преобладание в сознании представления преступления и влечения к последнему, в момент совершения этого преступления, объясняется особыми свойствами личности, образующими предрасположение к данному преступлению, и другой тип, у которого означенное преобладание объясняется давлением внешних обстоятельств и сравнительно слабым задерживающим влиянием криминалорепульсивной части конституции. Иными словами, существуют два типа преступника: тип, отмеченный более или менее сильным предрасположением к известным видам преступной деятельности, и тип, свободный от этого предрасположения, но отличающийся таким ослаблением морального тонуса, при котором у человека нет достаточно живой и сильной склонности избегать преступления, почему, попав под давление тяжелых внешних обстоятельств, он и не обнаруживает достаточной активности в устранении затруднительного положения непреступным путем. Преступники первого типа если и совершают преступление при тяжелых внешних обстоятельствах, то главным образом не вследствие давления на них этих обстоятельств; главная роль принадлежит их предрасположению к преступлению. У преступников второго типа преобладающая роль в генезисе их преступлений принадлежит внешним факторам. Первый тип я называю эндогенным, а второй — экзогенным. В литературе и в разговорной речи часто говорят о «случайных» и «привычных» преступлениях, но термины эти надо отвергнуть самым решительным образом. И с логической, и с психологической точек зрения они крайне несостоятельны. Никто не становится преступником «случайно»; всегда есть ряд обстоятельств, которые привели человека к совершению им преступления. Каждое преступление имеет свой «личный» корень, но у одних преступников он иной, чем у других, и играет менее деятельную и видную роль в генезисе их преступлений. Называть некоторых преступников «привычными» значит употреблять самый неподходящий термин. Совершая «привычное» действие, мы предварительно не вырабатываем его плана и не взвешиваем доводов *pro* и *contra* известного способа его выполнения. Преступление же даже заезжими профессионалами совершается всегда по определенному конкретному плану, с взвешиванием

шансов за и против. Ни о каком действии по привычке в данном случае говорить нельзя. Вот почему я и употребляю термины «эндогенный» и «экзогенный», как несравненно более удачные и отвечающие существу дела; применяя их к преступникам, мы тем самым выражаем, что среди причин преступной деятельности одних преобладающая роль принадлежит их предрасположению к преступлению, а у других — внешним факторам.

Различие между эндогенными и экзогенными преступниками чрезвычайно важно и с теоретической, и с практической точек зрения; оно имеет большое значение для правильной обрисовки наказуемости в законе, для целей розыска, следствия и суда, а также с пенитенциарно-педагогической точки зрения, для применения к носителям этих типов соответствующего пенитенциарного режима. На нем следует, поэтому, остановиться с достаточной подробностью. Это и составляет первую задачу настоящей главы. Вместе с тем необходимо решить и другой вопрос: каким образом узнать, принадлежит ли тот или другой преступник к эндогенным или к экзогенным, находится ли он в состоянии, свойственном представителям первого или второго типа?

Так как о наличии или отсутствии у человека известных склонностей мы можем с уверенностью заключить лишь на основании проанализированных фактов его поведения, — при чем даже его собственные заявления не всегда служат надежными основаниями для подобных заключений, — то для решения указанной задачи необходимо обратиться к изучению поведения субъекта и, прежде всего, его преступления. В виду того, что нельзя производить эксперименты, ставя людей искусственно под давление то более, то менее тяжелых внешних обстоятельств и наблюдая, будут ли они реагировать под действием этих факторов преступным образом, или нет, приходится основываться лишь на тех экспериментах, которые произведены самою жизнью, т.-е. на фактах действительного поведения при разных жизненных условиях. Если бы мы производили указанный эксперимент, мы сначала искусственно поставили бы человека под действие известной причины и наблюдали бы результат этого действия. Путь криминалиста-психолога — обратный: перед ним сложное следствие ряда факторов — преступление, — отпрявляясь от которого, он должен распутать клубок породивших его причин и выяснить роль среди последних психической конституции субъекта. В своей исследовательской работе он идет от следствия к причине. Взяв за точку отправления это следствие, он должен, прежде всего, выяснить, в атмосфере каких внешних условий оно сложилось, под впечатлением каких внешних событий находился субъект в момент преступления, действовал ли он при условиях, которые можно назвать сравнительно благоприятными и хорошими, или при обстоятельствах, не представлявших ничего особенного, по сравнению с обычным течением жизни, и доставлявших ему разве лишь неболь-

шие страдания, или, напротив, его решение совершить преступление сложилось под действием таких внешних событий, которые причиняли или грозили причинить ему самому или близким ему лицам такие страдания, которые представляются серьезными или значительными, по крайней мере в глазах лиц той социальной группы, к которой он принадлежит. Получение того или иного ответа на этот вопрос чрезвычайно важно для характеристики преступника и отнесения его к тому или иному типу.

Для того, чтобы признать преступника экзогенным, нужно установить:

1) что в жизни субъекта этому преступлению предшествовало известное внешнее событие, которое поставило его или кого-либо из близких ему лиц в более или менее тяжелое положение тем, что причинило или грозило причинить им страдания, которые, — по крайней мере в глазах лиц той социальной группы, к которой принадлежит данный субъект, — считаются серьезными;

2) что это событие и созданное им положение произвели сильное на него впечатление;

3) что у него нет склонности к такому образу действий, который сходен с преступлением или обнимает последнее как одну из форм своего проявления;

4) что у него недоразвиты или ослаблены те элементы кримино-репульсивной части конституции, которые были нужны для того, чтобы преодолеть впечатление, произведенное неблагоприятными внешними обстоятельствами, и с большей энергией искать непрерывного выхода из создавшегося тяжелого положения. Для полной уверенности в принадлежности субъекта к экзогенным преступникам полезно посмотреть, не было ли в его жизни случаев, когда он при неблагоприятных жизненных условиях несколько меньшей силы, чем настоящее тяжелое положение, справлялся с встреченными им затруднениями непреступным путем.

Экзогенный преступник совершает преступление не ради того, чтобы к своим хорошим или сносным условиям прибавить новое наслаждение, получаемое от самого процесса исполнения преступления или от его последствий, а ради полного или частичного освобождения себя от испытываемых им или угрожающих ему более или менее серьезных страданий. Он совершает преступление не только при наличии тяжелых условий, в которых он находится, но и вследствие этих условий. Событие, которое служит для него толчком к преступной деятельности, или сразу, катастрофически выбивает его из нормальных условий жизни, или действует длительно, при чем в течение известного времени субъект выносит его действие и старается устранить или, по крайней мере, смягчить его легальными средствами, а потом бросает легальные формы борьбы и решается на преступление. В устранении создавшегося более или менее тяжелого положения легальным путем экзогенный преступник обнаруживает недостаточную активность.

Заключение о принадлежности данного преступника к экзогенным будет обосновано особенно полно, если удастся установить, что субъект предварительно делал попытку преступным путем избавиться от давления неблагоприятных внешних обстоятельств, что общий склад его характера и жизни и его взгляды не таковы, чтобы благоприятствовать развитию стремления к преступлению при отсутствии особо неблагоприятных внешних условий. Вот один из примеров экзогенной преступности.

27 декабря 1923 года по деревне Рассохе, Вологодского уезда, Бологодской губернии, около 7 часов вечера проходил, прося милостыню, крестьянин той же губернии Иван Алексеевич Х., 19 лет. Один из жителей Рассохи — Савичев — заметил, что Х. очень плохо одет, совсем по-летнему, и имеет на ногах очень истрепанную кожаную обувь. Он пожалел его, дал ему хлеба и обещал подарить старые валенки. Х. попросил позволения переночевать. Савичев согласился на это, накормил и напоил его чаем и положил спать на печке, а сам улегся возле печки на кровати. Х. лежал на печке, не спал и думал о тяжелом положении своей семьи. Затем он прислушался, убедился, что хозяин заснул, слез с печки, взял из-под кровати топор и в сильном волнении некоторое время, с топором в руках, стоял около спящего. Он колебался, потому что ему жалко было доброго человека. Затем сразу измахнул топором и ударил Савичева по кисти правой руки, которая лежала на голове. От удара Савичев проснулся, вскочил на ноги и закричал. У убийцы выпал топор из рук, но он быстро его поднял и, один за другим, нанес Савичеву несколько ударов: 2 удара в голову, один — в шею и 2 удара в левую руку и ключицу. Удары в голову и ключицу отнесены экспертизой к числу легких, удары в шею и правую руку — к менее тяжким, а ранение левой руки признано тяжким и повлекло за собой ее ампутацию. Ранение правой руки повлекло ограничение действий 2 пальцев, а удары в голову — глухоту. Все в совокупности ранения тяжки и опасны для жизни. Х. признает, что имел в виду убить Савичева, что первый удар, пришедший по правой руке, он направил в голову, но сколько, затем, он нанес ударов и в какие места, он не помнит. Раненый Савичев имел все же силу встать и направиться к выходу. Х. вскочил ему на плечи и продолжал бить его кулаками по голове. Савичеву все-таки удалось, с Х. на плечах, выскочить на улицу и поднять тревогу. Х. бросил его, вбежал назад в избу, схватил новые валенки и, с валенками в руках, бросился бежать. Версты две он бежал босиком, держа валенки в руках и, в растерянности, не сообразив их надеть. Стало очень холодно, ноги замерзали, а он все бежал, пока не добежал до какого-то оставшегося в поле шалаша, в который и спрятался. Здесь он провел ночь и очень боялся волков. На следующий день его нашли и арестовали. Он во всем сознался и приговорен судом к 9 годам заключения со строгой изоляцией, без поражения прав.

Иван Х. — сын бедных родителей, которые занимались крестьянским хозяйством, при чем при жизни отца хозяйство кое-как еще шло, была и лошадь, и корова, а после его смерти, в 1922 году, лошадь и корова были проданы, хозяйство пришло в полный упадок и мать Ивана с детьми побиралась. Детей в семье было четверо; Иван имеет двух братьев — 3 и 6 лет — и сестру немного старше его. Отец его вернулся в 1917 году с германской войны совсем больной; у него, по словам Ивана, «была внутри какая-то болезнь, от которой он худел, кашлял, и у него шла горлом кровь». Он характеризует отца как человека доброго, который бил детей редко и «только за дело», с матерью не дрался,пил очень немного. Мать Ивана — чахоточная, болеет с 1918 года. Она строже отца, но тоже добрая, лишь «редко когда бывало за волосы потаскает». После смерти отца немного им помогал дядя, но он сам живет очень бедно с семьей в 10 человек, так что достаточной поддержки оказать не мог. Матери с детьми пришлось побираться. Иван очень любит мать и вообще всю свою семью, и сейчас, сидя в тюрьме, все думает: «как-то там матка с детьми управляется». Он вообще очень семействен и его сильно озабочивает положение больной матери и братьев. До 15 лет Иван жил дома, а с 15 лет стал жить «по чужим людям»: работал на железной дороге в качестве чернорабочего в течение 2 лет. Потом опять жил дома. Надо заметить, что с 1918 года он страдает ревматизмом ног; еще при жизни отца у него заболели ноги, он все же ходил, а после смерти отца иногда совсем ходить не мог. Кроме того, он страдает сильным малокровием на почве истощения; у него бывают головокружения и обмороки. Такие обмороки у него начались, когда ему было еще лет 12. Он поздно начал ходить, — лет с 5. Половой жизни еще не начинал, женщин не знает, онанизмом не занимался; хотелось иногда погулять с деревенскими девицами, но одежды не было, а потому на вечеринки не ходил и ни с кем не гулял. В школе он, по бедности, не учился, безграмотен и умственно отсталый: рассказывает бессвязно, не отличая главного от второстепенного, бестолков, обладает плохую памятью. Забитые материальною нуждой, родители не могли достаточно позаботиться о его воспитании. Он очень мало развит, но некоторые добрые чувства — привязанность к родителям и родной семье — у него есть. У него нет ни взглядов, оправдывающих такое преступление, ни склонностей, в которых можно было бы видеть предрасположение к нему. Но у него и недостаточно сильно нерасположение к нему. Инстинктивное отвращение к такому насилию у него недоразвито, что стоит в связи с недоразвитием у него чувства жалости и благодарности, а также моральной оценки поступка. О последнем он судит с точки зрения интересов своей семьи и своих личных: «желадно сделал, и семейство не обеспечил, и сам в тюрьме сижу». «Если живой из тюрьмы выйду, говорит он, больше так не сделаю». Но то обстоятельство, что он обнаружил самую возмутительную

неблагодарность по отношению к приютившему его доброму человеку, его не особенно тревожит: чувство благодарности у него недоразвито, и это составляет заметный дефект его психической конституции. О потерпевшем он жалеет, говорит, что большое зло ему сделал; но жалеет мало и полагает, что было бы лучше, если бы он был убит: «не таскался бы по свету калекой, да и меня, может, не поймали бы», говорит он. О «деле» он часто вспоминает и с сожалением, что он без пользы для семьи и себя совершил его. Действовал он под влиянием тяжелой нужды: он был «раздет-разут», совсем рваный, имел только летнюю одежду, так что зимой не в чем было ходить. Из дома он ушел голодный, хлеба было только для маленьких детей. Он отправился на фабрику, которая была в 27 верстах от его деревни с целью поступить туда на место сторожа. На фабрику поехал по железной дороге без билета, пройдя до станции 8 верст. На фабрике его на место не приняли. Шел назад и просил милостыню. Не подавали. Один Савичев сжалился над ним и приютил его. У него явилась мысль украсть у Савичева теплую одежду, но он рассказал ему, кто он и из какой деревни, и, очевидно, поэтому от мысли о краже отказался и задумал убийство. Савичев был с ним в избе один. Ложась спать, он заметил топор. Лежа на печке, думал, что у него совсем нет одежды и что у семьи совсем нет пропитания, захотелось «семью обеспечить и себе одежду добыть». Лежал, говорит, и плакал, плакал он, будто-бы, и стоя с топором около спящего Савичева.

Анализируя этот случай, следует подчеркнуть следующие обстоятельства. Х. находился, несомненно, под давлением ряда очень неблагоприятных обстоятельств, в состоянии, близком к крайней необходимости. Правда, Савичев его накормил и напоил, но завтра ждали его прежняя нужда и голод. Савичев обещал ему старые валенки и это, конечно, несколько улучшало его положение. Но у него не было теплой одежды, а на дворе стоял мороз, — ведь дело происходило 27 декабря и в одной из северных местностей. Антиципация предстоящих снова страданий от холода и голода, конечно, была у него и, может-быть, особенно неприятно чувствовалась им после того, как он пообогрелся, напился чаю и немного утолил свой голод. Надо принять во внимание еще, что он больной — страдает малокровием и ревматизмом. Перспектива вновь итти на холод раздетым и голодать, несомненно, особенно живо и остро чувствовалась им. Дома — тяжелая нужда, и он думал об этом постоянно. Он был подавлен мыслями об удовлетворении потребностей в пище и одежде. Надежда на место сторожа при фабрике лопнула, — ему отказали, а мысль вернуться домой, к голодной семье, ни с чем была ему очень тяжела. У него есть сознание, что нужно работать, что красть нельзя, и он готов работать, но найти место в данное время и в данном месте было не легко, а ему — хилому и больному — и совсем трудно. Перспектива искать завтра работу не могла казаться ему сколько-нибудь уте-

шительной. Словом, окружающие его условия были исключительно для него неблагоприятны, притом тяжелые условия скопились в данный момент в довольно большом числе и оказывали на него сильное давление в сторону преступления. От горьких и неприятных, но очень живых антиципаций страданий его самого и его семьи у него шли сильные импульсы к преступлению. Мысль завладеть одеждой, а может-быть, и другим имуществом Савичева и притти домой не с пустыми руками была ему очень соблазнительна. Ему нужно было завладеть чужим имуществом не для кутежа, — он почти не пьет, «не на что было приучиться пить». З карты на деньги он никогда не играл. Не стремление к чувственным удовольствиям и развлечением руководило им. Он производит впечатление болезненного юноши, с угрюмым, не особенно располагающим лицом, всецело поглощенного заботой об удовлетворении первых потребностей своих и своей семьи, потребностей в пище и теплой одежде. Об этом он только и думал. Поэтому мысль о том, чтобы завладеть теплой одеждой, а, быть-может, и деньгами Савичева, сопровождалась у него особенно живой антиципацией приятных ощущений, связанных с обладанием этими благами, как средствами облегчения страданий: прекратится болезненное ощущение холода, будет тепло, да и домой кое-что принесешь, хоть на время всем хорошо будет. Он понимал, что поступает нехорошо, что убивать нельзя, считал, между прочим, что это и грешно, ибо, как он заявил, «бога я немного признаю». Инстинктивное отвращение к убийству у него хотя и сравнительно слабо, но все-таки в зародыше есть, оно и заставило его сильно волноваться во время преступления, не решаться, в течение некоторого времени, приступить к его выполнению, выронить топор после первого удара и страшно растеряться после покушения на убийство, когда он бежал с валенками в руках, босиком, в мороз. Он, конечно, не сделал бы своего жестокого поступка, если бы у него сильнее заговорили чувства жалости и благодарности и если бы его ум мог поддержать отвращение к убийству достаточно полной моральной оценкой задуманного деяния. Но он умственно слаб, отстал, недоразвит, для достаточно полной моральной оценки деяния у него не хватает нравственного чувства и идей, а также нет навыка взвешивать и внимательно обсуждать возникающие у него планы. В этих-то дефектах и заключается личный корень его преступления. Он — не очень злой, нераздражителен, тихий, никогда ни с кем не дрался. Против него особенно говорят три обстоятельства: упорство и жестокость его преступной деятельности, с одной стороны, и черствая неблагодарность с другой. Но что касается многочисленности ударов, им нанесенных, то надо сказать следующее. Первый удар он нанес в сильном волнении, ударил потому, что все те тяжелые переживания, которые он выносил, лежа на печке, как бы твердили ему: возьми одежду, валенки и т. д. Как он ни слаб интеллектуально, он все-таки сообразил, что рискованно красть, раз он

сказал своему гостеприимному хозяину, кто он и откуда. Страх раскрытия дела и наказания прибавил к внутреннему голосу, требовавшему, чтобы он завладел известным имуществом Савичева, новое требование: убей! Сравнительно слабое сопротивление, встреченное этим голосом в душе преступника, в связи с антиципацией облегчения страданий от обладания теплой одеждой, сделало его настойчивым, придало ему силу, которая, несмотря на волнение, новизну положения и естественный страх последствий, привела к осуществлению намерения. Нанеся первый удар, он испугался и растерялся, а затем остальные удары наносил не по злобе, но в растерянности, не помня себя, машинально подчиняясь внутреннему голосу, говорившему: убей и возьми одежду, не добьешься — все пропало. И он наносил один удар за другим, а потом, в состоянии полной растерянности, убежал. Страх, что все пропало, что ничего не получишь, если остановишься и не будешь бить далее, — вот что говорило в нем. Потерпевший кричал, а он бил и бил, и не помнит, куда бил и сколько ударов нанес. Он не рассчитывал своих ударов и не замечал их, действовал почти машинально, не взвешивая, подчиняясь подсказанному нуждой и страхом голосу: бей, иначе ты пропал!

II.

У эндогенного преступника появившийся в сознании криминогенный комплекс, в виде желания совершить известное преступление, например, ударить, убить, похитить и т. д., находится в связи с известными взглядами или склонностями, сопровождаемыми однородным эмоциональным тоном, и из этой связи почерпает силу для своего развития. Эти родственные данному желанию взгляды или склонности и являются теми проложенными в конституции личности внутренними ходами, по которым преступная мысль достигает более или менее быстрого развития в преступную решимость.

Когда человек, под влиянием тех или иных впечатлений, испытывает какое-либо неприятное состояние, он, естественно, стремится избавиться от него и ищет подходящих для этого средств, — от страдания и боли он хочет перейти, если не к наслаждению и полному покою, то к некоторому успокоению и облегчению, от пустоты и скуки — к развлечению и веселью, от одного наслаждения — к другому и т. д. Черпая из имеющегося у него запаса знаний причинных отношений явлений, его мысль может натолкнуться, как на средство, на образ того или иного преступления. В сознании всплывает тогда представление этого преступления и с ним часто соединяется желание совершить его. Появляется криминогенный комплекс... Ударить, убить, взять, отнять и т. д., думается в таком случае человеку. Сам по себе такой криминогенный комплекс не является еще симптомом какого-либо действительно опасного состояния личности. В нор-

мальных случаях он остается без поддержки, встречает противодействие со стороны взглядов и лучших черт характера человека, гаснет и исчезает с поля сознания. У эндогенного преступника мы встречаем иную картину. У него есть более или менее прочный базис для развития появившегося желания совершить преступление. У него это желание как бы сразу обрастает рядом ассоциаций, поддерживающих и укрепляющих его, и выливается в стремление к данному преступлению, потому что у него есть взгляды и склонности в характере, более или менее родственные представлению данного преступления, его оправдывающие и к нему адаптирующие, снабжающие мысль о нем живыми антиципациями приятных чувств или ощущений, которые можно ожидать получить от самого совершения этого преступления или от известных его последствий.

«Когда какое-нибудь интеллектуальное состояние, — говорит Рибо, — сопровождалось сильным чувством, то всякое сходное или аналогичное состояние стремится вызвать то же самое чувство».¹ Если мысль о данном преступлении возникнет у человека, у которого есть более или менее прочно утвердившийся ряд комплексов, в содержание которых входит как раз представление данного вида преступления, или более широкое представление, его обнимающее, то, вслед за мыслью о данном преступлении, как о средстве удовлетворить определенную потребность, у этого человека всплывет в сознании обнимающий ее комплекс и, по ассимиляции, с ней соединятся сенсорный и волевой элементы этого комплекса. Если у субъекта сложился комплекс, в содержание которого входит представление не данного преступления, а лишь родственного ему поступка, то сенсорный и волевой элементы этого комплекса соединятся с образом данного преступления по сходству. Таким образом, в данном случае происходит перенос чувства по ассимиляции или по сходству.

У эндогенного преступника есть такие взгляды и склонности, из которых, даже под влиянием не сильного толчка извне, вырастает стремление к данному преступлению. У лиц, предрасположенных к преступлению, вместе с представлением последнего, выдвигается ряд более или менее прочно ассоциированных комплексов такого рода, что благодаря им последствия преступления, способные привлекать к себе субъекта, более или менее ярко освещены и возбуждают живое предощущение приятных переживаний, кото-

¹ См. Рибо. „Психология чувств“, перев. Гольдсмит. СПб. 1898, стр. 194. Явления переноса чувств по сходству и смежности давно уже отмечены в психологической литературе. Рибо различает два вида переноса чувств по сходству: ограниченный и широкий. Первый имеет место в случаях чистого сходства: В походит на А, представление которого сопровождается или сопровождалось известным чувством. Широкий перенос основывается на аналогии и область его распространения гораздо шире. В. с., стр. 193 — 194.

рые будут доставлены преступлением, а теньевые стороны последнего, могущие удерживать от совершения его, совсем не появляются в поле зрения субъекта или освещаются очень тускло и недостаточно. Предрасположение к преступлению и состоит в том, что в конституции субъекта отложились такие постоянные комплексы, благодаря которым представления процесса совершения данного преступления или его последствий соединяются с живыми антиципациями приятных ощущений или чувств, и из последних возникает сильный импульс к совершению этого преступления. Как и всякое другое событие, преступление, так сказать, многогранно и производит ряд действий в различных направлениях: оно отражается известным образом не только на потерпевшем, но и на его семье, на окружающем его обществе, на лицах и учреждениях, с которыми он был так или иначе связан, на семье и личных связях преступника и т. д. Какие стороны и последствия преступления будут ярко освещены в сознании, а какие останутся в тумане или совсем ускользнут от внимания, это зависит, прежде всего, от конституции преступника, от отложившихся в последней комплексов, при посредстве которых представление о преступлении выдвигается и закрепляется в сознании и, так сказать, освещается с различных сторон.

Если, например, человек предрасположен к краже, то вместе с мыслью о последней, как о способе удовлетворить известную потребность, у него появится ряд представлений, подталкивающих совершить это преступление. У него явится знакомый образ технического выполнения этого преступления, соблазнительная перспектива значительного куша денег, которые таким путем удастся получить, живая антиципация тех чувственных удовольствий, которые на эти деньги можно будет приобрести, — сыграть в карты, устроить хорошую выпивку, покутить с женщинами и т. д., — и вся эта вереница образов и антиципаций, более или менее живых и ярких, послужит источником для сильного импульса совершить это преступление. Мысли же о моральной и социальной оценке поступка, о возможном суде или наказании и т. п. или не появятся вовсе, или мелькнут в сознании, может-быть, даже вызовут некоторые размышления и колебания, но ненадолго и, во всяком случае, достаточной моторной силой обладать не будут. Благодаря связи известных представлений с живыми антиципациями приятных ощущений или чувств усиливается процесс фиксации этих представлений в сознании и притягательная сила, с которой они вызывают родственные им представления. Вследствие предрасположения к известному преступлению вместе с мыслью о последнем возникает ряд ассоциаций с однородным эмоциональным тоном, поддерживающих и усиливающих стремление к ее осуществлению; мысль о преступлении, при таком условии, оказывается как бы окруженной многочисленной свитой представлений, с разных сторон разжигающих влечение к воплощению ее в действительность. Если,

например, человек зол и пылает ненавистью к кому-либо, то, как скоро ему придет в голову мысль об убийстве объекта своей ненависти, вместе с ней у него появится живая антиципация того удовлетворения чувства злости, внутреннего облегчения, которые он получит от убийства, и ряд злорадных мыслей: что его враг не успеет насладиться каким-либо видом благополучия, что семья этого врага, на которую в известной мере распространилась ненависть данного субъекта, осиротеет, что исчезнет опасный конкурент и т. д. Каждая из этих мыслей, порожденная ненавистью, в свою очередь, вызывает новый и более сильный порыв этого чувства и дает от себя толчок к осуществлению преступления. Если человек убежден, что он должен совершить известное преступление во имя идеи, вместе с мыслью об этом преступлении в его сознании появится более или менее яркая антиципация того внутреннего удовлетворения, которое он получит от его совершения, той славы и благодарности единомышленников, которые достанутся ему в награду за это, и т. д. Благодаря предрасположению мысль о преступлении, так сказать, обрастает рядом представлений о более или менее приятных последствиях этого преступления и тех приятных переживаниях, которые субъект получит от них. А от этого крепнет и развивается стремление к этому преступлению. Каждый из комплексов, входящих в состав предрасположения к известному преступлению, как бы посылает от себя волну психомоторного возбуждения, направленного в сторону преступления. Для того, чтобы понять психологическое значение предрасположения, надо вспомнить ту роль, которую чувства играют в душевной жизни человека, и их влияние на познавательные процессы. В немногих словах, это влияние сводится к следующему.

Восприятия и представления, которые мало затрагивают наши чувства, быстро исчезают из сознания и остаются лишь недолго в наименее, так сказать, освещенных его областях. Чувство выдвигает восприятие или представление в фиксационную точку нашего сознания и удерживает в ней. Оно заставляет нас сосредоточивать внимание на связанных с ним восприятиях и представлениях. Известно, что человек особенно внимателен к тому, что его интересует, а в основе интереса всегда лежит определенное чувство. Так, ревность заставляет подмечать мельчайшие движения и оттенки настроения своего объекта. Влюбленные часто понимают один другого без слов и «на-лету» ловят желания друг друга. Соперницы быстрым взглядом с замечательной отчетливостью улавливают друг у друга мельчайшие особенности и недостатки нарядов. Чувство обостряет и заставляет сосредоточиваться наше внимание. Оно сильно влияет на течение ассоциаций, притягивает, так сказать, в поле сознания представления, отвечающие ему и способные его поддержать, и затрудняет проникновение в фиксационную точку сознания представлений и чувств, ему враждебных. Когда мы печальны, мы неохотно смотрим на то, что

веселит других и веселило нас при другом нашем настроении. При печальном настроении нас часто даже сердит и раздражает то, что вызывает улыбку или смех у других. Радости или веселью трудно пробиться сквозь тоску и печаль. Наоборот, когда мы радостно настроены, мы гоним от себя печальные мысли и им нужно с особой силой навязываться нашему сознанию, чтобы, наконец, омрачить нашу радость и изменить наше настроение. Известно, что человек, охваченный радостным чувством, например, влюбленный, получивший утвердительный ответ, все видит в «розовом свете». Одно чувство, влияя на течение ассоциаций, вызывает другие родственные ему чувства. «Радость вызывает доброжелательное отношение к людям, симпатию к ним, надежду». «Грусть вызывает беспокойство, мизантропию, пессимизм, страх, мрачное настроение духа». «Нежность вызывает сострадание; гнев — жажду мести и т. п.».¹ Конечно, если появляются факты, с большой силой вызывающие иные чувства, наше настроение изменяется, и господство переходит к чувству иного рода, которое, так сказать, переводит нашу психическую жизнь на иные рельсы и изменяет течение ассоциаций. Большое значение, при этом, имеет, как сказывается данное чувство на нашем самочувствии: если — хорошо, мы стремимся его сохранить и продлить или испытать вновь, а если плохо — мы стремимся избавиться от него. У эндогенного преступника, благодаря предрасположению, мысль о преступлении становится центром ассоциаций, в которых одно за другим разворачиваются разные кажущиеся ему выгодными последствия преступления, с более или менее живыми и яркими антиципациями приятных чувств и ощущений, которые будут ими доставлены. Если на горизонте сознания у него и появляются представления о разных невыгодных и неприятных последствиях преступления, они более или менее быстро меркнут, и мышление отвлекается от них в русло ассоциаций, поддерживающих развитие стремления к преступлению. Человек подумал было о наказании, о разлуке с семьей, о позоре, которым он покроет себя, совершив преступление, и т. д., но все эти мысли или быстро пронеслись в его голову и исчезли, или заставили его заколебаться, отложить окончательное решение вопроса, но, затем, влечение к близким выгодам и удовольствиям, которые вот сейчас будут доставлены преступлением, благодаря предрасположению с новой силой вспыхнуло у него, — часто вместе с легкомысленной надеждой ускользнуть от рук правосудия, — и он решительно вступил на преступный путь. Благодаря предрасположению, мысль о преступлении долго удерживается в фиксационной точке сознания, завладевает последним, заполняет его родственными ей ассоциациями и затрудняет появление враждебных ей ассоциаций.

¹ Р и б о. „Логика чувств“. Перев. Семенюта, стр. 12.

Для того, чтобы признать преступника эндогенным, нужно установить:

1) наличие у него таких взглядов, которые предписывают, оправдывают или разрешают совершение данного преступления, или 2) склонности в характере к такому образу действий, с которым данное преступление внутренне связано, как средство к известной цели, или как родственная форма внешнего выражения; 3) совершение субъектом преступления не вследствие сильного давления исключительно неблагоприятных внешних событий, а в силу, главным образом, выросшей у него склонности.

Если эндогенный преступник и действует иногда при тяжелых внешних условиях, то все-таки, главным образом, не вследствие последних. Внешние условия лишь как бы пробуждают дремлющее в нем предрасположение, дают ему почву проявиться. Нередко решение совершить преступление складывается у него даже раньше, чем неблагоприятные внешние условия, так сказать, развернут всю силу своего на него давления. Часто он совершает преступление и при условиях, не представлявших ничего особенного или даже прямо хороших; часто ему достаточно совершенно небольшого внешнего толчка, чтобы соскочить с колеи честной, трудовой жизни и попасть на преступный путь, если только внешние условия не ставят слишком больших затруднений для самого исполнения преступления или не делают последнее слишком рискованным. Таким образом, если выясняется, что человек совершил преступление, находясь в условиях, не представлявших ничего особенного или даже хороших, не будучи приведен к преступлению тяжелым для него, длительным или интенсивным действием внешних факторов, мы в праве признать его эндогенным преступником. Мы в праве отнести к этому разряду всякого преступника, для которого совершенное им преступление служило, — главным образом или исключительно, — средством получить известную сумму наслаждений от самого процесса его совершения или от его последствий.

Вполне очевидно, что, если желают оказать сдерживающее, предупреждающее повторную преступность влияние на эндогенного преступника, то должны, прежде всего, выяснить и мысленно выделить в нем то, что составляет его предрасположение к преступлению, и действовать именно на это последнее.

Вот несколько примеров эндогенных преступников — участников разных бандитских нападений.

I. Первое из этих преступлений — убийство матери и дочери Ширинкиных 31 августа 1921 года. Участвовали в этом деле, в качестве исполнителей, три шофера — В., С. и Е. — и в качестве подводицы девица О. Один из убийц — В. — от суда скрылся и не был разыскан. Мне удалось познакомиться с двумя соучастниками: с пособницей О. и с одним из шоферов, с самым молодым из них, 17-летним С. Дело было так. 31 августа, в 8 часов вечера,

к молодому человеку — сыну крупного, до революции, домовладельца С. — явился его товарищ по службе в гараже В. и сказал, что в эту ночь можно «на одном деле» заработать огромную сумму денег. С. знал, что В., в качестве подсобного источника для добывания денег, занимается воровством и бандитизмом, но все-таки сразу согласился и пошел с ним, не расспросив даже, в чем именно дело. У ворот дома, где жил С., их ждал шоффер Е., 19 лет, который также был приглашен В. к участию в этом деле. В. встретился с ним 29 августа и спросил его — есть ли у него деньги? Получив отрицательный ответ, он добавил: «Хочешь заработать, — приходи ко мне 31 августа в таком-то часу». Е. и при-

Убийцы Ширинкиных. Шофферы Е. и С.

шел, а затем они вместе пошли к С. Соединившись у последнего, они все трое отправились к девице О. Это — молодая девушка, 18 лет, дочь следователя, окончившая женскую гимназию в 1918 году. Она служила в уголовном розыске, в канцелярии, и одно время занималась в квартхозе того бутырского района, где жила Ширинкина. Отсюда ее знакомство с последней. О. жила здесь с матерью; отец ее умер. Во время преступления мать О. уехала в Харьков, и Елена О. жила одна. К ней вечером 31 августа и пришли три упомянутые шоффера. С ними был чемоданчик С. с револьвером и ножом. В. вошел к О. и с ней совещался, затем посидели в общей компании, потом вышли и пошли все вместе к дому Ширинкиной; было уже часов 11 вечера. О. довела их до ворот, потом отошла с ними на угол, простилась и ушла. У Ширинкиной она много раз бывала в гостях, и только в последнее время их отношения стали натянутыми, так как Ширинкина ревновала ее к своему сожителю Обухову, которого

будто бы О. желала у нее отбить. О. отрицала всякое свое участие в этом деле, признаваясь лишь в том, что продавала подложные документы на проезд в Ташкент. Был ли у нее какой-либо роман с бандитом Обуховым и играл ли он какую-либо роль в деле, это выяснить не удалось. Но она жаловалась на плохой заработок и говорила, что старалась приработать спекуляцией и продажей подложных документов. Она хотела поприятнее пожить и получить денег для увеличения своего бюджета и материального комфорта.

В. и С. первыми вошли в дом, где жила Ширинкина; Е. сначала остался у ворот, затем вышла одна из дочерей Ширинкиной и пригласила его войти. В. и С. постучали в дверь и на вопрос, кто там, — С. сказал, что они приехали с вестями от Обухова, который был в это время в Ташкенте. Их впустили, и они в течение довольно долгого времени вели себя как любезные гости. Пили чай. Закусывали. В частности, С. играл на рояли и болтал с девочками по-французски. Потом С. попросил хозяйку разрешить им, за поздним временем, остаться переночевать, на что та согласилась и отвела их в соседнюю пустую квартиру. Здесь вот ночью, по их словам, у них и созрел план убить Ширинкину и ее дочерей. Е. и С. говорят, что план целиком был выработан В., который, затем, скрылся и остался неразысканным. С. говорит, что он смертельно боялся В., не мог ему противиться и отказаться от участия в таком деле, иначе В., вероятно, убил бы его; Е. говорит, что он боялся и В., и С., что они могли бы его убить, если бы он, узнав их планы, отказался от участия в их осуществлении. Как бы то ни было, ночью, а может-быть, и раньше, было решено убить всех троих, при чем убить Ширинкину по плану должен был С. Он говорит, что эта ночь была для него кошмарная, он был в паническом ужасе от В. «Своя шкура дороже всего», говорит он, «я сразу почувствовал, что мне угрожает страшная опасность». Противиться В. он будто бы не мог и вынужден был принять назначенную ему роль. Однако, оставшаяся в живых дочь Ширинкиной говорила потом на суде, что С. как будто был атаманом, распоряжался всем. Когда Е. рылся в бумагах, С. сказал ему: «шарь лучше». Потом сказал: «ну, это мелочь». Девочку он спрашивал, где деньги и вещи, и грозил ей револьвером. Когда он стал душить ее, он закричал Е.: «Ванька, держи ей руки». Но тот этого не выполнил. Е. было назначено убить одну из девочек. Утром часов в 7, вошла Ширинкина, которую они просили разбудить их в это время, и предложила им вставать. С. поблагодарил ее за ночлег и понес матрац в ее квартиру, а Е. пошел туда же умываться. Внезапно С. схватил,—по знаку, данному В.,—Ширинкину и вонзил ей нож в сердце. В. убил одну из девочек, задушил ее и приказал С. зажать рот тряпкой другой девочке и передать ее Е., чтобы тот ее убил. С. стал ее душить, заткнул ей рот тряпкой со словами: «молчать, чорт вас возьми», связал ее по рукам и ногам

и отнес в соседнюю комнату, сказав Е, что теперь его очередь убивать. Но тот не решился убить ребенка, и девочка осталась жива. С. говорит, что, убив Ширинкину, он почувствовал, что больше убивать не может, и отнес связанную девочку Е. У Ширинкиной найдены были золотые вещи, вытаскивали и разыскивали их все — С., В. и Е. Через несколько дней был произведен дележ на квартире у В. Делили на 3 части, при чем на вопрос С., обращенный к В.—а как же О.?—В. в ответ отпустил ругательство и сказал, что О. их надула, что у Ширинкиной не оказалось совсем того богатства, о котором она говорила. Однако, в деле есть указание, что у О. было найдено кольцо с драгоценным камнем, относительно которого она давала какое-то путанное показание о какой-то подруге неизвестной ей фамилии, которая будто бы для чего-то дала ей его для заклада. После убийства С. засел за энергичную подготовку к экзаменам: «Ночью, говорит он, были кошмары, а день я брал себе и садился заниматься». Ночью он, по его словам, некоторое время не мог спать, ему все представлялись убитая и ее дочь плавающими в крови. На суде С. старался сделать вид подавленного горем человека, все время смотрел вниз, избегая смотреть в глаза судьям и уклоняясь от изложения подробностей убийства, потому что, по его утверждению, ему очень тяжело об этом говорить. Он старался уверить судей, что действовал «бессознательно», «не помня себя», объятый паническим страхом перед В. Однако, как ему и указывали на суде, в его действиях была та рассчитанность и такое преследование личных выгод, при которых о бессознательности не может быть и речи. Дело о нем было, однако, судом выделено в виду его несовершеннолетия и передано в комиссию по делам о несовершеннолетних. На суде и в беседе со мной С. говорил, что 31 августа, когда к нему пришел В. и сделал свое предложение, ему представилось, что «в эту ночь он должен совершить что-то необыкновенное, с риском, может-быть, на 50% за то, что вследствие этого с ним случится что-то ужасное. Может-быть, говорил он, я сам должен буду умереть, что-нибудь в этом роде, или вследствие событий этой ночи я буду в силах выбиться из этой обыденной, мелкой жизни, которая меня так угнетала». Ему казались невыносимо тягостными все эти заботы о картошке и муке, вся эта «мелкая обыденщина». Он утверждал, что знал лишь, что идет на какое-то преступление, но не думал, что на убийство, а полагал, что на кражу. В. обещал ему с «дела» 200 «лимонов», т.-е. миллионов, что в то время составляло крупную сумму. Другим мотивом, по его словам, послужило его желание избавиться от своих товарищей — В. и Е., — «которые, как он чувствовал, затягивают его на преступный путь». Они хотели, разжившись деньгами, уехать из Москвы, и он будто бы думал, что, получив с данного дела большой куш, они исчезнут и оставят его в покое. Он утверждал, что страшно боялся В., потому что тот — положительно зверь, не знающий пощады и на

все способный; незадолго до данного преступления В. убил одного агента розыска, который стал для него опасен, мог убить и С., который знал об этом убийстве агента и о том, что В. с своей машиной совершает бандитские налеты.

Трудно сказать, насколько этот мотив имел действительно руководящее значение, но, во всяком случае, он не был единственным. С. сам признает, что 200 миллионов имели для него, в данном случае, большую привлекательную силу. Для чего же они были ему нужны? С. — холост, жил у родителей и нужды не знал. У него был заработок, так как он служил шоффером в гаражах Наркомпрода и Наркомпочтеля и сам говорил на суде, что зарабатывал хорошо, хотя иногда приходилось трудно, в виду больших разъездов. Он работал иногда и в качестве мотоциклиста. Шофферское дело ему очень нравилось, он охотно ему учился и им занимался. Из других занятий ему нравятся музыка и охота. Он играет на рояли, и мечтал поступить в консерваторию. У его родителей нужды не было, так как его отец и двое дядей также работали в гаражах; хотя С. говорил о том, что нуждался, но он, очевидно, слишком широко понимает нужду. Конечно, он был далек от полного удовлетворения всех своих стремлений к комфорту, имущественное благосостояние его семьи пошатнулось, собственного дома у его отца уже не было, но нужды, в смысле недостаточного удовлетворения первых потребностей, у него не было. И у его семьи, и у него были, между прочим, золотые вещи; у него, например, оказались золотые часы и браслет. Когда, на его ссылку на суде на нужду, ему указали на это обстоятельство, он мог ответить только следующее: «а вдруг случится что-нибудь особенное, надо же иметь что-нибудь на черный день».

Таким образом, не нужда и не одно желание избавиться от В. толкнули его на преступление. А что же? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо вглядеться и в его личность, и в историю его юной жизни. Он — единственный сын зажиточных родителей. Кроме него, у них две дочери. Он учился в одной московской гимназии. В 1917 году он вышел из гимназии и стал учиться шофферскому делу; работая в качестве шоффера, он все же сдал экстерном гимназические экзамены и по конкурсу поступил в высшее техническое училище, чтобы стать инженером-строителем. Эту карьеру он выбрал себе не по симпатии к ней, а по холодным соображениям выгоды. «Жизнь — борьба, говорил он мне, чтобы лучше стать на ноги, я должен стать инженером». Если оставить эти соображения в стороне, то он предпочел бы поступить на юридический факультет, так как полагает, что только этот факультет может сделать человека высоко интеллигентным. По своей охоте он поступил бы на юридический факультет и в консерваторию. Но приходилось думать о солидном заработке, чтобы весело и с комфортом жить, и он решил стать инженером, рассчитывая таким образом хорошо устроиться, благодаря

связям отца. Каких-либо серьезных умственных интересов у него нет. Он мало читал и не стремился читать; все книги почему-то ему казались бессодержательными, только Тургенева и Гончарова он читал с удовольствием. Он равнодушен к вопросам морали и общечеловечности; из всех мировоззрений ему более всего нравится учение индийских йогов, но и им он серьезно не занимался, а разве так иногда, «от скуки», поговаривал о нем или что-нибудь недлинное о нем читал. Он просто поклонник комфорта и веселой жизни, при которой можно было бы спокойно и свободно предаваться охоте, автомобильному спорту, потанцевать на вечеринках и т. д., хотя, что касается женщин, он ими не увлекался; так, не прочь поболтать, пофлиртовать, вступить в мимолетную связь, — но и только. Для того, чтобы хорошо устроиться, он видел два пути: спекуляцию или преступление. Убедившись, что он — плохой коммерсант, он сложил руки и занимался своей шофферской работой, пока не пришел В. и не предложил ему хорошо заработать. Если бы он много получил от своего преступления, он сократил бы свою шофферскую деятельность, стал бы энергично продолжать свое образование, чтобы потом получше устроиться и жить с комфортом.

С. — юноша вполне здоровый, без признаков наследственного отягощения и неуравновешенности, очень неглупый, с средними способностями, но довольно поверхностный и легкомысленный; для окончившего курс гимназии он мало развит. Он смел, энергичен и решителен, это доказывает, между прочим, и его решение сразу пойти с В. и его роль в деле, и его поведение при аресте. Надо заметить, что, как упоминалось, после убийства он энергично готовился, «чтобы забыться», — к конкурсному экзамену в высшее техническое училище, выдержал его и чуть не в тот же день — 17 октября — ночью был арестован: лег спать, крепко спал, вдруг кем-то был разбужен, почувствовал направленный на него свет электрического фонарика, открыл глаза и увидел агентов уголовного розыска с наведенными револьверами. По их требованию он сначала поднял руки вверх, потом поднялся, стал одеваться и вдруг схватил одного агента, толкнул его на другого, выбежал в дверь, ударил стоявшего на дворе в засаде милиционера, сшиб его с ног и бросился бежать; вдогонку ему была выпущена масса пуль, но он, несмотря на то, что был ранен в ногу, перелез через забор и затем пополз далее. Оказалось, однако, что он попал во двор военного комиссариата и был там схвачен. Надо заметить, что С. физически хорошо развит и силен. Итак, что же заставило этого решительного, сильного и смелого юношу пойти на убийство? Как-то не верится, что он был в паническом страхе от В., во всем ему подчинялся и пошел на преступление, чтобы косвенным путем от него отделаться. Все это выдуманно, тем более, что С. ничем не был гарантирован, что В. уедет или что, уехав, он быстро не возвратится. Ведь В. даже не давал ему обещаний уехать, а просто так

сказал. Для человека, не предрасположенного к преступлению, этого слишком мало, чтобы пойти с таким страшным человеком, как В., на преступление, даже не спросив его, на какое. Главное значение имело желание получить большой куш денег, чтобы иметь свободные средства на комфортабельную, полную развлечений, жизнь, и желание это у него освобождено, диссоциировано от регулирующего влияния нравственных склонностей. Удовлетворить это желание — главная цель этого молодого человека; она имеет направляющее его жизнь значение, ей он подчиняет все и полагает, что все средства для ее осуществления хороши, если они, по своей рискованности и неприятным последствиям, не являются невыгодными с точки зрения личных интересов. Ради нее он избирает инженерную карьеру, торгует, но скоро убеждается, что он — плохой коммерсант; ради нее он идет на преступление. . . Для того, чтобы добиться такого положения, при котором он мог бы вести жизнь, полную комфорта и приятных развлечений, свободную от угнетавшей его «мелкой обыденщины», в то время, когда он совершил преступление, ему нужен был большой куш денег, а для того, чтобы вести эту жизнь в дальнейшем, по его мнению, нужно было добиться положения инженера. Он к этому и стремился. Сама по себе такая карьеристическая цель не составляет предрасположения к какому-либо преступлению. Но у него она выбилась из-под нравственного контроля. У него сложилась склонность видеть в этой цели мерило того, что следует делать и от чего следует воздерживаться, и в соображениях полезности для достижения ее видеть регулирующее начало своего поведения. Эта цель приобрела у него как бы автономию от всех нравственных ограничений. В склонности, при преследовании ее, придавать ей всеоправдывающее значение и руководиться ею как мерилом должного и недолжного, дозволенного и недозволенного и заключается центральный признак его предрасположения к преступлению. С этой склонностью и ассоциировалось у него в роковой день представление преступления, как средства для его основной цели. В криминалорепульсивной части его конституции мы находим: недоразвитие чувства жалости, слабость нравственного чувства, вследствие которой он, несмотря на достаточный, казалось бы, уровень умственного развития, не вдмался в нравственную и социальную стороны поступка, и недоразвитие честности в имущественных отношениях: ему не было противно украсть, — на кражу, по его собственному признанию, он сразу и без колебаний согласился. Правда, он говорит, что Ширишкина была сожительницей бандита Обухова, с которого В. причиталась «за одно совместное дело» доля, которую он будто бы и шел получать с Ширишкиной, но все это, — даже если это совершенная правда, — не давало ему права участвовать в деле насильственного отнятия чего-либо у Ширишкиной и основания считать убий-

ство Ширинкиной чем-то меньшим, чем обыкновенное убийство. Да и какое было ему дело до расчетов бандитов между собой, если бы у него не было связывавшего его с этим миром предрасположения к преступлению? Во всяком случае итти с В. на кражу он согласился сразу и ранее, чем узнал, куда тот поведет его. Если сравнить С. с описанным выше Х., то разница получается очень резкая. Х. больной и слабый юноша, несмотря на желание, не находивший себе работы, измученный голодом и холодом, сын — нищей матери. С. — сильный и вполне здоровый юноша, имеющий недурной заработок и приятную для него шоферскую работу, сын достаточных родителей, могущих обходиться без его поддержки. Он не знал ни голода, ни холода, а был разве лишь стеснен в удовлетворении некоторых своих стремлений к материальному комфорту. К моменту преступления не произошло никаких особых внешних событий, как-либо серьезно изменявших ход его жизни. Он находился в сравнительно благоприятных условиях; у очень многих условия были гораздо хуже, но они не совершали тяжких преступлений. Он говорит, что ему нужно было продолжать образование, но, во-первых, этим нельзя оправдывать даже такого преступления, как кража, не говоря уже об убийстве, а во-вторых, разве мало студентов, содержащих себя в высшем учебном заведении уроками, которые оплачивались хуже шоферской работы? У Х. нет ни взглядов, ни сложившихся склонностей, прямо влекущих его на преступную дорогу; его нищенство было вынужденное. У С. выкристаллизовалась склонность добиваться такого материального положения, в котором он пользовался бы полным комфортом, и добиваться его всеми доступными мерами, руководясь одними соображениями личной выгоды и риска, и если последние позволяют, то и хищническим, насильственным захватом его.

Интересны и два другие участника: эта девица, которая кончила гимназию, но мало вынесла оттуда, мало развита умственно и нравственно, настолько, что быстро и близко сдружилась с бандитской компанией, называла заведомого убийцу — бандита В., Оськой, а он ее Ленкой, торговала подложными документами, с целью увеличить свой бюджет, и навела на дом, где часто бывала в качестве хорошей знакомой, бандитскую шайку. Она отрицала свое участие в этом деле, но всеми обстоятельствами дела и показаниями других соучастников вполне уличена в этом; ее упорное отрицание говорит только против нее. Последний соучастник — Е. — повидимому, более всех волновался во время преступления. С. рассказывал, что, когда они вечером пили у Ширинкиной чай и закусывали, то Е. стал есть с чаем маринованные грибы и вообще в растерянности делал разные несуразности. По сравнению с другими соучастниками Е. играл более пассивную роль и как-то мягче их. Но и он, и В., и О. совершили данное преступление не из нужды, а для увеличения своего бюджета и материального ком-

форта. То же стремление руководило и С., но у него оно соединилось с известной общей целью и с рядом рассудочных построений, на которых покоится последняя.

II. Ярко выражена склонность к хищническому, насильственному захвату богатства для веселой, полной комфорта, жизни у другого преступника — В., на описании которого я теперь и остановлюсь. У него также представление преступления ассоциировалось с этой склонностью, вошло в круг средств для ее удовлетворения. Он — старше описанного выше С., ему 25 лет. Родом из Екатеринбургa. Его отец — латыш, мать — русская. Выйдя из 5 класса реального училища, его отец поступил слесарем на завод и дослужился до места управляющего одним провинциальным отделением фирмы. Ни нервных, ни психических заболеваний ни у отца, ни у матери не было. В февральскую революцию В. был юнкером, позднее — инструктором пулеметной школы в армии Колчака. В 1919 году он сдался в плен и работал в одном из штабов Красной армии в качестве делопроизводителя. В 1920 году демобилизован. На фронте не был. В 1922 году прибыл в Москву, женился и жил без определенных занятий. Зная, что старик К. — хороший знакомый его родителей, — имеет запас платины фунтов в 12, как бывший платинопромышленник, он задумал похитить у него эту платину. Как-то в январе 1923 года он явился к К. с своим знакомым молодым человеком А., и в то время, когда К. стал читать переданную ему газету, В., — к ужасу А., — взмахнул над головой К. каким-то металлическим предметом. Перепугавшийся А. вскочил и сказал, что им время пойти в музей, чем и помешал убийству К., очевидно, задуманному В. За это последний назвал своего товарища трусом. В одно из последующих своих посещений, в середине января 1923 года, В. удалось похитить у К. стоявшую под печкой шкатулку, но там платины не оказалось, а нашлось лишь немного золота. Мечта В. разбогатеть оставалась неосуществленной. Своей жертвой тогда он наметил своего друга, женатого на родственнице К., — Гребнева, рассчитывая найти у него платину. 5 февраля 1923 года, около 11 часов утра, В. пришел к Гребневу. Через полчаса пришел и А. Вскоре из

Убийца Р.

платинопромышленник, он задумал похитить у него эту платину. Как-то в январе 1923 года он явился к К. с своим знакомым молодым человеком А., и в то время, когда К. стал читать переданную ему газету, В., — к ужасу А., — взмахнул над головой К. каким-то металлическим предметом. Перепугавшийся А. вскочил и сказал, что им время пойти в музей, чем и помешал убийству К., очевидно, задуманному В. За это последний назвал своего товарища трусом. В одно из последующих своих посещений, в середине января 1923 года, В. удалось похитить у К. стоявшую под печкой шкатулку, но там платины не оказалось, а нашлось лишь немного золота. Мечта В. разбогатеть оставалась неосуществленной. Своей жертвой тогда он наметил своего друга, женатого на родственнице К., — Гребнева, рассчитывая найти у него платину. 5 февраля 1923 года, около 11 часов утра, В. пришел к Гребневу. Через полчаса пришел и А. Вскоре из

комнаты Гребнева послышались один за другим 3 выстрела и крик Гребнева: «Спасите, грабят!». Затем из комнаты вышел Гребнев, держась руками за голову; по его рукам ручьями текла кровь. Увидевшая Гребнева свидетельница Ф., с целью поднять шум, бросилась в переднюю и здесь столкнулась со вторым посетителем Гребнева, шофером А., который был бледен, но не растерян, и стоял в шубе с заложенными в кармане руками. На вопрос, где же убийца, он указал на комнату Гребнева и вышел; задержать его свидетельница не решилась. Затем Фишер увидела раненого В., который полз по коридору:

«Позовите мне Мишу (т.-е. Гребнева), сказал он, я хочу сказать ему три слова перед смертью». Свидетельница позвала Гребнева, который, несмотря на 3 раны, пришел и был уложен на постель, а В. — на сундук. Но В. и Гребнев не обменялись ни словом. У В. был найден браунинг. Шофер А. был арестован на углу Арбата; рука и блуза у него оказались в крови.

Выяснилось, что В., задумав ограбить Гребнева, пригласил в соучастники А., а затем, увидев, что «дело сорвалось», решил покончить с собой. Но он остался жив, хотя в результате выстрела потерял правый глаз. План, который был выработан В. и обдумывался им более двух недель, состоял в том, что А. должен явиться к Гребневу после него, назваться вымышленным именем, притвориться, что он незнаком с В., сказать, что он приехал из Екатеринбурга, где в то время была жена Гребнева, и передать ему поклон от жены. В. же должен был несколько ранее угостить Гребнева снотворными привиками и конфетами и уйти. По расчету Гребнев должен был заснуть, а проснувшись обнаружить пропажу платины и заподозреть в ее похищении неизвестного ему А. В день убийства В. зашел к А. в 10 часов утра, повел его в пивную, подпоил, а потом сам пошел к Гребневу, А. же сказал притти приблизительно через полчаса, что тот и выполнил. В комнате у Гребнева произошло следующее. Гребнев стал спрашивать А., с каким поездом он приехал из Екатеринбурга и какова там погода. Так как А. никогда в Екатеринбурге не бывал, то его эти вопросы поставили в затруднение. В. пришел ему на помощь, высказывая разные предположения, которые А. только подтверждал: что поезд, вероятно, вышел из Екатеринбурга тогда-то, что погода там, вероятно, холоднее и т. п. Разговор длился минут 10. Затем В. встал, прошелся по комнате и, подойдя к Гребневу сбоку, ударил его рукояткой револьвера по виску, а затем второй раз и крикнул: «держи его, Гришка, край». А. бросился к Гребневу, схватил его за горло, но, почувствовав, что по рукам течет кровь, отскочил назад к двери. В этот момент В. произвел в Гребнева несколько выстрелов; последний, согнувшись, побежал к двери, толкнул А. головой в живот и, крича о помощи, выбежал. В. лег на корзинку, приставил себе револьвер к виску и, сказав: «ступай, Гриша, все кончено», выстрелил в себя. Гребнев в тот же день

умер. Вскрытие обнаружило у него 2 огнестрельные раны и 2 кровоподтека, нанесенные каким-то тяжелым орудием. Суд приговорил В. к 10 годам заключения со строгой изоляцией, с конфискацией, с поражением прав и с высылкой на 3 года. А. приговорен к 8 годам заключения с поражением прав и с высылкой на 3 года. В. был предварительно отдан в психиатрическое лечебное заведение и содержался там на испытании, при чем конференцией врачей был признан не душевнобольным. После преступления у него было реактивное психопатическое состояние, которое постепенно прошло во время его пребывания в психиатрической лечебнице. Для признания психопатической, невропатической и алкогольной наследственности данных нет. Его отец пьет очень мало, а мать не пьет совсем. Сам В. также мало пьет, «третья рюмка уже противна» ему. Кокаин нюхать пробовал, но не понравилось: «мутило как-то, было скверно, психического впечатления не было». Никакими особенными болезнями не болел; в детстве у него были корь, скарлатина, оспа, позднее он болел малокровием и малярией, — при чем на этой почве у него бывали обмороки, когда он был во втором и третьем классе гимназии. Был у него еще сыпной тиф. Половую жизнь он начал лет с 17, имел мимолетные половые связи; в 1922 году женился и жену очень любит. В характере В. нельзя не заметить, прежде всего, двух черт: он — человек злой и неуравновешенный, с резко меняющимся настроением. Ему, несомненно, присуща некоторая истеричность; по ничтожному поводу он может иногда дня два просидеть у себя в комнате, ни с кем не разговаривая, а иногда может целый вечер хохотать, без серьезных к тому оснований, и других смешить, и самому смеяться, но вместе с тем все время внимательно за собой наблюдать, и, смеясь наружно, в сущности мало заражаться общим весельем. Способность самоанализа, способность копаться в пружинах своих переживаний, взвешивать и оценивать их развития у него очень сильно. Он болезненно самолюбив, очень недоверчив к людям и чуток к отношению к себе других людей; если он почувствует, что человек относится к нему не совсем доброжелательно, то он замкнется в себе, и тот из него «двух слов не вытянет». Другими людьми он интересуется, лишь поскольку от них может что либо получить для себя. Он рассудочно эгоцентричен. От отца он унаследовал настойчивость в достижении поставленной цели и значительное упрямство. Это сказывалось даже в занятиях его спортом, которые он очень любит и которым занимался с большим азартом: занимаясь спортом, он всегда упорно шел к своей цели и, когда что-нибудь не выходило, готов был несколько раз расшибиться, чтобы только добиться своего. Он увлекался футболом, теннисом, коньками, лыжами, на которых исходил много гор на Урале. Он раздражителен, но раздражительность свою умеет скрывать: «считаю себя сдержанным по воспитанию, говорит он, но характер у меня несдержанный и скорее страстный, чем холодный». Его

характеру, несомненно, присущи также решительность и смелость. Из его любимых занятий надо упомянуть о музыке, он играет на рояли и на виолончели. Он любит природу, любит бродить, наслаждаясь природой, любит охоту.

Особых умственных интересов у него нет. Он кончил гимназию, был год на физико-математическом факультете и 2 года в томском технологическом институте; не кончил, по его словам, из-за военной службы. Сравнительно более других предметов ему нравилась механика. Ученье давалось ему легко. Он довольно много читал и особенно любит читать классиков. Прочитанное помнит довольно долго и недурно. Память у него, впрочем, лишь средняя. Его мысль работает довольно быстро и легко комбинирует признаки и факты. Он не глуп, довольно способен, но поверхностен и пуст; от человека, прошедшего среднюю школу и пробывшего 3 года в высшей, можно требовать более серьезного и вдумчивого отношения к вопросам жизни и выработки себе не одного плана карьеры, а и более глубокого жизненного идеала. Политика и философия его совсем не интересуют. Он пробовал читать политические книги, но вынес из них одну лишь скуку, а чтение философских книг привело его к выводу, что философия есть предмет, годный лишь для того, чтобы им забавляться после обеда. В его обиходных взглядах царит большая путаница; так, он заявляет себя индетерминистом, говорит, что верит в свободу воли, и вместе с тем заявляет, что всякое преступление, в частности и совершенное им, предопределено неизменными свойствами личности: если человек не создан для того, чтобы совершить известное преступление, то он его и не совершит. В отношении других людей он усвоил себе такой основной принцип: применяться к каждому человеку и держать себя с ним так, как он этого требует. Нельзя сказать, чтобы это правило поведения, строго соблюдаемое В., говорило о его моральной высоте.

Всматриваясь в личность В., не трудно заметить, что все его желания концентрируются около одного основного желания: разбогатеть настолько, чтобы «жить баринoм», т.е. в полном материальном комфорте, легкою и беззаботною жизнью, без лишений и какого-либо скучного и неприятного труда. Своему соучастнику — Григорию Яковлевичу А. — он проповедывал, что учиться не стоит и что он потому бросил Томский технологический институт, что убедился в том, что надо не корпеть над учебниками, а жить полной, красивой жизнью, или не жить вовсе, что надо добыть денег и уехать в Италию, где прекрасная природа и можно хорошо пожить, а если не удастся, то, по крайней мере, «в последний раз ярко вспыхнуть и погаснуть». Незадолго до убийства Гребнева В. писал матери: «Ты знаешь, если не все, то, по крайней мере, хоть часть того, что должно было происходить в моей подлой, паршивой душонке за последнее время». . . «Борьба всего грязного, подлого, мерзкого с теми хорошими (я боюсь так

сказать наверное) задатками, которые ты мне дала при рождении». . . «Как я завидую тебе, что ты могла мыть сама полы и т. п. и в то же время сохранить свое достоинство и гордость». «Я так делать не мог, ибо во мне всегда оставалась привычка жить баринном». . . «Хочу жить. Так хочется взять от жизни что-нибудь хорошее, урвать, украсть несколько хороших минут». «Если бы я смог как следует жить». . . В этом письме, он, между прочим, вспоминает слова матери: «лучше застрелись, но не будь негодеям».

Та хорошая жизнь, к которой он так горячо стремится, в его понимании есть богатая жизнь, полная материального комфорта и приятных развлечений. К ней он стремится, как в высшей цели и после того, как он женился, привязанность его к этой цели возрастает еще более. Можно догадываться, что его жена держалась того же непонимания, и только укрепляла его в этом стремлении. Но каков же путь к этой цели? Карьера инженера? Но на этом пути был поставлен крест еще в Томске, да и путь этот — довольно медленный, а хочется разбогатеть поскорее. Возможно, что за эти годы В. к тому же поотвык от научных занятий и пообленился. Во всяком случае в беседе с приятелем он, как мы видели, уже презрительно говорит «о корпении над учебниками». Какой же другой путь остается? Аферы? Коммерческая деятельность? В. пробовал силы на этом поприще. Последнее время он жил, что называется, «игрой ума», занимаясь комиссионными операциями и орудуя на черной бирже. Но и путь афер, как оказалось, не ведет к быстрому обогащению. Так он пришел к мысли схватить солидный куш путем преступления, а объектом преступления избрал своих друзей и неделями размышлял, как бы их лучше ограбить. Здесь сказались отсутствие какой-либо моральной узда, сдерживающей его необузданное стремление к обогащению. В склонности осуществлять это стремление отрешенно от всяких моральных ограничений и заключается основное ядро его предрасположения к преступлению. У него есть ряд прочно установившихся комплексов, из которых складывается его специальная склонность к неограниченному каким-либо этическими рамками достижению указанной цели, его установка на осуществление этой цели всеми средствами, оправдываемыми соображениями личной выгоды. Его рассудочная эгоцентричность, черствость и бессердечие привели к тому, что жертвой своих преступных посягательств он сделал своих друзей и близких знакомых его и его родителей. На них ему было проще и легче напасть, так как у них он был — свой и его, разумеется, не остерегались. К намеченной им цели он шел очень обдуманно и упорно: дважды посягал на К. и раз на Гребнева. Раньше он не судился, хотя, возможно, что эти преступления — не первые его подвиги на криминальном поприще; по крайней мере, его соучастник А. говорит, что, сколько он знает, В. пришлось покинуть Томск не в силу того, что военная служба помешала ученью, которое он

мог бы продолжать, демобилизовавшись, и не потому, что он разочаровался в науке и намеченной карьере, а потому, что стали раскрываться какие-то его темные аферы. Да и его письмо к матери, написанное до убийства Гребнева, содержит указание на что-то очень темное в прошлом. Как бы то ни было, он проявил не так часто встречающуюся у лиц, впервые предстающих перед уголовным судом по обвинению в тяжком преступлении, — настойчивость и решительность в преследовании намеченной преступной цели. Интересно провести параллель между ним и описанным выше С. Они во многом похожи друг на друга, даже своими вкусами. Оба выше всего ставят комфорт и материальные удобства жизни и хотят завоевать их для себя. Оба хотят не удовлетворения минутной потребности в каком-либо чувственном удовольствии и денег для нее, а прочного материального благосостояния, если не на всю жизнь, то на более или менее продолжительное время. Оба избирают карьеру инженера, как путь, ведущий к этой цели. Но В., повидимому, уже разочаровался в этом средстве, или обстоятельства преградили ему дальнейшее движение по этому пути; как бы то ни было, но он поставил, повидимому, крест или, во всяком случае, отодвинул в далекое будущее инженерную карьеру. Хотя он и говорит, что в будущем думает кончить институт, но уже несколько лет он для этой цели не предпринимал ничего. В последнее время у него была другая цель, — разбогатеть и уехать в Италию. С. еще не разочаровался в инженерной карьере, для него она — цель настоящая, над достижением которой он работал в момент преступления. Оба они держатся одного и того же взгляда на жизнь, который выдвигает в центр всех стремлений материальный комфорт. Но В. старше и у него этот взгляд мотивируется подробнее и высказывается с большим апломбом. Но у обоих это жизнепонимание определяет их отдельные жизненные цели и тот угол зрения, с которым они подходят к проблемам жизни. Оба они решительны, смелы, активны и не прочь поживиться чужим. Оба поверхностны в своих нравственных суждениях, но у В. и здесь мы встречаем более подробное резонерство. Если по поводу С. можно говорить о нравственном недоразвитии, то у В. мы встречаем ту ступень нравственного вырождения, которую я называю моральной хаотичностью. И эту разницу не трудно заметить, если обратить внимание, что С. напал на постороннюю ему женщину и, хотя и преувеличивал дурное влияние на него товарищей, под некоторым дурным влиянием, несомненно, находился, и был вовлечен в преступление другим лицом. В. напал на близких ему людей, на лиц, которым он показывал вид, будто питает к ним дружбу или уважает их, как друзей своих родителей, и, притом, сам вовлек в преступление другого, ловко использовав его слабости для этой цели. Преступный план, долго разрабатывавшийся, целиком вырос у него, не встретив заметной задержки в своем развитии. С. не способен убить близ-

кого друга, по крайней мере, у нас нет фактов, которые давали бы основание признать у него эту способность; мы видим все-таки, что он остановился перед убийством девочки, не смог и не захотел убить ребенка. У В. некоторые альтруистические чувства сохранились лишь в отношении родителей и жены, остальные люди интересны ему, лишь поскольку они являются орудиями или жертвами для его эгоистических целей. Однако отвлеченно, умом, он сознает свое моральное безобразие и у него, по временам, просыпается протест остатков нравственного чувства. Этим протестом, в связи со страхом ответственности, по всем вероятностям, было вызвано его покушение на самоубийство; им же, до известной степени, объясняются покаянные нотки приведенного выше письма к матери, да и бывающие у него иногда моменты депрессии. Он не был кем-либо вовлечен в преступление, но ему нужны были деньги, чтобы обставить комфортом жизнь свою и жены: его жена, поскольку удалось узнать, повидимому, истеричка, нюхала кокаин и с такими же запросами относилась к жизни, как сам В., решительно избегающий, впрочем, что-либо говорить о жене. Весьма вероятно, что стремление угодить ей и доставить ей материальный комфорт усиливало его собственное стремление к тому же. Что жена имела на него влияние, это видно по многому. Так, он не любил танцевать, но танцевал потому, что хотела жена; не любит вечеринок и театров, но посещал их нередко, поскольку этого хотела жена; последняя, повидимому, определяла своими желаниями весь распорядок домашней жизни. Указанные выше остатки нравственного чувства и альтруистических чувств и минуты раскаяния дают основание признать у него утвердившуюся моральную хаотичность и препятствуют назвать его моральным имбециллом.¹ Продолжая начатую параллель, можно отметить еще следующие черты сходства С. и В. Оба любят природу, но не как мыслители или исследователи, — изучать ее они не стремятся, — а как туристы и охотники; охоту оба любят. Оба любят музыку, играют на рояли и увлекаются спортом, но лишь разными видами спорта. Большой интерес для ознакомления с личностью В. представляют также его отношения к его соучастнику А., тому шоферу, который пришел к Гребневу вторым. Личность последнего и сама по себе представляет большой интерес, так что на ней стоит остановиться. Вот, в немногих словах, его биография.

Григорий Яковлевич А., 27 лет, уроженец Челябинской губернии, сын местного, довольно зажиточного крестьянина. Отец его сам мало занимался крестьянским хозяйством; он был мельничным мастером — находился в постоянных разъездах. Все хозяйство вела мать и поставила его недурно; у них было 4 лошади, несколько коров, довольно много птицы и хлеба, так что семья не бедствовала. К сожалению, отец сильно пил, и на этой почве

¹ О разных степенях морального вырождения см. ниже.

между родителями бывали частые ссоры, никогда, впрочем, не доходившие до драк. К детям родители относились не строго; атмосфера в семье была недурная. Детей в семье было одиннадцать человек; многие из них умерли в детстве от разных болезней, в живых остались только 4 сына и дочь. Григорий — второй по счету. Он большей частью пребывал не дома, а у сестры своей матери и ее мужа, верстах в 20 от их деревни державших мельницу. Это были очень зажиточные, но бездетные люди, которые взяли к себе племянника, чтобы веселее жилось. Они отдали его в челябинское реальное училище, в котором он прошел 4 класса;

Участник убийства Гребнева
шофер А. 3

затем, по желанию дяди, вызванному влечением мальчика к техническим знаниям, его поместили в специальное среднее техническое училище в г. Златоусте. Учился Григорий хорошо по всем предметам, имеющим отношение к технике, остальными же предметами, как, например, историей или русским языком, не интересовался и на этих уроках дремал. Когда началась мировая война, Григорий был близок к окончанию средней школы. Но он поддался патриотическому порыву и, несмотря на уговоры дяди и родителей, поступил вольноопределяющимся в кавалерию. В начале 1915 года он уже был в Тамбове, но, убедившись вскоре в трудности кавалерийской службы, перевелся в артиллерию, и в 1916 году мы застаем

его уже на северном фронте, на технической должности при штабе артиллерийской бригады. Участвия в боях ему принимать не пришлось, но видеть бой на очень близком расстоянии, видеть убитых, массы раненых и всю боевую обстановку приходилось много раз, при чем все эти картины производили на него очень сильное и тяжелое впечатление. В августе 1917 года, при сдаче Риги, он, стоя на возвышенности очень близко, видел конную атаку нашей кавалерии и рукопашный бой, который произвел на него ошеломляющее впечатление. Страшное впечатление произвела на него и вся картина беспорядочного отступления от Риги, эти груды убитых и раненых тел, вся картина охватившего людей страха, когда каждый думал только о своем спасении, и санитарные повозки проезжали мимо раненых, оставляя их на произвол судьбы, так что оружием приходилось их останавливать и заставлять подбирать раненых, в чем принимал участие и Григорий. Он

говорит, что «в это время в нем угасла всякая вера в самопожертвование». Всюду был виден лишь резко проявлявшийся грубейший эгоизм.

На фронте А. пробыл до начала 1918 года, а затем, почувствовав интерес к авиации, поступил в гатчинскую авиационную школу, занимался там очень прилежно и изучил авиационное дело довольно быстро. В качестве авиационного механика он совершил несколько полетов, при чем на колчаковском фронте ему приходилось летать и на боевые разведки. В середине 1920 года он почувствовал охлаждение к авиационному делу и признаки сердечного недомогания: замирание сердца, дрожь, по временам появлявшееся беспричинное волнение, большую раздражительность. Вследствие этого он достал себе командировку в московское высшее техническое училище, где занимался, в качестве монтера, легкими тепловыми двигателями; затем, благодаря содействию одного профессора, он поступил в это училище студентом. Некоторое время он работал в качестве студента, сдал все необходимые зачеты, но затем заболел острым малокровием и уехал домой на родину. Здесь он застал голод и большую хозяйственную разруху. Мать его умерла еще в 1919 году, отец находился в затруднительном материальном положении; для того, чтобы не обременять собою отца, он поступил делопроизводителем в заготовительную контору Губпродкома. В начале 1922 года он, наконец, освободился от этого места и явился в Москву, где стал продолжать свое образование в институте инженеров воздушного флота. Так как необходимо было посылать денег отцу, то Григорий, кроме учения, должен был заняться работой. Он зарегистрировался на бирже труда, но от нее никакого места не получил. При содействии одного из профессоров технического училища, давшего ему кое-какие инструменты, он занялся починкой автомобилей. Дело пошло. Сначала работал один, потом к нему присоединилось несколько товарищей-студентов, а затем он уже открыл целую мастерскую и держал до 18 человек рабочих. Зарабатывал хорошо, — и себе хватало, и домой посылал, завелись даже лишние деньги. Взятые у профессора инструменты давно были возвращены и дело процветало. Но в это время Григорий Яковлевич стал сильно пить. Он и раньше пил, находясь на военной службе, а теперь стал пить сильно: деньги были свободные и товарищи соблазняли, а он человек — компанейский, на уговоры податливый. В результате постоянного пьянства в августе 1922 года в мастерской оставалось уже только 4 рабочих, при чем сам он перестал уже ею заниматься, а сдал ее в бесконтрольное ведение механика, который также сильно пил и беззастенчиво его обкрадывал. Пьяная жизнь продолжалась до самого ареста 5 февраля 1923 года. В пьяном виде Григорий Яковлевич склонен к сердечным излияниям, к сантиментальным разговорам и к филантропии. В этот период времени с ним произошло одно событие, которое, на первый взгляд, могло серьезно

изменить его жизнь к лучшему. Но, к сожалению, этого не случилось. В одну октябрьскую ночь он пьяный шел домой и остановился у Красных Ворот купить папирос. Вдруг он услышал, что кто-то плачет. Это его поразило: кто же может плакать, когда он, А., пьян и всем доволен? Подойдя к месту, откуда слышался плач, он увидел прилично одетую девушку, которая на все его расспросы просила только оставить ее в покое. Но, убедившись, что он не имеет в виду ухаживания, она вступила с ним в разговор и сообщила ему, что приехала в Москву учиться, что она курсистка, что у нее нет пристанища и что она уже несколько дней провела на Ярославском вокзале, что мужчины к ней пристают и ей остается или пасть, или броситься под поезд или трамвай и что она предпочитает последнее. На это Григорий Яковлевич убедительно предложил ей третий исход: пойти с ним к одному его только что женившемуся товарищу, обещая устроить ее у него на несколько дней, а там, может-быть, удастся что-нибудь придумать. Девушка на это согласилась, но через несколько дней решила уехать от приютивших ее молодоженов, заметив, что сильно их стесняет. Григорий Яковлевич убедил ее переехать к нему и поместиться в его комнате за ширмами, заявив, что пусть товарищи говорят, что хотят, «за это можно плевать на них с высокой лестницы». Об этом периоде Григорий Яковлевич рассказывает с большим подъемом, как о времени, когда было «так дивно». Никаких плотских отношений между ним и его новой знакомой не было. В это время мастерской уже не существовало. Была арендована лишь одна машина, на которой Григорий Яковлевич сначала ездил сам, а затем, занявшись в одиночку ремонтом машин, нанял шофера и отпускал машину по заказам. Пьянство и кутежи с товарищами продолжались. Новая знакомая Григория Яковлевича всячески старалась удержать его от кутежей и отвести от дурных товарищей, но серьезного действия ее слова не оказывали. Ее увещания, — когда она делала их при товарищах, — казались ему даже обидными и вызывали между ними размолвки. В январе 1923 года она ушла из его комнаты, получив другую квартиру в том же доме. Григорий Яковлевич говорит, что ничего, кроме дружбы, к ней не испытывал, но, когда она ушла, почувствовал какую-то особенную пустоту и часто даже не возвращался в свою комнату, которая стала ему если не противна, то как-то неприятна. Вместе с этой девушкой отлетело от него то хорошее, облагораживающее влияние, которое она оказывала на него, и он совсем отдался своей бесшабашной жизни. К этому времени относится его знакомство с В., который быстро понял, что он легко может использовать А. и сделать его орудием для своих целей. Он сделал вид, что дружески к нему расположен, и систематически подпаивал его. К себе его он принимать, однако, избегал, с женой не знакомил, а когда А. заходил к нему, то уводил его куда-нибудь выпить или выносил ему бутылку и с последней его выпроваживал.

«Ты что, Гриша, коньячку?», спрашивал он и так или иначе его выпроваживал. В. показался Григорию Яковлевичу очень интересным человеком: это был веселый собутыльник, с которым они сразу подружились и перешли на «ты». Он ему проповедывал, что не надо корпеть над книгами и работой, надо уметь жить красиво и т. д., рассказывал об Италии, о красоте ее природы, о приятности жизни там и... подлаивал коньяком... Однажды он заявил ему, что надо украсть большое количество платины у одного старого его знакомого, — друга отца, — и предложил А. играть роль пособника, отвлекающего внимание жертвы, занимающего ее разговором в то время, когда другие соучастники будут совершать похищение шкатулки с платиной. А. согласился, но выше описано, как он испугался, когда обнаружилось действительное намерение В. убить К.; своим испугом он «сорвал дело». Однако, он пошел с В., которого теперь должен бы был окончательно раскусить, на второе дело, — на убийство Гребнева. Допустим, что он, идя, не знал, что будет убийство, все равно к краже он способен. Он не прочь пожить чужим и приобрести чужое имущество похищением или обманом. К этому у него есть предрасположение, благодаря которому с представлением о приобретении чужого имущества связываются антиципации известных чувственных удовольствий, антиципация сильной выпивки. Вследствие своего алкоголизма и намечающегося уже у него алкогольного вырождения он с особенной отчетливостью и яркостью предвкушал наслаждение этой выпивки и стремился в силу этого к преступлению. У него просыпался некоторый протест против последнего, но лишь в первом случае протест этот, — и то лишь против убийства, — выразился с более или менее заметной силой. Во втором же случае мы этого протеста не видим, а, наоборот, видим, что, когда В. крикнул ему держать Гребнева, он схватил последнего за горло, стал было душить и лишь потом отпустил. Таким образом, он способен и на открытое нападение на другого человека ради завладения его имуществом. Никаких внешних обстоятельств, которые в момент преступления как-нибудь особенно давили на него, не было. Внешние условия его жизни были, во всяком случае, сносны и открывали ему возможность добиваться их улучшения иными способами. Мы в праве, таким образом, признать у него известное предрасположение к бандитской деятельности, окрашенное примесью сильной склонности к алкоголизму, но не столь резко выраженное и глубоко укоренившееся как у В. Он еще вряд ли способен сам непосредственно выступить в роли самостоятельного соучастника бандитского нападения; он предрасположен лишь ко вторым ролям, к соучастию с внушенной активностью, под руководством более активного бандита, каковым в данном случае был В. Для того, чтобы он участвовал в бандитском налете, нужно, чтобы кто-нибудь вел его по этому пути, указывал ему и руководил им. С одной стороны, однако, мы наблюда-

даем в его психической конституции известное ядро комплексов, в которых представление о похищении чужого имущества, даже с насилием, сплелось с живыми антиципациями известных чувственных удовольствий и образовало предрасположение к бандитской деятельности, а с другой стороны, в криминоппульсивной части его конституции мы видим значительное ослабление инстинктивного отвращения к преступлению, ослабление желаний приобрести знания, а также расположения и уважения к труду. Он опустился нравственно, за последнее время сильно обленился, погрузился в бесшабашную, нетрудовую, пьяную жизнь и стал морально вырождаться под влиянием алкоголизма. Он гораздо мягче, отзывчивее, сердечнее В., не зол, добродушен, но под влиянием алкогольного вырождения это добродушие стало лишь внешней, показной чертой, вовсе не застраховывающей его от злых поступков. Его характер из двойственного, содержавшего среди господствующих в нем склонностей и склонности высшего порядка, стал на путь превращения в чувственно-эгоцентрический. В его интеллекте почти погасло стремление к знанию, хотя и прежде у него это стремление носило односторонний характер: его интересовали исключительно технические знания. Интересно отметить, что в тюрьме он сильно изменился; к его собственному изумлению у него в тюрьме пропал всякий интерес к техническим знаниям и появился интерес к знаниям гуманитарным, которыми раньше он совершенно не интересовался: к психологии, праву, философии и беллетристике, и он читает теперь книги, относящиеся к этим областям. Развивается у него сейчас и склонность к самоанализу; только сейчас он «стал копаться в себе и разлагать себя на самые мелкие части». Наказание свое он считает вполне заслуженным. Когда его привели в милицию, он там почувствовал себя спокойно и даже весело, потому что понял, что то, что с ним произошло, было неизбежным кризисом, что он совершил преступление не тогда, когда участвовал в убийстве Гребнева, а еще раньше, в августе, когда стал вести бесшабашную, пьяную жизнь. Он понял тогда, что кризис миновал, и для него наступила полоса выздоровления.

Сравнивая А. с его соучастником, нельзя не прийти к выводу, что он — сравнительно мягкий человек, склонный по временам, как мы видели, к сентиментальности. Но у него так же, как и у В. и у ранее описанного С., есть склонность к нетрудовому обогащению на чужой счет. У В. эта склонность сплетается с известными рассуждениями резонерского характера и с целью перенестись в новые условия жизни в Италии. У С. эта склонность сплетается с его карьеристическими планами. У А. запросы на материальный комфорт ограниченнее, чем у двух вышеупомянутых преступников: ему нужно, чтобы было на что выпить, как следует, и свободно предаваться бесшабашной пьяной жизни; у него упомянутая склонность сплетается со склонностью к пьянству. Инте-

ресно отметить, между прочим, в заключение характеристики А., что он предпочитает пить один, без компании, и не раз даже один сидел в отдельном кабинете ресторана и выпивал. Вообще он любит уединение, любит один поиграть на скрипке, чтобы никто ему не мешал. Он вообще склонен к меланхолическим состояниям, всегда казался старше своих лет и все делал с глубоко-мысленным видом. Центральным признаком присущего А. предрасположения является его склонность удовлетворять свою потребность в выпивке, руководствуясь одними соображениями личной выгоды и риска, отрешенно от всяких или почти от всяких нравственных ограничений. Большого риска в своем преступлении он не видел, рассчитывая на ловкость В. и на то, что Гребнев о похищении такого большого количества платины будет молчать. Выгода от преступления была очевидна. Сладость выпивки им предвкушалась. Он и согласился.

Приведенных выше примеров достаточно в целях общей характеристики, чтобы сделать ясным основное различие между эндогенными и экзогенными преступниками, и мы можем теперь, — сделав предварительно несколько общих замечаний о приемах установления в отдельных случаях принадлежности субъекта к той или иной основной группе, — перейти к специальному исследованию каждого из этих типов.

III.

У экзогенного преступника отдельный криминогенный комплекс, — в виде мысли об известном преступлении, соединенной с желанием его совершить, — становится центром ассоциаций и получает господство в сознании благодаря тому, что человек находится не в обычном своем состоянии, а в состоянии исключительном, под давлением известного внешнего события, причиняющего или грозящего причинить ему или кому-либо из его близких серьезные страдания. Стремление к преступлению возникает и развивается у него благодаря более или менее живому предощущению того облегчения своего положения, которое он может получить путем преступления.

У эндогенного преступника мы находим уже образование на почве известных его склонностей склонности к преступлению, ассоциацию представления известного преступления со склонностью к такому образу действий, который доставляет ему большее или меньшее наслаждение, заключающееся не в одном освобождении от страданий, хотя, быть-может, вместе с тем освобождает его и от известного страдания. Антиципация этого наслаждения и является движущей силой роста стремления к преступлению. Та склонность, с которой у эндогенного преступника ассоциируется образ известного преступления, состоит из ряда координированных комплексов, благодаря которым с представлениями самого процесса

совершения этого преступления или определенных его последствий соединяются живые антиципации приятных ощущений или чувств и, благодаря последним, сильный импульс к этому преступлению.

Решение вопроса о том, принадлежит ли данный преступник к числу эндогенных или экзогенных, сравнительно просто, когда характер и обстановка совершенного преступления таковы, что цели, руководившие мотивы и взгляды преступника вполне ясны, или прямо и достаточно полно высказаны им самим, при чем в искренности его сомневаться не приходится. Тогда нередко можно сделать вывод относительно наличности или отсутствия у субъекта предрасположения к известному преступлению, и остается лишь суммировать, систематизировать и отчасти, быть-может, дополнить полученный материал. Но чаще всего таких высказываний со стороны преступника и таких комбинаций обстоятельств, из которых прямо распознавалось бы отсутствие или наличность предрасположения к преступлению, не бывает, и об этом приходится судить на основании совокупности данных, полученных без помощи самого преступника или даже вопреки его воле и желанию. Большим подспорьем в этих случаях может быть, прежде всего, справка о судимости, документально удостоверенное уголовное прошлое субъекта. Однако, надо остерегаться придавать этой справке безусловное значение. Неоднократная преступная деятельность вовсе не всегда свидетельствует о том, что преступник является носителем эндогенного типа. Большое значение имеют те обстоятельства, при которых субъект совершил каждое из своих преступлений, насколько близки эти преступления друг к другу по характеру и времени и как субъект жил в промежуток между ними.

Затем, необходимо внимательно исследовать те внешние условия или события, при которых субъект совершил данное преступление. При этом необходимо считаться с настроением субъекта в тот момент, когда на него действовали толкнувшие его на преступление внешние обстоятельства. Сила давления внешних обстоятельств на человека очень различна в зависимости от того, в каком настроении находился субъект в момент их действия, какие психические процессы у него в это время происходили и могли нейтрализовать, ослаблять или, наоборот, усиливать производимое данными обстоятельствами впечатление.¹

Серьезное внимание надо обратить еще на следующее:

Ради какой именно потребности учинено преступление?

Ради какого именно из приносимых преступлением результатов оно совершено?

¹ В этом случае имеет место то явление, которое проф. Циген называет констелляцией. См. его „Физиологическую психологию“. Перев. Динзе. СПб. 1909, стр. 256 — 257.

Какое упорство и настойчивость проявлены при совершении его?

Как велико проявленное преступником пренебрежение к интересам других людей и общества?

Действуя в различных направлениях, преступление всегда приносит ряд последствий для потерпевшего, близких ему лиц, для учреждения или предприятия, в котором работал потерпевший, для всего общества, для семьи преступника и т. д. Преступник всегда действует ради некоторых из этих последствий, и надо выяснить, ради каких. Надо выяснить также, как он удовлетворял данную потребность в других случаях, если она у него повторялась, какие ассоциации сложились в его мышлении относительно средств и способов ее удовлетворения и каким образом он удовлетворяет потребности, всего ближе стоящие к данной. Большое значение, далее, имеет сила, с которою пробудилась данная потребность, возбужденность у субъекта того чувства, голос которого слышится в данной потребности. Важно также выяснить, какие способы удовлетворения данной потребности казались субъекту возможными и в силу чего именно он выбрал преступный способ. Так как преступление представляет собою такой способ удовлетворения потребностей, который у большинства людей встречает достаточно сильные, противодействующие ему комплексы, то очень существенно выяснить, какие из обычно встречающихся противодействующих комплексов отсутствуют и какие имеются у данного преступника. Взгляды последнего на тот круг отношений, к которому относится данное преступление, а также имеющийся у него запас идей, с помощью которых может быть произведена моральная и социальная оценка деяния, и сила сопровождающего эти идеи эмоционального тона, также имеют большое значение для отнесения субъекта в ту или иную группу. По наличности или отсутствию у субъекта одних комплексов можно судить о наличности или отсутствии у него других.

В качестве дополнительного метода в данном случае может приносить большую пользу и метод тестов, который, несомненно, будет играть все большую роль в криминальной типологии и, особенно, в дифференциальной диагностике. Тест представляет собой опыт, предназначенный обнаружить известное свойство или отдельную склонность личности.¹ Нельзя, однако, не видеть, что в криминальной психологии приходится иметь дело с очень сложными проявлениями личности, и для криминалиста-психолога в большинстве случаев представляет особенный интерес узнать не об одной наличности или отсутствии известных свойств, а и о том, как комбинируются и уравниваются эти свойства в сложных проявлениях личности, когда эта личность попадает в круг более или менее трудных жизненных обстоятельств. Привести в дви-

¹ С. W. Stern. „Die differentielle Psychologie“. 1911, стр. 87.

жение всю личность в целом в искусственных условиях опыта и создать для нее положение, аналогичное тем условиям и обстоятельствам, в которые она попадает не в лаборатории, а в действительной жизни, невозможно. Вот почему от поведения личности во время опыта делать смелые заключения касательно ее прошлого или вероятного будущего поведения при определенных жизненных условиях очень рискованно.

В жизни всегда имеют место разнообразнейшие, хотя иногда и малозаметные, тормозящие и усиливающие влияния, которые существенно изменяют в ту или иную сторону ход психических процессов. Поэтому те своего рода естественные эксперименты, которые представляют собою поступки личности при разных жизненных положениях и условиях, раскрываемые историей ее жизни, имеют для криминалиста-психолога основное, руководящее значение. Но в качестве дополнительного приема, помогающего убеждаться в правильности истолкования отдельных фактов жизни личности, в силе развития, наличности или отсутствия у нее известных свойств, метод тестов может приносить немалую пользу. При этом особенно важно подвергать испытуемых действию таких раздражителей, которые вызвали бы заметные эмоциональные состояния — чувство гадливости, раздражения, негодования, радости, печали и т. д., так как такие опыты могут вскрыть очень интересные ассоциации определенных представлений с известными эмоциями и показать большую или меньшую силу их чувственного тона.

Главные корни преступности лежат в эмоциональной сфере личности. Конечно, в настоящее время, когда закладывается лишь фундамент криминальной психологии, устанавливаются ее основные понятия и проводятся главные разграничительные линии ее типов, говорить о вполне разработанной технике тестов преждевременно, пользование же уже намеченными в общей и дифференциальной психологии приемами часто неудобно в виду особенностей преступников и тех условий, при которых над ними приходится экспериментировать. Но не подлежит сомнению, что в будущем дифференциальная криминальная диагностика и типология дадут в этом отношении богатейший материал.

И независимо от собственного признания преступника, при помощи сообщений о его жизни его соучастников и свидетелей, по данным дела и с помощью целого ряда приемов можно установить, имеем ли мы дело в данном случае с экзогенным или эндогенным типом. Важным подспорьем для криминалиста-психолога в деле установления преступного типа может служить и психоаналитический метод, понимаемый в широком смысле метода розыска по фактам жизни личности, по ее важным и незначительным поступкам, — иногда и по времени, и по содержанию далеким от совершенного ею преступления, — по разнообразнейшим переживаниям ее наяву

и во сне, таких комплексов, которые она скрывает или не замечает, но которые, на самом деле, имеют руководящее значение в ее поведении, по крайней мере, в известной сфере ее отношений. Большим препятствием к применению этого метода служит то, что преступник редко когда бывает вполне откровенен и искренен. Той задумчивой и полной искренности, которую предполагают в этом случае Фрейд и его школа,¹ можно добиться лишь в редких и исключительных случаях. Однако, если понятию психоаналитического метода придать указанный выше, более широкий смысл, то он может быть применяем и при отсутствии полной откровенности и искренности. Затем, применяя этот метод, вовсе не следует думать, что задача сводится всегда к отысканию сексуального фактора и к объяснению из него различных выражающихся в преступлении переживаний личности. Комплексам, относящимся к половой области, далеко не всегда можно придавать основное значение, хотя, конечно, не мало и таких случаев, когда они играют первенствующую роль.² Половой инстинкт очень могуществен и многое определяет в психических процессах человека, однако нередко первенство в руководстве принадлежит не ему, а другим силам. Как бы то ни было, психоаналитический метод, освобожденный от односторонности и осторожно применяемый, может быть очень полезен криминалисту-психологу. Слагающиеся у субъекта разнообразные комплексы сплетаются в системы, относящиеся к различным сферам отношений, и, найдя одни члены этих систем, можно, при помощи психоаналитического метода, раскрывать другие. В иных случаях таким путем может быть установлено отсутствие известных комплексов, что также очень важно для установления того типа, носителем которого является данный субъект. Подробно беседуя с преступником относительно его взглядов на те или иные явления жизни и на удовлетворение разных потребностей, сопоставляя его слова с несомненными фактами его прошлого, выпрашивая его относительно его переживаний, далеких по содержанию и времени от преступления, выслушивая истолкования, даваемые им отдельным его действиям и событиям его жизни с первых, детских лет по настоящее время, мы нередко можем обнаружить такие мотивы преступления, которые прикрыты другими мотивами, выступающими наружу в обстоятельствах дела, но на самом деле являющимися производными от первых.

Зачисление преступника в разряд эндогенных или экзогенных имеет большое практическое значение. Оно важно не только

¹ См. Фрейд. „Лекции по введению в психоанализ“. Т. I. Перев. Бульфа. 1922, стр. 22.

² Нередко на дне психических переживаний преступника мы найдем и то, что Фрейд называет эдиповским комплексом. См. его статью „Некоторые типы характеров из психоаналитической практики“, стр. 188 сл. (в книге „Психоанализ и учение о характерах“. Перев. В. А. Белосова. М. 1923).

с точки зрения законодателя и судьи, определяющих содержание и размеры уголовной ответственности, но и с точки зрения пени-тенциарных деятелей, которым оно указывает, на что именно в личности преступника должны быть обращены их усилия, и с точки зрения органов розыска и следствия, так как в отношении принадлежащих к этим разрядам преступников необходим различный подход и возникают разные задачи. В одном случае надо лишь укрепить или усилить те свойства личности, которые у последней есть и только недоразвиты, и иногда прибавить к имеющимся криминалорепульсивным элементам некоторые новые. В другом случае главная задача в том, чтобы разложить или уничтожить сложившиеся у личности комплексы, изменить известные ее свойства и дополнительно усилить несколько криминалорепульсивную часть ее конституции. В одном случае внимание должно быть направлено на особенно тщательное и подробное изучение тех внешних обстоятельств и обстановки, при которых субъект совершил свое преступление, и встает вопрос о том, каким образом в дальнейшем поставить этого субъекта под действие более благоприятных для него внешних условий. В другом случае внимание и исследование должны направиться, прежде всего, в сторону изучения присущего личности предрасположения к известному преступлению, его силы и корней, его связи с другими сторонами личности, его, так сказать, анастомозов с другими сферами деятельности и разнообразными склонностями личности, и встает вопрос о средствах, которыми можно было бы этот более или менее выкристаллизовавшийся в личности осадок растворить и выделившиеся его элементы ввести в круг новых ассоциаций, лишенных криминогенного характера; вопрос об укреплении или усилении криминалорепульсивной части конституции личности носит в этом случае дополнительный характер и рассматривается в связи с первой проблемой. Ясно, что, вследствие различия обрисованных задач, подход к личности в том и другом случае должен быть различен. При этом, конечно, признавая преступника эндогенным, мы должны иметь в виду то его состояние, в котором он находится сейчас, в момент суждения о нем, а не в то, в котором он находился раньше, в начале своей, быть-может, долгой преступной карьеры. Если субъект совершил несколько преступлений, заключение о принадлежности его к той или другой основной группе должно делаться на основании оценки всей его преступной деятельности в ее целом. Как отмечено выше, повторная преступная деятельность не всегда дает право на зачисление субъекта в разряд эндогенных преступников. С другой стороны, тот факт, что человек совершил лишь одно преступление, не препятствует зачислению его в эндогенные преступники, даже в один из наиболее опасных их разрядов, если имеются налицо условия, свидетельствующие о его предрасположении к преступлению. Принадлежность преступника к экзогенным определяется не

одним внешним признаком, — наличием внешних факторов, создававших для субъекта тяжелое положение, а преобладанием этих факторов в генезисе преступления, что имеет место, лишь если у субъекта нет предрасположения к преступлению, и он действовал преступным образом именно вследствие сильного давления внешних факторов, создававших для него тяжелое положение. Эндогенный же преступник, прежде всего, характеризуется тем, что в его конституции до известной степени уже выкристаллизовалось предрасположение к какому-либо преступлению, представляющее собою более или менее легко раздражимый элемент личности, который, при действии на нее различных впечатлений, дает реакции криминального характера.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Основные и дополнительные признаки преступного типа.

I.

Прежде, чем перейти к обрисовке отдельных преступных типов, необходимо остановиться на одном очень важном различии признаков типа. Преступный тип очень сложен. В него входит много признаков, среди которых можно различать признаки основные и дополнительные. К основным принадлежат те взгляды, расчеты и склонности личности, вообще те ее черты, благодаря которым представление известного преступления заняло у нее господствующее место в сознании и возникла склонность к совершению этого преступления для достижения определенных результатов. Дополнительными являются те из признаков, характеризующих общее физическое, умственное и нравственное состояние личности, в которых можно видеть причину образования основных признаков или отсутствия достаточных задержек их проявления; они образуют как бы общий фон, на котором вырисовывается известное сочетание основных признаков. Если основные признаки образуют как бы основное ядро в содержании типа, то дополнительные признаки, в их совокупности, можно сравнить с окружающей это ядро массой, в которую оно погружено. У эндогенных преступников к основным принадлежат те признаки, которые входят в содержание отличающего их предрасположения к преступлению. У экзогенных основными являются признаки, которые послужили корнями их недостаточной стойкости в борьбе с выпавшими на их долю затруднениями. Иными словами, у эндогенных преступников основными являются те признаки, из которых слагается их приспособленность к совершению известного преступления, а у экзогенных — те, которые обуславливают их неспособность к достаточно стойкой борьбе неправомерными средствами с тем

затруднительным положением, в котором они оказались и из которого обыкновенно люди выходят непроступным путем.

Среди основных признаков, в свою очередь, какой-либо один является центральным в том смысле, что благодаря ему известное последствие преступления представлялось особенно привлекательным и с представлением его у данного субъекта связывался самый сильный импульс к совершению преступления.¹

В описании преступного типа прежде всего должен быть отмечен этот центральный признак и группирующиеся около него основные признаки, а затем — признаки дополнительные.

Устанавливая тип того или иного преступника, необходимо, далее, считаться с возможностью, что одно и то же лицо, по отношению к разным преступлениям, может быть носителем сходных или различных типов, например, профессиональный убийца может быть и профессиональным домовым вором, или профессиональный карманный вор может быть эмоциональным убийцей-новичком из ревности, или импульсивным виновником тяжкого телесного повреждения и т. п. Словом, в одном лице могут совмещаться несколько аналогичных или совершенно различных криминальных типов. Эти случаи могут быть названы стечением или конкуренцией криминальных типов. Проследить те корреляции, которые существуют в этих случаях между различными типами и их характерными чертами, составляет ряд интереснейших проблем криминальной психологии, которые займут в будущем видное место в ее содержании. Обратит серьезное внимание на совмещение в одном лице нескольких преступных типов и на их сходство или различие важно, между прочим, и потому еще, что иногда это может сильно помочь разобраться в различиях и взаимоотношениях членов больших шайк. Последние часто имеют в своем составе очень различных лиц, которые играют в них существенно различные роли и, несмотря на свое участие в общих делах шайки, по особенностям своих типических черт и по своей роли в этих делах, заслуживают выделения из общей массы участников. Примером может служить хотя бы шайка Котова-Смирнова, о котором мне придется еще говорить ниже. Был, между прочим, среди членов его шайки один профессиональный карманный вор, который сам совершенно неспособен был совершить убийство и в некоторых кровавых делах шайки согласился принять участие, выступая лишь на определенной второстепенной роли, — носильщика награбленного добра или лица, стоящего на страже во время бандитского налета. Не лишено интереса остановиться ненадолго на личности этого юноши. Сергей Гаврилов, 20 лет, русский, уроженец г. Воро-

¹ В этом отношении верно замечание В. Штерна, что психологический тип представляет собою не отдельную наклонность, общую многим людям, а сочетание наклонностей с преобладанием одной из них (*ein Dispositionsverhältnis mit Prävalenz eines Gliedes*. См. его — „Die differentielle Psychologie“, 1911, стр. 17).

нежа. Его отец служил рабочим на водокачке при станции. Семья жила бедно. Детей было 6 человек. Жалованье отца было невелико. Притом отец сильно пил запоем. У родителей Сергей прожил до 17 лет; затем он порвал с ними, в 1919 году бежал в Белгород и занялся торговлей папиросами и карманными кражами. Родителей он ни в чем не обвиняет и говорит, что был с ними в хороших отношениях. Но не трудно догадаться, что он еще в Воронеже сбился с пути и стал заниматься кражами, чем и был вызван его разрыв с семьей. В такой большой и бедной семье некому и некогда было наблюдать за каждым ребенком. Сергей рано познакомился с улицей, и это знакомство привело его к кражам. Ремесла он

Профессиональный карманный вор.

никакого не знал, к работе не привык. Умственных интересов у него не было никаких. Он учился 3 года в церковно-приходской школе и любил почитать чувствительные романы, но следов это чтение в его душе оставило немного. Это — ветреный юноша, не привыкший и неспособный ни к какому планомерному труду, любитель «легкой» жизни, которую ведут профессионалы-карманники. Краж он, по его собственному признанию, совершил несколько десятков. В бандитской шайке Котова он оказался случайно. Карманными кражами он занимался в разных городах — в Воронеже, Курске, Белгороде. В Курске он через одного карманника и познакомился с Котовым. В Курске же он в первый раз участвовал, в 1922 году, в одном из «котовских» дел. До этого в Гжатске Котов предлагал ему участвовать в одном «деле», но Сергей из страха отказался. В курском деле он также сначала участвовать

не хотел, но его уверили, что его роль там будет второстепенная — «только узлы поможешь нести», — сказали ему, — он и согласился. У него самого на убийство «энергии не хватит». Вот карманная кража, это — по нем, — «дело самое простое». По его мнению — она вполне допустима. Во время курского «дела» Котова он стоял в сенях, потом его позвали нести мешки. Проходя внутрь за мешками, он видел трупы убитых и набрался страха. «Я сам себя не чувствовал на этих делах, — говорит он, — но отклонить их я не мог». «Мне теперь даже снятся эти трупы», — добавил он. Второй и последний раз он участвовал в убийстве Котовым 6 человек на Поклонной горе. Его позвали брать мешки в тот момент, когда соучастник Котова — Морозов — начал убивать связанных.

Тип бандита.

Став свидетелем самого акта убийства, Гаврилов так испугался, что бросился под стоявшую в комнате кровать и оттуда был вытаснен одним из соучастников. О Котове он отзывался с ужасом: «Я не знаю даже, что это за человек», — говорил он. По его сообщению, перед некоторыми «делами» Котов распивал с соучастниками самогонку, так с четверть вчетвером — впятером.

В Гаврилове мы видим совмещение двух типов: профессионал-карманника и новичка-бандита, выступающего вначале на скромных ролях пособника, стоящего на страже и помогающего унести или увезти награбленное.

От случаев совмещения в одном лице нескольких преступных типов надо отличать такие типы, в которых как бы смешаны или слиты воедино черты нескольких единичных типов и которые, поэтому, можно назвать составными или комбиниро-

важны ми.¹ Если преступление таково, что при отнятии от его состава какого-либо признака мы не будем уже иметь перед собою никакого преступления, то виновники такого преступления являются носителями известных единичных или унитарных типов. Если же, напротив, состав преступления объединяет в себе признаки, присущие различным видам преступления, и при отнятии некоторых из этих признаков мы получим преступление лишь несколько иного состава, то виновники такого преступления являются носителями составных или комбинированных преступных типов. Эти последние типы имеют, так сказать, более сложное строение. Они содержат в себе больше признаков, имеющих более или менее

Тип бандита.

серьезное криминально-психологическое значение. Ярким примером комбинированного типа является тип бандита. Я разумею под бандитом человека, который заведомо противозаконно, для получения имущества, открыто применяет к другому физическую силу или угрожает применением последней. От простого самоуправца он отличается тем, что сознает противозаконность своего насилия и никакого права, ни действительного ни мнимого, на своей стороне не видит. Заведомо противозаконный насильственный образ

¹ Выражение „сложные“ типы кажется мне неудобным в виду заключающейся в таком словоупотреблении сбивчивости: всякий психологический тип сложен. По тому же основанию неудобно и употребляемое В. Штерном выражение: комплексный тип, от которого он отличает комплекс типов. „Die differentielle Psychologie“, стр. 177. Всякий тип есть сочетание комплексов и может быть назван, поэтому, комплексным.

действия и применение его ради приобретения имущества — вот два коренных признака бандита.¹ Обыкновенно бандиты спланируют в группы — банды, — так как открытое нападение в одиночку весьма рискованно, да и потребность обеспечить себе отступление и иметь кого-либо на страже («на стреме») во время нападения заставляет подумать о сотоварищах. Но я не вижу препятствия называть бандитом и преступника, действующего одиночно, если на его стороне имеются вышеуказанные признаки, и он действует бандитским образом. Существен для бандита именно способ действия, а не наличность соучастников. Слово «бандит» может быть объяснено исторически тем, что первоначально бандитами называли шайки, действующие бандитским образом. Это слово указывает лишь, что обыкновенно для таких действий люди объединяются в группы — банды, — почему их и называют бандитами, но вряд ли есть основание считать наличность такой группы непременно условием для того, чтобы отдельного преступника считать бандитом. Бандит действует открытой силой. Он или прямо применяет физическую силу, или угрожает немедленно ее применить, если его требование не будет исполнено. В этом существенное отличие его от многих преступников, стремящихся к той же цели, как и он, но другим путем. Так, например, бандитам не могут считаться преступники, действующие посредством «малинки», т.-е. одурманивающего вещества, приводящего жертву в бессознательное состояние (напитка, конфет, папирос, отравленных известным веществом, и т. п.). К бандитам не относятся и шантажисты, действующие угрозой оглашения каких-либо позорящих обстоятельств. Бандит открыто заявляет о своем господстве над физической личностью другого человека, преодолевает физическую силой сопротивление последнего или парализует его страхом, угрожая физическим насилием. Это грубое проявление физической силы — первый характерный признак бандитского нападения. Бандитами являются открыто нападающие наемные убийцы, зарабатывающие своим кровавым делом определенное вознаграждение. Бандитами являются открыто нападающие корыстные убийцы, убивающие ради завладения тем или иным имуществом убитого. Бандитами являются разбойники и грабители, действующие с насилием, а также вымогатели, применяющие физическую силу или угрожающие ее применить. Таким образом, слово «бандит» обнимает пеструю группу лиц, совершающих очень различные преступления, — убийство, разбой, грабеж с насилием или вымогательство, — и по характеру совершенных ими преступлений распадающихся на очень различные категории. Но с точки зрения криминально-психологической бандит представляет собою один тип, в котором объединены черты вора с чертами насильника, не останавливающегося, быть-может,

¹ Ср. мою статью: «К психологии современного бандитизма». „Журнал психологии, неврологии и психиатрии“. 1923 г. № 3.

даже пред убийством. Объединение, этих черт в одном лице и есть основание, с точки зрения криминальной психологии, выделить тип бандита из других криминальных типов. Сплачиваясь в группы, бандиты не всегда образуют шайки. Из исследованных мною случаев бандитизма я не нашел признаков шайки в 60 случаях и подметил существование шайки в 77 случаях. В 24 случаях бандитское нападение было совершено одним лицом, а если к ним прибавить 30, по существу, бандитских нападений Петрова-Комарова, то — в 54. Для шайки существенно решение ее членов совместно совершить несколько, быть-может, даже неопределенное число разнородных или однородных преступлений, решение работать вместе на избранном преступном поприще. Этим признаком шайка отличается от простого преступного сообщества. Бандиты же иногда соединяются для одного только преступления, по совершении которого расходятся в разные стороны и теряют связь друг с другом; по крайней мере, часто нельзя установить, что известные лица имели в виду совместно совершить и другие преступления. Вот один из примеров. Три лица — дядя с женой и племянник — в ночь с субботы на воскресенье, 11 — 12 ноября 1922 года, между часом и двумя ночи, убили старика и старуху, одиноко живших на краю деревни. Убийцы почти ровесники: дяде, Федору З. — 24 года, племяннику, Степану З. — 21 год. Племянник имеет уголовное прошлое: судился за кражи. Дядюшка судился раз за присвоение инструментов из мастерской и был приговорен к 6 месяцам принудительных работ. Оба служили на военной службе и довольно долго были на фронте. Федор З. кавалерист, провел на фронте гражданской войны 3½ года; по его счету он более 50 раз бывал в боях и при этом не испытывал никакого страха. Степан З. был на фронте 2 года, с 1919 по 1921 г. Отец его был матросом, и Степан еще подростком, до 1918 года бывал с отцом на корабле в Кронштадте и в Финляндии. С 1919 г. он служил в сухопутных войсках и в атаках бывал нередко, 2 раза был ранен. Оба убийцы малограмотны: Степан все-таки более образован, учился 1½ года в сельской школе, оттуда за малоуспешность был выгнан; кое-чему подучился, когда был с отцом на корабле; сейчас он сносно читает и любит читать политические книги. Федор З. учился всего месяца 1½ у учителя, потом подучился самоучкой на службе, в школе не был, малограмотен, но читает довольно бойко. Читал Горького, Гоголя и еще какие-то книги, о которых совсем забыл. Понравились ему особенно гоголевские «Ночь под Рождество» и «Вечер накануне Ивана Купала». К чтению особенного влечения не чувствует, читает так иногда, «от скуки». Склонен к торговле, но в торговле ему не везло. В ноябре 1921 года был демобилизован и 6 месяцев занимался торговлей в Баку, откуда потом переселился в Витебск, где торговал старьем и зеленью, но неудачно; рассчитывая лучше устроиться у себя на родине в Тверской губернии, прибыл в деревню Погорелое Городище, где стал торговать яблоками и мечтать о рас-

ширении торговли. Торговал он вместе с женой, на которой женился на фронте; она была няней в госпитале, куда он попал раненый. Торговля не удавалась, жили бедно, концов с концами не сводили, продавали вещи. В это время на родину приехал также Степан. Дядя и племянник встретились. Племянник сообщил, что у стариков, у которых он жил в Звенигородском уезде, когда служил деревенским пастухом, много золота и серебра и что их нетрудно ограбить. Развязность и самоуверенный тон племянника, который уверял, что сумеет замести все следы и что ему не раз подобные дела сходили с рук, заставили колебавшихся и отказавшихся вначале дядюшку и тетушку в конце концов принять предложение. Из Тверской губернии поехали в Звенигородский уезд, в деревню пришли пешком вечером, часов в 9, подождали до ночи, а затем через разобранную соломенную крышу проникли в избу. Стариков они сначала загнали в подполье, а сами стали искать золото, серебро и деньги, но найти не могли. Тогда старуху вытащили из подполья, и Степан сначала стал бить ее рукояткой нагана, а потом нанес ряд ран кинжалом, Федор зарезал старика. Жена стояла у избы на страже. Затем набрали вещей, сколько могли, — золота и драгоценностей не нашли, — запрягли лошадь убитых, телегу свезли с соседнего двора и поехали к станции. Часть вещей затем успели продать в Москве. Заявляют, что в общем похитили вещей не более как на 2 миллиарда и если бы знали, что так выйдет, убивать бы не стали, не стоило, да и в тюрьме сидеть неприятно. Раскаяния убийцы не проявляют.

Центральным признаком у дядюшки и тетушки является склонность к преследованию цели быстрого коммерческого обогащения, хотя бы путём насилия, всеми средствами, руководствуясь при выборе последних одними соображениями личной выгоды и риска. У племянника центральным признаком является склонность к удовлетворению стремления к отдельным кутежам и чувственным удовольствиям, не сдерживаемая никакими нравственными началами, выбившаяся из-под всякого нравственного контроля. Степан производит впечатление человека очень раздражительного, дерзкого и злого, способного на всякое насилие; он — натура чувственно-эгоцентрическая, с явными признаками морального вырождения, человек грубый, нечестный, пьяница, с умом бедным ассоциациями и инертным, но с развязным языком. В тюрьме такой человек чувствует себя как дома, хотя, конечно, тюремное сидение, лишаящее его многих чувственных удовольствий, ему неприятно. Свое преступление он оправдывает тем, что будто старики неправым путем нажили свое богатство и дурно к нему относились; последнее, впрочем, опровергается его же сообщением, что он и прежде годами жил у этих стариков и последние смотрели на него почти как на приемного сына. Федор З. и его жена — натуры рассудочные, расчетливые, огрубевшие в атмосфере гражданской войны, — говорят, что желали получить побольше денег, чтобы поправить свои тор-

говые дела и выйти из нужды. Интересно отметить, что все соучастники, когда их спрашивают, как они относятся сами к тому, что сделали, оценивают свой поступок исключительно, так сказать, с коммерческой точки зрения, как невыгодную операцию. В них нельзя видеть шайку, так как они имели в виду совершить совместно лишь одно преступление, но — деяние их — типичный бандитский налет.

Центральный признак комбинированного типа отличается особенной сложностью. Он является как бы составным из центральных признаков двух совершенно различных типов, но последние не просто присоединены в нем друг к другу, не смешаны лишь механически, а, так сказать, соединены химически, слиты воедино, в одну склонность. Однако в этом составном или слитном центральном признаке обыкновенно резче выступает один из его компонентов, и лишь иногда они слиты таким образом, что нельзя разобрать, какая из сплетающихся в нем черт оказывается преобладающею. На этом основании, по степени преобладания того или иного из входящих в них компонентов, комбинированные типы могут подлежать особому делению не лишенному очень серьезного и теоретического и практического значения. Если мы, например, возвратимся к типу бандита, то среди представителей этого типа найдем много таких, у которых резко выражена склонность к нетрудовому обогащению на чужой счет, характерная для воров, и лишь очень слабо выражена способность к насилию. Эти бандиты непосредственно сами физической силы к другому не применяют и применить неспособны, не всегда способны они даже делать угрозы насилием, часто они соглашались лишь на участие в таких налетах, в которых не производится убийств и физического насилия, иногда прямо даже условливаются с товарищами, чтобы насилий не было, отказываются участвовать в нападениях, в которых можно ожидать убийств, определенно уговариваются, что будут лишь стоять на страже, таскать узлы и т. д. Другие бандиты, наоборот, развивают свою деятельность в резко насильственной форме, — связывают потерпевших, наносят раны, убивают и т. д., — и делают это вполне спокойно, без особых усилий над собой, иногда даже с удовольствием. Не мало и таких, которые равнодушны к вопросу о насилии и убийстве: придется, — они и на это пойдут, а обойдется без этого — тем лучше, так как меньше риска подвергнуться большому наказанию. При этом интересно отметить, что в сознании многих бандитов психическое насилие — угрозы — насилием не считается, и когда они описывают свое преступление, то настойчиво утверждают, что насилия не производили и произвести таковое неспособны, те же угрозы, которые они или произносили по адресу потерпевших, без намерения привести их в исполнение, или выражали самым фактом своего появления при определенной обстановке, они насилием не считали. Вообще, что касается способности к насилию, то между

бандитами в этом отношении можно подметить ряд очень интересных и глубоких различий. Эти различия отчасти видны из примеров, которые приведены выше. Так, например, упомянутый выше участник котовской шайки Сергей Гаврилов неспособен сам учинить акт насилия. Более способен к этому Григорий Яковлевич А. еще более — В.¹ и т. д.

Из обследованных мною 250 бандитов 100 не испытывали никакого содрогания и вообще более или менее заметного впечатления от вида крови, ран и трупов и характеризовали свое отношение ко всему этому как полное равнодушие. Из них 33 заявили, что сами заметили, что вполне привыкли ко всем этим зрелищам, — прежде для них неприятным, — на войне. У 82 бандитов были заметны нерасположение к насилию и тяжелые впечатления, производимые на них видом крови и ран. 24 бандита никогда не видели ран и крови, кроме небольших кровотечений при порезе собственных пальцев. Относительно 38 точных сведений по данному вопросу не получено. У шести была резко выражена любовь к насилию при равнодушии к его последствиям.

Наклонность к насилию особенно рельефно выделяется среди свойств бандита, когда она проявляется при таких отношениях к потерпевшему, при которых естественно было бы ожидать особенной мягкости со стороны преступника, например, когда потерпевший был хорошим знакомым или другом преступника, — как, например, Гребнев по отношению к В., — или находился с преступником, в момент преступления или непосредственно перед этим, в близких отношениях и т. п. А между тем, — даже оставляя отмеченные уже психопатологическими чертами случаи садизма в стороне, — и при таких отношениях мы встречаем иногда в психологии бандита особенно резко выступающую способность к насилию, удивительно спокойное и рассчитанное применение к другому человеку физической силы для достижения намеченной корыстной цели. Это не так удивительно еще, когда мы имеем перед собой бандита-профессионала, долго подвизавшегося на бандитском поприще и выработавшего в себе полное равнодушие к чужим страданиям. Но когда перед вами юноша, впервые вступивший на преступный путь, эта черта невольно останавливает на себе особенное внимание. Что же будет, спрашивается, с таким человеком далее, если уже в начале своей преступной карьеры он обнаруживает такую смесь равнодушия и жестокости. Вот один из случаев этого рода, действующими лицами в котором выступают двое юношей, — Петр К. и Константин Г., первый из них ученик кавалерийских курсов. Им обоим было в то время по 18 лет. В ноябре 1921 года они учинили два следующих тяжких преступления. 6-го ноября, вечером, вместе еще с одним юношей — П., служившим некоторое время помощником комиссара одного из участков милиции

¹ См. выше.

г. Москвы, — они наняли извозчика и поехали. В районе Чухинского переулка они остановили извозчика и, угрожая револьвером, заставили его сойти с козел и отдать им 180.000 рублей. А в ночь на 28 ноября К. и Г. вдвоем, по предварительному между собою уговору, убили жившую в Кудринском переулке пражданку С., к которой пришли в гости в качестве знакомых. Они предварительно довольно долго с ней флиртовали, имели с ней ряд половых сношений, ласкали ее, а затем, в несколько приемов, убили ее, похитили ряд драгоценных вещей, принадлежавших ей и ее квар-

Убийца С-ой Г.

Убийца С-ой К.

тирохозяевам, и скрылись. О способе убийства и о времени начала нападения убийцы сговаривались посредством записки, которую передавали друг другу, а затем мелко изорванную оставили в пепельнице. Эта записка, по восстановлению, и послужила первоначальным материалом для раскрытия преступления. На ней были две подписи: Петя и Костя. К переписке убийцы прибегли, очевидно, для того, чтобы избежать каких-либо знаков, жестов или слов, которые могли бы возбудить подозрение потерпевшей. С. была ими задушена в два приема, при чем в самом начале они разыграли нечто в роде сцены ревности. После первой попытки задушить С. они вышли в коридор и совещались, что делать далее. Услышав угрозы С. сообщить обо всем милиции, они вернулись, решили покончить с нею и задушили ее. Во время задушения, по предложению Г., на С. было наброшено полотенце, так как убийцы опасались, что в ее глазах могут сохраниться изображения их лиц и по этим изображениям их впослед-

ствии могут найти. С целью отвести от себя подозрение и внушить мысль, что С. была убита вторгшимися в квартиру бандитами, в ее вещах и квартире был произведен соответствующий беспорядок, и ей, уже мертвой, было нанесено несколько ударов колуном. Словом, убийцы обнаружили большую заботливость и предусмотрительность в деле сокрытия своего преступления. Да и в самом плане последнего видна продуманность. Во время предшествующих своих посещений С., — с которой оба были в связи, — они заметили, что у нее есть драгоценные вещи, и задумали похитить последние, но выжидали удобного момента, пока не дождались, что С. была в квартире одна. С С. они познакомились незадолго до убийства. Первый познакомился с ней Петр К. и познакомил с ней своего товарища. Знакомство произошло случайно на Тверской улице. С. была женщина легкомысленная и легко сходилась с мужчинами. Вскоре оба они стали ее любовниками, и каждый провел у нее по несколько ночей. В это время они и заметили, что у покойной, которая, очевидно, их не остерегалась, много драгоценных вещей. Каждый из них утверждает, что мысль об ограблении и убийстве пришла первому не ему, а товарищу; более вероятно, что инициатива принадлежала Петру К. Оба юноши принадлежат к типу кутил, у которых склонность к кутежам и прожиганию жизни вместе со способностью открыто напасть на другого человека и, не теряясь, применить к нему физическую силу, сплелись в один центральный признак, — в склонность насильем добывать средства для своих кутежей. Как скоро насилье представляется им достаточно удобным средством добыть нужные для кутежа деньги, антиципация чувственных удовольствий, которые можно будет таким образом приобрести, порождает у них решимость совершить данный насильственный поступок. Пьянствовать, нюхать кокаин и кутить с женщинами — вот все, что их интересует, кроме военной службы, которую оба охотно занимались. Несмотря на юный возраст, оба они — чувственно эгоцентричны и с явными признаками морального вырождения. Оба — кокаинисты, К. еще не пристрастился к кокаину, а только несколько раз его нюхал, Г. — нюхал кокаин уже 1½ года, очень к нему пристрастился, так как от него «получается приятный подъем». Перед преступлением он несколько дней нюхал кокаин, от 3 до 6 граммов в день. Г. не пьет и в карты не играет. Петр К. пьет и во хмелю буен, склонен к дракам, раз даже бросился на Г. с шашкой. К. начал половые сношения с женщинами с 14 лет, Г. — несколько позднее, между 15 и 16 годами. Оба отличаются значительной половой возбудимостью. К. физически сильнее Г. В умственном отношении оба стоят приблизительно на одном уровне. Умственных интересов ни у того ни у другого нет никаких. У К. ясны признаки умственной отсталости. Кое-что они из литературы читали, но в общем мало чем интересуются, кроме чувственных развлечений и удовольствий. К. более вспыльчив и впечатлителен,

Г.—сравнительно сдержаннее, уравновешеннее и представляет собою юношу со спокойным, холодным и решительным лицом, с серыми глазами, небольшого роста и не особенно крепкого сложения. Блондин. Одет с претензией на некоторое франтовство. Отец его умер в 1917 году. С матерью он 2 года не живет, хотя формально не в ссоре. У родителей он жил до 14 лет. Учился в гимназии, прошел 4 класса; революция прервала его учение, изменив материальное положение семьи. В 1918 году поступил на военную службу и в армии исполнял разные обязанности. Раз пять бывал в боях, сначала испытывал сильный страх, но потом скоро привык. В 1920 году работал по политическому розыску в Петровском порту и некоторых других местах. Холост. В жизни никого не любил; убитой женщиной, как женщиной, не увлекался, провел у нее ночи 2. Материальной нужды не знал. Производит впечатление решительного, черствого и жестокого человека, вместе с тем довольно пустого и легкомысленного. Деньги ему нужны были на кутежи, на женщин, на кокаин и чтобы принарядиться. Утверждает, что подробностей убийства не помнит, так как «был занюхан», а занюханный может сделать, что угодно, и за себя не отвечает. Всю вину сваливает на К., утверждая, что он был инициатором этого преступления.

Петр К. — приблизительно того же возраста как Г. Он — москвич по рождению, незаконнорожденный сын одного московского оперного артиста. Жил все время с матерью, которая года два тому назад вышла замуж за его крестного отца. Учился в реальном училище, прошел 4 класса. Выйдя из школы, служил одно время статистом в театрах Корша и Незлобина. Театр он очень любит, с охотой и сам играл бы роли фатов и простаков. Кое-что читал и говорит, что читал с интересом Пушкина, Гоголя и некоторых других классиков, но производит впечатление малоразвитого, пустого и поверхностного юноши. Вспыльчив. Очень самолюбив, бывали случаи, когда под влиянием нанесенной ему обиды с ним происходило что-то в роде истерического припадка. Любит военную службу, особенно кавалерийскую, потому что она «подвижная». Склонен к путешествиям. С 1920 года попал на военную службу, уехал добровольцем в Тургайскую область, откуда перебрался сначала в Оренбург, а потом — в Москву. Хотел было поступить на пехотные курсы, но не был принят из-за политической неграмотности. Попал на кавалерийские курсы, которых не кончил. Пьет сильно. Перед преступлением дома немного выпил. После преступления, придя домой, также выпил, заснул и спал как убитый. Впоследствии он не раз видал убитую во сне. На вид, это — молодой человек высокого роста, крепкого сложения, с крупными чертами лица, с серыми на выкате глазами, из которых правый косит. Он франтовато одет в новый френч, в брюки-галифе и в военную фуражку.

Оба молодые человека ранее не судились.

II.

Из дополнительных признаков типа важно отмечать в характеристиках:

1. Степень умственной одаренности и развития преступника, в частности, степень его образования, степень усвоения им знаний, наличие или отсутствие у него умственных интересов, любовь или нелюбовь к чтению, преобладание у него интереса к книгам определенного содержания.

2. Наличие или отсутствие у преступника профессиональной подготовки и интереса к какому-либо виду труда, перерывы в его трудовой жизни, занятие во время совершения преступления и в непосредственно предшествующий период:

3. Общий склад его характера, преобладание в характере известных наклонностей.¹

4. Отношение преступника к наркотикам, в частности, к кокаину и алкоголю, с указанием на отношение к этим ядам родителей и вообще предков преступника. Алкогольную наследственность приходится встречать у громадного большинства преступников. Я не могу здесь подробно останавливаться на очень важном участии наркотиков в происхождении многих преступлений, — особенно насильственных, — надеясь посвятить этому специальную работу, отмечу только вкратце главные формы этого участия: подавление критики и задерживающих импульсов у наркомана, приведение его в состояние возбуждения, в состояние особой податливости внушению и взрывчатых, аффективных волевых решений, передачу потомству черт интеллектуальной, нервной и волевой слабости, особенной аффективности и предрасположенности к нервным и психическим заболеваниям; физическую и психическую дегенерацию.

5. Если преступник страдает определенным нервным расстройством, последнее необходимо отметить, а также нервное и психическое расстройство предков преступника.

6. Признаки и степень дегенерации, т. е. вырождения преступника, если таковое имеется. На выяснении понятия вырождения необходимо ненадолго остановиться.

В 50-х годах XIX столетия французский психиатр Морель первый развил учение о вырождении.² Этому понятию он придавал очень широкое значение, разумея под ним болезненное отклонение

¹ О разных взглядах на характер, о разных определениях характера и о классификациях характеров см. мою статью: „К учению о личности и характере“. „Журнал психологии, неврологии и психиатрии“. 1922. Приложение I, стр. 126 сл.

² Morel. „Traité des dégénérescences physiques, intellectuelles et morales de l'espèce humaine et des causes qui produisent ces variétés maladives“. Paris. 1857.

от первоначального нормального типа, обусловленное в большинстве случаев неблагоприятными наследственными влияниями. При таком широком понимании всякое душевное заболевание подходило под это понятие и, действительно, включалось Морелем в область вырождения, при чем он различал вырождение наследственное и приобретенное.

Понятие «вырождение» быстро завоевало себе право гражданства в научной литературе и заняло видное место, между прочим, в исследованиях, посвященных преступности и преступникам, — в частности, в учениях антропологической школы Ломброзо. Число внешних признаков, которые указывались как признаки дегенерации, быстро возрастало и стало громадно. «Понятие «признак дегенерации» так расширилось, — писал проф. Зомер еще в 1901 году, — оно включает в себя такие разнообразные состояния, что в настоящее время, наверное, не существует ни одного человека, который, на основании этого понятия, не был бы назван дегенератом». «Как вся литература, так и вся наука наводнены этим понятием». ¹ При этом, «во всей психиатрии, — говорит д-р Шоломович, — нельзя найти отдела, в котором субъективные впечатления играли бы большую роль, чем в отделе физических признаков вырождения». . . . ²

Не останавливаясь на перечне признаков вырождения, в число которых заносят чуть не все неправильности различных частей нашего тела, в частности, неправильности черепа, головы, лица, частей туловища, конечностей, половых органов и т. д., замечу только, что все эти внешние признаки вырождения, — и порознь, и группами, — нередко встречаются и у преступников, и у людей, не совершавших никаких преступлений, и душевнобольных, и у здоровых. ³ Доктор Шоломович, например, нашел, что лишь у 7% исследованных им здоровых людей не было физических признаков дегенерации, а у 93% — они были в числе от одного до пяти. ⁴ Нахождение таких признаков у преступника само по себе ничего еще не говорит о нем как о носителе известного криминального типа. Ни за одним из этих признаков и ни за одной комбинацией их нельзя признать значения специфических черт преступников. Попытка антропологической школы видеть в этих признаках характерные черты прирожденных преступников потерпела решительную неудачу. Для криминалиста-психолога наличие у преступника подобных признаков имеет одно значение: оно является для него сигналом, заставляющим быть особенно

¹ Д-р А. С. Шоломович. „Наследственность и физическое вырождение“. Казань. 1915, стр. 12.

² У. с., стр. 19.

³ Довольно полный перечень физических признаков вырождения приводит проф. Осипов в „Курсе общего учения о душевных болезнях“. Берлин, 1923, стр. 536 сл.

⁴ Шоломович. „Наследственность и физическое вырождение“, стр. 45.

настороже и с особым вниманием и тщательностью отнестись к разным сторонам психической жизни данного субъекта, чтобы выяснить, не вырисовываются ли у него черты известного криминального типа на общем фоне психической дегенерации. Внешние дегенеративные признаки важны для него, лишь поскольку у носителя их наблюдается и психическая дегенерация, но этого может и не быть; при наличии признаков физической дегенерации человек может быть нормален в психическом отношении. «Существует, — говорит проф. Зомер, — целый ряд людей, органы которых обнаруживают высшую степень дегенерации, а мозговая жизнь нормальна, и наоборот: существуют морфологически совершенно нормальные люди, обнаруживающие эндогенные психозы».¹

Вырождение или дегенерация вообще есть состояние прогрессирующего упадка, такого отклонения организации от нормального типа, при котором отправление той или иной функции, свойственной нормальному индивидууму, понижается, становится все более затруднительным или даже совсем невозможным.¹ Признаки этого состояния регресса очень многочисленны и разнообразны. Иногда оно поражает всего индивидуума в его целом и находит себе то или иное выражение во всех сферах его психической и физической организации; иногда же распространение его ограничивается каким-либо одним или несколькими органами, одной или немногими сторонами жизни индивидуума. В последнем случае индивидуум является носителем отдельных, рассеянных по разным сферам его организации признаков дегенерации, нередко выраженных довольно бледно и не влияющих сколько-нибудь значительно на его психическую деятельность. Субъекта, у которого физические признаки вырождения накопились в таком числе, что у него понижено, затруднено или прекратилось совсем отправление известных функций организма, без резко выраженных отклонений психической конституции от нормы, можно назвать физическим дегенератом. При наличии у субъекта разрозненных признаков физической дегенерации или при отсутствии таковых, но при более или менее значительной пониженности, затрудненности или прекращении у него свойственных людям психических функций мы имеем перед собой в более или менее ярком ее выражении психическую дегенерацию. Если субъект является носителем дегенеративной физической и психической конституции, мы можем считать его полным дегенератом.

В психической жизни человека дегенерация находит себе выражение в трех главных состояниях: 1) в таком недоразвитии, при котором психическая жизнь, так сказать, едва брезжит, как это мы наблюдаем у идиотов; 2) в некоторых формах болезненного

¹ Цитата взята у Шоломовича, „Наследственность и физическое вырождение“. Стр. 12.

душевного расстройства¹ и 3) в особых аномалиях характера, при которых нравственные комплексы, задерживающие и регулирующие проявление чувственных влечений, вполне или частью исчезают из характера. Нередки случаи, когда признаки указанных форм психического вырождения у одного и того же индивидуума разнообразно переплетаются друг с другом, когда с чертами более или менее глубокого умственного недоразвития или расстройства соединяются и признаки нравственного вырождения. Но бывают и случаи, когда моральная дегенерация выступает как отдельное, самостоятельное явление, не связанное с болезненным поражением мышления. Таким образом, можно говорить о последней как об особой форме психической дегенерации, которая может быть связана с умственным недоразвитием или с душевной болезнью, но может и не быть связана с ними. Носители ее в то же время могут иметь или не иметь заметные признаки физической дегенерации, при чем последние могут быть у них в большем или меньшем числе. Сущность моральной дегенерации состоит в распаде, в полном или частичном отсутствии или исчезновении общих членам данного общества нравственных комплексов, с которыми связаны задерживающие нравственные импульсы. Под влиянием жизненного опыта и постоянного общения с другими людьми у индивида вырабатываются более или менее прочные и постоянные сочетания общих представлений известного рода поступков с определенными чувствами и с импульсами к совершению этих поступков или к воздержанию от них. Эти комплексы играют чрезвычайно важную роль в психической жизни; они принадлежат к числу тех сил, которые руководят оценкой окружающего и выработкой решений, воплощающихся во внешнем поведении человека. Как скоро у человека возникает представление или восприятие того, что подводится под содержащиеся в этих комплексах общие представления, ассимилируется с ними, так на данное представление или восприятие переносятся связанные с этими общими представлениями в один комплекс чувства и влечения. У нас есть, напр., общие представления о справедливости и о поступках, ее нарушающих, общие представления известных видов честного и бесчестного поведения, разных форм благожелательных, любовных или, наоборот, насильственных действий и т. д. С одним из этих представлений прочно ассоциированы чувства истины, одобрения, долга, а с другими — чувства отвращения, негодования, гнева и соответствующие этим чувствам положительные или отрицательные импульсы, т.-е. импульсы к совершению чего-либо или к воздержанию от известного поведения.

Моральные комплексы, о которых идет речь, слагаются у человека незаметно для него самого, без сознательных усилий с его

¹ Далеко не все душевные заболевания представляют собою выражения вырождения и возникают на этой почве. Ср. проф. В. Осипов, „Курс общего учения о душевных болезнях“. Берлин. 1923, стр. 486.

стороны, без особого обсуждения и размышления и образуют тот нравственный остов, который мы особенно ценим в человеке. Образование, чтение и размышление углубляют и расширяют обыкновенно эти нравственные устои, подкрепляют их сознательными, более или менее продуманными взглядами, опираясь на которые, индивид с большей или меньшей диалектической ловкостью может защищать их от разных возражений и сомнений. Но и у человека необразованного или малообразованного, без всяких сознательных усилий с его стороны, под влиянием общения его с другими людьми, заставляющего звучать в нем то те, то иные чувства, эти комплексы накапливаются обыкновенно в числе, достаточном для того, чтобы этот человек в своем поведении не выходил за пределы того, что считается дозволенным в данном обществе, по крайней мере, стремился не нарушать этих пределов. В своем поведении люди не так часто следуют обдуманному выводу, как, так называемым, «инстинктивным влечениям», тем импульсам, которые возникают у них непосредственно под впечатлением тех или иных обстоятельств; рассуждение, с взвешиванием разных «за» и «против», часто приходит уже после, чтобы проверить, подкрепить или задержать «инстинктивное влечение» к поступку. Эти «инстинктивные влечения» в значительной своей части имеют своим источником те нравственные комплексы, о которых шла речь выше. Нравственное вырождение состоит в распаде, оскудении, полном или частичном исчезновении этих комплексов. Выражением его служит нравственная нечувствительность, распространяющаяся на всю моральную сферу или на известные ее области. При таком состоянии у человека нет того, что называют чувством справедливости, чувством долга, нравственным, социальным чувством, чувством сострадания и благожелательности и т. д. Те психические комплексы, благодаря которым мы стремимся помогать другим людям, ограничиваем себя ради них, сочувствуем им и, до известной степени, переживаем их несчастья как свои собственные и т. д., — как бы выпали из психической конституции людей, отмеченных печатью нравственного вырождения. Эти люди — нравственно нечувствительны, безучастны ко всему в мире, кроме требований своей животной природы. Они — не просто эгоисты или малоразвитые в нравственном отношении люди, а носители исключительного морального оскудения, болезненно одностороннего, патологического, с моральной стороны, характера. Лишь иногда и у некоторых из них можно подметить следы зародышевых альтруистических чувств, и то лишь в отношении людей, к которым они стоят в особо близких отношениях, — к родителям, детям, сожителям и сожительницам и т. п.

Отсутствие или необычайная слабость нравственных эмоций сопровождается у моральных дегенератов обыкновенно чувственным эгоцентризмом, т. е. таким состоянием личности, при кото-

ром выше всего для нее становится удовлетворение потребностей ее тела и внутри самой личности не остается никакого сдерживающего чувственные влечения начала, кроме боязни физических страданий, нередко связанных с необузданным удовлетворением чувственных потребностей. На почве такого склада психики иногда развиваются разные извращенные стремления и склонности как в виде извращения полового чувства, так и в виде ненормального влечения к причинению зла ради самого зла. В своей книге «Вырождение» *Макс Нордау* приводит один яркий пример такого извращенного влечения ко злу. Осенью 1884 года в одной швейцарской тюрьме умерла некая Мария Жанре, совершившая массу убийств. «Получив хорошее воспитание, она посвятила себя уходу за больными; но ее влекла к этому не любовь к ближним, а стремление удовлетворять безумную жажду гнусных желаний». «Крики, страдания, стоны и судороги больных доставляли ей невыразимое наслаждение». «На коленях, со слезами на глазах, умоляла она врачей разрешить ей присутствовать при самых тяжелых операциях». «Предсмертная агония вызвала в ней чувство восторга». «Под предлогом болезни глаз, она приходила за советами к докторам и похищала у них разные яды». «Первою жертвою была ее подруга; за нею последовали другие, и врачи даже не догадывались в чем дело, так как она постоянно меняла приюты и пользовалась хорошей репутацией как опытная сиделка». «Неудачное покушение в Вене раскрыло следы злодеяния: она отравила, как оказалось, не менее 9 человек и не испытывала при этом ни чувства раскаяния, ни стыда». «В тюрьме она страстно желала только одного — тяжело заболеть, чтобы видеть собственные судороги в зеркале и наслаждаться ими». Конечно, такие, явно патологические, случаи составляют редкое исключение, но не в такой сильной и редкой форме удовольствие от причинения страданий нередко испытывается моральными дегенератами. Если лицу с печатью моральной дегенерации присуще легко возбуждаемое злобное чувство, то этот элемент активной, ищущей удовлетворения злобы может легко послужить сильным предрасположением к тяжким насильственным формам преступности и источником своеобразного наслаждения от выполняемых над другими людьми насиллий. Часто эти черты психики бывают связаны с душевной или нервной болезнью, особенно с эпилепсией, но могут сложиться и самостоятельно у человека, не страдающего этими болезнями. Если на фоне моральной дегенерации сложится склонность к хищническому, нетрудовому приобретению имущества, то носитель подобной психики окажется сильно предрасположенным к тем или иным формам воровства и очень легко и быстро может попасть в ряды профессиональных воров. Сочетание, на почве нравственного вырождения, склонностей к насильственной преступности и к хищническому приобретению

имущества легко может поставить человека в ряды наиболее жестоких и опасных бандитов.

Нередко моральных дегенератов называют «нравственно помешанными» (*moral insanity*), но этот термин представляет то неудобство, что слишком сближает их с душевнобольными и всех их вводит в бесконечную массу больных людей. Но от «помешанных» лица, отмеченные одним моральным вырождением, отличаются тем, что у них не наблюдается болезненного нарушения логических процессов суждения и умозаключения: «нередко, говорит проф. Корсаков, такие индивидуумы, несмотря на нравственное убожество, бывают довольно смыслены».¹ Некоторые из них отличаются довольно значительной образованностью и диалектической ловкостью, благодаря которой иногда выдумывают довольно интересные объяснения и мотивировки своих безобразных и жестоких поступков: они ссылаются, например, на наследственность, на борьбу за существование, на Дарвина, на Ницше и Достоевского и т. п. Конечно, в кривой логике их рассуждений нельзя не заметить серьезных дефектов, но не такого рода, чтобы их можно было назвать помешанными. Чаще, однако, мы находим у моральных дегенератов почти полное отсутствие образования, недалекость и умственную туповатость, но в этом отношении они ничем существенно не отличаются от бестолковых и недалеких людей, не отмеченных печатью моральной дегенерации.

Иногда моральных дегенератов называют «моральными идиотами». Для такого названия есть известное основание. Однако моральными идиотами могут быть названы не все моральные дегенераты, а лишь некоторые, именно те, у которых это состояние выражено особенно ярко и полно. Моральные идиоты, это — люди с полной атрофией нравственных эмоций (уважения к личности, чувства человеческого достоинства и т. д.) и связанных с ними нравственных склонностей, совершенно отупевшие нравственно.

Можно отметить три степени нравственного вырождения: 1) полное нравственное отупение, с которым часто связывается и умственная тупость; его можно было бы назвать моральным идиотизмом, если не бояться смешения его с идиотизмом в смысле медицинском; это — полная нравственная огрубелость с резко выраженным чувственно-эгоцентрическим складом характера; 2) состояние моральной имбецильности, характеризующееся сильным сужением поля нравственного сознания и чувства, при котором некоторые нравственные эмоции распространяются лишь на немногих близких лиц — членов семьи, сожителя и сожительницу и т. п., вне же этого тесного круга лиц наблюдается нравственная бесчувственность и равнодушие; 3) состояние,

¹ „Курс психиатрии“. 2 изд. 1901. II, 1003.

так сказать, моральной хаотичности, при котором в нравственном сознании существуют как бы широкие зоны нравственной нечувствительности и нравственное сознание как бы разорвано, существует как бы в виде нескольких к различным сферам относящихся отрывков, при чем некоторая нравственная чувствительность в одних сферах отношений соединяется с нечувствительностью в других. При первой форме дегенерации мы имеем перед собою человека-зверя, сохранившего иногда большую дозу хитрости, способность прикрывать свою нравственную слепоту теми или иными фразами, недурно учитывать выгодность или невыгодность для него известных поступков и поступать соответственно эгоцентрическим расчетам. Во втором случае перед нами оказывается если и человек-зверь, то все же с примесью человеческих чувств и отношений к известному, ограниченному кругу лиц, или личность с нравственным сознанием, лишь слишком суженным в отношении круга лиц, на которых распространяется его голос. У такого человека нет нравственных комплексов общего характера, в которых с общими идеями связаны чувства долга, справедливости, честности и т. д., а есть комплексы, в которых с представлениями определенных лиц соединяются те или иные альтруистические чувства, удерживающие от совершения недопустимых поступков в отношении этих именно лиц. Такие люди чувствуют, например, что нельзя совершать насильственных поступков в отношении матери или отца, что нельзя обворовывать близких родственников, насиловать сестер и т. п., потому что они любят этих лиц, жалеют их и т. д., но на более широкий круг лиц их нравственные комплексы не распространяются. У носителей третьей формы нравственного вырождения отсутствуют нравственные комплексы, которые могли бы регулировать известную сторону их жизни или определенные сферы отношений, например, половую жизнь или область их имущественных отношений, а для остальных областей их жизни у них есть нравственные комплексы более или менее общего характера. От просто малоразвитых в нравственном отношении лиц моральные дегенераты отличаются выпадением из их психической жизни известных групп нравственных комплексов, обычно развивающихся у лиц данного общества, и вследствие этого известная область их поведения или все их поведение в целом оказывается лишенным нравственной регуляции. Вместо более или менее живых нравственных комплексов у них встречаются иногда относящиеся к данной области представления морального характера, но не ассоциированные с известными чувствами, не превратившиеся в атмосфере общения с другими людьми в нравственные комплексы, из которых рождались бы соответствующие задерживающие нравственные импульсы. У малоразвитых в нравственном отношении людей нравственная регуляция поведения существует, но лишь

сравнительно слабая вообще или в известной сфере своих проявлений.

Нравственное вырождение — явление довольно частое в преступном мире. Из 260 обследованных мною бандитов, в той или иной степени оно было явственно выражено у 104.

Вырождение есть состояние прогрессирующего упадка. Как скоро оно появилось у того или иного индивида в своей начальной форме, оно будет прогрессировать в направлении все большего приближения к моральному идиотизму, если не вмешаются какие-либо особые, задерживающие его рост влияния; с одних сфер жизни или отношений оно будет распространяться на другие, все полнее захватывая личность, хотя не у каждого индивида оно достигает предела своего развития. Вначале морально нечувствительный лишь в известном круге отношений имущественного характера, человек с течением времени утрачивает моральную чувствительность вообще, во всей области своих имущественных отношений, а часто и в сфере тех или иных личных отношений. Вначале несколько жалостливый в отношении сожительницы или близких родственников, он становится все грубее и в своих отношениях к ним, не колеблется убить прискучившую ему сожительницу, и т. д. Тот, у кого наблюдается моральное вырождение в форме моральной хаотичности или имбецильности, в силу уже этого попадает часто в такие объективные условия, которые ведут его все далее по линии нравственного оскудения. Прогрессируя у индивида в течение его жизни, нравственное вырождение тяжело отзывается на потомстве. Известно, что дети наследуют черты характера своих родителей, их вспыльчивость, раздражительность, злобность, доброту и т. д. Если известных задерживающих, нравственных склонностей нет у родителей, задатков их не оказывается и у детей, а унаследованные антиальтруистические чувства получают полную свободу развития и проявления. Особенно значительно наследственное отягощение в тех случаях, когда вырождение констатируется и у отца, и у матери. Существуют роды, которые все более и более дают бродяг, проституток, преступников. Таков, например, был род Маркусов, в котором было много бродяг, алкоголиков, плутов, проституток, 20% слабоумных,¹ или род Юк в Америке, прослеженный на протяжении семи поколений: среди 540 брачных и 169 внебрачных потомков этого рода было 76 преступников, 142 бродяги, 181 проститутка, 64 нищих, 18 содержательниц публичных домов, 131 калек, идиотов и сифилитиков, 46 бесплодных.² Вряд ли можно сомневаться, что нравственное вырождение нередко вырастает на почве наследственного отягощения.

¹ См. статью Jörger. „Die Familie Markus“. „Zeitschrift für d. ges. Neurologie und Psychiatrie“. 1918, стр. 76 сл.

² Ломброзо. „Преступление“. Перев. Гордона. СПб. 1900.

Алкогольная, невропатическая, психопатическая, сифилистическая наследственность, с отсутствием задатков нравственных комплексов и с задатками злых, антиальтруистических чувств — вот почва, на которой вырастает яркая картина морального вырождения. Личный алкоголизм также является деятельным фактором этого вырождения.

Часто утверждают, что вырождение есть врожденное состояние. Но с этим трудно согласиться. Нельзя отвергать, что объективные условия, в которых живет личность, и разнообразные факты ее жизни могут производить глубокие и стойкие изменения в ее конституции, а не вызывать лишь мимолетные, бесследно проходяще настроения. Если же так, то ясно, что эти изменения могут носить и дегенеративный характер. Да и самое нарастание в потомстве признаков дегенерации, из поколения в поколение, было бы непонятно, если не допускать накопления этих признаков у личности в результате тяжелых жизненных переживаний. Изучение преступности дает нам целый ряд примеров того, что нередко нравственное вырождение появляется в результате продолжительной преступной карьеры, а иногда его удается подметить и у новичков на преступном пути. Ниже, особенно в главе об импульсивных преступниках, читатель найдет много ярких примеров моральной дегенерации. Не останавливаясь на них сейчас, отмечу только, что наличность и степень дегенерации являются важными дополнительными признаками.

7. Чрезвычайно важно также отмечать наличность или отсутствие деклассации, т.е. отрыва преступника от того социального слоя, к которому он принадлежал, и от свойственных последнему основных условий жизни. Наличность ее важно установить, потому что она, во-первых, затрудняет возврат преступника к честной трудовой жизни, а, во-вторых, обостряет криминогенные элементы психической конституции преступника и облегчает их внешнее проявление. Деклассированный чувствует себя теснее связанным с миром преступников и с притонами, в которых они ютятся. При этом надо различать внешние и внутренние условия деклассации. Первые сводятся к утрате внешних признаков принадлежности к известному социальному слою, например, хозяйства — сельским хозяином. Второе заключается в таких изменениях самой личности, в силу которых она уже существенно отличается от лиц данного социального слоя и неспособна к жизни и деятельности, свойственным представителям данной социальной группы. Примером деклассированного преступника может служить хотя бы описанный выше Гаврилов. Деклассация — частое явление у представителей преступного мира. Так, напр., из 250 обследованных мною бандитов, из которых 174 человека принадлежали к числу городских жителей и 76 — к числу сельских, 55 во время преступления состояли на службе. 80 человек, хотя на службе не состояли, но имели определенный источник

средств существования в виде крестьянского хозяйства, вольной профессии или торговли. 57 лишились места, по сокращению штатов, незадолго до преступления, а 58 были людьми без определенных занятий. У 133 не было заметно признаков и тенденции к деклассации, в смысле отрыва от того социального слоя, к которому они принадлежат, и от свойственных последнему основных условий жизни. У остальных 117 признаки деклассации были более или менее ясно намечены или последняя стала совершившимся фактом.

По всем указанным дополнительным признакам, в пределах отдельных видовых типов, создается сеть новых подразделений на алкоголиков и неалкоголиков, деклассированных и недеклассированных, невропатов и нервных-здоровых и т. д.

Прежде, чем перейти к обрисовке отдельных типов, надо отметить еще следующее: при установлении типа, носителем которого является тот или иной преступник, необходимо считаться с тем, к какой социальной группе или социальному слою он принадлежит. Задача сводится к тому, чтобы выяснить, насколько он, как представитель известной социальной группы, обладает известными свойствами, препятствующими ему вести жизнь, свойственную членам этой группы, не прибегая к преступлению, как к средству удовлетворения тех или иных своих потребностей, насколько он, находясь, так сказать, в атмосфере условий жизни лиц данной социальной группы, предрасположен выйти из обычных рамок этой жизни и совершить известное преступление, или оказывается недостаточно стойким в преодолении затруднений, встречающихся в жизни лиц данного социального слоя. Если мы говорим, что у данного субъекта недоразвито то или иное положительное качество, или, наоборот, сильно развито какое-либо отрицательное свойство, то мы исходим в этом случае от того, что обыкновенно встречается у лиц одного социального слоя с данным субъектом и может считаться минимумом, необходимым для того, чтобы не выйти за пределы легальных форм жизни и удержаться от преступления. В этом проявляется относительность криминального типа и его зависимость от культурного уровня, социальных и бытовых условий. С серьезным изменением социальных условий накапливаются и крупные изменения в сфере криминальных типов: с одной стороны, нарождаются новые типы, а с другой, — изменяется состав носителей прежних типов. Проследить все эти изменения составляет ряд весьма важных и интересных задач криминальной психологии. В будущем, вероятно, эта наука и сможет установить ту эволюцию, которой подвергаются криминальные типы вместе с эволюцией социальной среды. К сожалению, в прошлом не велось никаких систематических исследований преступных типов, которые могли бы позволить выполнить теперь же эту задачу, сравнивая современные типы с типами прежних времен.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Экзогенные преступники.

«От тюрьмы да от сумы не отрекайся», советует народная поговорка, указывая, что человек часто попадает в одно из обозначенных в ней несчастных положений вопреки всем своим расчетам и ожиданиям. Обстоятельства иной раз так резко и быстро меняются и дают такой толчок к преступлению, что под давлением их нередко оказывается не в силах удержаться на пути честной, трудовой жизни и такой человек, в котором, казалось, никак нельзя заподозрить потенциального преступника. Группа экзогенных преступников и состоит из людей, потерпевших крушение в жизненных бурях, сбитых на преступный путь давлением внешних обстоятельств, которые, хотя и не были столь тяжки, чтобы извинить их, но все-таки превышали обычные жизненные затруднения; не попади они в данное затруднительное положение, они прожили бы всю жизнь, не сталкиваясь с уголовным судом и законом. Для обычного течения жизни и для повседневных житейских соблазнов и испытаний у них достаточно нравственной стойкости. Но как скоро они выбиты из привычной для них колеи и оказались перед серьезными затруднениями, они падают духом, теряют равновесие, обнаруживают недостаток активности в борьбе с этими затруднениями. . . Их сопротивляемость соблазнам, стремящимся увлечь на преступный путь, достаточна лишь при обычных для них условиях жизни и оказывается недостаточной в борьбе с сколько-нибудь серьезными затруднениями, в периоды житейских бурь. Они способны к некоторой нравственной борьбе, но когда эта борьба более, чем обыкновенно, упорна или длительна, они ее не выдерживают. Потерпеть до конца, сдержаться, выждать, перенести некоторые лишения, чтобы избежать преступления, познергичнее воспользоваться возможным легальным выходом из своего положения у них не хватает нравственной стойкости или энергии, а иногда также находчивости и умения ориентироваться в изменившихся условиях жизни. Нередко, при этом, они видят в самих себе жертву неблагоприятно сложившихся обстоятельств, не дают должной моральной и социальной оценки своему поведению, считают его за что-то вынужденное и полагают, что так на него посмотрят и другие. Это снисходительное, жалостливое к себе отношение иногда не дает развиваться в них тому протесту против преступления, который вполне соответствовал бы по силе голосу их нравственного сознания и мог бы оказать должное влияние на волю.

В каждом обществе и в каждом его слое у отдельных членов вырабатывается обыкновенно двойной ряд комплексов, регулирующих их поведение: с одной стороны, комплексы, в которых ассоциированы с определенными чувствами общие представления

таких форм жизни и поведения, которые признаются в данной социальной группе хорошими или, по крайней мере, нормальными, допустимыми. В связи с этими комплексами стоят другие комплексы, в которых с определенными чувствами ассоциированы представления образов жизни и действий, которые, напротив, считаются недопустимыми, ненормальными, позорными и т. д. Из комплексов первого рода вырастают более или менее живые и сильные импульсы к образам действий, из которых слагаются или которыми поддерживаются и обеспечиваются формы жизни, признаваемые хорошими или, по крайней мере, допустимыми. Из комплексов второго рода рождаются задерживающие импульсы, т.-е. импульсы к воздержанию от известных форм поведения. Из тех и других комплексов слагается присущий личности коэффициент сопротивляемости неблагоприятным внешним условиям. Как скоро человек оказывается под угрозой известных страданий, он, в силу присущего ему стремления избегать страданий и инстинкта самосохранения, ищет средств устранить эти страдания и в своих поисках нередко наталкивается на мысль о том или ином преступлении, как о возможном выходе из затруднения. Если присущий субъекту коэффициент сопротивляемости мал, преступная мысль получит у него осуществление, раз преступление представится ему выгодным. Если этот коэффициент достаточно значителен, мысль о преступлении будет отброшена. Следуя рождающимся из его нравственных комплексов импульсам, человек изо дня в день служит, подчиняет себя определенной дисциплине, старается заслужить и поддержать хорошую репутацию, избегает того, что может подорвать последнюю, лишившись места, энергично ищет нового и т. д., словом, старается отвоевать себе известные формы и условия жизни, признаваемые нормальными, сносными или хорошими, и поддержать свою жизнь на определенной высоте; для борьбы с разными жизненными затруднениями у него оказывается известный запас того, что называют нравственной энергией или стойкостью.

Группа экзогенных преступников состоит из лиц с пониженным коэффициентом сопротивляемости, с более или менее значительными дефектами криминалорепульсивной части их конституции. Впрочем, не надо забывать, что эти преступники действуют при особенно неблагоприятных внешних обстоятельствах. Поэтому реакция на эти обстоятельства, проявившаяся в форме известного преступления, не свидетельствует о том, что в их конституции существуют такие отложения, в которых можно было бы видеть предрасположение к этому преступлению. Когда человек испытывает сильную физическую или душевную боль, он под влиянием ее может сделать поступок, вообще ему не свойственный; при таких условиях нельзя заключить от факта совершения им известного поступка к сложившемуся будто бы у него предрасположе-

нию к определенному образу действий. Для того, чтобы, подвергнувшись сильному давлению неблагоприятных внешних обстоятельств, не прибегнуть к преступлению, несмотря на то, что последнее представлялось средством выйти из тяжелого положения, нужно:

во-первых, чтобы субъект более или менее ясно представлял себе иные возможные выходы из своего положения;

во-вторых, чтобы он с достаточным спокойствием и полнотой мог взвесить последствия преступления и сопоставить с ними другие способы устранения создавшихся для него затруднений;

в-третьих, чтобы у него было достаточно энергии для использования иных возможностей, кроме преступления, и достаточно сильное нерасположение к последнему.

В соответствии со сказанным среди экзогенных преступников можно различать следующие главные разновидности:

I. Во-первых, таких, которые не видели с достаточной ясностью иных, не преступных выходов из своего положения, ошибочно считали, что таких выходов нет или что они мало надежны, чрезвычайно трудны, малодоступны им и т. п.

Так как такое состояние сознания может быть обусловлено, главным образом, или умственной недостаточностью субъекта, или его взволнованностью и подавленностью, мешавшими ему взвешивать и обсуждать, то эту первую группу экзогенных преступников можно разбить на две:

а) на интеллектуально недостаточных (глупых, недалеких, мало развитых, поверхностных, легкомысленных). Поверхностных проявляется в торопливости суждений о явлении в его целом на основании некоторых бросившихся ранее в глаза признаков его, без должного учета других существенных признаков. Легкомыслие состоит в том, что в расчеты и оценки, касающиеся тех или иных событий, вводятся необоснованные надежды или предположения относительно разных обстоятельств, от которых зависит наступление, ненаступление или характер тех или иных последствий, благодаря чему причинная связь явлений представляется совершенно неверно;

б) растерявшихся (трусливых, впадающих в уныние, в отчаяние или в состояние растерянности).

II. Вторую основную разновидность экзогенных преступников образуют те, которые видели иной, непреступный выход из своего положения, обладали достаточным спокойствием, чтобы взвесить и обсудить представлявшиеся им возможности, но не обладали достаточной энергией, чтобы своевременно использовать имевшийся у них в виду непреступный выход из тяжелого положения, потому что не питали настолько сильного нерасположения к преступлению, чтобы с достаточной настойчивостью стремиться его избежать. В свою очередь, эти недостаточно энергичные поиски непреступного выхода из тяжелого положения могут иметь

своим источником или: 1) трудно преодолеваемую пассивность субъекта, его малую способность к длительным и энергичным волевым усилиям, которые были необходимы для выхода из данных затруднений легальным путем (пассивные, слишком стесняющиеся и застенчивые), или 2) недоразвитие одного из альтруистических чувств (холодные, безучастные или бессердечные, неблагодарные, не деликатные), или 3) недостаточное развитие чувства честности, или 4) недоразвитие уважения к общественным интересам.

Часто «личный» корень преступности сплетается из различных, указанных выше, свойств, и тогда субъекта приходится относить в ту подгруппу, характерные свойства которой у него выражены сильнее всего. Так, напр., у описанного выше (стр. 34) Ивана X. всего яснее выражены черты второй подгруппы второй основной разновидности. Что касается внешних обстоятельств, толкающих экзогенных преступников на преступный путь, то чаще всего они сводятся к материальной нужде, или к тяжелому семейному положению. Нередко, при этом, недостаток стойкости экзогенного преступника, его податливость на давление внешних обстоятельств в значительной мере обусловлены недостатком самостоятельности, подчинением чьему-либо постороннему сильному влиянию, или опьянением, вследствие которого способность критики у него была ослаблена, а смелость и развязность возрасти. В пределах каждой подгруппы экзогенных преступников надо различать внушаемых от поддающихся с трудом чужому влиянию и алкоголиков — от непьющих или почти совсем непьющих.

Выше был приведен пример экзогенного преступника, совершившего преступление по нужде. Вот еще один случай, относящийся к той же группе; действующими лицами в нем являются несколько эндогенных преступников и один экзогенный — Иван Иванович Т., которого уговорили принять участие в одном бандитском налете. Дело было так:

Часов в 10 вечера, 28 декабря 1922 года, Л. с двумя соучастниками пришел к этому рабочему Ивану Т., у которого в это время был в гостях его знакомый электромонтер П., которого он просил о месте и который принес ему известие, что, возможно, ему удастся устроиться, так как заведующий одним детским домом определенно обещал принять Ивана на службу и просил передать ему, чтобы тот к нему явился. Пришедшие три гостя принесли с собой самогонки, которую все присутствующие и стали распивать. Иван пил редко, но приходилось иногда сильно напиваться. В пьяном виде он не буянит, а идет обыкновенно спать. В этот раз они выпили с четверть самогонки, и Иван сильно захмелел. Пришедшие гости стали беседовать о том, что Ивану трудно жить, что положение его тяжелое, что трудовым путем он из него не выбьется, что вот он за родину кровь проливал, а все нищим

остался и т. д., а затем предложили ему заработать на одном «деле», ограбить в Перове одного человека, сделать нападение на его дом. Подвыпивший Иван и сидевший у него в гостях Л. согласились. У Ивана была одна мысль: купить бы для себя и жены полпуда хлеба, а то он все время питался одним картофелем, да и тот приходил к концу. Долгая нужда вызвала у него к тому же, смешанное с отчаянием и сознанием беспомощности, чувство озлобленности по поводу своего положения, при котором слова подстрекателей казались ему особенно убедительными. Это чувство, так сказать, прибавило ему смелости и решимости.

Итти пришлось версты полторы. К месту преступления пришли уже часу в четвертом утра. Место и обстановку преступления Иван не помнит, была ночь, да он был, к тому же, пьян и не интересовался; помнит только, что дом был одноэтажный. Надо добавить, что память у него вообще слабая; он плохо помнит внешний вид и очертания предметов, цвета и то, что ему приходилось слышать или читать. Придя к намеченному дому, некоторые из соучастников стали взламывать окно, а другие — в том числе и Иван — остались вблизи у коровника. Взломав окно и освещая помещение электрическими фонариками, соучастники влезли внутрь; Иван влез последним. Изнутри вдруг раздалась команда: «руки вверх! бросай оружие!». В ответ на это бандиты открыли стрельбу; у них было с собой 3 револьвера. Один из соучастников — Л., — отстреливаясь, успел скрыться, остальные были захвачены на месте и сильно избиты сидевшими в засаде; избитых их связали, положили на подводу и повезли «как дрова». Один из участников нападения оказался провокатором. Иван, как только из засады раздалась команда, в ужасном страхе бросился за печку, но его вытащили и избили.

Познакоимся теперь с его личностью.

Иван Иваневич Т., 27 лет, русский, из крестьян Новгородской губернии, Валдайского уезда. Он сын бедного крестьянина, который прирабатывал, езда с ассенизационной бочкой за 4 версты в близлежащий город. У отца Ивана было 8 человек детей, 5 сыновей и 3 дочери. Иван — старший из братьев. Семья в общем жила дружно, только отец иногда запивал запоем и тогда бил и жену, и детей. Детей он и трезвый наказывал иногда ремнем и плеткой. Но в общем у Ивана были хорошие отношения с родителями. «Родителями доволен», говорит он. Отец его в 1918 году умер «от простуды», мать жива до сих пор. Сколько он знает, родители его никогда не судились; и сам он раньше не судился. Воспитывался Иван у родителей; учился он в сельской школе 2 зимы, но школы не кончил, так как рано пришлось итти на работу. Он начал работать с 7 лет на железной дороге; детей брали на работу за 15 к. в день — траву щипать, камни убирать, подметать и т. п. Лет 12 — 13-ти он работал года полтора на лесопильном заводе, а потом — на колокольном и на кирпичном

заводе. О своем детстве он сохранил печальное воспоминание: ничего в нем, кроме тяжелой работы, не было. «Несешь это, бывало, — рассказывает он про свое пребывание на лесопильном заводе, — корзину с опилками, всю спину до крови веревками перетрешь». Сохранилась в его памяти из детских лет еще одна тяжелая сцена: когда ему было лет 9 — 10, как-то оторвался плот, на котором он был с товарищем, и его отнесло на середину озера. Иван страшно испугался, так испугался, что не помнил даже, как его вытащили. Более о его детстве его память не сохранила ничего. «Приятной жизни не видел», говорит он. «Семья была большая — 10 душ, а земли — мало, приходилось родителям помогать». «И отца и мать очень жалею, так как они много работали». Ни особых врагов, ни друзей он в детстве не имел. Ремесла он никакого не изучил, с детства и по день ареста работал чернорабочим. В 1916 г. он поступил на военную службу и пробыл на ней до июля 1922 года. В дореволюционное время он служил в артиллерии; со времени революции поступил добровольцем в красную гвардию из политического сочувствия; с 1919 по 1922 г. служил в Москве красноармейцем при высшей стрелковой школе, где и познакомился с Л., служившим там же. О военной службе сохранил тяжелое воспоминание: — «плохое дело, кровопролитие, много нашего брата погибло там». На войне он был ранен легко в ногу и однажды контужен: его засыпало землей, — «не знаю, — говорит он, — как выкопали, очнулся уже на санитарной повозке». Месяца 3 в госпитале лежал после этого. Он много раз бывал в боях, часто видел раненых, кровь и трупы. Все это на него вначале сильно действовало. Потом это действие ослабело, но привыкнуть к этим зрелищам он не мог. К тому же он не из храбрых и на фронте испытывал страх, иногда настолько сильный, что чуть не падал в обморок. Был однажды случай, когда он бросил оружие и спасался бегством. К опасностям фронтовой жизни и к крови он так и не мог привыкнуть до конца своего там пребывания. Забывал о страхе, только когда во время сражения «разгорячался», тогда он забывал об окружающем и все свое внимание сосредоточивал на том, что обязан был делать. Военная служба принесла ему лишь одну пользу: от товарищей он выучился читать и писать. Занимался, чтобы «получить развитие». Он и теперь желал бы ради этого учиться; и в тюрьме он просил воспитателей принять его в школу, где он особенно хотел бы «послушать лекции по политической части». Но прочитанное он помнит недолго, так как у него плохая память: прочтет и быстро забывает. Он читал Достоевского, Чехова, Л. Толстого, но мало что помнит из прочитанного. С трудом припомнил кое-что из «Преступление и наказание». С Раскольниковым он решительно не согласен: «это зверство — убить человека». «Убивать мы не можем, потому что мы жизни не давали». «Раскольников мог бы и так взять, отнять или как иначе».

«Может-быть, и есть такие спецы, что способны убийство сделать», но сам он этого не может. Кражу он допускает, но лишь кражу «по нужде», хотя и ее считает делом плохим, так как за это приходится сидеть. — «Чужое состояние — не мое, не должен я его и брать». — Рассчитать так, чтобы, взяв чужое, не сидеть, никак нельзя. Но почему кража плоха, независимо от тюрьмы, которую за нее назначают, он объяснить затрудняется и говорит только, что «грабить, связаться с людьми, которые крадут, нехорошо». «Можно спокойно владеть лишь тем, что заработал». С заметным эмоциональным тоном и с большой горечью он говорит, что ему приходится «сидеть в этой несчастной тюрьме весной и летом, когда для крестьянства — золотое время, и семья, быть-может, от этого голодает». «Я очень раскаиваюсь в своем преступлении, зачем я на него пошел». К крови и ранам он относится с очень неприятным чувством. Посмотрев на картину, изображающую убийство Грозным сына, и заметив кровь, он с неподдельным чувством сказал: «уберите, я не могу этого видеть».

В августе 1922 г. он демобилизовался, приехал в Москву к жене и поселился у нее во Владыкине, где она жила в доме своего отца, который раньше здесь был огородником, но теперь никакого хозяйства не имел; она занималась поденной работой. Женат он с 1922 года, до жены никого не любил, и ни с кем не сожительствовал, имел лишь мимолетные половые связи, большую частью с проститутками. От жены у него дочка. Поселившись у жены, он вынужден был жить на ее счет, что его очень тяготило. Он записался на биржу труда, искал места всюду, где мог, но в течение 6 месяцев никакой службы найти не мог; лишь иногда ему попадался случайный заработок: так, осенью он копал у соседних крестьян картофель, за что получил 2 мешка картофеля. Пить он в это время не пил, в карты не играл, ничего лишнего не покупал, а денег совсем не было и он страшно нуждался. Для характеристики его тогдашнего состояния надо еще прибавить, что у него было смешанное с горькой досадой чувство обиды за то, что он прослужил 4½ года в Красной армии и ничего не получил за это, а полгода не может найти себе работы. Этим его состоянием и его нуждой решили воспользоваться его сотоварищи по преступлению. Горько раскаиваясь, что пошел на это дело, Иван уверяет, что, не будь он пьян, он ни в каком случае не согласился бы, несмотря на свое тяжелое положение. Л. знал, что Иван сильно нуждался, и, зная это, верно рассчитал, что преступление покажется ему, — особенно, если его подпойть, — соблазнительным. Так и вышло. Принимая во внимание, что в прошлом Ивана хотя и были тяжелые моменты, но он никогда не добывал средств к жизни нетрудовым способом, что он с искренним эмоциональным тоном дает отрицательную моральную оценку бандитизму и убийству, что в течение 6 месяцев он всячески

бился, чтобы что-нибудь заработать трудом, что у него была действительная долго мучившая его нужда, его следует признать экзогенным преступником. Но, с другой стороны, нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в его тяжелом положении появился уже просвет, о котором ему сообщил П., так что ему нужно было лишь еще немножко потерпеть, что в его взгляде на кражу есть какая-то опасная уклончивость, довольно растяжимая оговорка «по нужде», которая делает его отношение к этому преступлению похожим на подгнивший забор, который до поры до времени держался, подпираемый и трусостью Ивана, и его привычкой идти по трудовому пути, но порыв ветра, — явившийся в форме известной дозы алкоголя и лукавых слов подстрекателя, — и забор рухнул. . .

Учитывая, наконец, то, что Иван в крайнем случае мог уехать в деревню к матери и там, хотя бы некоторое время, переждать полосу своих невзгод, надо признать, что у его преступления есть и известный «личный» корень. Теперь, по освобождении от наказания, он рассчитывает уехать с семьей в деревню и заняться там восстановлением хозяйства. Но это он мог сделать и до преступления. И это тем более легко было ему сделать, что с родными у него были все время хорошие отношения; он с большою сердечностью, даже со слезами в голосе отзывается и о своей семье, — о жене и ребенке, — и о матери, братьях и сестрах. В тюрьме он сильно тоскует о них и постоянно думает о том, как идет их хозяйство. Он, несомненно, хозяйствен и экономен, сорить деньгами не любит, хотя не скуп, но расчетлив. «Надо каждую копейку ставить на счет», — говорит он. Поэтому он избегал каких-либо развлечений и угощений, лишь изредка позволял себе выпить. Характера он довольно утрюмого, шумного веселья не любит. Ни вечеринок не посещал, ни ухаживанием за женщинами не занимался. Жenu и ребенка любит и замечал за собой, что несколько ревнив. Он весь постоянно поглощен мыслью об устройстве материальной стороны своей жизни, но большой способности хорошо устраиваться не обнаруживает. Он несколько флегматичен и не особенно энергичен. Заметна у него нервность, способность быстро приходиться в состояние волнения, впечатлительность; его преобладающее настроение — печальное. Но он не вспыльчив, не очень лжив, а когда лжет, то выдумывает не столько факты, сколько их объяснения и оправдания.

Иван Т. вступил на преступный путь под влиянием длительного действия материальной нужды. А вот случай, когда этот фактор, так сказать, нахлынул на человека внезапно, привел его в состояние растерянности, смешанное с раздражением, и этим толкнул на преступление.

Григорий Александрович К., 22 лет, русский, из крестьян Архангельской губернии, Шенкурского уезда; на обеих руках у него татуировка, — сердце, якорь и инициалы Г. К., — сделаны во время

морской службы. Он присужден к 8 годам заключения со строгой изоляцией за то, что 9 октября 1923 года, возвращаясь с заработков из г. Архангельска в свою деревню, по дороге, около 12 часов дня, в двух верстах от деревни Макаровской, через которую ему предстояло проходить, убил гражданку Субботину, 63 лет, нанеся ей палкой по голове несколько ударов. На вид, это — человек небольшого роста, с широким, жирным и толстокожим лицом, формы укороченного яйца, с серыми, без определенного выражения глазами, с небольшим, коротким, несколько вздернутым вверх носом. По внешности, он — смиренный и довольно добродушный деревенский парень. Не пьет. Никакой ссоры с убитой у него не было. Что же могло толкнуть его на такое дело, — на убийство в поле, на проезжей дороге, среди белого дня, вблизи деревни? По его словам, совпадающим с обстоятельствами дела, — исключительно голод и желание получить хлеб и пирожки, бывшие в котомке Субботиной.

Знакомясь с жизнью и личностью К., мы узнаем, что он с детства рос в суровой семейной обстановке. Детство его было «безрадостное», «несчастливое»; он решительно не может вспомнить ничего хорошего из своих детских лет. Отец его умер, когда Г. А. был совсем еще маленький, в 1906 году; его нашли замерзшим в поле. Григорий припоминает из рассказов матери, что отец пил, но, кажется, не сильно, так-себе — и с матерью жил дружно. Григорию с детства пришлось работать по хозяйству. Школы он не кончил, «мать не дала, чтобы дома работал». Учился он хорошо и ученьем интересовался, особенно арифметикой; сравнительно труднее давался ему закон божий, «потому что многое нужно было учить наизусть». К религии он равнодушен: «не имеет никакой». Домашняя обстановка у него была очень плохая. Правда, материальной нужды не было, мать его — женщина с достаточными средствами. Но у нее ужасный характер. «Мать такая, — рассказывает Григорий, — что редко и сыщешь». «Доброго-то, пожалуй, в ней не было ничего». Злая и раздражительная, она целый день бранилась и придиралась к детям, постоянно била их и мало думала о их воспитании. Вскоре после смерти отца она сошлась с соседом, и это было одной из причин того, что в их доме «был все время скандал да скандал». Дети, — их было трое, Григорий и две сестры, — были некоторой помехой этой связи; притом они высказывались открыто против нее, особенно сын. Любовник матери возненавидел мальчика и постоянно вооружал против него мать. В результате плохие, и Григорий откровенно говорит, что он всегда мать «не долюбивал». Той сердечности, нежности и ласки материнской, которая имеет такое большое значение для развития эмоциональной стороны ребенка, Григорий и его сестры не знали. А атмосфера вечных ссор и брани не могла, конечно, хорошо влиять на развитие в нем сдержанности и уважения к личности. Зато с дет-

ства он познакомился с чувством ненависти: он все время ненавидел любовника матери. От матери Григорий унаследовал вспыльчивость. Драться ему в жизни, по его словам, никогда не приходилось, ругаться приходилось. Колотушки матери терпел со сдержанной злобой. Боясь новых побоев, дерзости ей делать избегал. Вообще и он, и сестры «смирные», они лишь «выговаривали» матери за ее связь. Друзей у Григория ни в детстве, ни потом не было. Вообще, кроме сестер и жены, он ни к кому никакой привязанности никогда не питал. Вследствие тяжелой домашней обстановки Григорий, когда ему исполнилось 17 лет, при содействии дяди, ушел из дому добровольцем в морскую службу, на которой и состоял с 1919 года по 1922 год. Сначала он был поваром на корабле, потом прошел четырехмесячные курсы для мотористов, при чем окончил их с большим трудом, вследствие своей малограмотности, и был отправлен мотористом на радиостанцию на один из островов Белого моря, где пробыл 1921 год, а затем в 1922 году был переведен на другой остров также на радиостанцию мотористом и здесь провел последний год своей военной службы. После тяжелой домашней атмосферы он чувствовал себя на военной службе очень хорошо и сохранил об этом времени самое приятное воспоминание. Страху он никакого не испытывал, так как ни в каких боях не участвовал. Ни в чем недостатка не терпел. Жил хорошо. На островах охотился на тюленей, что ему очень нравилось. Постоянно имел деньги, так что мог хорошо одеваться, а это он очень любит. Хорошо одеваться — его страсть: «купишь, — говорит он, — один костюм, хочется купить другой». Одежду он любит модную и красивую и, если бы имел много денег, первым делом накопил себе хорошей одежды. Да и на что ему особенно тратить деньги, кроме как на хозяйство и одежду. Пить он не пьет, даже и не курит. В карты пробовал поиграть раза 2 — 3, его обыграли, он решил, что это дело очень невыгодное, и «закалялся». На вечеринки ходить он также не особенно любит, хотя ходит, изредка танцует. Любит он поухаживать за женщинами, но по этой части довольно плох, так как «разговора настоящего у него нет», т.-е. не находчив в разговоре и недостаточно развязен, что он приписывает своей малой образованности. Рассказывает он, впрочем, довольно связно, не путаясь и правильно отличая главное от второстепенного. Он, действительно, мало развит, мышление его работает медленно и довольно бедно ассоциациями. Он, собственно, не глуп, но как-то вял, туго соображает, недостаточно хорошо комбинирует идеи и факты. Память у него хорошая: то, что он видел, в частности, лица и очертания предметов, он помнит хорошо. Прочитанное помнит слабо, потому что плохо переваривает. Читать ему нравится, особенно про путешествия и про степи, но он почти ничего не читал, а то, что читал, скоро забыл. Место преступления помнит хорошо, потерпевшую разглядел также хорошо, помнит, что после двух его ударов она упала лицом

вниз и что крови заметно не было. Труп он, в целях сокрытия преступления, оттащил недалеко, — так с сажень, — с дороги в кусты. Преступления своего он заблаговременно не задумывал, шел со старухой по лесу, разговаривали «по хорошему», не ссорились, не ругались, и мысли об убийстве не было. А потом вдруг не сдержался, в нем сильно заговорило чувство голода, смешанное с раздражением против старухи, он поднял валявшуюся на дороге палку и ударил ею два или три раза, — он не помнит точно, нанес ли ей два или три удара, вернее два удара и оба по голове. От природы он не злой и причинять другим страдания ему не нравится. Он трудолюбив, хозяйствен, но не скуп. Ремесла никакого не знает, все время занимался лишь крестьянскими сельско-хозяйственными работами, и этот труд ему нравится. По отбытии наказания имеет в виду вернуться домой и заниматься крестьянским хозяйством. Смущает его только, как на него посмотрят в деревне. «У нас, — говорит он, — считается, что сидеть в тюрьме — позорно, в волостях почти никто не сидит». И сам он того же мнения: сидеть в тюрьме — позор. Кражу считает делом недопустимым и позорным, потому что «от нее люди страдают». Его три раза в жизни обкрадывали, и он от этого сильно страдал: «от иной кражи в полгода никак не оправишься». Убийство еще хуже, потому что когда убиваешь, «то душу губишь». В совершенном им преступлении рассказывает: «в день-то не один раз скажешь, зачем это сделал». «Жаль так, что я страдаю и она пострадала». На первом месте в его рассказе, как мотив, стоит, повидимому, то, что теперь за это сильно страдать приходится, а на втором уже месте — сознание жестокости того, что он «душу загубил» и причинил другому человеку страдания, да на себя позор навлек: как теперь в деревне на него смотреть будут? Первое время после убийства он сильно побаивался также, как бы убитая ему «во сне не привиделась». Первую ночь после убийства даже не спал от страха, что старуха ему во сне «привидится». Но потом страх прошел: ни разу не привиделась. К крови он отвращения не питает и никогда ее не видел, кроме случаев пореза пальцев и т. п. Раненых также не видел. Полагает, что второй раз он уже никогда не совершит убийства: скорее умрет, а на такое дело не пойдет, тяжело это, да и сидеть в тюрьме плохо. И в этот раз он напрасно его совершил, лучше бы «как-никак милостыней пробиться». Он пробовал было вначале просить милостыню, но ему мало подавали, а несколько раз даже сказали: «это — с такой-то рожей, такой молодой, — можешь заработать». Все-таки лучше бы милостыней пробиться. Да не сдержался, очень есть хотелось, да и раздражила его старуха. Дело было так. В конце 1922 года он вернулся со службы домой и пробыл дома с полгода. После Рождества женился, чтобы стать хозяином дома, а то над ним в деревне смеялись, что время мол, жениться, а им все мать помыкает. Пожив немного с женой, уехал в Архангельск на заработки, так многие

в их деревне делают. Взял с собою порядочно вещей, особенно разной одежды. Месяца 4 не мог найти себе в Архангельске прочного заработка, пробивался случайной работой, едва хватало на пропитание, вещи почти все продал. В деревню возвращаться не торопился, так как жизнь дома, несмотря на недавнюю женитьбу, его мало привлекала, тем более, что за время военной службы он поотвык от деревенской жизни. Но, наконец, прожившись в Архангельске и распродав все, кроме одной летней одежды и 2 — 3 смен белья, он решил вернуться домой, купил билет и с маленьким узелком поехал. Дорогой у него узелок украли. На станции Няндомы он слез без вещей, без хлеба и без денег. Попробовал просить милостыню, давали очень мало и, как отмечено выше, оговаривали. У станции он нанялся, наконец, к одному старику дрова колоты, чтобы заработать на хлеб. До его деревни ему предстояло идти дня 3 — 4, более 200 верст пешком. Старик первый день его накормил, а на второй день, когда Григорию нужно было уходить, куда-то исчез. Прождав его довольно долго, Григорий махнул рукой и решил идти, не получив ни денег, ни хлеба и рассчитывая дорогой пробиваться милостыней. Старика, казалось ему, все равно дожидаться бы не удалось. Пошел. Более суток шел без хлеба. Стал замедлять скорость своего хода и поотстал ото всех, с кем шел раньше. В одном месте встретилась ему старуха Субботина. Пошли вместе, прошли лес, шли часа 2, разговаривая о том, кто, откуда и куда идет. Оказалось, что старуха идет от сына и несет в котомке хлеб, пироги и разные домашние вещи. Григорий попросил у нее хлеба. Она сказала: — «ладно, подожди, дойдем до мостика». По дороге им встречались мосты. Прошли один мост. Старуха говорит: «хорошо, когда пройдем другой мостик», а после второго моста: «мне не хочется развязывать, подожди, дойдем до росстани», т.-е. до места, где им расставаться. Когда дошли до «росстани», старуха вынула и дала ему черных сухарей, при чем он видел у нее белый хлеб и пироги. Оказалось, что сухари лежали у нее вместе с мылом. Когда Григорий съел их, его стошнило, а старуха ему говорит: — «Ну, теперь вон деревня, там выпросишь». До деревни, действительно, было недалеко, версты 2 не более. «С этим голодом, — говорит Григорий, — мог бы дотянуться до деревни, да под влиянием голода он растерялся, перестал соображать: «что-то накатило на меня, — рассказывает он, — взял палку, да и ударил ее два раза». Это, как выяснилось впоследствии, видели две женщины, работавшие в поле. Оттащив труп с дороги, Григорий взял котомку и пошел в деревню, поедая старухины пироги. В деревне переночевал, при чем всю ночь не спал от страха, как бы не увидеть во сне старуху, на утро встал и пошел далее, оставив, как бы в виде платы за ночлег, котомку и все остальное содержимое ее, кроме остатков съестного, которые захватил с собой. В котомке было еще женское платье и кофта. Все время его мучила мысль: «сознаться или

не сознаться, ведь все равно розыскивать будут». Пошел дальше домой. Дня через три его арестовали, и, когда арестовали, он сразу во всем признался. Раньше он никогда не судился. Сидя в тюрьме, он тоскует по жене и сестрам. До жены он половую жизнью не жил и, хотя женился из хозяйственных расчетов, говорит, что жену любит. Опасается, что если он долго просидит в тюрьме, то жена не станет его ждать и разведется с ним. Тревожит его и мысль о хозяйстве, как-то оно идет без него. В тюрьме, по его словам, над ним все смеются, что он «такой несмелый». Повидимому, не только с женщинами, но и с тюремной «шпаной» у него «разговоров нет». Он как-то неловок, мешковат, имеет вид «розины», медленно и плохо ориентирующейся в обстоятельствах, не умеет устроиться. На этой почве и выросло его преступление. Он, действительно, голодал и чувство голода нарастало, оно на него и «накатило» в момент преступления, но он мог выйти из своего положения иным путем, возможности были, но он в растерянности их не видел или считал ненадежными. Даже свои отношения со старухой он мог бы устроить иначе, так, что она поделилась бы с ним хлебом и пирогами. Его раздражение против нее естественно, но он недостаточно сдержан и дальновиден; растерявшись под влиянием голода, он совершил свое преступление, не думая о последствиях его.

Среди экзогенных преступников нередко приходится встречать и таких, которые были доведены до своего преступления той или иной катастрофой в их семье своим тяжелым семейным положением, например, тиранией вечно пьяного и дерущегося мужа или отца. В порыве отчаяния эти люди совершают иногда очень тяжкие преступления. Так, например, одна женщина — Татьяна Герасимовна С., 31 года, сожгла своего тирана мужа при следующих обстоятельствах. Она была замужем два раза: в первый раз она вышла замуж 16 лет, за железнодорожного служащего, хотя без любви, но, как оказалось, удачно. С этим мужем она прожила 12 лет очень хорошо и прижила двух детей — мальчика и девочку. Она привязалась к нему всей душой и сохранила о нем самую теплую память. В 1919 году он погиб во время железнодорожной катастрофы, раздавленный поездом. Овдовев, Татьяна Герасимовна стала торговать у той же станции, где жила с покойным мужем. Женщина она толковая, рассудительная, деловитая. Торговля у нее пошла. Она обзавелась коровой, и всего у нее было достаточно. В мужчине, как в любовнике, она не испытывала нужды. Natura рассудочная, холодная, не экспансивная, она не жужотилась одиночеством, в любви и ласках не нуждалась; все ее мысли были поглощены заботами о детях и хозяйстве. Но мужчина — хозяин, который помог бы ее торговому делу развиваться и укрепил бы ее хозяйство, был бы ей очень кстати; против замужества с таким мужчиной она ничего не имела. Практичность, рассудочность, деловитость воспитались в ней с детства. Дочь

мелкого подрядчика, работавшего сначала в Витебске, а потом в других местах, обремененного семьей в семь человек детей, Татьяна с 9 лет жила не в родной семье, а у двоюродного брата и у последнего помогала по хозяйству. Эта оторванность от родной семьи с раннего детства объясняет до известной степени некоторую сухость и холодную сдержанность Татьяны Герасимовны. Ее детство было мало согрето материнской лаской. Она еще ребенком была на работе в семье, правда, родственной, но все же не своей и, притом, мало обращавшей внимания на ее воспитание. Ее ничему не учили и ни в какую школу не посылали; кое-как самоучкой она выучилась немного грамоте. И девочка росла замкнутой в себе, постепенно превращаясь в деловитую, сдержанную и довольно холодную женщину. Ее чувствам не было простора и поводов сильно развиваться, но ее рассудок приучился работать с раннего детства, и она привыкла следовать его указаниям. Согласно последним она и вышла замуж в 16 лет, без любви, с целью пристроиться и зажить своим домом. На ее горе, после счастливой жизни с первым мужем, судьба послала ей тяжелое испытание в лице ее второго мужа С, — истасканного, сорокалетнего, циничного пропойцы, развратника-импотента, но с следами когда-то бывшего у него лоска, лжеца и говоруна, которому не трудно было обойти простоватую Татьяну Герасимовну. А для него она была настоящий клад: даровая прислуга, раба его развратных желаний, добытчица ему лентяю-прожигателю жизни средств в то в высшей степени трудное, в продовольственном отношении, время. Терять же он, вступая с ней в брак, ничего не терял, так как у него ничего не было. Прикинувшись перед ней не безденежным и влиятельным дельцом, очень любящим, между прочим, хозяйство и маленьких детей, обладателем будто бы больших имений, отнятых у него революцией, он показался Татьяне Герасимовне подходящим мужем и хорошим отчимом для ее детей. Да и мать ее покойного мужа, жившая с ней, наслушавшись рассказов С о его прекрасных имениях, которые скоро могут к нему вернуться, и размечтавшись о том, как приятно и она будет проводить там время, советовала Татьяне «ради детей» не отвергнуть предложения этого «милого, любезного и нежного человека». Татьяна не так часто видела С, который жил в Москве и лишь наезжал на их станцию, и проверить того, что он рассказывал о себе, не могла. Не нравился он ей, не верила она кое-чему из рассказанного им, а кое-чему поверила, послушала совета свекрови и согласилась. После брака картина сразу изменилась. С стал груб, требователен и почти непрерывно ее бил. Будучи импотентом, он требовал сношений через рот, бил ее, царапал, рвал на ней рубашки, изгрыз грудь, при чем требования сосания предъясвлялись в самое неподходящее время и совершенно неожиданно, например, за обедом. Татьяна упорно не соглашалась на извращенные половые отношения. Детей ее С. прямо истязал: выворачивал им ноги и руки,

а девочку, несмотря на ее 6 — 7-летний возраст, хотел приучать к разврату. Татьяна Герасимовна, как ни тяжело ей было расстаться с детьми, отдала их в приют. С. ничего не делал, шатался по увеселительным местам и проживал женино добро. Накопленное Татьяной, за время торговли у станции, имущество быстро растаяло. На остатки она сумела, однако, войдя в компанию с одним лицом, завести палатку, за Иверскими воротами, на Красной площади и терпеливо торговала с утра до вечера. А муж бывало подойдет, запустит руку в выручку, схватит денег и пойдет пропивать. На этой почве у Татьяны Герасимовны бывали большие неприятности и с компаньоном. Адская жизнь с С продолжалась около двух лет и не только не улучшалась, но становилась все невыносимее. Татьяна не выходила из побоев, подвергалась всевозможным оскорблениям, слышала площадную брань по адресу своих детей и самой себя. Много раз она предлагала мужу разойтись, но тот грозил ей скандалами и убийством: «все равно я тебе жить нигде не дам, убью и отвечать не буду, так как у меня есть бумага, что я ненормальный» — говорил он ей и бил еще сильнее. А чтобы отдалять от нее других, он всем рассказывал, что она все лжет, обманщица, мошенница, воровка, развратница и т. д. Конечно, Татьяна Герасимовна могла бы понастойчивее поговорить о разводе, могла бы просто уйти от него и формально развестись с ним против его воли, а его к себе не принимать. Но не было у нее против него настойчивости, не решила она уйти, была уверена, что все равно он ей жить нигде не даст и убьет. . . и впала в отчаяние. Стала ей приходиться думать о необходимости избавиться от него с помощью яда; молилась она, чтобы эти мысли ее оставили. . . 7 декабря 1921 года она с утра ушла торговать, промерзла, а он запер квартиру и ушел до 2 часов дня, так что Татьяна не могла в перерыве забежать домой закусить и выпить чаю. Благодаря этому она с утра почти ничего не ела, чувствовала себя очень усталой и, когда он в 2 часа подошел к палатке, стала ему выговаривать. Он ее изругал и ушел. Она хотела в этот день вечером поехать навестить детей, он не позволил. Вечером, после закрытия палатки, когда выяснился недочет некоторой суммы денег, муж стал ругать Татьяну площадными словами и всячески ее оскорблял, когда поднимались по лестнице их дома, так что жильцы выглядывали из квартир. Словом, весь день были ссоры, супруги оба были не в духе. Когда пришли вечером домой, в квартире было очень холодно, а дров не было. Он пошел попросить дров к соседям, никто не дал, так как его в доме очень не любили; он был комендантом дома и не в ладах с жильцами. Не найдя дров, он с бранью и криками послал ее просить дров. Она пошла, выпросила и принесла. Ему показалось, что она долго ходила, запозднел, что была у мнимого любовника, и побил ее, а потом велел топить печь. Когда она истопила печь, он прогнал ее в соседнюю, нетопленную, комнату, а сам пьяный улегся спать. Вот тут-то,

когда, избитая и оскорбленная, Татьяна лежала в холодной комнате, у нее и явилась мысль избавиться от тирана. Она выждала время, когда он заснул, подкралась и зажгла соломенный тюфяк, на котором он спал, а потом ушла назад в свою комнату. Что она делала в этой комнате, она не помнит, помнит только, что стала задыхаться от дыма, выскочила на площадку, упала без чувств, очнулась в чужой квартире и была отправлена в больницу. Вначале она не признавалась, но потом во всем созналась и искренно рассказала. В содеянном очень раскаивается: грех, людей совестно, должна бы терпеть, а этого не делать. Народным судом она была приговорена за умышленное лишение жизни способом, мучительным для покойного, и за истребление имущества путем поджога к одному году заключения. После преступления у нее заметны повышенная нервность, бессонница, часто угнетенное настроение.

Анализируя этот случай, надо отметить, что не взрыв какого-либо враждебного к мужу чувства — злости или мести, — а отчаяние, к которому примешивались, в известной степени, вероятно, и эти чувства, привело эту измученную постоянными побоями женщину к ее преступлению. Она не видела иного способа положить конец ужасной тирании. Особой возбудимости какого-либо чувства, вследствие которой ее можно было бы зачислить в ряды эмоциональных преступниц, у нее не заметно. Это — спокойная, терпеливая, правда — несколько черствая, но не злая женщина. 7 декабря, — в день убийства, — она была особенно измучена и оскорблена.

При исследовании экзогенных преступников необходимо руководиться, между прочим, следующими правилами: как скоро установлено, что в жизни субъекта преступлению предшествовало известное событие или ряд событий, поставивших его или кого-либо из близких ему лиц в тяжелое положение, и что он совершил преступление под впечатлением этого события, нужно выяснить:

1) насколько сильно было произведенное данными событиями впечатление;

2) какие пути для избавления от надвигающегося или надвинувшегося уже тяжелого положения имелись в виду у данного субъекта;

3) какими свойствами должен был бы обладать субъект, чтобы при данном положении вещей выйти из создавшихся затруднений непреступным путем; иными словами, применение и напряжение каких именно свойств личности требовалось в данном случае для непреступного выхода из тяжелого положения;

4) насколько развиты, судя по фактам его жизни, эти свойства у данного субъекта, отсутствуют ли они, или если недоразвиты, то в какой степени;

5) экзогенный тип выражен у субъекта тем ярче, чем большую роль, в происхождении его преступления, играла пониженная сопротивляемость давлению внешних обстоятельств, и он тем

Опаснее, чем менее внешние условия, при которых он действовал, превосходили своею тяжестью обычные жизненные затруднения. Иными словами, экзогенный тип тем ярче, чем большую роль в происхождении преступления играли дефекты криминопупульсивной части конституции субъекта, и он тем менее опасен, чем большую роль играли внешние факторы. Если мы давление на личность внешних условий, разных жизненных трудностей, заставляющих ее напрягать свою энергию, обозначим буквой m и примем обычные размеры этого давления, не требующие каких-либо исключительных усилий, равными 1, а те дефекты криминопупульсивной части конституции, которые существуют у преступника, обозначим буквами dr , то можно выставить такую формулу, определяющую опасность экзогенного типа: $T_k = \frac{dr}{m}$. Чем более m и менее dr , тем этот тип бледнее, и наоборот.¹

Признание преступника экзогенным определяет ход дальнейшего исследования его. Последнее должно быть, прежде всего, направлено на выяснение силы давления на данного субъекта внешних обстоятельств и степени пониженности его сопротивляемости этому давлению.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Эндогенные преступники. Главные их разновидности. Общая характеристика.

I.

Изучение эндогенных преступников должно быть направлено, прежде всего, на их предрасположение к преступлению, которое должно быть изучено и со стороны его состава и содержания, и со стороны большей или меньшей его дифференцированности и конкретизации, и со стороны его силы и устойчивости. Поэтому, как скоро есть основание предполагать, что данный субъект является эндогенным преступником, необходимо обратить особенное внимание на соби́рание и проверку таких данных о его личности и преступлении, из которых было бы ясно отсутствие или наличность у него известного предрасположения к преступлению и свойства последнего.

¹ Если принадлежность к указанным шести подгруппам экзогенных преступников обозначить буквами s, t, p, n, h, z , а в пределах этих подгрупп — принадлежность к их разновидностям соответственно $s_1, s_2, s_3, s_4, s_5, t_1, t_2$ и т. д., то получится возможность составления очень интересных формул, в которых dr общей формулы будет заменено указанными сейчас обозначениями. Эти формулы носят не измерительный, а показательный характер и могут иметь серьезное практическое значение. К этому вопросу я еще вернусь ниже.

По содержанию своему предрасположение к преступлению представляет собою склонность прибегать для достижения известной цели к преступлению или к способу действий, сходному с преступлением, подготовляющему, адаптирующему к последнему. Таковы, например, склонности получать средства для материального комфорта способом насильническим, обманным или скрытно-хищническим, воровским, склонность в насилии над другим человеком искать удовлетворения определенного чувства и т. д. Подобные склонности вырастают у человека как особые отложения или наросты в его психической конституции и выкристаллизовываются на почве разных других склонностей его характера и известных его взглядов. Они представляют собою сочетание склонностей к известным целям со склонностями к определенным способам их достижения. В составе их можно, таким образом, различать два элемента: комплексы, содержание которых образуют общие представления известных результатов, сопровождаемые более или менее сильным эмоциональным тоном и влечением к ним. Эти комплексы можно назвать комплексами цели или целевыми. Таковы цели: лишить жизни, причинить боль или расстроить здоровье, лишить другого имущества и приобрести последнее себе, унижить, выразить пренебрежение или дать почувствовать боль оскорблением и т. д. Второй элемент составляют комплексы, содержанием которых являются представления определенных способов достижения известных целей, появляющиеся в сознании с определенным эмоциональным тоном и моторной силой. Таковы: ударить, совершить вообще по отношению к другому насильственное действие, оскорбить, вырвать что-либо и т. д. Эти два рода комплексов сочетаны в предрасположении в одну склонность, в один целостный образ действия, который появляется в сознании с более или менее значительной моторной силой.

Для того, чтобы узнать, каково именно предрасположение к преступлению того или иного эндогенного преступника и как на него можно действовать, необходимо, прежде всего, выяснить входящий в его содержание главный целевой комплекс, так как, для предупреждения повторной преступной деятельности, нужно или уничтожить этот комплекс, или внушить преступнику иное понимание данной цели и иной взгляд на разные способы ее достижения.

В одних случаях та главная цель, ради которой субъект совершает преступление, покоится на более или менее сложных и ясных интеллектуальных построениях, и тогда предрасположение субъекта к преступлению носит по преимуществу интеллектуальный характер. В других случаях на первом плане стоят непосредственные импульсы к получению известных приятных ощущений или к удовлетворению определенного волнующего субъекта чувства, и тогда предрасположение к преступлению носит по преимуществу сенсорный характер.

Те цели, которые встречаются у эндогенных преступников, как главные двигатели их поведения, можно свести к следующим основным видам:

1. Осуществление или содействие осуществлению известной общей идеи, которой субъект придает объективное значение, значение объективно ценной моральной или социальной идеи, и которой он подчиняет свое поведение и личность, как чему-то высшему.

2. Достижение резонерски обоснованного известными общими идеями идеала личного благополучия, или отдельных элементов последнего.

3. Достижение известной более или менее широкой индивидуальной, эгоистической цели данного субъекта или близкого ему лица, не прикрытое никаким резонерством и софистикой. Под более или менее широкими целями я разумею цели, имеющие не мимолетное значение в жизни данного субъекта, а заключающиеся в результатах, более или менее надолго и серьезно изменяющих течение его жизни, его семейное, социальное, служебное, имущественное положение.

4. Приятное удовлетворение известного волнующего субъекта чувства.

5. Получение известных приятных ощущений от совершения определенного действия или обладания чем-либо.

В последних двух случаях целью является отдельное, мимолетное, приятное состояние личности, связанное с удовлетворением данного чувства или с данными приятными ощущениями.

В соответствии с указанным различием главных целевых комплексов можно установить следующие виды эндогенных преступников.

1. *Идейные преступники*: у них главной целью, ради которой они совершают преступление, является служение известной общей моральной или социальной идее, которой они подчиняют свою личность и поведение.

2. *Резонеры*, которые при помощи искусственных, софистических построений обосновывают свои своекорыстные стремления известными общими идеями.

3. *Расчетливо-рассудочные преступники*, которые стремятся, со вредом для других лиц или всего общества, к достижению более или менее широких целей, изменяющих известное положение их самих или близких к ним лиц.

4. *Эмоциональные преступники*, у которых главной целью, ради которой они совершают преступление, является приятное состояние, связанное с удовлетворением известного сильно развитого у них чувства.

5. *Импульсивные преступники*, руководящий целевой комплекс которых сводится к получению приятных ощущений, связанных с совершением какого-либо действия или с обладанием чем-либо.

Эти пять групп надо пополнить еще шестой — группой *мораль-*

них психастеников. Этому термину я придаю следующий смысл. Деля эндогенных преступников на типы по существенным различиям тех целевых комплексов, которые входят в содержание их предрасположения к преступлению, надо поставить особо группу тех из них, существенную черту которых образует осуждение их нравственным сознанием той цели, ради которой они совершают преступление. У них есть другая, нравственная цель, которая и служит источником протеста против преступной цели и вносит в их внутреннюю жизнь двойственность, находящую свое вырождение в более или менее длительной нравственной борьбе. Эта борьба приводит их к колебаниям, к решению поступить то так, то иначе, то согласиться на участие в преступлении, то отказаться от этого. Моральные психастеники, это — преступники с более или менее глубоким и резко выраженным раздвоением и антагонизмом руководящих целей их поведения, с более или менее сильной и длительной нравственной борьбой совершающие преступление. Если у других эндогенных преступников и встречаются колебания и отсрочка исполнения, то вызванные или лишь эгоистическими опасениями риска и технических трудностей выполнения, или иногда — глухим протестом отдельных добрых чувств, не развивающимся в открытый протест нравственного сознания; последнее, напротив, иногда осуждает у них этот глухой протест как нравственную слабость или нерешительность. Нравственной борьбы, как протеста нравственного сознания, хотя и недостаточно сильно затормаживающего стремление к преступлению, у них нет. Они думают, что по тем или иным соображениям им преступление совершить следует, но им иногда как-то боязно это, неприятно по мягкости характера, по неуверенности, сойдет ли с рук, не избил бы или не убили бы на месте преступления, при поимке и т. д. В виду практической важности, имея дело с преступниками, знать все, что в них криминогенно и криминорепульсивно, выделить тип морального психастеника необходимо.

Случаев моральной психастении не встречается у идейных преступников. Их нравственное сознание не только примирилось с преступлением, но и предписывает последнее; сбитое с правильного пути неверными общими идеями, лежащими в основе их преступной деятельности, или плохим их применением, оно привлекает на службу к выполнению их преступных планов их чувство долга и альтруистические чувства.

У резонеров также не бывает внутренней нравственной борьбы, если они, действительно, являются искренними резонерами, а не выдают только себя за таковых. Запутанное искусственными, резонерскими построениями их нравственное сознание не протестует против преступления; часто, притом, оно бывает настолько, так сказать, изношено или недоразвито, что вообще неспособно к сколько-нибудь сильному протесту.

У рассудочных-расчетливых преступников, обыкновенно, нравственная борьба заканчивается к моменту постановки той общей цели, которая лежит в основе их предрасположения к преступлению. У них исход этой борьбы выливается в форму известной общей цели и расчета. Однако, бывают случаи, когда они заново переоценивают поставленную эгоистическую цель и выбранный ими способ ее достижения и когда у них да сменяется *нет*, а потом, после колебаний, соблазненные выгодами намеченной цели, они, наконец, решаются вступить на преступный путь. В этих случаях решение действовать преступным путем вырастает из более или менее серьезной и длительной нравственной борьбы. Такая борьба и колебания могут быть и у субъектов с предрасположением, свойственным эмоциональным и импульсивным преступникам, если криминорепульсивная часть их конституции не сильно недоразвита или разрушена. Из подобного рода преступников и составляет группа, названная мною моральными психастениками.

Не следует, однако, думать, что всякий преступник, который осуждает свое преступление и осуждал его в момент учинения, — психастеник. Такое осуждение вовсе не свидетельствует еще о внутренней борьбе и колебаниях и может, так сказать, лишь скользнуть по преступному стремлению субъекта, не вызывая даже хотя бы временной задержки его роста. Оно может иметь, так сказать, лишь словесное значение и быть высказано только потому, что субъект слышал подобное осуждение от других и хочет показаться своему собеседнику, а иногда и самому себе лучше, чем он есть.

Внешним проявлением происходящей у преступников-психастеников внутренней борьбы служит изменчивость их решения то совершить, то не совершать преступления, их первоначальный отказ от участия в преступлении, более или менее долгие колебания перед согласием принять участие в последнем, вызванные не одними соображениями невыгодности и большого риска, а моральной или социальной оценкой намеченного деяния.¹

¹ Принадлежность преступника к одному из указанных выше шести типов может быть условно отмечаема: для идейных преступников буквой *D*, для резонеров буквой *N*, для рассудочных-расчетливых — *C*, для эмоциональных — *S*, для импульсивных — *P*, для психастеников — *W*. Степень яркости выражения типа — малая, средняя и большая — может быть обозначена возведением буквы в квадрат или в куб: *D*, *D*², *D*³, *C*, *C*², *C*³ и т. п. Случаи, когда кроме главного целевого комплекса мы наблюдаем в предрасположении преступника, в качестве второго, дополнительного комплекса, целевой комплекс, который у преступников иного типа имеет главное, руководящее значение, могут быть отмечены постановкой рядом с прописной буквой маленькой буквы, соответствующей обозначению этого второго типа, напр., *DS*, что значит, что у субъекта, рядом с господствующей идейной целью имеется эгоистическая цель расчетливого-рассудочного преступника, от которой у него идет дополнительный импульс к преступлению. Как уже отмечалось выше, все эти буквенные обозначения совершенно условны, имеют не измерительное, а показательное значение и предта-

II.

Предрасположение к преступлению представляет собою склонность прибегать для достижения известных целей к способам, близким по содержанию к преступлению или обнимающим последнее. Среди этих способов главными являются:

1) Способ, который можно назвать *скрытно-хищническим*, заключающийся в том, что применяющий его субъект стремится к достижению известной цели на чужой счет, с эксплуатацией отдельных лиц или каких-либо коллективов, но без всякого прямого воздействия на личность жертвы, с эксплуатацией, которую он старается сделать незаметной для самой жертвы, да и для всех остальных. Этот способ достижения целей ярко проявляется в воровстве, растрате и тому подобных преступлениях. Часто он находит себе выражение и в разных непреступных формах.

2) Способ *плутовской*, в котором средствами действия являются ложь и обман.

3) Способ *насильнический*, в котором средствами действия являются физическое или психическое насилие.

4) Способ *оскорбительный* для кого-либо, т.-е. содержащий в себе элемент оскорбления, надругательства или издевательства над другими людьми.¹

Склонности к этим способам действия очень различно развиты у эндогенных преступников и с различной яркостью выражаются в их преступлениях. При этом у одних заметна сложившаяся склонность к какому-либо одному из этих способов, у других — к нескольким, а у некоторых — ко всем, с применением того или иного способа, смотря лишь по соображениям о его технической пригодности и рискованности при данных обстоятельствах. В развитии этих склонностей можно различать три ступени: начальную, среднюю и высшую.

Предрасположение к преступлению представляет собою сочетание в одно целое склонности к известным целям со склонностью

влияют удобство в следующих отношениях: они облегчают запись криминальных элементов личности во время ее обследования, по непосредственным впечатлениям, производимым этою личностью, дают сопоставление признаков, помогающее улавливанию сходств и различий отдельных типов и наводящее на вопросы, могущие послужить источником гипотез, способных направлять исследование в сторону явлений, которые, при иных условиях, были бы менее заметны, или остались бы и вовсе незамеченными.

¹ В формулах эндогенных преступников указанные 4 способа можно обозначать, напр., буквами F_1, F_2, F_3, F_4 , а способность субъекта ко всем этим типичным способам — через F . Начальная, средняя и высшая степени развития склонности к этим способам соответственно могут быть обозначаемы: F_1^1, F_1^2, F_1^3 и т. д.

к известным способам ее достижения. По степени своего развития оно может выразиться в следующих трех главных формах:

1. В виде *общей тенденции к такому способу достижения известной цели*, особенно ярким выражением которого является известное преступление, например, в виде общей склонности проявлять свое раздражение или ревность в насильственных формах, в виде склонности вообще к нетрудовому обогащению на чужой счет и т. п. При такой склонности общего характера у человека наблюдается тенденция выливать свое поведение в формы, носящие определенную эмоциональную окраску, но нет сложившейся склонности к какой-либо конкретно-определенной форме такого поведения, к определенному поступку. Раз такой человек совершил преступление, мы можем сказать, что у него намечается образование специальной склонности к известному преступлению, но лишь намечается, и говорить пока еще о наличии такой специальной склонности, как о чем-то сложившемся преждевременно. Как форма поведения, преступление представляет ряд особенностей, неприятных для лица, его совершающего, и эти особенности заставляют людей воздерживаться от него и предпочитать ему другие формы выражения своих склонностей. Возможно, что в силу известных конкретных условий эти особенности в отдельном случае и не оказали достаточного задерживающего влияния, но отсюда нельзя еще заключить, что у субъекта уже образовалась склонность к данному преступлению.

Преступников, являющихся носителями рассматриваемого вида предрасположения, можно назвать простыми эндогенными преступниками или эндогенными преступниками *первого разряда*.

2. В виде *выкристаллизовавшейся специальной склонности к такому поведению*, которое адаптирует личность к совершению данного преступления, т. е. преступления, по отношению к которому устанавливается тип преступника.

3. В виде *специальной склонности к данному преступлению*.

В последних двух случаях существует уже особая установка, особая приспособленность личности к определенного рода поступкам, но в первом из этих случаев мы имеем установку на известный вид поведения, родственной данному преступлению, подготовляющий или адаптирующий к нему, а в последнем — на данную форму преступной деятельности. Для этих двух групп эндогенных преступников я считаю наиболее подходящими названия криминолоидов и профессионалов. От эндогенных преступников первого разряда они отличаются тем, что у них уже сложилась специальная криминогенная склонность, на которую и должны направляться меры воздействия, предназначенные свести их с преступного пути.

Криминолоиды — это такие преступники, у которых нет еще выкристаллизовавшейся специальной склонности, именно, к данному преступлению, но есть *специальная* склонность к поступкам, представляющим собою проявления того из указанных выше

способов действия, который находит яркое свое выражение в данном преступлении, или есть образовавшаяся в результате более или менее частых столкновений с уголовным законом и судом склонность не считаться с велениями уголовного закона.

О принадлежности субъекта к типу криминолоидов можно судить по его уголовному прошлому, по его занятиям и образу жизни. Иногда все эти признаки вместе, а иногда тот или иной из них довольно ясно выражены в жизни субъекта и свидетельствуют о его большей или меньшей подготовленности к преступной карьере. Однако, каждый из этих признаков лишь при известных условиях дает основание для зачисления субъекта в криминолоиды. Уголовное прошлое, заключающееся в том, что данный субъект совершал сходные или иные преступления, — только тогда является надежным признаком криминолоидности, когда по характеру или многократности преступной деятельности можно заключить, что субъект готов к столкновению с законом и судом, что, в связи с его уголовным прошлым, у него совершенно изменилась, ослаблена или отпала оценка данного преступления, что перспектива суда и наказания теперь совсем или почти совсем не производит на него удерживающего от преступления впечатления. Такую подготовленность к преступлению нельзя не учитывать, потому что при ней человек быстрее и легче решается на преступление; в таком случае процесс роста преступной решимости облегчается, освобождается от некоторых тормозящих задержек.

Вторую разновидность криминолоидов образуют те, которые, до известной степени, подготовлены к преступлению своими занятиями, сообщившими им способность и навык открыто напасть на другого и применить к нему, для достижения своих целей, физическую силу, хищнически взять что-либо чужое, эксплуатировать других людей и т. д.

Третья разновидность состоит из людей, которые в своей личной жизни настолько распустились или опустились, развратились, изолгались и т. д., что у них совершенно притупились известные нравственные чувства, почему им сравнительно легко решиться на преступления, от которых людей обыкновенно удерживают эти чувства. К числу занятий, подготовляющих к разным преступлениям, преимущественно имущественного характера, относятся: профессиональная отдача капиталов взаймы, содержание публичных или игорных домов, проституция, торговля самогонкой, мелкий рыночный торг случайными предметами более или менее темного происхождения и т. д. Неоднократное участие в боях и более или менее долговременное пребывание на фронте, хотя сами по себе и не толкают человека на путь преступления, но для человека с предрасположением к преступлению служат известной подготовкой к преступной карьере. Бесшабашный, пьяный образ жизни, с беспечной растратой материальных средств и духовных сил, с половыми излишествами, извращениями, с деклассацией и т. п.

также, несомненно, более или менее сильно подготавливают к некоторым преступлениям.

Высшей степени развития предрасположение к преступлению достигает у профессионалов.

Профессиональный преступник—тот, кто несколько раз совершил преступление одного и того же вида по утвердившейся склонности удовлетворять таким образом свою более или менее часто повторяющуюся потребность. Конечно, очень часто с этими признаками соединяются неоднократное отбытие наказания и многократная судимость, но это — не непременно признаки профессионального преступника; он может и не быть рецидивистом, равно как рецидивист может не быть профессиональным преступником. Часто профессиональный преступник начинает свою карьеру с раннего возраста, даже с детства, но и этот признак имеется у профессионалов далеко не всегда. Центральный признак профессионального преступника — склонность к удовлетворению своих потребностей посредством данного преступления, образующая как бы «установку» его личности на определенное преступление. Вопрос, совершить ли преступление, для профессионала есть вопрос не моральной оценки поступка, даже не вопрос оценки данного вида преступной карьеры с точки зрения его личных интересов, — эта карьера им уже избрана, — а исключительно вопрос, так сказать, технический, т.-е. вопрос удобства или неудобства совершения преступления при данных обстоятельствах, большего или меньшего риска потерпеть неудачу. Профессионалы владеют особой техникой преступления, часто применяют новейшие открытия в своей преступной деятельности, разрабатывают практически особый жаргон преступников («блатную музыку»).

Таким образом, по степени определенности своего содержания и законченности развития, предрасположение к преступлению встречается в трех формах: у эндогенных преступников первого разряда мы встречаем его в начальной фазе развития, у криминолоидов — в средней, а у профессионалов оно достигает полной законченности.

После этой общей характеристики главных разновидностей эндогенных преступников перейду к описанию отдельных типов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Импульсивные преступники.

I.

В преступном мире много людей, которые ценою преступления хотели купить отдельное чувственное удовольствие, удовлетворить потребность данной минуты, не заглядывая в будущее, всецело отдаваясь вспыхнувшему в них чувственному импульсу.

О моральной и социальной оценке поступка они не думали и не думают, или начинают думать, уже сидя в исправительном доме. О лично для них невыгодных последствиях поступка, — о суде, наказании, разлуке с семьей и т. д., — они, в момент преступления, или также вовсе не думали, или относились к ним индифферентно, а еще чаще легкомысленно надеялись, что им удастся ускользнуть от глаз правосудия и остаться нераскрытыми. В этой надежде их нередко укрепляла слепая вера в предусмотрительность и ловкость их более опытных товарищей: последние-де, как люди бывалые, «деловые», знают уже, как все так устроить, чтобы сухими выйти из воды. Поразительно легко и быстро иногда такие люди решаются вступить на преступный путь. Идет человек, гуляет, никаких преступных мыслей у него нет; вдруг встречается с старым знакомым, разговорится, получит от него приглашение «участвовать в деле» и, через несколько часов или даже минут, он уже преступник и иногда очень тяжкий. Иной раз он сначала еще оробеет, скажет, что боится попасться, что он по этому делу «неспециалист», через минуту же согласится, когда ему скажут, что ручаются за успех, что дело — простое и ему придется лишь нести узлы, стоять у дверей или выполнять какую-либо иную функцию, не требующую технических навыков и знаний. А потом, сидя в тюрьме, такой человек сам искренно удивляется, зачем и как он мог пойти на такое дело. Вот несколько примеров.

Александр Р., 23 лет, уроженец Минской губернии, русский. Пять лет уже женат. Имеет на своем иждивении старуху мать. Прошел 4 класса лазаревского института восточных языков; продолжению образования помешала революция. В 1918 году был на фронте, а потом, в 1919 году, был откомандирован в Москву. Военная служба ему с детства нравилась, в юности он мечтал о высшем военном образовании. К разным военным опасностям относится равнодушно. Особенно нравится ему в военной службе кочевой образ жизни. Последнее время работал как электромонтер. Некто Ш. пригласил его поправить у себя электрическое освещение, разговорился с ним и продолжал знакомство после починки электричества. Познакомившись поближе, он предложил ему совершить грабеж под видом обыска. Александр без колебаний согласился, веря, что дело сойдет с рук безнаказанно. С поддельным ордером на обыск они вдвоем явились в одну квартиру в Москве, при чем Ш. производил обыск, а Р. писал протокол. Затем, с награбленными деньгами и драгоценностями ушли на квартиру Ш. За это Р. и его товарищ были приговорены к высшей мере наказания, замененной впоследствии заключением на 10 лет. Р. говорит, что он встретил приговор вполне спокойно и потом — до помилования — пил, ел и спал как обыкновенно. Вообще он производит впечатление спокойного и даже безучастного человека. И на войне он обыкновенно сохра-

нял спокойствие; лишь изредка — в атаках — замечал особый подъем, а иногда и приступы трусости, страха за себя. Но если бы вновь вспыхнула какая-нибудь война, он с удовольствием пошел бы, однако, «лишь в технические части». Надо добавить, что он вполне здоров. Пьет очень мало. Родители же его совсем не пили. Кокаина не нюхал. Особой раздражительности и вспыльчивости в нем не заметно, скорее это — спокойный, равнодушный почти ко всему человек. Он, сравнительно со многими бандитами, интеллигентен, довольно много читал, при чем заявил, что особенное впечатление на него произвел «Идиот» Достоевского. Но в нем чувствуется отсутствие определенных устойчивых интересов, определенного плана жизни, какая-то вялость и внутренняя хаотичность. Сидя в тюрьме, он жалеет, что не старался закончить свое образование и своим преступлением принес вред матери и жене. Когда решился на преступление, говорит он, о наказании много не думал, думал, что «в крайнем случае дадут год, не более»...

Другой пример. В январе 1923 года Петр Иосифович Д., 32 лет, и Владимир Иванович Г., 28 лет, — когда-то служившие вместе на военной службе и, незадолго до описываемого случая, встретившиеся в Москве, — задумали совершить бандитское нападение на какого-нибудь «биржевика». В условленный день, сговорившись накануне, они прямо пошли к месту «черной биржи», где биржевики торговали валютой. Первоначально у них была мысль выхватить деньги у какого-либо деятеля черной биржи, но потом они изменили план. Г. предложил выследить какого-нибудь биржевика, пойти за ним и ограбить его в каком-либо подходящем месте. Сказано — сделано. Они выследили некоего Г., последовали за ним и на Большой Дмитровке, когда он вошел в подъезд дома № 16, произвели на него вооруженное нападение. Д., угрожая револьвером, скомандовал ему «тише», а Г. выхватил портфель, и они бросились бежать, но, благодаря поднятой тревоге, Д. был тут же задержан, а Г. удалось задержать вскоре в уборной дома № 14 по Салтыковскому переулку, куда он забежал, спасаясь от погони. Преступление совершено около семи часов вечера.

Оба героя оказались новичками на бандитском поприще. Оба читали много раз в газетах о том, как производятся грабежи, и эти сообщения, повидимому, производили на них некоторое впечатление, но сами занялись бандитизмом впервые. Д. раньше не судился. Г. судился в 1920 году за спекуляцию ненормированными продуктами, но был оправдан. Оба они не кончили средней школы: Д. — ремесленного училища, Г. — коммерческого. Оба полупольской, полурусской национальности: у Д. — отец поляк, а мать — русская, а у Г. — наоборот. Оба они здоровы. Душевнобольных нет в роду ни у того, ни у другого. Оба холосты. Г. совсем не пьет и не нюхает кокаина, Д. — пьет мало и редко, кокаина также не нюхает. Д. с 1912 года служил военным чиновником; в Красной

армии был адъютантом бригады, демобилизован в ноябре 1922 г., Г. — в 1921 году. Оба, хотя еще не голодали, но в деньгах нуждались, деньги у них были на исходе. Г. первый задумался над вопросом о бандитизме и решил, что этим способом всего легче достать деньги. С этим решением он отправился к Д. и уговорился с ним относительно преступления. Ни тот, ни другой относительно выбора преступного пути не колебались и чувства страха не испытывали. Но оба заявили, что в одиночку преступления совершить не могли бы, — «духа не хватило бы», — только вместе, друг с другом они могли пойти на такое дело. Моральная и социальная оценка преступления отсутствует и у того и у другого; полагают, что нужда оправдывает их преступление. К потерпевшему жалости ни тот, ни другой не испытывали. Оба заявляют, что «не думали причинить ему вреда» и ни в каком случае стрелять бы не стали. Г. — более уравновешенный человек, спокойного характера, сдержанный. Д. более нервен, вспыльчив, раздражителен и способен скорее решиться, под влиянием раздражения, на насильственный образ действий.

Вот еще один пример, действующим лицом в котором является молодой человек — Яков Дмитриевич М., 20 лет, русский, из крестьян Клинского уезда Московской губернии. Родители его занимались крестьянским хозяйством: в живых остался лишь отец. Душевнобольных в роду нет. Ни Яков, ни его родители не пили: кокаина он также не нюхает. Здоров. Судился раньше и был осужден условно на 2 месяца заключения за халатное отношение к службе, выразившееся в передаче телефонограммы. Окончил сельскую школу. По профессии слесарь. До призыва на военную службу жил с отцом, с 2 братьями и 4 сестрами; он — младший в семье. Жили без особой нужды. Холост. Преступление совершил в ночь с 20 на 21 марта 1922 г. при следующих обстоятельствах. Приехал из полка в отпуск в свою деревню и как-то пошел гулять. Встретил своего товарища-односельчанина Г. Разговорились. Во время разговора Г. предложил участвовать в ограблении. Яков сначала заколебался «из страха, что попадешь», но потом быстро согласился, рассчитывая на безнаказанность. «Знал бы, что попаду, — говорил он, — ни за что бы не согласился». Г. разработал план нападения на театральный отдел уездного отдела народного образования в г. Клину. В Клину пришли в понедельник вечером и, когда было уже совсем темно, подошли и постучали в дверь. С ними был еще один товарищ, приглашенный раньше Якова. Открывшему дверь сторожу сказали, что пришли от декоратора, который остался в чайной и сейчас придет. Старик-сторож впустил их и даже поставил им самовар. Они напились чаю, а затем объявили сторожу цель своего прихода, после чего связали его, завязали ему глаза и рот. Старик не сопротивлялся. Связывая его, один из участников — З. — сказал: «нам твоего тела, дедушка, не нужно, лежи и молчи, а мы возьмем

и уйдем». Взломали помещение, где хранилась мануфактура, забрали последнюю и ушли. На деньги, вырученные от продажи своей части, Яков купил отцу лошадь и кое-что себе. От своих он все скрыл и первое время был доволен совершенным преступлением: «украл, да не попал». Но потом, когда арестовали соучастников, и он об этом узнал, испугался, пошел и сам во всем признался властям. Еще раньше признался отцу, который его сильно ругал вначале, а потом сказал: «смотри, молчи, а то попадешь». Теперь он раскаивается, потому что сидеть в тюрьме не нравится — «хлеба не хватает», — да и «людей совестно, говорят: «вор». Это — простоватый, легкомысленный деревенский парень, довольно добродушный, любитель «погулять с девочками», побалагурить, посидеть в театре, посмотреть какую-нибудь занятную драму. Собирался жениться на «красную горку». Легкомыслен и придурковат. Столь же легкомыслен оказался и Алексей Петрович Н., 28 лет, русский, уроженец Ранненбурга. Хотя он и говорит про себя, что у него «характер тщедушный» и он курицы зарезать не в состоянии, однако, когда он, возвращаясь со службы, встретился с товарищами, пригласившими его участвовать в бандитском налете, то он отправился на преступление прямо с портфелем, набитым служебными бумагами, уговорившись, что он лишь поможет нести награбленные вещи.

Импульсивные преступники решаются на преступление без внутренней борьбы; и если отсутствие нравственной борьбы само по себе не дает еще основания зачислить преступника в разряд импульсивных, то, признав преступника импульсивным по другим данным, можно смело сделать заключение, что у него не было перед преступлением внутренней, нравственной борьбы. Импульсивный преступник решается на преступление вовсе не тогда только, когда испытывает нужду в чем-либо. Иногда он действует под влиянием неожиданно мелькнувшей или кем-либо подсказанной мысли, что можно таким-то преступлением несколько улучшить свое положение, например, получить некоторую сумму на кутеж. Вот один случай в этом роде. Двое молодых людей служивших в Москве, в военно-хозяйственном управлении, — Николай Р., 20 лет, и Николай Ч., 18 лет, 16 февраля 1922 года возвращались в пятом часу вечера со службы. Так как они хотели прямо со службы пойти на вечеринку в довольно глухую часть Москвы и оттуда им пришлось бы поздно возвращаться домой, то Р. захватил с собой револьвер. Шли они через Смоленский рынок, на котором встретили своего приятеля Михаила Г., 19 лет, который в то время службы не имел. Стали толкаться по Смоленскому рынку. Заметили одного торговца, продававшего драгоценности. Николай Ч. не то в шутку, не то серьезно сказал: «ограбить бы кого-нибудь». Мысль понравилась другим товарищам. Быстро составили план ограбить торговца С. Рынок скоро стал закрываться. Они стали следить за С., пошли за ним с рынка.

Когда он вошел в квартиру, они не знали, кому из них первому за ним идти, бросили жребий, оказалось Николаю Ч. Тот постучал и, когда отворили, сказал: «жилищная комиссия по осмотру квартиры». Стали осматривать квартиру. Ходили по комнатам минут 20—30, все не решались. Потом Николай Ч. сказал: «надо или решаться, или уходить». Подтолкнули Николая Р., у которого был револьвер. Тот выхватил револьвер и направил его на С., требуя от него денег и драгоценностей. Тот сказал, что у него ничего нет. Стали искать сами, нацли, уложили в мешок, с которым Николай Ч. ушел. Двое остальных нашли еще сверток с серебром. С. закричал. Бандиты бросили ключи от двери, которую сначала хотели было запереть, и убежали. Один из них — Г., — страдавший одышкой, оказался менее быстр на ноги, чем товарищи, и был задержан. Николай Р. убежал к Николаю Ч., с которым вместе скоро пошел на вечеринку. Узнав, что Г. арестован, приятели стали ждать, что и их скоро арестуют. Вещи они снесли к знакомому на продажу, не сказав ему ничего о их происхождении. Николай Р., в ожидании ареста, написал два прощальных письма: одно — даме своего сердца, а другое — приятелю. Из героев этой драмы мне подробно пришлось беседовать с Николаем Р. Никто из них настоящей нужды не знал. Сравнительно в худшем положении был Г., лишившийся места и имевший на своем иждивении жену и ее мать. Но он как раз играл в преступлении пассивную роль. Мысль о преступлении явилась неожиданно и без особого внешнего повода. Все они были трезвы, да и вообще пьют мало. Нельзя им приписать и никакой особой темноты, и никаких бушевавших их страстей. Они — со средним образованием. Николай Р. даже закончил среднее образование, — в 1917 году он кончил петроградское коммерческое училище. Его родители — отец его кучер — живы, работают и не требовали от него большей материальной поддержки, чем давала его служба. Преступление сына страшно опечалило их. Никто из этих трех юношей раньше не судился. На вопрос, зачем он пошел на такое дело, Николай Р. говорит: — «не могу объяснить». «Появилась мысль, что я могу себе немного достать, чтобы лучше устроить свою жизнь». «Попал по каким-то порывам». Совершенного им он стыдится. Говорит, что и на вечеринке чувствовал себя плохо; ему казалось, что все знают, что он сделал, и считают его преступником. А голову стала сверлить мысль, что «скоро придет расплата». Он присужден на 5 лет и по отбытии наказания думает уехать в Петроград; в Москве, полагает он, «теперь уже жить будет неловко». Надо добавить, что он на вид — добродушный юноша и, повидимому, не без способностей и некоторых умственных интересов. Он не только любит посещать вечеринки, поприодеться и поухаживать за барышнями, но и почитать книжку и не только роман, а и научную. У него хорошая память. Он хорошо учился в ком-

мерческом училище и мечтал поступить в университет, на физико-математический факультет.

Во всех приведенных выше примерах интересно то, что действующими лицами являются не какие-либо опытные профессионалы, для которых вопрос о совершении преступления есть лишь вопрос технический, вопрос большего или меньшего риска потерпеть неудачу, а новички на преступном поприще, для которых преступление, уже в силу одной новизны положения, должно бы, казалось, представлять более или менее трудную задачу. Притом это молодые люди 20 и более лет, прошедшие начальную школу или даже несколько классов средней школы. Из этих примеров ясны уже некоторые характерные черты импульсивного типа: способность действовать по импульсам, непосредственно рождающимся из живых антиципаций известных ощущений, — ради того, чтобы устранить нечто, доставляющее неприятные ощущения, или получить приятные ощущения от самого процесса совершения преступления, или от его плодов. Но характерные черты импульсивного типа приобретают очень различную окраску в отдельных его разновидностях. Среди этих разновидностей надо различать, прежде всего, две главных, а в пределах каждой из них, в свою очередь, по несколько типов.

Первую основную разновидность импульсивных преступников составляют те, которые ведут еще трудовой образ жизни, но имеют склонность неразборчиво добывать себе определенные приятные ощущения, руководясь одними соображениями личного удобства и риска. У них нет таких комплексов морального и социального характера, которые могли бы послужить источником импульсов к удовлетворению этой склонности в соответствии с моральной и социальной оценкой способов ее удовлетворения. Они составляют первый основной тип или разряд импульсивных преступников; их можно назвать преступниками с ограниченной или частичной импульсивностью. Их предрасположение к преступлению состоит в указанной склонности, причем нередко, вне сферы этой склонности, они обладают довольно значительной сопротивляемостью внешним влияниям, стремящимся увлечь на преступный путь. Они могут многое претерпеть, во многом себе отказать, чтобы только не сбиться с пути честной, трудовой жизни, но известная потребность чувствуется ими особенно остро, приятные ощущения от удовлетворения ее воспроизводятся в их памяти, антиципируются так живо, что из этой антиципации родится сильный импульс к поведению, способному доставить эти ощущения, и не встречает себе у них задержки.

Второй основной тип или разряд импульсивных преступников составляют те, у которых, кроме указанных свойств первого типа, заметна уже склонность к образу жизни, более или менее резко уклоняющемуся от нормальной, трудовой жизни и приспособлен-

ному к тому, чтобы доставлять субъекту те чувственные удовольствия, к которым у него имеются особые склонности. Эти люди или совсем оторвались от нормальной трудовой жизни в обществе и стали «социальными паразитами» или находятся уже на пути к этому. Их можно назвать преступниками с широкой или полной импульсивностью. Они способны удовлетворять в формах импульсивной преступности гораздо более широкий круг потребностей, чем преступники первого типа. Их предрасположение к преступлению сложнее по своему составу, обыкновенно труднее поддается воздействию и представляет собою более широкий базис для преступной деятельности.

Сначала остановилось на преступниках первого из указанных двух типов и на главных разновидностях, которые встречаются в пределах его.

II.

Очень интересную группу, среди импульсивных преступников, образуют те, у которых предрасположение к преступлению состоит в неограничиваемой комплексами морального и социального характера склонности производить на других впечатление людей с определенным весом и значением, с определенными связями или способностями, «показывать себя» другим как неспособных терпеть известное положение или отношение к себе, или, наоборот, как способных совершить известный поступок, умеющих вести себя в известном положении, «умеющих подать и принять не хуже, а даже лучше всякого другого», и т. п. Иногда этиими людьми руководит главным образом тщеславие, а иногда — главным образом, так называемое, «ложное» самолюбие. Большею частью это — люди недалекие, очень обидчивые, «мелко самолюбивые», как говорят иногда, «помешанные на внешности», больше всего боящиеся, как бы не показаться другим находящимися в каком-либо неприятном или конфузном положении. . . Более всего приятно им ощущать, что они произвели известное впечатление, показали себя с известной стороны. Если склонность к этим ощущениям не сдерживается соответствующими комплексами морального и социального характера, побуждающими воздерживаться от проявления ее в антисоциальных формах, и если обладатель этой склонности попадет в положение ей противоречащее, или грозящее показать его обществу в невыгодном свете, то она становится источником сильного импульса к любому поступку, в котором субъект будет видеть подходящий выход из создавшегося для него неприятного положения. При таких условиях пред нами будет более или менее сильное предрасположение к преступлению и, быть-может, даже к очень тяжкому. Для этих преступников всего более подходит название *тщеславно-самолюбивых импульсивных преступников*. При этом не следует думать, что внешние поводы, по которым действуют эти пре-

ступники всегда значительны. Наоборот, иногда они так незначительны, что их трудно заметить. Вот несколько интересных примеров такой импульсивной преступности.

18 апреля 1923 года, в 3 часа дня, Иван Михайлович Ж., 17 лет, шел из Серпухова в одну из близлежащих деревень. Он заметил идущую впереди себя крестьянку лет 30 и задумал ее ограбить. Догнав ее и предложив ей свои услуги в качестве проводного, он затеял с ней беседу. Оказалось, что она слышала о его дедушке, семью же его не знает. Не доходя до Таруссы, через которую Ж. нужно было пройти, дорога разветвлялась надвое, при чем в обоих направлениях вела к городу. По минувании этого пункта Ж. вдруг нанес своей спутнице 7 ударов камнем по голове, взял у нее мешок с башмаками, галошами, платьем и быстрым шагом направился назад к месту, где разветвляются две дороги, и теперь уже пошел в Таруссу по второму пути. Спутницу свою он оставил на первом пути и считал мертвой; впоследствии обнаружилось, что она не была даже приведена в бессознательное состояние, а лежала и молчала со страху. Взяв мешок, он хотел посмотреть, что в нем, да помешали, посмотрел, пройдя уже Таруссу. Придя домой, он передал похищенные вещи матери, как подарок от тетки. Возвращался Иван от дяди, у которого служил в лавке. «От дяди, — рассказывает он, — потребовали, чтобы он на меня взял патент, а он сказал: не могу платить, иди домой». Отпустил он племянника не с пустыми руками: на Иване был хороший «френчик», хорошие брюки и крепкие башмаки, а хорошо одеться он любит; были у него и деньги в размере 200 миллионов. К деньгам он относился бережно и очень старался не истратить лишнего. До Серпухова он доехал без билета, а когда был замечен, стал уверять, что забыл взять билет, так как в ожидании поезда спал на станции, а затем, проснувшись, прямо бросился в стоявший уже поезд; от милиционера он откупился 10 миллионами, клятвенно уверив его, что у него всех денег 20 миллионов. Он вообще на деньги скуп.

Знакомясь с его личностью, мы узнаем, что он из достаточной крестьянской семьи и жил дома до 16 лет. Отец его, кроме крестьянского хозяйства, занимался портновским делом. У них была лошадь, корова, овцы, разная птица. В помощь матери держали работницу. Детей у его родителей было 4, один в раннем детстве умер. Иван — старший в семье. Родители его — люди добрые, детей не били. Иван у отца был любимцем: «он меня больше всех обожал», — говорит он. Родители часто ссорились: мать ругала отца за сильное пьянство. Когда в 1914 году продажа водки прекратилась, отец стал пить всякие суррогаты и вскоре умер. Иван любит мать и сохранил хорошую память об отце. Учился он в сельской школе 3 года, кончил ее. Учился средне, ленился. Из предметов ему более

других нравилась арифметика, а менее всего — закон божий: священник был очень строг. К религии Иван всегда был равнодушен. В общем, в детстве и в ранней юности его не было никаких событий, которые как-либо особенно могли на нем отразиться. Половой жизни он еще не начинал, онанизмом не занимался. Половое созревание протекает нормально. Он заметно хозяйствен и домовит; живя на стороне, все думал о доме и домашнем хозяйстве. Уволенный дядей, он шел домой очень печальный; смущало его и самое увольнение, — как будто неловко все-таки, — а также то, что он в хозяйство мало несет. Вот здесь и лежит ключ к пониманию его преступления. Он был на хорошем счету в деревне, ни в чем дурном замечен не был, и вдруг прогнанный возвращается ни с чем. Обидно. Он предчувствовал, что мать будет удивлена и огорчится, и это было ему очень неприятно. Явилось стремление вернуться домой, по крайней мере, с чем-нибудь, что нужно для хозяйства, или могло быть принесено в качестве подарка. Это побуждало его всячески экономить бывшие у него деньги и толкнуло на преступление: нужно было как-нибудь скрасить свое возвращение домой и показать, что отпустили его с подарком для матери, любовно, по родственному.

Иван — человек здоровый, никаких особых болезней у него не было; в детстве болел «какой-то простудой», о которой не сохранил воспоминаний. Припадками никогда никакими не страдал. Только спит он беспокойно, особенно в тюрьме: ночью вскакивает, бродит по камере, а проснувшись, часто не скоро приходит в себя и не сразу понимает, где он находится. Вот и перед последней поездкой со станции Лопасня до Серпухова он, ожидая поезда, заснул, а затем, когда поезд пришел, он от общей суматохи проснулся, но не сразу понял, где он, не мог сначала найти выхода на платформу, забыл взять билет и, когда нашел, наконец, выход, прямо бросился в вагон. Пить он перед этим ничего не пил и вообще почти не пьет: «как-то раз покушал самогонки, вывало». С тех пор он не пьет. Кокаина никогда не нюхал. В его внешности нет ничего особенного: это — юноша среднего роста, с круглой головой, с широким толстокостным и толстокожим лицом, с несколько угрюмым выражением глубоко сидящих серо-голубых глаз, с тонким, среднего размера, прямым, загнутым книзу носом, с оттопыренными, плоскими, среднего размера, ушами, с приподнятой, резко очерченной верхней губой. В общем его внешность более отталкивает, чем располагает. Рассказывает он довольно связно, но медленно и монотонным голосом и производит впечатление человека, соображающего не сразу и комбинирующего признаки и факты с некоторым трудом. Память у него слабая. Он развит умственно слабо и отличается притупленностью нравственного чувства. Его моральные представления скудны. Свой поступок

он осуждает, но по соображениям невыгодности его для него самого: приходится сидеть, да и на всю деревню себя опозорил, «будут в глаза тыкать: — вот, мол, жулик какой, человека убить хотел». Просто отнять лучше, чем с насилем, а то будут думать: «хотел человека убить». У богатого украсть можно, у бедного нельзя. Про свое преступление говорит: «по своему малоразумию совершил, сразу вздумалось». Сначала он ударил поднятым из лежавшей у дороги кучи камнем раз и, когда женщина упала и заорала, «с испуга затрясся весь», а потом нанес один за другим ряд ударов. Помнит, что первый удар нанес по правой стороне головы. Вернувшись домой, он был вполне спокоен и сразу погрузился в хозяйственные заботы; на следующий же день нанялся в соседний совхоз работать и там и был арестован, при чем «при народе никак не хотел сознаться в убийстве, за что его сперва ладонью по морде ударили, а потом — кулаком по шее». Сознался он на очной ставке с потерпевшей, которая находилась в больнице. О совершенном он нередко вспоминает, но подходит к нему с указанной личной точки зрения: как на него будут в деревне смотреть, когда он придет домой. Сожаления к потерпевшей у него не заметно. Правда, он говорит, что две ночи после убийства почти не спал, но, оказывается, от страха, что арестуют. Днем потом как-то думал: «что сделал, человека мог убить». Но это сознание, что человека убивать нельзя, не имеет у него должного эмоционального тона, а носит характер какого-то отвлеченного положения, которое он слышал, но за которым у него не заметно голоса какого-либо чувства. Он производит впечатление черствого, бессердечного человека с расщудочно-эгоцентрическим складом характера. На вопрос, почему он нанес ей столько ударов, говорит, что после первого удара она сначала упала, а потом стала приподниматься, и он опасался, что она поднимется и уйдет, но добавляет, что убить все-таки он ее не хотел. За свое преступление он приговорен к 3¹/₂ годам заключения и считает это наказание справедливым.

Склонность всячески поддерживать свою репутацию, скрывать отсутствие, на самом деле, приписываемого себе влияния, склонность казаться значительным и влиятельным сыграла главную роль и в другом преступлении, к описанию которого я теперь и обращаюсь. Но в этом случае с ней конкурировало стремление получить известное вознаграждение. Последнее, впрочем, играло вторую роль. Действующим лицом в этом преступлении был молодой человек — Федор Васильевич Г., 18 лет, уроженец Тульской губернии, Веневского уезда, русский, из бедной крестьянской семьи. Его отец по зимам работал в Москве как лямовой извозчик и в этом имел для себя подсобный источник дохода, благодаря которому его семья из 6 человек детей жила хотя и бедно, но, — за исключением 1918 и 1919 г.г. — не голодала. К сожалению, отец Федора — сильный алкоголик и чело-

век раздражительный. Детям от него нередко попадало ремнем. Про мать же свою Федор говорит, что у нее такой хороший характер, «какого и во всей Москве не сыщешь». В общем, однако, несмотря на пьянство и раздражительность отца, смягчаемую добротой матери, семья жила довольно дружно и тяжелой атмосферы внутри ее не было. Учился Федор в сельской школе 3 года, но ее не кончил. Не давалось ему ученье, главным образом арифметика. Дробей он никак понять не мог, да и с целыми числами ему очень трудно справляться; такие, например, задачи как 13×7 или из $121 - 19$ он решить не мог. Учился он старательно, но плохо. Комбинаторная деятельность ума у него сильно понижена. Память — слабая; то, что читает, он помнит лишь в момент чтения, а стоит отложить книгу в сторону, как он совершенно не в силах рассказать прочитанное. Читать он любит, читал, между прочим, из классиков Пушкина и Л. Толстого, но совершенно ничего не усвоил из прочитанного. В 1921 году он был помещен отцом в одно учреждение, в Сокольниках, курьером, но справиться с обязанностями курьера не мог: ему дали разнести несколько пакетов по разным комнатам Делового Двора, он бился над этой задачей несколько дней, не выполнил ее, испугался и больше на службу не явился. В 1922 году он был помещен отцом на лесной склад мальчиком. Там он увидел рабочих, пиливших лес продольной пилой, выучился продольной пилке и с течением времени стал пилить хорошо и зарабатывать этой работой рубля 4, 5 даже 6 в сутки. Ему этих денег хватало, и он даже посылал немного в деревню отцу. С того времени, как он стал заниматься пилкой, он начал пить и выпивал постоянно, без этого, по его мнению, нельзя работать. Главным развлечением для него служило посещение вечеринок, ухаживание за «девчонками», с которыми у него, — то с той, то с другой, — затевались мимолетные половые связи. Жениться он не собирался. В половом отношении считает себя человеком холодным. Кроме вечеринок и ухаживанья любит ходить в кинематограф, посмотреть что-нибудь смешное. Что касается характера этого юноши, то он очень вспыльчив и раздражителен, нетерпелив, ревнив и очень самолюбив. Склонен драться. Раз подрался с товарищем из-за одной «барышни». В другой раз пьяный ударил лошадь палкой по голове, а на ругань отца по этому поводу ответил руганью же, бросился на отца, повалил его, избил и исцарапал ему лицо. Был случай, когда он сильно подрался с компаньоном по пилке. Один раз, когда он запрягал лошадь и попросил мать подать ему возжи, а она ответила «возьми сам», он вдруг сильно раздражился, изругал мать и едва удержался, чтобы ее не избить. Таков характер этого юноши, который 23 июня 1924 года учинил следующее деяние.

Его приятель, сапожник Григорий К., имел брата 12 лет, которого очень хотел поместить в какое-нибудь учебное заведе-

ние, и просил Федора помочь ему в этом деле. Федор натолковал ему о своих мнимых связях и о возможности для него это сделать. Незадолго перед этим он записался в члены сокольнического отдела народного образования и по этому поводу много нахвастал своим мнимым влиянием. За устройство мальчика в школу он должен был получить от сапожника новые ботинки и в перспективе имел от него еще угощение. Его попытки устроить мальчика не удались. Пойти и сказать сапожнику правду, значило расстаться с ботинками и угощением, а главное обнаружить свое хвастовство. Этого Федору не хотелось, и он задумал убить мальчика. Сапожнику он сказал, что его брат определен им в школу в 14 верстах от Москвы и что он ответит его туда немедленно. Сапожник был очень доволен, благодарил его и отправил их около 6 часов вечера из дому. Выйдя за город, Федор с мальчиком пошли сначала лесом, потом — по полотно железной дороги. По дороге мальчик был спокоен, собирал цветы, задавал Федору разные вопросы, на которые тот ему отвечал, хотя волновался в ожидании момента, когда придется приступить к задуманному. Отойдя верст 6 от Москвы, свернули в лес и сели отдохнуть. Федор сидел и курил, а мальчик собирал цветы, а затем спросил, скоро ли они придут, и при этом сел рядом с Федором. Последний сказал, что осталось недалеко, вдруг встал на колени и, схватив мальчика за горло, стал душить. Тот не успел даже вскрикнуть и брошенный на землю, как казалось Федору, забился в предсмертных судорогах. Федор бросил свою жертву, как он говорит, из жалости и побежал прочь, а затем, увидев гуляющую публику, пошел шагом. По дороге домой он зашел к сапожнику, застал его сидящим на дворе, подсел к нему, и они стали курить и мирно беседовать. Он сказал своему приятелю, что комиссия освидетельствовала его брата, приняла его и сейчас же отправила верст за 40 от Москвы на какую-то дачу. Сапожник не заметил в своем собеседнике ничего странного и поверил всему, что тот сказал. Побеседовав с ним, Федор пошел домой, не стал ужинать и лег спать. Долго ему не спалось, все думал, что сделал. Было у него и опасение, что мальчик оживет. Что тогда ему, Федору, будет? Под конец он заснул, а проснувшись — был арестован участковым надзирателем, которого привел с собой сапожник. В 11 часов вечера мальчик очнулся и кое-как добрал домой. Сидя в тюрьме, Федор удивляется, «как его сердце позволило ему сделать такое дело». Всякие корыстные побуждения с своей стороны он категорически отвергает, ссылаясь на то, что у него всего было достаточно, что в самый день преступления он дал в долг одному приятелю 9 рублей. По данным дела надо думать, однако, что и корыстные побуждения играли в его преступлении некоторую роль, но они не были главными причинами.

III.

Следующую разновидность импульсивных преступников составляют те, которые совершают преступление ради того, чтобы получить какой-либо предмет, которым они могут украсить себя или жилище, или увеличить свой домашний комфорт. Широко распространенная у людей склонность к украшениям приобретает у них особую силу и выбивается из-под всякого нравственного контроля.

Примером может служить следующий случай. 4 ноября 1922 года, между 3-мя и 4-мя часами дня, в Волоколамском уезде Московской губернии, на шоссе между деревнями Аннино и Покровским был убит крестьянин Воеводин, возвращавшийся с покупками к себе в деревню. Убийство произошло при следующих обстоятельствах. Воеводин проезжал через одну деревню и остановился там выпить чаю в чайной. Два крестьянина этой деревни — Иван З. и Иосиф Н. — выследили его, видели, как он уехал, и затем, на лошади Ивана З., погнались за ним, нагнали его приблизительно на четырнадцатой версте и убили. Когда они его настигли, Иван З. выскочил, бросился на Воеводина, свалил его и крикнул Иосифу: «стреляй». Последний, подойдя к лежащему Воевдину, в упор выстрелил в его затылок, отчего Воеводин тут же скончался. Иван и Иосиф оттащили убитого с дороги в лес, отобрали деньги, документы и вещи и вернулись, захватив лошадь и экипаж Воеводина, назад в свою деревню. Лошадь и экипаж Воеводина они поставили у односельчанина своего Николая К., на его дворе, затем сани и полук у него же сожгли, а лошадь отдали ему. К. сперва согласился взять лошадь, но потом отказался из страха, что лошадь будет узнана и ему придется отвечать. Он потребовал, чтобы эта лошадь была обменена на новую в Москве. Иосиф Н. на следующее утро и поехал в Москву, с целью переменить лошадь, но на Сухаревском рынке был задержан родственниками убитого, которые узнали лошадь. Дело раскрылось. Какие же обстоятельства побудили Ивана и Иосифа совершить это преступление и что представляют собою эти молодые люди?

Иван З. старше Иосифа Н. ему 23 года, а Иосифу — 19 лет. Иван происходит из местных крестьян, женат и живет своим хозяйством. В семье своего отца он был старшим. Кроме него, у отца был еще один сын, — маленький, ему в 1923 году исполнилось только 7 лет, — и несколько дочерей; всего их было 8 человек. Отец его занимался крестьянским хозяйством и, кроме того, ходил на отхожий промысел, работал как конопатчик. Родители Ивана живы до сих пор. Отец его все время сильно пьет, в последние годы — самогонку. Иван также любит выпить. В 1922 году он судился за изготовление самогонки вместе с Иосифом, и это единственная их судимость. Образование у Ивана небольшое; он

учился всего полторы зимы, но выучился недурно писать и обладает довольно красивым почерком. Умственных интересов у него нет никаких; он ничего не стремится узнать, ничего не читает и не хочет читать; только недавно, в ноябре, ему захотелось почитать, что делается в Германии, да газеты не нашел. Его жизненный план сводится лишь к тому, чтобы жить безбедно своим хозяйством и возможно веселее и беззаботнее. Он любитель выпить, поплясать и побалагурить. Когда выпьет, бывает очень весел. Вообще он производит впечатление человека, у которого нет никаких серьезных, омрачающих забот и смущающих, тягостных мыслей. Он ко всему относится легко. События жизни как бы скользят по нем, глубоко его не затрагивая. Даже когда разговор коснулся его жены, на которой он женат по любви, и речь зашла о ее отношении к его преступлению и ее жизни теперь, он с благодушной улыбкой заявил, что получил сведения, что она теперь без него «закрутила» — «ну, да дело молодое», добродушно добавил он. Его она не посещает в тюрьме, на свидание к нему приезжают лишь родители. В преступлении своем он не видит ничего особенного: «по пьяной лавочке дело вышло, — говорит он, — не сообразили, что за такое дело даже расстрелять могут»; именно, вот в этих тяжелых для него последствиях, — ему и Иосифу заменили расстрел десятилетним заключением, — он только и видит плохую сторону своего дела. В преступлении своем он винит Николая К. и рассказывает следующее. Николай К. — портной, у которого он с Иосифом заказали себе пиджаки из старых пальто. И раньше они немного задолжали Николаю, и теперь им заплатить было нечем. Николай же приискивал себе лошадь и когда они, — пред престольным деревенским праздником, — явились к нему за пиджаками, пиджаков он им без денег не дал, а указал на Воеводина, как на человека, у которого можно отнять лошадь, а его убить. Он сказал им, что Воеводин в чайной и что его можно узнать по следующей примете: на телеге у него стоят сани, которые он везет из починки. Воеводин будто бы человек богатый, ездил торговать арбузами, наторговал денег и теперь едет назад. Для храбрости он им дал самогонки, которую они и распили. Когда они подходили к чайной, то видели Воеводина, который отвязывал лошадь. Они выпили еще, потом Иван З. запряг свою лошадь и они пустились догонять Воеводина. Он хорошо разглядел потерпевшего и помнит все обстоятельства и обстановку преступления.

После убийства он вечер провел довольно весело, подымил еще, а экипаж вечером сжег. Ни ужаса, ни большого смущения от содеянного он не испытывал. Да и когда он рассказывал о всем этом происшествии, то говорил просто, добродушно, с улыбкой как о самом простом деле, за которое, к сожалению, приходится сидеть в тюрьме. Иван З. представляет собою довольно яркий пример импульсивного убийцы - новичка на преступном пути. Физи-

чески и психически он вполне здоров; из болезней у него была года 2 тому назад лишь испанка.

Его соучастник по преступлению — Иосиф Н., — по национальности латыш, но с двух лет живет в России и говорит только по-русски. Отец Иосифа был железнодорожным сторожем на станции Лесодолгоруково Балтийской железной дороги. Кроме Иосифа, у него было еще три сына моложе Иосифа. Жили бедно, но кое-как концы с концами сводили. Сыновья рано стали помогать отцу; Иосиф с 12 лет стал работать на железной дороге, помогая рабочим при ремонтных работах. Школы он, вследствие бедности, не окончил, так что малограмотен, но учился охотно, и по выходе из школы, при случае, любит почитать книжку. Особенно ему нравятся стихи. Он читал Пушкина, Лермонтова и Жуковского, и сам очень любит писать стихи. Всю свою биографию он изложил стихами. Жизнь его, по его словам, текла скучно и печально; радостные дни были только в детстве. В стихах своих он и воспевает по преимуществу разные тяжелые переживания, которые ему пришлось испытать в жизни. Однако есть у него и стихи, в которых звучит надежда на лучшее будущее и видно бодрое настроение юноши, смело смотрящего вперед. Вот стихотворение, которое он озаглавил «Светлое будущее»:

Придет пора, гроза минует;
вражды не будет никогда;
и все, что душу так волнует,
оно исчезнет навсегда.
Замрет зловещее мученье,
что меня терзает с юных лет;
померкнет все. И без сомненья
взгляну я радостно на свет,
и вспоминать мной пережитых
не буду мрачных тех почей,
когда дождусь уж позабытых,
вновь отрадных, светлых дней.
И вновь мне счастье улыбнется,
вдохну свободно я душой
и кровь неволью всколыхнется
в груди еще моей молодой.

Недостатки этих стихов ясны, но если принять во внимание, что они написаны почти безграмотным юношей, который только урывками мог заглянуть в книжку, после продолжительной физической работы, то к ним нельзя не отнестись с особенной снисходительностью. Окружающая Иосифа обстановка была нерадостна: отец часто пил; кругом — бедность, мать едва справлялась с домашним хозяйством и четверьмя мальчишками, из которых Иосиф был старшим. Родители часто вздорили, и во время их ссор сильно доставалось и Иосифу. В 1921 году мать скончалась от рожи. Отец вскоре женился на другой, которая с детьми не ладила, не хотела их обшивать и обстирывать, вооружала против них отца, упрекала постоянно Иосифа, что он мало зарабатывает и т. д.;

словом, в семье возникли обычные нелады мачехи с пасынками. Однако до последних дней Иосиф жил с отцом. Отец его умер, уже когда Иосиф был в тюрьме, — в 1923 году. В 1919 и 1920 г.г. семья Иосифа довольно сильно голодала. Иосиф болел в это время цынгой и сыпным тифом. Из-за пайка он поступил в 1920 году в армию и прослужил более 1½ лет, с начала 1920 года по сентябрь 1921 года.

Шестнадцать лет лишь миновало,
и я покинул дом родной;
с своим семейством распростился,
страдать уехал в край чужой.
Добровольцем я, конечно,
в строй советский поступил,
добросовестно и честно
почти два года прослужил.

На фронте Иосифу пришлось много раз бывать в сражениях с поляками. Сначала он испытывал сильный страх, но после 3-го или 4-го боя привык; во время атак «себя не помнил», «голову захватывало»; как на «ура» бросятся, «не видишь ничего». Раненых и трупы он часто видел на полях сражения. Кровь и раны всегда производили на него неприятное впечатление, но за время войны он несколько привык к ним. В одном из сражений он был ранен в руку. Вернувшись с военной службы, Иосиф застал большую перемену в семействе: матери не было в живых, мачеха вздорила с братьями, братья все «обовшивели»... Он опять устроился на железную дорогу и стал работать. Жизнь он вел довольно уединенную. Одиночество его вообще не тяготит, он любит посидеть — почитать стихи или поиграть на гитаре или гармонии какую-нибудь заунывную песню. За женщинами он ухаживать не охотник, никого еще не любил, невесты себе не намечал; лет с 17 имел иногда мимолетные половые связи, от которых, во время своей военной службы, болел триппером. Но сильных влечений к женщинам никогда не испытывал. Более всего ему нравится посидеть в тишине одному, мысли разные приходят, стихи в уме складываются... Не прочь он и выпить, но пьет, по его словам, не сильно, и как выпьет, так ложится спать. Если Иван З. — любитель плясать на вечеринках и балагурить, то Иосиф выступал на этих вечеринках, главным образом, в роли гитариста или гармониста. Иван — сангвиник, Иосиф — скорее флегматик, любящий спокойно посидеть и отдаваться своей печали. Его прошлое и настоящее рисуются ему в мрачном свете, но от будущего он ждет сам не знает чего, но чего-то светлого, радостного:

Я живу среди людей
столь же несчастных как я;
в мраке бурных ночей
жизнь проходит моя.

Не страшитесь, друзья,
Скоро «утро» придет.
«День жизни» настанет,
«Ночь жизни» — пройдет.

Но это светлое, радостное будущее должно притти, по его предположению, как-то со стороны, без его личных усилий, придет и всем станет хорошо. Никакого жизненного плана, с помощью которого он, Иосиф, мог бы завоевать это будущее для себя, у него нет, да и осмыслить это светлое будущее, хоть сколько-нибудь определить его ожидаемое содержание он не пытался. Его натуре несомненно присуща пассивность. Он — нытик, склонный жаловаться на судьбу, обстоятельства и других людей и мало способный напрягать свою волю к им самим поставленным целям. Что же побудило его совершить преступление? Раньше он судился лишь с Иваном З. за самогонку. Таким образом, он новичок на пути преступления, но преступную карьеру свою начал сразу с одного из самых тяжких и отвратительных преступлений, — с корыстного убийства. Он хорошо помнит подробности этого убийства, помнит, как они нагнали Воеводина, как Иван схватил его и повалил, помнит, как он ему крикнул «стреляй» и как он стрелял, помнит, что ему пришлось стрелять в затылок убитого в упор, в расстоянии одного-двух вершков, помнит, что затылок Воеводина, — которого он увидел в день убийства впервые, — не был седой, что воротник его мехового пальто был опущен, помнит место убийства и как они оттаскивали труп в лес. Вся картина преступления жива в его памяти. Он осуждает свой поступок и на вопрос: «а как же на фронте, ведь, убивал», отвечает. «на фронте, там природа заставляет, а здесь ни с того, ни с сего убить человека — сверхъестественно». Что же заставило его совершить поступок, который он называет сам «сверхъестественным»? Он ссылается на Николая К., который подал им эту мысль, обещая денег и подпоил их, а также на свою нужду: одеться было не на что, был праздник, нужен был пиджак, которого Николай не отдавал. То обстоятельство, что Иосиф пишет стихи и воспекает в них страдания и какое-то неопределенное «светлое будущее», ничего не говорит в его пользу. Многие преступники пишут целые тетради стихов, в которых даже прямо осуждают свое преступление, изображают себя игрушкой судьбы или жертвою несчастных обстоятельств и т. д., а потом вновь и вновь совершают те же преступления. Дело в том, что известные идеи, — и особенно идеи расплывчатые и неопределенные, хотя бы и с возвышенным оттенком, — являются у них чисто умственным построением, не сочетанным с такими нравственными чувствами, в силу которых они стали бы психическими комплексами, руководящими их поведением. Из этих идей у них не рождается конкретных жизненных идеалов, стремление к осуществлению которых удаляло бы с преступного пути.

Желание получить к празднику новый костюм побудило Якова Л., 20 лет, принять участие 28 декабря 1922 года в бандитском нападении в Перове и вовлечь в это нападение описанного выше (стр. 96) Ивана Ивановича Т. Л. жил в момент преступления в Кус-

кове и работал в качестве подручного пекаря в булочной своего отца. Нужды он никакой не знал, так как у отца его колониальная лавка и булочная, и они жили довольно зажиточно, несмотря на то, что отец Л. сильно пил и много пропивал. Л. вполне сознавал, что кража и грабеж вещи плохие. Он — не глуп, развит средне, окончил городскую школу, не прочь почитать беллетристическую книжку, читал Тургенева, Достоевского и некоторых других авторов. Почему же он, сознавая, что кража и грабеж плохи, и будучи человеком не злым и добродушным, решился участвовать в бандитском налете? У него не было хорошего костюма, а он очень любит принарядиться; особенно любит, чтобы верхнее, видимое другим, платье было хорошее, ну а белье, которого никто не видит, может быть и похуже. Отец мало денег давал на одежду. А приближение праздников делало потребность в красивом костюме и карманных деньгах особенно острой.

Стремление добыть себе обувь получше побудило двух крестьян — К. и М., — без особой нужды живших своим хозяйством в деревне, 25 июня 1923 года, в три часа утра, напасть на старика-крестьянина, проезжавшего по лесу, недалеко от их села, и ограбить его. Оба они — ребята веселые, любят погулять и побалагурить с «дивчатами», а одежды и, главное, приличной обуви у них не было. Оба недавно вернулись с фронта и сильно пообтрепались. Заметив проезжавшего через их деревню колесника, как им казалось, богатого, они в два часа ночи расстались с девицами, с которыми гуляли, отошли с $\frac{1}{2}$ версты в находящийся около их деревни лес и стали поджидать, когда колесник, сделавший в их деревне остановку, поедет мимо. Обвязав лица портянками, чтобы не быть узанными, они выскочили из кустов и крикнули колеснику: «отдай деньги!». Тот отдал им 4 миллиарда и просил оставить ему часть на чай. Тот, кто был знаком колеснику — М. — сказал другому: «ну, дай ему на чай». Потерпевший по этим словам узнал его голос, и все дело раскрылось.

IV.

Теперь я остановлюсь на тех импульсивных преступниках, которые, судя по их преступлениям, склонны совершить преступление или для того, чтобы таким путем достать средства для какого-нибудь развлечения, напр., чтобы пойти на вечеринку, в кинематограф и т. п., в частности, для игры в карты, или для кутежа, для посещения ресторанов, угощения приятелей, для приобретения себе наркотика, или для нескольких подобных целей, сразу. Перспектива таких развлечений и увеселений является в их сознании с такими живыми антиципациями, из которых рождаются сильные импульсы к преступлению, не задерживаемые у них ничем. Вот несколько представителей этих разновидностей.

Один кореец — Х е р - ч а н, 26 лет, — откровенно признался, что принял участие в убийстве в Москве 4 человек, бывших в квартире Лебедева, куда он с товарищами явился с целью выпить самогонки, которою Лебедев торговал, и похитить имущество, потому что последние 3 месяца он мало зарабатывал, между тем приближался день его именин, для которого хотелось достать самогонки, а денег не было. Придя в квартиру Лебедева поздно вечером 1 апреля 1923 года вчетвером, они сначала выпили четверть самогонки, а затем один встал, объявил, что они пришли грабить, и началось самое исполнение преступления, в результате которого оказались убитыми жена Лебедева и еще 3 человека.

22 февраля 1923 года, в г. Дмитрове, два молодых человека — Федор Георгиевич К., 19 лет, и Иван Васильевич К., 18 лет, задумали лишить жизни торговцев, граждан Поповых, Василия 60 лет, Екатерину 75 лет и Александру 50 л., с целью похищения их имущества. Убийцы знали, что Поповы жили уединенно и у них мало кто бывал; они и рассчитывали, что их во время преступления никто не застанет. Они днем проникли в дом с задней его стороны, через незапертый сарай, с фомкой, и стали ломать хранилище. Вышедшую к ним навстречу старуху убили; первый ее ударил в спину Иван, а затем, когда она упала и захрипела, добили ее молотком оба и решили поджидать остальных, чтобы убить их. С полчаса «сидели без делов», поджидали своих жертв. Затем, Федор спрятался за дверь и, когда вошла Александра, нанес ей удар. Он же ударил через некоторое время вошедшего старика Попова, однако удар скользнул, и старик схватил его за руку, но в это время Иван ударил его сзади. Трупы оставили, как они лежали. Расправившись со всей семьей, убийцы стали «собирать имущество». По словам Федора «искали в каждой щели». От убитой ими первой — Екатерины — они узнали, где деньги, и все-таки тщательно обшарили весь дом, чтобы не пропустить чего-либо ценного. В общем набрали одежды и монет золотых, серебряных и медных 3 мешка, положили их на салазки Поповых и увезли. Они привезли их к одной знакомой, ничего не подозревавшей, и просили ее временно положить их в чулане. Надо заметить еще, что удары своим жертвам убийцы наносили поочередно большим молотком — «кувалдой», найденным ими у Поповых. Вечером они вернулись в дом Поповых, полили разные части его керосином и зажгли с целью скрыть следы своего преступления, а сами уехали в Москву и поселились у некоего знакомого своего У., которого, затем, попросили съездить в Дмитров и узнать, что там нового. Тот поехал в Дмитров, узнал там об убийстве и сообщил о странном поведении приехавших к нему знакомых. Поехавший с ним в Москву агент уголовного розыска арестовал обоих убийц. Последние вынуждены были во всем сознаться и указали, где находятся награбленные вещи. Оба убийцы ранее не судились.

Федор К.—брюнет, с большими желто-кариими глазами на выкате, рассказывает обо всем с улыбкой. Отец его — курьер одного провинциального народного суда; прежде он сильно пил, запоем и пьяный бил жену, теперь остепенился и пьет меньше. Пьяный он «никаких резонов не принимает», выгоняет из дому жену, которая вынуждена обороняться и раз сильно разбила ему голову. Кроме Федора, в семье еще четверо детей. Жили, конечно, бедно, но особой нужды не знали. Учился Федор в сельской школе два года «ничего себе», хотя жалуется, что память у него всегда была неважная. Он охотник почитать, как он говорит «романсы» и очень любит театр; часто бывал и в большом, и в малом, и в художественном театре, но более всего он посещал театр Струйского и всяким операм и драмам предпочитает «что посмешней». «Я, — говорит он, — к дому относился легкомысленно, а заботился, как бы в театр сходить». В 1916 году он был отдан в ученье в шорное заведение, пробыл в нем 1½ года, но ничему не выучился. В 1918 году перешел в другое заведение и работал до 1921 года, когда его «уволители по сокращению штатов». Заработок его все время был мал, не хватало на прожиток, приходилось ездить в деревню, где тогда жили родители, и привозить продуктов. По увольнении вернулся к родителям и жил у них, иногда кое-что прирабатывая. С 1921 года по день преступления был безработным, имея по временам случайный заработок. Пил он редко и начал пить с 1921 года, когда сосед стал гнать самогонку. Половую жизнь начал с 14 лет, при чем сходил с женщинами не часто, раза два в месяц, денег на это не тратил. Про это свое преступление говорит: «попали по легкомысленности». «Гуляли, нужны были деньги, — было дело на маслянице, все гуляют, а у нас даже на табак нет». «Мы с Иваном К. в хороших отношениях, сосед был, часто вместе гуляли». «Дня за 4 имели разговоры: хорошо бы украсть». «Мысль подал я». Его соучастник, наоборот, говорит, что мысль о бандитском нападении пришла в голову первому ему: как-то он проходил мимо двери Поповых, увидел висящий на ней замок, ему и запала в душу эта мысль; он высказал ее Федору, и тот на следующее утро пришел к нему, когда он подшивал валенок, и они решили пойти и совершить преступление. Итак, как бы то ни было, мысль о гулянии на маслянице с свободными деньгами, — вот что лежит в корне деятельности Федора. Он не прочь выпить, хотя пьет не сильно; охотник погулять с девчонками, с одной уже 9 месяцев был в связи и считал ее своей невестой. Но у него очень плоха была одежда и хотелось поприодеться получше. Не прочь он и на вечеринке побывать, и в ресторане посидеть. После убийства, когда устроили похищенное добро в чулане знакомой, пошли было в ресторан чай пить, а затем — на бал в гимназию, но туда их не пустили, хотя и перед преступлением, и во время его, и после они вина не пили и были совершенно трезвы. После того, как они вечером подожгли дом Поповых, часа

через 1½ раздался набат, стал сбегаться народ на пожар, пошли и они; видели, как вытаскивали трупы. Екатерину не нашли, потому что они засыпали ее подушками. В народе пошел говор об убийстве. Иван и Федор почувствовали себя «неудобно» и решили уехать в Москву. Опасаясь, что на станции они могут встретить агентов, они отошли верст 5 от Дмитрова, на другую станцию и там сели на поезд. В их поведении после убийства видно было тревожное настроение и суетливость, которые показались странными и У., к которому они явились в Москве и обратились с странной просьбой съездить узнать, нет ли чего нового в Дмитрове. Ночь провели у У. спокойно. О содеянном преступлении Федор сожалеет только потому, что за него приходится сидеть, — он осужден на 10 лет заключения, — да потом, когда выйдешь, «девчонки очень презирать будут», а ему хотелось бы, чтобы его невеста его дождалась. Жаль ему, что не все нашли у Поповых; оказывается, потом ребятишки в разрушенном доме Поповых нашли бадью и в ней золото и камни. Во время самого преступления он ни страха, ни сожаления не испытывал: бояться нечего было, знал, что никто не войдет. Из всего преступления он особенно ясно помнит самый процесс убийства и то, как они искали денег. После самого акта убийства они не менее 3 часов пробыли в доме Поповых. Федор тщательно там умылся, отпряг лошадь, на которой приехал старик Попов, «успокоил» корову, которая почему-то кричала, и т. д., словом, вел себя довольно спокойно и деловито. Относительно Поповых он говорит: «мне Поповых ни чорта не было жаль». «Чорт с ними, что их убили, они были звери, а не люди», и поясняет, в чем заключалось их зверство: у них была земля, которая после революции от них отошла, а на ней колодезь, из которого все брали воду; Поповы будто бы лили туда керосин. Убивать, по его мнению, вовсе не трудно, только волнуешься, но дело это — нехорошее, потому что за него приходится сидеть. Раз убитые все трое приснились ему во сне, при чем старик требовал, чтобы он за него поставил свечу, но он ему ответил: «убирайся к чорту». Теперь о них и не вспоминает. Что касается будущего, то он не может поручиться, что не будет воровать: не будет работы, так придется воровать. Вообще с представлением о воровстве его мысль примирилась. Воровство, по его мнению, лучше убийства и бандитизма; украдешь — жизнь у человека останется; при грабеже человека можно так напугать, что он через это жизни лишится.

Иван К. — широкоплечий деревенский парень с большой головой, сдавленной с боков, с узким лбом, с толстыми носом и губами, старается притвориться более бестолковым, чем он есть на самом деле. В момент преступления ему не было еще полных восемнадцати лет. Он ленив и на вид довольно апатичен. Отец его сначала был сторожем в г. Дмитрове и занимался сапожным ремеслом. Родители его жили очень недружно. Отец постоянно пил и дрался

с женой и детьми. Из 6 человек детей выжили четверо, два сына, из которых Иван второй, и две младших дочки. Отца Иван избегал, ненавидел за побои; ему от него постоянно попадало: и ремнем, и кулаком, куда попало. Несмотря на свою строгость, отец давал Ивану водки и раз, когда Ивану было 9 лет, напоил его допьяна; при нем Иван стал и курить. Когда Ивану было с небольшим 9 лет, отец его умер от чахотки. Мать и старший брат старались вывести Ивана в люди, отдали его в семиклассное высшее начальное училище и всячески старались, чтобы он ни в чем не терпел недостатка, хорошо одевали его и не отказывали ему в деньгах. Но ученье у Ивана шло плохо, и способности у него оказались плохие, да и лень и баловство ему мешали учиться. Он сам признается, что был большим озорником. Умственных интересов у него нет никаких, читать он не любит. Перед пасхой 1918 года он оставил школу, не окончив ее. Оставив школу, Иван делал попытки поступить на службу, но очень слабые. Так, он поступил в военный комиссариат переписчиком, как красноармеец-доброволец, но пробыл там лишь до июля 1919 года, служба ему надоела, он воспользовался декретом о демобилизации и покинул военный комиссариат. В течение 4 месяцев он оставался безработным, а потом поступил в дмитровский продовольственный комитет счетоводом, но прослужил лишь до декабря, когда его уволили. Этим его служебная карьера кончилась. В это время вернулся с военной службы старший брат, и Иван снова стал пользоваться помощью родственников, но в меньшем, чем прежде, объеме: он имел у них квартиру и стол, а на остальное должен был зарабатывать сам. А между тем он привык быть недурно одетым. С 15 лет он стал выпивать и пил все сильнее, пил все: и самогонку, и ханжу, и политуру. Пьянеет он нескоро, но пьяный ко всем пристаёт и придирается, хулиганит, дерется, пристаёт к женщинам. Да и трезвый он вспыльчив, легко переходит к насилию. С 16 лет он начал половую возбудимость. Надо добавить, что он — любитель поиграть в карты и повеселиться в компании. На все это, конечно, были нужны деньги и деньги. Он пробовал торговать самогоном, получаемым из деревни, но товар этот, нужно думать, был соблазнителен для него самого, а потому он обратился, как к подсобному источнику средств к существованию, — к кражам. С Федором К. он начал дружить с 13 лет и нередко выпивал вместе. Можно догадываться, что Федор участвовал и в некоторых его кражах. Про свое участие в последнем преступлении Иван говорит: «по пьянке было». «Был я выпивши, пришел к Федору, у него еще выпили, день был базарный, я напился и пошел». У Федора К. будто бы в это время была ссора с матерью из-за денег. Он — несомненно, преувеличивает свое опьянение так же, как и глупость, — если он и был выпивши, то не так сильно. Он запомнил и воспроизвел очень точно и полно всю картину своего преступле-

ния, рассказал, как они пошли, как он захватил фомку, думая, что придется ломать, как он ударил фомкой Екатерину, которая вошла и спросила: — «К., ты что тут делаешь?» Федор жил вблизи от Поповых, и они его знали, Иван — с ними знаком не был. После того, как он ударил Екатерину, он положил ее на кровать и заметил, что голова у нее была разбита, а крови не было. Вторую вошедшую старуху Федор ударил кувалдой, а он — «гитарой» (т. е. фомкой), когда она уже лежала, при чем все время был спокоен. Когда, часа через $1\frac{1}{2}$, вошел старик, Федор ударил его кувалдой, а Иван — фомкой. После старика было много крови, Федор был ею забрызган и пошел умываться. Добра забрали много, искали долго и тщательно, одного серебра было пуда $1\frac{1}{2}$, было и золото. В Москве, когда они приехали к У., они не сказали ему прямо, что совершили убийство, а сказали, что «натворили много дел» и показали ему привезенные с собой золотые вещи. У. через день уехал в Дмитров по своей надобности, при чем приятели поручили ему узнать новости, а сами все ходили в Москве по театрам. Спал Иван все время хорошо, никаких тревожащих снов не видал, только его почему-то все тянуло уехать из Москвы подальше, и он сожалеет, что поехал к У.: «Глупо сделал, — говорит он, — что поехал в Москву к У., не поехал бы, не сидел бы». «Плохо, — говорит он, — что я погубил свою жизнь; что троих убил, об этом я не думаю», — замечает он, а беспокоит его то, что теперь ему нельзя приехать в Дмитров, а жизнь там ему нравилась. О матери и брате он не скучает, а тяготит его сидение в тюрьме: знал бы, как скучно сидеть, ни за что бы преступления не сделал. «Освободят, — говорит он, — пойду к матери; если брат не примет, не знаю, что и делать, брат за $1\frac{1}{2}$ года ни разу у него не был и ему не писал. Мать у него на свидании бывает. Не скучает он и о «девице», с которой гулял три года и никакой ревности не чувствует при мысли, что она с другими путается: «что же, — говорит, — я и сам с другими путался». Сравнивая его с соучастником, нельзя не заметить большого сходства между ними. Оба корыстолюбивы, жестоки, тупы нравственно — моральные имбециллы, — оба склонны к праздной жизни с кутежами. У обоих в центре их криминального типа стоит склонность к добыванию любыми средствами, на чужой счет, денег на кутежи. Но Иван — азартный игрок, беззаботный гуляка, легко и щедро расшвыривающий те деньги, которые попадают ему в руки, вспыльчивый буй, склонный выпить, приволокнуться за женщинами и повеселиться в компании. Федор — не картежник, но остальными удовольствиями не прочь попользоваться и он, только он более расчетлив, не так легко расстаётся с деньгами, любит покутить более на чужой счет и очень сожалеет, что не забрал всего имущества Поповых; он жаднее Ивана.

Вот еще один случай, виновник которого принадлежит к данной группе. 12 апреля 1922 года, около 9 часов вечера, в Москве,

в районе Мясницкой улицы, между Фуркасовским и Златоустинским переулком, с одной стороны, и Лубянской площадью, с другой, раздались громкие крики, и прохожие увидели человека, который бежал наискось через улицу, по направлению Фуркасовского переулка. За ним гнался другой субъект, весь в крови, с криком: «держите... родственник-убийца». На убежавшем была растерзанная шуба и одежда военного образца. В вытянутой руке он держал мужские золотые часы. Собравшаяся толпа задержала убежавшего, при чем гнавшийся за ним человек объявил, что задержанный — двоюродный брат его жены — Владимир Б., который явился к ним на квартиру и, в отсутствие его, ударами топора убил его жену, Людмилу, бывшую на 6-м месяце беременности, после чего попытался ограбить квартиру, но этого сделать не успел, так как был застигнут им; что, ничего не подозревая, он, вернувшись домой, долго звонил у дверей и лишь после того, как ему не отпирали, обеспокоенный, решил влезть в квартиру, разбив соседнее с входной дверью окно. Когда он влез, на него кинулся с топором Владимир Б. и нанес ему удар топором по голове, а затем попытался скрыться; так как удар не был столь сокрушительен, как, быть-может, думал убийца, то потерпевший бросился из квартиры за убийцей. При задержании, кроме часов потерпевшего, у преступника были найдены: золотое кольцо с рубином, принадлежавшее также потерпевшему, и в боковом кармане френча пачка денег. Владимир Б. — молодой человек 21 года, довольно высокий, крепкого сложения. Волосы — темно-русые, глаза — зеленовато-серые, глубоко сидящие, с довольно хитрым выражением. Черты лица — крупные, несколько ассиметричные, лицо кажется старше его юного возраста. Держится спокойно и уверенно, говорит любезно, внимательно следя за своими словами; временами вскакивает, сильно жестикулирует, но без признаков особого волнения, а единственно с расчетом придать большую убедительность своим словам. Хотя он пойман с поличным, уличен свидетелями и, несомненно, виновен, он развязно, все время смотря в глаза собеседнику, пытается показать чрезвычайно искусственными объяснениями, что произошла печальная ошибка, что Р. смешал его с кем-то и поддался ошибке особенно легко, потому что ненавидит его — Владимира Б.

Убийца двоюродной сестры Людмилы Р... Б.

Родители Владимира Б. занимались торговлей; до Октябрьского переворота отец его имел свой склад извести и асбеста. Семья их была большая, 10 человек: отец, мать, четыре сына и четыре дочери. Образование Владимир Б. получил в гимназии, но последней не кончил, сдал экзамены лишь за 6 классов. В гимназии учился неважно и сам себя не считает способным; особенно слаб он был в математике. В высшее учебное заведение поступать не собирался; имел в виду, как свое будущее, хозяйничанье на принадлежавших родителям хуторах. Развитием Б. не отличается; хотя он говорит витиевато, утверждает, что много читает, но признается, что прочитанного не помнит и читает без разбора, что под руку попадет; он не производит впечатления интеллигентного человека. Умственных, духовных интересов у него нет никаких. Он — типичный прожигатель жизни, кутила, который, кроме болтовни и кутежей в веселой компании, ничем, в сущности, не интересуется. Сам себя он характеризует как человека очень веселого, который никогда не унывает. А так как для кутежей нужны деньги и жалованья не хватало, то он прирабатывал несколько денег спекуляцией. Незадолго до убийства, напр., он устроил перепродажу партии яиц и, по его словам, хорошо заработал на этом. Еще ему удалось «провести сделку на сахарин», и он предлагал Р. свое участие в сделке по продаже партии мануфактуры и т. д. Словом, тяготение к спекуляции у него сильное. Он желал и с Р. участвовать в спекулятивных сделках, но тот, видя в нем человека не серьезного, кутилу, на которого трудно полагаться, воздерживался от принятия его к участию в своих делах. Чувственный эгоцентрик, — он искал только развлечений и денег для них; и на этом пути он ни перед чем не останавливался. Когда он увидел у своей двоюродной сестры, с которой рос с детства, драгоценности и деньги, и у него мелькнула мысль о захвате их, он не остановился перед мыслью об убийстве этой женщины и убил ее с полнейшим бессердечием, в то время как она доверчиво и любовно, по родственному, беседовала с ним. Владимир Б. в Москве жил временно; он приехал похлопотать о получении хорошего места по кавалерии. Приехав в Москву, он на другой же день пошел к Р. и был любезно ими принят; еще раньше Люся (так звали убитую), встретившись с ним в вагоне, взяла с него слово, что, когда он приедет в Москву, он сейчас же зайдет к ним: «тетя (т.-е. мать Владимира Б.) никогда мне не простит, если ты за время пребывания в Москве не будешь к нам заходить», — говорила она ему. Таким образом, отношения с Р. и, в частности, с Люсей у него были хорошие родственные и дружеские. И это не помешало ему иметь черные мысли и привести в исполнение мысль об убийстве заведомо беременной сестры, ради денег и золотых вещей. Он — несомненный моральный дегенерат, моральный имбецил. Черты нравственной тупости были у него, повидимому, с детства. Пребывание на фронте с 1918 года и уча-

ствие в целом ряде боев довершили его нравственное огрубение. В кавалерии он последовательно занимал разные командные должности — эскадронного командира и др. Альтруистические чувства у него отсутствуют; быть-может, нужны особенно близкие отношения родственные или плотские, чтобы у него слабо зазвучали струны этих чувств.

Б. — человек душевно здоровый. Никаких признаков психопатии у него никогда не наблюдалось. В роду у него также не наблюдалось случаев душевного расстройства. С 1918 года он почти все время был на фронте и с этого времени стал сильно выпивать. К алкоголю его, собственно, не тянет, но, когда представляется случай выпить в веселой компании, от других не отстанет, пьет довольно много и охотно. В день убийства не пил. Раньше привлекался к ответственности лишь за дезертирство, в 1921 году, но был оправдан.

Бродячая военная жизнь с вечной сменой сильных ощущений и чувственных наслаждений более всего его к себе привлекала, «затягивала», по его выражению. После того, как познакомился с нею, его прежний идеал сельской жизни на родительских хуторах рухнул окончательно. Он стал желать быть только кавалеристом, более всего он любит лошадей. «Лошади», — говорит он, — это — жизнь моя». «Лошадь я люблю и к лошади даже приревную». К насильственным действиям и к риску жизнью он привык на военной службе, где ему много раз приходилось участвовать в рукопашных схватках: «идешь, — говорит он, — по течению... невероятный подъем... или, может-быть, действует чувство, что тебя могут убить и ты за это бьешь»... Неудовлетворенности своих чувственных потребностей он не выносит; элементарно-животные потребности превалируют в нем над всем другим, даже над самолюбием: крупно поссорившись с кем-либо в тюрьме, Б. готов тотчас же обратиться с просьбой к обидчику, если последний может помочь ему, например, в утолении голода. Эту черту свою он склонен принимать за слабость характера. «Я слаб характером», — говорит он, выясняя эту невыносимость к неудовлетворению или к задержке в удовлетворении его элементарных чувственных потребностей. Что касается половой жизни, то любить он никого не любил; с женщинами у него бывали лишь мимолетные связи, длительного сожительства не было. О браке и семейной жизни еще не думал. В общем Б. представляет собою тип, у которого прочно господствует в душе склонность к свободному и непрерывному удовлетворению своих чувственных потребностей в формах веселой, беззаботной жизни с кутежами и пирушками, и желание всего того, что лежит в плоскости этого стремления, как средство для его удовлетворения; эта склонность осуществляется без задержек в виду его морального вырождения, жестокости, бессердечия и способности быстро решаться на насильственные действия.

Сходный тип, хотя и с несколько иным оттенком, представляет собою молодой человек, учинивший следующее преступление.

20 марта 1922 года председатель домового комитета дома № 8 по Грузинскому переулку заявил милиции, что в квартире № 10, занимаемой семьей Швецовых, произошло что-то подозрительное, при чем он видел вышедшего из этой квартиры с узлом и с перевязанной рукой, в крови, жившего у Швецовых Александра Б. Прибывшие власти, по вскрытии замка двери, нашли убитыми супругов Швецовых и полнейший беспорядок в их комнате. 21 марта Б был разыскан и сознался в убийстве Швецовых, но при этом ложно оговорил своего знакомого студента Л., утверждая, что убийство совершил будто бы тот, а он был лишь его пособником. Впоследствии выяснилось, что Л. в этом убийстве не участвовал и совершил его один Б. Он выбрал утреннее время, когда сам Швецов уходил, а его дочь Маруся бывала в школе. Жизнь семьи Швецовых он знал хорошо, так как месяца за два до убийства он приехал в Москву и поселился у них; Швецовы доводились ему родственниками. Степень родства с ними он, в точности, не знает, звал их дядей и тетей. Жил он у них даром и вместе с дядей спекулировал; незадолго до убийства они ездили в деревни с красками и с мануфактурой, которые обменяли на топленое масло. Спекуляция производилась на деньги Швецова. Утром 20 марта Б. попросил у тетки дядину бритву побриться, затем, улучив момент, выстрелил в тетку из револьвера, когда она нагнулась к печке,

Убийца тетки и дяди
Швецовых. Б.

выбежал в коридор посмотрел, не бежит ли кто на выстрел и, убедившись, что все благополучно, вернулся назад и перерезал тетке бритвой горло. Затем стал собирать вещи, взять их в узлы и вывозить. Вещи он свозил к одной знакомой, которой сказал, что приехал из Самары и что это его вещи. Сделав две поездки с вещами и вернувшись за третьей порцией, он встретил ждавшего на дворе дядю Швецова, сказал ему, что тетка ушла, а ключ у него, отпер, впустил его, выстрелил в него и дорезал бритвой и его. Первый транспорт вещей он отвез часа в 2 — в 2¹/₂, а с дядей встретился на дворе часа уже в 4¹/₂. Захватив последние вещи, он вышел и стал запирает дверь. В этот момент

к нему подошел председатель домового комитета и заметил у него следы крови на повязанной руке. Л. в убийстве не участвовал, а только продавал некоторые из переданных ему Б. вещей, не зная, что они получены путем преступления. По его словам, Б. обещал ему сознаться в ложном оговоре его и добавил, что припутал его к этому делу, чтобы оттянуть время, в расчете, что, может-быть, станут мягче относиться к грабителям и бандитам.

Александр Б. — молодой человек, 19 лет, среднего роста, с маленькой головой и толстой шеей, блондин, с большими серо-зеленоватыми глазами, довольно холодно, но хитро посматривающими, с желтоватым, широким, неприятным и некрасивым лицом, с большим ртом и большими ушами, с небольшим толстым носом, с хриповатым голосом. Происходит из крестьян Пензенской губернии. Отец его умер от малярии. Мать жива, страдает неврастенией. У него три брата и две сестры. О материальном положении семьи он говорит так: «в течение последнего времени нужда была в отношении съестной провизии, последние года три». Лошади и коровы нет. Землю сдают в аренду. Однако большой нужды семья не знала, как можно отчасти видеть и из того, что Александр окончил пензенскую гимназию. Учился он средне, читал «слишком мало», «классиков, впрочем, приходилось читать, но больше читал научное». Романы его не интересуют, и он читать их не любит. Особенного интереса ни к чему не питал: «поскольку задавали, постольку и изучал». Сравнительно более всего другого его интересовало «медицинское дело», и он мечтал поступить на медицинский факультет; еще в гимназии читал кое-что по анатомии и физиологии. Впрочем, медицинской он интересовался по соображениям практическим, как выгодной карьерой, при чем по этому поводу он поучительно прибавляет: «каждый человек живет, если нет для него существования, то нет и жизни». Этой неуклюжей фразой он хотел, очевидно, отметить важность материальных средств. Уже из этой фразы видно, что — для окончившего курс гимназии, — он особенным развитием не отличается, от всей его личности веет умственной и нравственной тупостью. Друзей у него никогда не было. Что касается женщин, то он говорит, что «смотрел на это слишком просто, к сношениям с женщинами прибегал редко, «потреблял редко». Романов у него не было, были лишь мимолетные половые связи. Каких-либо развлечений он не любит: ухаживать за женщинами не любит, в карты не играет, пьет редко и «так себе», кокаина не нюхал. Всего больше он, по его словам, любит одежду и чистоту. Досуги свои он наполнял больше бездельем; так, бродил, на солнце грелся, предавался лени и покою. Его отношение к вопросам и благам жизни — вообще ленивое и пассивное. Он, повидимому, равнодушен ко всему, что выходит за пределы его органических потребностей. Равнодушен он, в частности, к науке, искусству и религии. Что касается последней, то говорит: «это — загадочная вещь, не могу сказать, есть бог или

нет; верить не мешает; придерживаюсь этой формы, молось по привычке». По окончании гимназии он служил в Пензе в центральной почтово-телеграфной конторе. Отсюда был командирован губпрофобром для продолжения образования в Самару, хотел поступить на медицинский факультет, но это ему не удалось и, чтобы не пропал год, он поступил в промышленно-экономический институт, где с полгода слушал лекции. Но ему трудно давалась математика. Из Самары он отправился в Москву с намерением найти здесь место и поступить на медицинский факультет. Поселился у Швецовых, жил у них даром. Но в последнее время они стали тяготиться его пребыванием и намекали ему, что ему следует поступить на место и им за квартиру и стол платить. На вопрос, как ему пришла мысль об убийстве, он рассказывает, что эта мысль явилась у него во время беседы со студентом Л. о том, что им обоим трудно жить и надо как-нибудь поправить свое материальное положение. Если из этого разговора исключить припутываемого Л., то станет ясно, что дело было так. У Б. денег не было, Швецовы намекали, что он должен или платить им, или уехать. Гнать они его не гнали и острой нужды, при которой приходилось бы думать о завтрашнем дне, у него не было, тем более, что у него был револьвер, который он мог бы продать, и они с Л. находили деньги, чтобы иногда выпивать самогонку. Несомненно, что он мог бы, несколько преодолев свою лень, более энергично помогать Швецову в его коммерческих операциях и тогда не был бы им в тягость. Он мог даже уговориться с Швецовым о каком-либо проценте за свою помощь. Не видно, чтобы он с должной энергией и место себе искал. В крайнем случае он мог бы уже украсть что-нибудь у Швецовых, украсть ему не противно. Зачем же было убивать людей, которые как-никак его у себя приютили и про отношения которых к нему он решительно ничего дурного сказать не может? У него довольно ясно видны особенно большое значение, которое он придает в жизни материальным средствам, и хищническая склонность поживиться на чужой счет. Он груб и жесток. Раздражительности и вспыльчивости у него не заметно. Сильных порывов гнева в его жизни не видно. Когда он задумался о том, как бы немедленно выйти из затруднительного материального положения, ему явилась мысль об убийстве Швецовых, и эта мысль соединилась с его склонностью к хищническому обогащению на чужой счет в стремление к убийству, нашедшее себе кровавое выражение 20 марта. Что могло удерживать его? Жалость? Но ее у него нет или очень мало. Чувство благодарности? Но его у него также нет, и он к покойным никакой благодарности не чувствовал и не чувствует. Боязнь крови и инстинктивное отвращение к убийству? Но вид крови и тупа, по его словам, никакого впечатления на него не производит. Раны на него впечатления также не производят, и он не раз перевязывал их, добровольно помогая в больнице и с интересом относясь к самому

процессу перевязки. Страх ответственности? Он, действительно, трусоват, что и сам признает, но в данном случае думал, что удастся скрыться и концы канут в воду. Моральная оценка убийства? Ведь он все-таки кончил гимназию и такую сравнительно простую нравственную проблему, казалось бы, мог решить. Но, несмотря на свой образовательный ценз, он мало развит и даже говорит не интеллигентским языком, между прочим, употребляя такие выражения, как «грабежов», «судимостев», а на вопрос, не любит ли он ловить рыбу, отвечал: «рыбную ловлю иногда имел». Правильной моральной оценки убийства у него нет. На вопрос, жаль ли ему убитых родственников, откровенно говорит, что нет. На вопрос же, почему именно их он выбрал своими жертвами, он откровенно отвечает, что знал это семейство хорошо, что и где у них находится, да и они к нему относились с доверием и его не остерегались, так что при таких условиях легче было оперировать. На вопрос о раскаянии он отвечает утвердительно, но добавляет: «лучше побираться, чем здесь на пайке одним сидеть». Убийство свое мотивирует так: «могу сказать, что голод все побеждает». Но, именно, голода-то у него и не было. «Теперь, — говорит он, — я себе отчет отдаю, что можно бы и без убийства сделать, я мог бы взять любую вещь у них, продать и уехать». На вопрос, почему же он так не поступил, он говорит, что не может объяснить. Но объяснение ясно: обокраденные живые дядя и тетка тотчас сообщили бы властям целый ряд сведений о нем, а оставшаяся одна Маруся этого сделать не могла. Во всяком случае так было безопаснее. Интересно отметить еще, что после убийства он очень боялся, как бы покойные ему не привиделись. И во время нашей беседы он говорил: «при любом воспоминании я не могу находиться один». «Ночью появляется страх». «Боюсь, что появятся видения». Он боится даже один вечером войти в уборную, сознает, что это суеверие, но боится: «суеверия я отчасти всегда страшился», — говорит он. Раньше он не судился.

В приведенных выше случаях преступники хотели схватить некоторый куш денег, чтобы покутить, хотя бы недолго пожить в достатке, повеселиться, весело провести масляницу и т. п.¹ К этому же типу искателей развлечений, гуляк и кутил принадлежат два молодых человека — Иван М., 22 лет, русский, из крестьян Калужской губ., и Лев Д., 26 лет, еврей, родом из Черниговской губ., раньше не судившийся. 3 августа 1923 года, вечером, у полотна железной дороги, они убили секретаря краснопресненского народного суда Яковлева. Они уговорили последнего поехать с ними на пикник на 20-ю версту, при чем Д., служивший делопроизводителем в том же суде, увел Яковлева

¹ К рассматриваемым разновидностям импульсивных преступников принадлежат также описанные выше шофер Григорий Яковлевич А. (стр. 57 сл.) и убийцы гражданки С. (стр. 79 сл.).

прямо со службы, не дав ему зайти домой и сказать, куда он отправляется. Расположившись в 1½ верстах от станции, они стали выпивать и закусывать. Когда захмелевший Яковлев наклонился в сторону, Д. шепнул М: «бей», а М., чтобы не возбудить у своей жертвы подозрения, запел: «бывали дни веселые» и с этими словами нанес Яковлеву удар ножом, которым резали колбасу, и перерезал ему сонную артерию. Забрав у покойного портфель, печать, ключ от несгораемого шкафа, где хранились вещественные доказательства, и браунинг, они покрыли труп шинелью, выпили еще на станции пива и часов в 12 ночи уехали в Москву. На следующий день М., по указаниям Д., сходил в шкаф, где хранились ценные вещественные доказательства, пользуясь тем, что шкаф этот оставался в старом помещении суда, где теперь была нотариальная контора и где М. никто не знал, взял оттуда золотые часы, браслет, несколько колец с бриллиантами и 36 золотых 5 и 10 рублевого достоинства, вещи эти продали, а вырученные деньги разделили пополам и истратили на кутежи и проституток. Убийство было совершено именно с целью похищения ключа от шкафа. Того же Яковлева они хотели убить несколько раньше, заманив его также на пикник в Покровское-Стрешнево, но там им сделать этого почему-то не удалось. Кроме Яковлева, ими были намечены и другие жертвы с целью получения денег на кутежи путем убийств. Весь план убийства был разработан Д., М. был только исполнителем, при чем Д. предварительно даже побудил Яковлева упаковать означенные вещественные доказательства, сказав, что их надо отправить в комиссариат финансов на хранение. Деньги этим молодым людям нужны были на кутежи. Оба они состояли на службе, оба холосты и нужды, в собственном смысле слова, не знали. Но оба — кутилы. Д. постоянно проводил время с проститутками, из которых с одной сожительствовал довольно продолжительное время. Жалованье он получал в суде небольшое и ему не хватало. Это — человек очень хитрый, осторожный, неглупый, но с слабой памятью, с отсутствием умственных интересов, несмотря на сравнительно высокий образовательный ценз — 6 классов гимназии, — лживый и трусоватый. Сам он не мог бы совершить акт убийства, по недостатку смелости, ему нужен был физический исполнитель, каковым он избрал М., жившего в одном с ним доме, любителя выпить, которому выпивка, как он заявляет, дороже всякого свидания и которому жалованья также на прожиток не хватало. Сам Д. почти не пьет и во время этого преступления не пил. Привезенные 3 бутылки портвейна распили М. и Яковлев. Д. погряз в половом разврате, — к гульбе с проститутками сводились все его интересы. Надо добавить еще, что он раздражителен, зол, злопамятен и покойного Яковлева очень не любил, хотя на вид старался быть с ним в недурных отношениях. От семьи своей он давно отбил, равнодушен к ее интересам и о ней даже почти никогда не вспоминает. Из родителей

у него жив отец, которого он характеризует как человека трезвого, но очень раздражительного, с тяжелым характером. *М.*—человек более простой, смелый, открытый, пьяница — кутила, сын сильного алкоголика, не окончивший начальной школы по лености и баловству, а также и по малоспособности. Особенно «не укладывалась у него в голове» арифметика. Память у него плохая. Вспльчив, но отходчив. Легкомыслен. Легко поддается чужому влиянию. Полагает, что кражу совершить можно, если у самого нет чего-либо, а у другого — много. Интересно отметить, что оба убийцы признаются, что с детства, лет с 9 — 10, занимались онанизмом и занимаются им в тюрьме; на свободе будто бы занимались им с большими перерывами в несколько лет; *М.* — лишь до 1919 года.

Всматриваясь в личности преступников рассматриваемых разновидности, между ними можно подметить, между прочим, одно интересное различие: одни хотят добыть себе хоть что-нибудь, что попадется, другие — на мелочи не идут, предварительно принимают меры, чтобы куш, который они схватят, был солиден. Эти последние уже приближаются к рассудочно-расчетливым преступникам, отличаясь, однако, от последних тем, что имеют в виду добыть для себя не новое материальное положение, более или менее радикально изменяющее течение их жизни, а временное более обильное удовлетворение их потребностей в материальных предметах, — чтобы хватило и приодеться, и жене хороший костюм сшить или шляпку купить, и на курорт проехать, в ресторанах побывать и т. д. Вот один из примеров такого типа преступника.

13 марта 1922 года, в понедельник, Борис *Р.*, 34 лет, отправился с своим приятелем *Б.* на станцию Быково, под предлогом указать *Б.* источник дешевой покупки десятирублевых золотых. *Б.* и сам *Р.* занимались денежными операциями на черной бирже и комиссионерством и были в хороших, приятельских отношениях с давних пор. Приехав на станцию Быково, *Р.* в лесу выстрелом из револьвера убил *Б.*, положил его труп на две перекладки из досок, подвез к заранее выкопанной яме, находившейся от места убийства приблизительно в 40 шагах, и, пользуясь привезенным с собою мешком, в который был завернут револьвер, стал перетаскивать землю. Засыпав яму землей, утрамбовав ее и покрыв сверху снегом, убийца отправился на прогулку в лес. Убийство произошло около 6 часов вечера. Пробыв в лесу до 11 ч. вечера и зная, что в это время приходил поезд из Москвы, убийца направился на дачу своего родственника *И.* Чемодан *Б.* с деньгами и револьвер он сначала оставил за хворостом на даче, а потом перенес на чердак дачи, что видел один из мальчиков, впоследствии рассказавший об этом. Приехав на следующий день в Москву, *Р.* направился к родителям *Б.*, под предлогом навестить приятеля, и оставил на имя последнего записку, в которой, в нежно-прия-

тельском тоне упрекал его в том, что он не пришел к нему в обещанное время. Когда агенты розыска напали на след убийцы, последний долго отрицал свое участие, но, наконец, должен был признаться и указать могилу Б. С целью смягчить картину убийства друга он выдумывал всякие фантастические версии. Так, он утверждал, что, когда они приехали на ст. Быково, то он, зная, что находящиеся при Б. деньги взяты последним под проценты, предложил приятелю симулировать ограбление, для чего хотел привязать его к дереву, произвести выстрелом в воздух «эффект ограбления», а деньги поделить пополам. Но Б. на это не согласился, и тогда совершенно случайно произошел выстрел, которым был убит Б. В беседе со мной Р. развивал другую, еще более фантастическую версию, что Б. будто бы убил кто-то другой, кого он назвать не хочет, но что этому — другому очень хотелось жить, ему же Р. жизнь уже надоела, а потому он и взял его вину на себя. У убитого, в его чемоданчике, Р. нашел миллиард семьсот сорок миллионов, что в то время составляло очень большую сумму.

Р.¹ — человек здоровый, никакими особенными болезнями не страдал. На вид, он — высокий блондин, 2 аршина 6 вершков ростом, с некрасивым, нерасполагающим лицом, лысый, с голубыми глазами, с высоким тихим голосом. Лицо часто нервно подергивается. Заметно прогнатичен. Жалуется на расшатанность нервной системы, на исчезновение по временам памяти, особенно памяти на имена, отчества и фамилии. На лица у него память хорошая. В остальном память у него средняя. Со стороны наследственности можно отметить следующие факты: о родителях ничего особенного сказать нельзя, кроме того, что отец его — очень раздражителен и деспотичен, «держит всю семью в кулаке». Дед, со стороны отца, был алкоголиком, а трое дядей, с отцовской стороны, глухонемые. Учился Р. в рязанской гимназии, которую и окончил. Прослушал в московском университете 3 курса на математическом факультете и 3 курса — на юридическом. Женат. До ареста три года служил в Продпути и занимал должность секретаря коллегии. Последнее время перед убийством нигде не служил и занимался комиссионерством. Вся семья их состояла из 10 человек: родители, Борис, шесть его сестер и его жена. Жена его училась, затем поступила на службу, но в последнее время была уволена по сокращению штатов. Сестры служили. В материальном отношении семье в последнее время приходилось трудновато, хотя нужды большой не было. План одним ударом улучшить временно несколько стесненное материальное положение свое, жены и остальных членов семьи, повидимому, сложился у Б. давно, но подходящего объекта не находилось. Одно время им был намечен в жертвы один служащий Продпути, но тот не смог достать денег для мнимой операции более шестисот миллионов, а это

¹ См. стр. 51.

казалось *Р.* мало, и он остановился на своем молодом и неопытном друге *Б.*; *Р.* — человек злой, сухой, рассудочный эгоцентрик, жаждущий комфорта, довольства и для этой цели не остановившийся перед убийством. Он холодно и с обдуманным расчетом избрал для этого средством убийство. Эти комплексы прочно сочетались у него в очень опасное предрасположение к убийству. Оставалось приискать жертву. С поразительным бессердечием и холодностью он останавливается в выборе на своем доверчивом юном друге, выкапывает для него заблаговременно могилу, продумывает до мелочей план убийства, заманивает его на намеченное место и убивает, а затем с большою предусмотрительностью и холодной расчетливостью пытается скрыть следы преступления, является к родителям своей жертвы, не стыдится смотреть им в глаза и разыгрывает роль нежно сетующего друга их сына.

Р. — человек умный, интеллигентный, но — дегенерат, моральный имбецилл. Ему нельзя отказать в формальном, так сказать, умственном развитии; он складно говорит, вполне литературным языком, в разговоре довольно находчив, но устойчивых умственных интересов у него нет. Он, в сущности, ничем не интересуется, кроме устройства своей личной жизни и карьеры, при чем последняя интересует его только своей материальной стороной. Ни общественных, ни каких-либо возвышенных моральных интересов у него нет. Он пуст. Если прибавить к этому его раздражительность, злобность, решительность и достаточную смелость, то генезис его преступления станет вполне понятен. Раньше *Р.* не судился, это — первое его преступление.

V.

Особую разновидность импульсивных преступников составляют преступники *половые*, изнасилватели и развратители подростков и малолетних. Это — субъекты, у которых существует сильная склонность к половым удовольствиям, не ограничиваемая обычными у людей комплексами морального характера, а подчиняющаяся одним соображениям личной приятности и риска. В силу этих соображений они стараются обставить получение приятных ощущений полового характера такими условиями, при которых им не угрожали бы ни большой скандал, ни ответственность, но о моральной стороне своего поступка и о его социальной недопустимости они не думают. В этой, так сказать, диссоциированности склонности к половым удовольствиям от моральных ограничений и состоит сущность их предрасположения к подобным преступлениям. Иногда преступления этих субъектов бывают очень тяжки, а иногда носят на себе печать не столько зверской жестокости, сколько не лишенной комизма половой распущенности. Вот несколько разнообразных образчиков представителей данного типа.

Крестьянин Московской губернии, Бронницкого уезда, Иван Г., 55 лет, неграмотный, по профессии кузнец, на первый день рождества в 1920 году, в отсутствие жены своей, изнасиловал свою дочь Зинаиду 14 лет; сбросив с нее одеяло и сорвав рубашку, он совершил с ней половой акт, несмотря на все ее сопротивление. С этого времени и до лета 1922 года, угрожая ей избиением, он время от времени жил с ней. За это он приговорен к лишению свободы на 8 лет, с сокращением по амнистии срока на половину. Дочь, страшно запуганная, долго скрывала поступки отца, но, наконец, сообщила обо всем властям, при чем, после возбуждения дела, просила следователя об изолировании ее отца, опасаясь его побоев.

Иван Г. — сын трезвых родителей, которые хотя и имели некоторый достаток, но отдали его с 9 лет в ученье, по кузнечной части. Выйдя из ученья, Иван работал все время в качестве кузнеца у разных хозяев, у одного, у Спасской заставы в Москве, прожил более 20 лет. Затем завел свою кузницу и работал в ней до последнего времени. С 18 лет стал сильно пить; пьет ежедневно и говорит, что «мастеровое дело — известно, не выпьешь и работать нельзя». Груб, драчлив, раздражителен. Лет с 18 начал заниматься онанизмом, но потом бросил. Женится 25 лет, до женитьбы с женщинами связей не имел. От жены имел 6 человек детей, из которых осталась жива одна Зинаида, остальные умерли в раннем детстве от неизвестных причин. С женой прожил 16 лет. После ее смерти 7 лет вдовел, а затем женился лет восемь тому назад. Во время вдовства имел с женщинами редкие половые связи «с кем попадется». С женой живет ладно, но уже лет 12 замечает, что у него все более падает половая сила и притупляется память: желание есть, а половой силы нет. Признается, что, раз, выпив 4 бутылки ханжи, «пристал к дочери». Изнасилование вообще и дочери, в частности, признает «неудобным», ну, а если бы она согласилась, тогда другое дело. Старается уверить, что дочь на него наговорила и что если по освидетельствованию она «оказалась тронутой, то кто же его знает кем?». Иван Г. представляет собою резко выраженный тип *полового насильника*.

В других случаях перед нами оказывается более или менее *импотентный, сладострастный блудник*, не доходящий до насильственного совершения акта совокупления, а ограничивающийся разными «блудными» действиями. Вот примеры представителей этой разновидности: Один из них — человек старый — 56 лет — Иван Иванович Х., русский, из крестьян Московской губернии, Звенигородского уезда. Он — сын трезвых родителей и сам пьет мало. Давно женат, старшей из его детей — дочери — 30 лет. Малограмотен. С 10 лет был отдан сапожнику в ученье и более 30 лет работал как сапожник. Затем служил машинистом на водокачке, а последние 3 года — сторожем при одном заводе. Хвалится тем, что, живя 46 лет в Москве, ни разу даже свидетелем на суде не был и в участке не сидел. В половом отношении стал слаб,

ссылается на возраст. Производит впечатление довольно бестолкового старика, склонного временами ворчать, а временами плакать без особых оснований. Приговорен в 1922 году на 2 года за развращение малолетних: зазывал в свою будку девочек лет 9—11 с фабричного двора, сажал их к себе на колени, ощупывал, вводил палец в их половые части и показывал им свой член. На суде, в качестве потерпевших, фигурировали 4 девочки, при чем оказалось, что каждая из них неоднократно подвергалась, в разное время года, таким посягательствам со стороны Х. Он сперва пробовал отрицать свою вину: «При годах ли это такие дела делать», — восклицал он. Говорил, что и девочки эти, несмотря на свои 9—11 лет, не были уже невинны, как будто отсюда вытекала его невинность! Но потом признался, что «всяко бывает, может-быть, выпил кружку бражки и...» Несомненно мы имеем дело в данном случае с импульсивным преступником, у которого предрасположение ограничивается тесною областью указанных выше половых удовольствий.

Сходное преступление было учинено в Москве в июне 1923 года П., 38 лет, белорусом по национальности, уроженцем Гродненской губернии. Проходя вечером, часу в 8-м, погулять на Ваганьковское кладбище, он увидел по дороге 5 девочек в возрасте 10—13 лет, заговорил с ними и пригласил их на кладбище погулять, обещая дать им конфет, кольца и еще что-то. Придя на кладбище, он сел на лавку, вынул свой член, а девочкам велел поднять юбки. Но в это время вблизи появилась публика, и он позвал девочек на другое место, в глубь кладбища. Там он сел на памятник, а девочки попросили его дать им обещанные конфеты и кольца. «Дайте вы мне сначала ваши кольца, а потом я дам вам свои», — ответил он. Те сказали, что у них нет никаких колец, на что Сидор возразил: «Я покажу вам, что у вас есть кольца», — и он велел им поднять платья и набегать на него, а сам вынул член и прикоснулся им к верхним частям их ног. После этого он велел им ложиться на могилки, сказав, что так будет удобнее, но девочки убежали от него, а затем, когда он возвращался домой, они все время шли за ним и, как он выразился, «кричали разные неприятные вещи по адресу моего члена». Он свернул в переулок к портному, но они следовали за ним и туда. За описанное преступление он был приговорен к 3 годам лишения свободы без строгой изоляции и с поражением прав на 3 года.

П. происходит из бедной крестьянской семьи. Родители его люди трезвые и ни нервными, ни психическими болезнями не страдали. В семье его родителей царил довольно спокойная атмосфера; детей было трое, и все они и друг с другом, и с родителями жили дружно. Сидор учился в трехклассном народном училище и кончил его; учился, по его словам, «очень великолепно», все предметы давались ему легко. С 14 лет он начал работать в качестве чернорабочего на разных железных дорогах. В 1907 году он был

призван на военную службу и, по возвращении с нее в 1910 году, устроился на службу по почтово-телеграфному ведомству и служил в московском почтамте и во время совершения своего преступления. Половую жизнь он начал с 19 лет; в 1920 году он женился и живет с женой хорошо. До 1917 г. он отличался большой половой потенцией; с 1917 г. особого влечения к женщинам не имеет. Во время военной службы он получил триппер, принявший у него хроническую форму и по временам проявляющийся у него снова. Пьет он мало и редко. Вспыльчив и не из добрых. Самолюбив. Злопамятен. Ревнив. В раздражении легко может перейти к насилию. Одного знакомого, который, будучи у него на именинах, стал ухаживать за сестрой его жены, а потом и за его женой, он сильно избил и спустил с лестницы, после чего побитый довольно долго лежал в больнице. Упорно отрицает свою вину в развращении подростков, хотя всеми обстоятельствами дела и 8 свидетельскими показаниями вполне уличен. Дать моральную и социальную оценку он не в силах, хотя говорит, что считает такие поступки очень плохими, но мотивировать такую оценку как следует не может. Импульсивный тип, носителем которого является *П.*, ясен, но его предрасположение не идет далее сферы полового чувства и половых удовольствий.

То же можно сказать и о *Ш.*, 32 лет, который в момент своего преступления состоял учителем пения и музыки в одном из детских домов. Он сумел завоевать себе симпатии детей, часто приглашал их к себе на квартиру, где у него были музыкальный ящик «Стелла» и разные птички, очень привлекавшие детей. В конце лета 1923 года жена *Ш.* уехала на время к родственникам, а он стал особенно часто приглашать к себе *Шуру У.*, 8 лет, и *Олю Г.*, 8 лет, сажал их к себе на колени, целовал, гладил их тела, запуская руку под панталоны, снимал с них панталоны и лизал их половые органы. При попытке девочек кричать, он приказывал им молчать, угрожал исключением из детского дома, а иногда даже убийством. Он обещал купить им по мячику и строго приказал никому ни о чем не рассказывать. Те повиновались. Кроме указанных двух девочек, он зазывал к себе еще двух девочек — *К.* и *В.*, из которых каждой было по 10 лет. Этим девочкам и одной из вышеупомянутых он засовывал пальцы в их половые органы, чем причинял им физическую боль, от которой *К.* даже кричала. Кроме того, он вкладывал им в половые органы спринцовку, которой лечился от триппера, при чем на вопрос девочки *В.*, что это такое, он ей сказал, что эту штучку он вставляет и в половой орган жены, когда последняя спит. И воспитанниц более старшего возраста *Ш.* не оставлял в покое, хотя к ним он в общем приставал меньше, опасаясь с их стороны протеста и жалоб. В конце декабря 1923 года дети были как-то в опере Зимина. *Ш.* вошел в ложу, где сидели девочки *Анна Ю.*, 12 лет, и *Элла Р.*, 12 лет, и, когда погасили огонь, стал их целовать и хватать за груди и только после угрозы детей рассказать все заведующему домом,

оставил их в покое. Часто Ш. ловил Валентину С., 14 лет, приставал к ней, старался ее обнять и поцеловать. Во время ночных дежурств Ш. заходил в дортуары, сдергивал с девочек 8 — 9-летнего возраста одеяла и обнимал их голое тело, а когда испуганные девочки поднимали крик, он их успокаивал, говоря, что он поправляет одеяла, которые с них сползли. Такое положение вещей длилось до 6 января 1924 года. Дети старшего возраста стыдились рассказывать о приставаниях Ш., а дети младшего возраста были терроризированы им. 6 января дети отказались идти с Ш. в кинематограф. По случаю этого отказа был учинен опрос детей, раскрывший поведение Ш. и повлекший привлечение его к судебной ответственности. За свое преступление Ш. приговорен к 5 годам заключения со строгой изоляцией, с запрещением ему заниматься педагогической деятельностью и жить в крупных городах и с ходатайством перед комиссией НКВД о ссылке его в Нарымский край.

Ш., русский, происходит из мещан г. Елабуги. Ни со стороны отца, ни со стороны матери он не обременен дурной наследственностью. Отец его пил очень мало и очень редко и то лишь виноградное вино, водки же не пил совершенно. Характеры у родителей были мягкие, к детям они относились очень заботливо. Семья жила дружно и атмосфера внутри нее царил тихая и спокойная. У Ш. два брата. И он, и братья обладают некоторыми музыкальными способностями. Он с 12 лет стал сочинять музыкальные композиции и пел сопрано в хоре Стахеева. Благодаря этому он постоянно бывал в церкви и в детстве и юности был набожен, но теперь думает, что религия выдумана для того, чтобы держать в руках темные массы. Однако, он верит, что где-то есть какое-то начало всех начал. Самое любимое его занятие: уединяться и предаваться музыкальному творчеству, жить в мире звуков. Другое любимое занятие: путешествовать. Окончив при поддержке Стахеева городскую начальную школу, а затем городское училище, Ш., на средства того же Стахеева, решил отправиться во Владивосток и поступить там в школу штурманов дальнего плавания. Учился он всегда легко и хорошо, что он приписывает хорошей памяти. Эксперименты подтвердили, что у него хорошая память. Из учебных предметов его особенно привлекали математика и география. Будучи учеником школы штурманов, он был два сезона в плавании и посетил разные порты Китая и Японии. В этой последней стране, в поэтической обстановке «чайного домика», который он живо и подробно описывает, он впервые вступил в половые сношения с очаровавшей его гейшей. Ему было в это время 19 лет. Утверждает, что период полового созревания протек для него незаметно и что онанизмом он никогда не занимался.

Пробыв в школе 2 года, он получил звание зауряд-штурмана, но на этом и кончилась его морская служба. Родители, желая получить от него поддержку, убедили его избрать себе другую службу.

Он избрал педагогическую карьеру, сдал экзамен на народного учителя и три года — 1910 — 1912 — пробыл у себя на родине сельским учителем. В это время он «впервые сблизился с детьми и в совершенстве понял их психологию»; раньше он не обращал на них никакого внимания. Каждое лето он уезжал на отдых куда-нибудь к морю, на черноморское побережье и «здесь, где-нибудь в горах над Сочи, он творил, творил и творил». . . . Чудные звуки наполняли его душу, и в результате явилось около 100 музыкальных номеров, концертных и симфонических, однако ни один из них напечатан не был. Уединяясь для музыкального творчества, он вместе с тем наслаждался красотами природы, которую любит до безумия; бродил среди лесов, «как любитель и натуралист», с восхищением слушал «пичужек» . . .

В 1912 году, 22 лет, Ш. женился на богатой девушке старше его несколькими годами, без любви, по настоянию родителей. Супруга его была к нему также равнодушна. Она оказалась очень скупа, дрожала над каждой копейкой и «склонна к эксцессам»: однажды, получив за что-то от свекра замечание, перебила в квартире стекла. Когда у мужа открылся туберкулез, и он пожелал, для поправления здоровья, поехать на юг, она ни денег не дала, ни сама с ним не поехала. Осенью того же 1912 года Ш. уехал на юг один и больше к жене не возвращался. На юге он сначала жил частными уроками, потом с год дирижировал одним оркестром, затем перебрался в Елисаветполь и там, с лета 1914 по весну 1915 года, служил в женской гимназии преподавателем пения. В 1915 году он был взят на военную службу, окончил тифлисское пехотное училище и был отправлен на германский фронт, сидел в окопах и 6 раз участвовал в боях, при чем 2 раза был легко ранен: один раз — в правую руку, а другой — в шею. В 1916 году заразился триппером, который принял у него хроническую форму. Около этого времени он заболел также возвратным тифом. В 1917 году был демобилизован. До апреля 1918 года перебивался кое-как частными уроками в Рязани, а в этом месяце поступил в «Хлеболес» и был отправлен в Омск для закупки зерна. Летом в Сибири произошел колчаковский переворот, Ш. был мобилизован и служил капельмейстером. В это время он приступил к созданию оперы «Смерть Ивана Грозного», в 5 актах, и над нею работал все время, заканчивая свою работу уже в таганской тюрьме, во время нашей с ним беседы. В 1918 году он женился в Омске второй раз и до последнего времени живет с женой хорошо.

Проследившая далее историю жизни Ш., мы узнаем, что с падением Колчака он из Омска попал в Ярославль в концентрационный лагерь, с группой арестованных белых офицеров. Здесь он устроил хор из заключенных, который с успехом давал концерты, и одновременно преподавал пение и музыку в 1-й ярославской пролетарской школе. Затем, освободившись из лагеря, он поступает заведывать в Самарканде эвакуационным пунктом, пропускавшим

тысячи детей, увозимых из голодных местностей. Здесь умерла от дизентерии его дочь, а он и жена вынесли сыпной тиф. Покинув место, совершенно больной, он жил несколько месяцев продажей вещей, а затем перебрался в Омск к родственникам жены и здесь был капельмейстером в театре. Затем в марте 1923 года, по не совсем ясным причинам он оказывается в Москве, будто бы посланный из Омска для участия в организации «Общества помощи русским композиторам». Вскоре после этого он обратился к поискам места и был назначен в детский дом для преподавания музыки и пения.

Ш. — человек недалекий и лживый. Любит прихвастнуть своими влиятельными знакомствами и мнимыми музыкальными успехами. Он добр, хотя и не так, как говорит, добродушен и несколько восторжен. Причиняя детям большое зло, он, в силу крайней поверхностности своего мышления, не понимал всех размеров этого зла. Он сознается лишь кое в чем из того, что ему вменено судом, и находит, что вел себя непедagogично; он признает свое поведение бестактным для педагога и только. Хотя его нельзя считать малоразвитым для той социальной группы, к которой он принадлежал, однако углубиться в достаточной степени в моральную и социальную стороны своих поступков он не в состоянии; комплексов, из которых могла бы вытекать такая оценка и соответствующие ей импульсы, у него нет. В половом отношении, но только в этом отношении, он человек распущенный, предрасположенный добывать себе половые наслаждения всячески, даже путем насилия. Половая потенция его, повидимому, ослаблена. Пьет он очень мало и редко. Раньше не судился.

В приведенных выше случаях преступники хотя и не могут считаться вполне нормальными людьми, так как у них есть склонность к описанным ненормальным поступкам, однако, лишены признаков какого-либо определенного нервного или психического расстройства. Но, конечно, чаще такие поступки совершаются людьми, нервно-психическая сфера которых более или менее сильно болезненно расстроена. Не имея возможности, по размерам настоящей работы, входить в рассмотрение этих случаев, я пополнил серию приведенных выше примеров лишь еще одним небольшим примером.

Павел Д., 30 лет, русский, уроженец Симбирской губернии, сын крестьянина, который сам хозяйства не вел, а плотничал в разных местах, постоянно и сильно пил и часто бил и жену, и детей, которых у него было 9 человек, из них 5 осталось в живых. Павел — старший из них. Кончив 14 лет школу, он стал работать вместе с отцом и работал до 1913 года и об этом периоде своей жизни сохранил очень мрачное воспоминание: отец постоянно бывал пьян и страшно бил его, требуя выдачи денег, которые он от него пьяного припрятывал. С 1913 г., после смерти брата, ведшего хозяйство, отец бросил плотничать, и они поселились в деревне. В 1915 г. Павел был мобилизован, поступил в фельдшерскую школу,

кончил ее и с тех пор до последнего времени работал в качестве военного фельдшера. После окончания гражданской войны он был назначен фельдшером в высшую военную химическую школу и получил казенную квартиру в виде проходной комнаты, ведшей в помещенье гражданки К., служившей в той же школе санитаркой и жившей вместе с малолетней дочерью Нюшей лет 7—8. Несмотря на то, что у него по службе было много работы, Д. поступил на рабочий факультет и имел в виду оттуда поступить на медицинский факультет. Учиться он любит и всегда учился хорошо. Собственно его больше влечет к строительной и сельско-хозяйственной технике, но, раз уже судьба поставила его на медицинскую дорогу, он пойдет по ней. Он любит почитать научную книжку, особенно по политическим вопросам. Будучи занят буквально с утра до ночи, он часто чувствовал, что у него в голове как-то все путается и что он повышенно нервен. Особенно трудно было ему в таком состоянии овладеть математикой. В 1923 году он женился; в апреле 1924 года — демобилизовался, но остался на прежнем месте. 20 мая 1924 года он совершил преступление, в котором горячо и искренно раскаивается. В этот день произошло следующее. Около 10 часов вечера К., вернувшись в свою комнату, увидела Д., выходявшего от нее, а свою дочь Нюшу в постели раздетой. На расспросы матери Нюша объяснила, что Д. вошел к ней в комнату, лег с нею на кровать и стал вводить свой половой орган в ее промежность, но она оттолкнула его и стала отговаривать; провозившись с ней минут 5 и заслышав шаги, он поспешил удалиться. Д. признался во всем и заявил, что, увидев раздетую девочку в кровати, он почувствовал половое возбуждение и желание иметь с ней сношение. Он добавил еще нам, что мать этой девочки постоянно приводила к себе любовников, что девочка была посвящена в тайны половых отношений, и ему казалось, что и ей не чужды половые стремления. Д. — человек нервный, довольно бестолковый, склонный к фразерству и некоторой восторженности. Его мышление носит сильную эмоциональную окраску, но работает медленно, при чем у него заметно повышенное преобладание зрительных образов. Лет с 11 — 12 и до последнего времени он занимался онанизмом; и, живя с женщинами, он не оставлял онанизма, в чем откровенно признался и жене. Последняя иногда на его откровенность как-то обижается, но это происходит, по его мнению, от ее малокультурности. Откровенность — необходима, а скрытность и ложь — злейшие враги прогресса человечества. К сожалению, полной откровенности от всех можно будет требовать не так скоро, так лет через 50. В своей жизни он часто влюблялся, но по несчастной случайности он никогда не находился в связи с женщинами, которые ему нравились: предложить им простое сожителство он не решался, а жениться не позволяли внешние обстоятельства. Те же женщины, с которыми он жил, ему, собственно, не нравились: с одной он прожил месяца 2 — 3, с другой — около года. Между

этими двумя связями был промежуток в несколько лет, в течение которых он занимался исключительно онанизмом. Женится он по расчету: не вечно же жить одному, это скучно и тяжело. С женой живет ладно и нередко ревнует ее к прошлому, так как она—вдова.

Психиатрическая экспертиза признала у Д. нервное расстройство на почве врожденной психопатии, с извращениями в области половой сферы. Состояние его вменяемости не исключает. Он был приговорен к лишению свободы на 1½ года с поражением прав на 3 года.

VI.

Как дальнейшие разновидности импульсивных преступников можно отметить:

1. *Искателей легкого избавления от грозящих им опасности или неприятностей.* Сюда относятся люди, у которых есть предрасположение, например, к насилию и т. п., но это предрасположение, так сказать, не созревает окончательно и не проявляется, пока они не очутились перед лицом какой-либо важной в их глазах опасности или перед угрозой более или менее больших неприятностей. Тогда, чтобы оттолкнуть от себя эту опасность или эти неприятности, они совершают преступление. Таковы, например, многие воры, которые в своей воровской деятельности более или менее старательно избегают насилия, но отстреливаются от погони, сопротивляются при аресте и т. д. В этом отношении между ворами наблюдается интересное различие: карманники и типичные домушники «по тихой», проникающие в квартиры без взлома, обыкновенно не сопротивляются, а застигнутые на месте преступления бегут, просят прощенья и т. д. Воры-взломщики нередко отстреливаются, вступают в бой с застигшими их лицами и в этом случае могут совершить убийство. По степени их отрицательного отношения к насильственным действиям, воров можно расположить в ряд, на одном конце которого можно поставить карманников и домушников «по тихой», «парадников», т.-е. крадущих из передних, а на другом — воров, со взломом проникающих в квартиры («домушников — громиль»), воров, обкрадывающих кооперативы, склады, магазины и проникающих туда со взломом, иногда со взломом полов, стен или потолков («шниферов»). Сравнительно реже встречается способность к насилию у первых и сравнительно чаще и резче она выражена у вторых.

Боязнь ответственности явилась движущей причиной преступления, между прочим, в следующем случае.

В ночь с 19 на 20 ноября 1920 года в товарном вагоне поезда ехала из Нижнего-Новгорода группа кубанских казаков на фронт; в числе их были Иван Б., 19 лет, и Григорий К., того же возраста. Оба — холосты. К ним в вагон попросились две незнакомые им женщины с мешками. Такие просьбы со стороны проезжих в то время, вследствие крайне затрудненного железнодорожного дви-

жения, слышались постоянно. Казаки пустили в свой вагон женщин, а когда поезд тронулся, кто-то из них прорезал мешок одной из женщин, оттуда посыпались сухари, которые тут же все и схватили. А затем стали «скидать» женщин, при чем одной из женщин, протестовавшей против истребления ее сухарей, Григорий К. погрозил ножом. За эту историю оба казака и попали в тюрьму. Б. раньше не судился, а К. раньше сидел в тюрьме за кражу часов и некоторых других вещей во время обыска у одного прапорщика. Оба казака малоразвиты: Б. учился в школе 7 месяцев и очень малограмотен, К. кончил школу с 3-летним курсом, но также малограмотен. Нравственные понятия очень мало развиты и у того, и у другого; что дурно, а что хорошо, они плохо разбирают. На вопрос, какой поступок он считает хорошим, Григорий К., после долгого размышления, наконец, усвоив себе смысл вопроса, говорит: «хорошо это — когда на мельнице не ждешь, а скоро отпускают». На аналогичный вопрос о дурном поступке он ответил: «плохо бить брата или сестру». Оба они — люди трезвые, из довольно зажиточных семей, заметно любят деревенскую жизнь и крестьянские работы. Очень привязаны к родителям. Чувства сострадания и уважения к личности у них заметно недоразвиты. Но и у того, и у другого сильно развито уважение к старшим и подчинение отцовскому авторитету. Иван Б. на вопрос, что он вообще считает хорошим, отвечает: «работать и слушаться родных». Этим, видимо, в его представлении исчерпывается область добра. Поступок своего товарища Григория К. он считает плохим, потому что «он пригласил женщин по-хорошему, а потом, скинув их, поступил «по-свински». Про себя говорит, что его оговорили товарищи.

2. Последнюю разновидность, которую я отмечу в пределах первого типа импульсивных преступников, составляют *искатели легкого выхода из материальных затруднений*, состоящих в недостатке денег для удовлетворения более или менее серьезной потребности.¹ Эти материальные затруднения могут быть очень различны: от недостатка денег на сравнительно неважную потребность, удовлетворение которой могло бы быть отсрочено, до действительно тяжелого материального положения. Нужда, в тесном смысле слова, в смысле недостаточного удовлетворения первых потребностей самого преступника или его семьи, потребностей в пище, одежде, жилище или в лечении, вовсе не часто встречается в числе причин преступления. И в тех случаях, когда ее приходилось встречать, она нередко была следствием преступления и отбытого заключения, после которого человеку трудно бывает найти себе место и устроиться. Встречаясь с случаями такой нужды, осязательно чувствуешь неотложную необходимость патронатской

¹ Представителями этой разновидности, между прочим, являются упомянутые в начале этой главы (стр. 119), Петр Иосифович Д. и Владимир Иванович Г.

помощи освобожденным из мест заключения. Вот, для иллюстрации, небольшая статистическая справка относительно материального положения обследованных мною 250 бандитов. Из них в действительной материальной нужде находились 34 человека, 13 — имели значительные средства, а 201 имели необходимое для удовлетворения своих первых потребностей и в нужде, в тесном смысле слова, не были; в двух случаях выяснить имущественное положение, во время преступления, не удалось. Нередко уже из той попойки, которая устраивалась перед нападением, из факта покупки или наличности дорого стоящих револьверов, из приезда на извозчиках на место преступления и т. п. подробностей дела — ясно, что большой нужды у этих бандитов не было и не от нее исходил главный толчок к преступлению.

Вот несколько примеров рассматриваемого типа с выпавшими на долю виновных очень различными по тяжести материальными затруднениями.

Вот, например, два кавалериста, которые в августе 1923 года совершили бандитское нападение, тотчас по возвращении со службы на родину, в Тверскую губернию, из далекого Туркестана. Дорогой они проели свои деньги, один из них, Михаил Григорьевич С., 23 лет., проел все, что у него было, и занял у своего спутника 700 руб. Он надеялся, что у родных достанет денег и отдаст товарищу. Поэтому он предложил последнему заехать к нему в деревню на несколько дней. Тот согласился сделать эту небольшую остановку, тем более, что от этой деревни до того места, куда он ехал, оставалось лишь несколько станций. У жены Михаила денег не оказалось, у родных также. Он пошел с своим товарищем Григорием Л. в другую деревню, к брату. По дороге встретили молодого крестьянина той же деревни, 18 лет, некоего К., который разговорился с ними об их военной службе, совсем ли они приехали и т. д. Михаил попросил у него взаймы 700 руб., тот отказал, но предложил им ограбление, которое они и согласились учинить. Приехали они с военной службы в Москву 11 августа, 12-го уехали из Москвы в деревню Михаила, в ночь на 13-е августа совершили свое бандитское нападение. Сорвав дверь с крючка, они проникли в общежитие детского дома при станции Подсолнечной; угрожая кинжалом и долотом, они связали руки спавшим там двум сестрам и забрали принадлежавшие им вещи. Подговоривший их крестьянин К. стоял на страже, опасаясь войти внутрь, так как его там знали. Третья спавшая там сестра успела незаметно выскочить в окно и поднять тревогу. Заметив приближение людей, К. дважды подал С. и Л. сигнал об окончании и убежал к себе домой. Услышав его сигналы, С. и Л. бросились с вещами бежать и много вещей побросали; не нашли потом 8.000 руб. денег, золотое кольцо и 17 аршин полотна. Пойманные С. и Л. во всем сознались и сообщили, что они колебались и обсуждали предложение, сделанное им К., — напасть на общежитие — в течение часов 3, что К. дал им кинжал, долото и платье,

в котором они были в момент нападения, что он же привел их на место преступления, которое отстояло от местожительства родных С. верст на шесть, что, не встретившись с ним, они никогда не совершили бы этого преступления. К. признался в подстрекательстве, но указал, что он имел провокационную цель предать С. и Л. в руки правосудия. В результате К. приговорен к 6 годам заключения, а С. и Л. — на 4 года каждый.

В условиях жизни и в свойствах С. и Л. много общего. Им обоим по 23 года. Оба они — сыновья достаточных родителей. Оба — здоровы, не обременены наследственностью и никаких признаков душевного расстройства не обнаруживают. Оба окончили сельскую школу, но не имеют никаких умственных интересов и умственно мало развиты. Оба — легкомысленны и являются поклонниками легкой жизни с постоянными развлечениями. Оба — не прочь поживиться тем, что «плохо лежит» и не в состоянии дать моральную и социальную оценку бандитизма. Оба раньше не судились, но на преступный путь, хотя и в первый раз, решились без нравственной борьбы и серьезных колебаний. Оба они женаты и не подумали перед преступлением, как оно отразится на их семьях, к которым они только что вернулись. Оба рассчитывали на безнаказанность и соблазнились перспективой взять на 25 — 30 червонцев добра. Оба — сапожники по профессии и имели в виду часть похищенного истратить на покупку кожи для изготовления обуви по заказам. Наконец, оба они служили в одном и том же кавалерийском полку в Ташкенте, Верном и других городах и оба не раз ходили против басмачей и участвовали в рукопашных схватках. Поводом к преступлению послужило то, что один другому был немного должен. Но кредитор не настаивал на немедленной уплате долга, а должник не очень тяготился отсутствием денег для уплаты. Этот долг послужил лишь небольшим толчком в сторону преступления. Подводчик их К. — 18 с небольшим лет, крестьянин соседней деревни, сын достаточных родителей, холостой. Он окончил сельскую школу и 2 года с небольшим учился в высшем начальном училище. Читал довольно много классиков — Пушкина, Гоголя, Толстого, читать любит. Ученье ему надоело, высшего начального училища он не кончил; так как начался голод, ушел на службу в продовольственный отряд, в котором пробыл 14 месяцев: отбирал излишки у крестьян в Воронежской губернии. В 1921 году к пасхе вернулся со службы домой. В декабре 1921 года и январе 1922 года с месяца служил в продовольственном отряде в своем уезде. Рекомендует себя как человека «с военными способностями», чего на самом деле не было, и говорит, что в данном случае действовал как провокатор, желая впоследствии С. и Л. предать в руки правосудия. В такой роли ничего предосудительного не видит. В общем он представляет собою тип легкомысленного недоучки, с большой путаницей в голове, с желанием поживиться на чужой счет, от плодов совершенного другим преступления.

Материальные затруднения и необходимость достать денег для содержания семьи в достаточном довольстве дали толчок к преступлению двум цыганам барышникам лошадьми, троюродным братьям, впервые осужденным за бандитское нападение, сопровождавшееся покушением на убийство. Дело было так. 4 апреля 1921 года, в одиннадцать часов ночи, один из них—Иван Павлович Г., 36 лет, выстрелил, с умыслом убить, в спину извозчика, на котором они ехали за Спасскую заставу. Другой—Иван Никитич Г., 25 лет,—когда брат сообщил ему о намерении убить извозчика, взять у него деньги, костюм, экипаж и лошадь,—отговаривал от совершения такого преступления, но потом помогал брату в похищении вещей этого извозчика. Оба они происходят из зажиточных цыганских семей, которые имели в г. Кляну свои дома и вели довольно широкую торговлю лошадьми; последняя им, как их отцам и дедам, давала хороший доход. После революции их имущественное положение ухудшилось, но все-таки они нужды, в собственном смысле слова, не знали и продолжали торговать лошадьми. Кроме этого занятия, они знают еще: Иван Павлович—кузнечное дело, а Иван Никитич—шорное. Умственный уровень того и другого невысок: Иван Никитич—совсем безграмотный, а Иван Павлович—учился немного в начальной школе, но ее не кончил; ученье давалось ему трудно, особенно трудно ему была арифметика. Сейчас он подучивается в школе исправдома, учит дроби. Ни тот, ни другой не читали никаких книг и вообще умственных интересов никаких не имели. Память у обоих слабая, у Ивана Никитича—несколько лучше, чем у брата. Все их интересы—в торговле лошадьми и в семейной жизни. Оба они—на вид добродушны, хитры и плутоваты. У обоих есть прочно сложившийся комплекс хищнического приобретения денег. В их конской торговле не все обстояло благополучно,—было много плутовства: они как-то и зубы поджигали лошадям, и разными другими приемами надували покупателей. В этих обманах при продаже лошадей оба не видят ничего дурного и даже удивляются, когда их спрашивают, не считают ли они это—плохим делом: ведь так все делают, так делали их деды и отцы, а они были не хуже их, почему же им этого не делать. В справке о судимости Ивана Павловича есть указание на то, что в 1920 году он был приговорен к концентрационному лагерю на 3 года, а в 1921 году—на 2 года, в виду амнистии—условно; в первый раз—за конокрадство, а во второй—за спекуляцию лошадьми и дезертирство. Иван Никитич также судился за конокрадство. Оба они совершили ряд побегов из концентрационных лагерей. Оба были на военной службе: Иван Павлович был призван в 1915 году, участвовал в бою под Барановичами, где и был контужен воздухом во время разведки, после чего стал плохо слышать. Осенью 1917 года был демобилизован. Иван Никитич на фронте не был, служил в тылу год,—с 1916 по 1917,—после чего

его уволили, так как его ударила лошадь в бок и последний у него разболелся.

Оба они пьяют, Иван Никитич — часто и довольно сильно, при чем пьяный склонен драться, «вспомнить старые грешки жены и постегать ее кнутиком», Иван Павлович — пьет сравнительно редко и не сильно, только во время данного преступления был изрядно выпивши. Отцы их также пили и сильно. У обоих братьев заметны уважение к старшим, особенно к родителям, и признание большой ценности семейной жизни. Оба очень ревнивы, считают неверность жены великим для себя позором. Иван Никитич говорит, что ни за что не простил бы неверности своей жены, а или убил бы ее, или выгнал вон. Он женился 17 лет и скоро овдовел. Теперь он женат вторым браком на молоденькой цыганке 18 лет и очень тоскует о семье в тюрьме. Когда его вели в тюремную больницу, потому что у него вновь разболелся ушибленный бок, он по дороге сбежал, так как «дома жена молодая, не охота в тюрьме сидеть». У Ивана Павловича семейная жизнь не удалась. Первая его жена прожила с ним около 10 лет, прижила 4 детей, но как-то, во время отсутствия мужа, сбежала с другим цыганом. Иван Павлович был в бешенстве и ясно обнаружил свою склонность к насилию; он ездил по округе, грозил убить всякого, кто, зная, где его жена, не скажет ему об этом, но разыскать ее не мог. Тогда он распродал всех лошадей, ликвидировал свое хозяйство в Переяславле, где тогда жил, запил горькую и уехал в Москву и в Клин. Здесь он со своим братом Егором снова занялся торговлей лошаадьми и кое-как оправдился. Вскоре он влюбился в молодую цыганку 22 лет из хора Стрельны и взял ее к себе в жены. Мать его была против этого брака, так как считала его новой женой «белоручкой», с «дворянскими замашками», женщиной, которой нужны будут «мамки да няньки», а на это денег нет. Действительно, содержание новой жены стоило ему много денег, и он испытывал постоянную нужду в последних. Во время его сидения в концентрационном лагере вторая его жена ему изменила, рассорилась с его родными и ушла к другому цыгану. По освобождении он сумел с ней примириться, но должен был поселиться с ней отдельно, а матери давать денег на своих детей от первого брака. Он испытывал острую нужду в деньгах в момент своего убийства.

Материальные затруднения и желание найти временный выход из них сыграли видную роль и в следующем преступлении.

20 декабря 1923 года, в селе Богородском под Москвой, в корпусе общежития для рабочих по постройке железнодорожной ветки к фабрике, была убита жена сторожа этой ветки Варвара Хряпина. Разломанный шкаф и сундук указывали на то, что убийство было совершено с целью похищения имущества. Убийцами сказались сторож той же ветки Григорий Н. и, незадолго до того уволенный за сокращением числа рабочих, чернорабочий Иван Д. Дело было так. Как-то муж убитой — сторож Хряпин, — подвы-

пивши, сказал Григорию *Н.*, что у него есть 15 червонцев, о чем Григорий *Н.* сказал Ивану *Д.*, с которым они месяцев 6 работали вместе по проводке железнодорожной ветки. Работы приходили к концу и началось сокращение рабочих. Приблизительно за неделю до преступления был «сокращен» Иван *Д.*, скоро должен был быть «сокращен» и Григорий *Н.*, о чем он уже знал. Зная, что у сторожа Хряпина скоплено 15 червонцев, они решили убить жену Хряпина, в отсутствие ее мужа, и похитить эти деньги. Григорий *Н.* говорит, что мысль об убийстве подал Иван: «Гришка, — сказал он, у Хряпина деньги есть, пойдём, убьём». . . Иван утверждает, что инициатива принадлежала Григорию, который раньше еще предлагал убить Хряпину другому рабочему — *Ж.*, а когда тот отказался, обратился с тем же предложением к Ивану. Показание рабочего *Ж.* заставляет думать, что так и было. Уговорились совершить убийство дня за два; при чем по уговору Григорий должен был набросить на Хряпину одеяло или что-нибудь подобное, а Иван — убить ее топором. Так как Григорий раньше жил в той же казарме, где помещались Хряпины, то он хорошо знал наличность у них топора, время отсутствия Хряпина и других, живущих в той же казарме, вообще всю обстановку, при которой придется действовать. На преступление пошли вместе, часа в 2 дня; по дороге Иван *Д.* остановился и довольно долго беседовал с каким-то «земляком», а Григорий *Н.* тем временем забежал в чайную, с похмелья выпить 2 бутылки пива. Третьей бутылки он пить не стал из экономии, хотя деньги у него были; по его словам у него тогда было 16 тысяч рублей, что в то время составляло не такую уже маленькую сумму. Итти им пришлось с пол-версты. Григорий последнее время жил в другой казарме, находившейся от местожительства Хряпиных приблизительно в указанном расстоянии. Иван *Д.* с Хряпиным был едва знаком, Хряпину до преступления видел лишь раз и то издали. Григорий, как прежний сожитель Хряпиных по казарме, знал их хорошо, ни в каких особых отношениях к ним не находился и никогда с ними не ссорился; раз как-то только Хряпин обыграл его в карты, но никакой ссоры и вражды по этому поводу между ними не было. В день убийства Григорий вошел в избу первый и стал беседовать с Хряпиной как гость, расспрашивал о том, как они праздновали Николин день и т. п. Иван *Д.* вошел минут через 10 — 15 — 20 и присоединился к их беседе, при чем сказал, что он зашел к Хряпину с целью поговорить по поводу одной «спекуляции», о которой они будто бы раньше с ним говорили. Побеседовав некоторое время — с час или полтора — приятели стали друг другу подмаргивать, указывая один другому, что пора приступать к выполнению намеченного. Но в течение некоторого времени начать выполнение плана не решались. Григорий говорит, что Хряпина как будто что-то забеспокоилась, отошла от них несколько и полулегла на стоявшую недалеко невысокую печку, сказав, что холодно. Иван *Д.* все «под-

маргивал» Григорию; последний, наконец, собрался с духом, быстро набросил на Хряпину бывший около пиджак ее мужа, а Иван раза 3 ударил ее изо всех сил стоявшим около печки колуном. Она и не вскрикнула. Григорий говорит, что, набросив пиджак, он отвернулся, так как не хотел видеть, «как бьют человека», однако заметил, что Иван нанес 2 или 3 удара с большой силой и очень быстро. Отвернулся он и потому, что боялся увидеть кровь, которой очень не лобит. «Я, — говорит он, — если самостоятельно кровь увижу, то такая приторность является, кушать не могу». Свою кровь он может видеть без особой «приторности». Но к чужой крови, несмотря на то, что на войне видел не мало раненых, он привыкнуть не мог. Притом, он очень боится покойников. Совершив задуманное, убийцы принялись за имущество. Иван набрал мешок разного добра: сапоги, кое-что из платья и белья и ушел с мешком в одну дверь, а Григорий, найдя шкатулку, где были червонцы, вышел в кухню, там разбил эту шкатулку и вынул червонцы, которых, по его словам, оказалось 8, а Иван утверждает, что было 9 и один червонец утаен Григорием. Он утверждает также, что Григорий набрал еще с мешок добра и исчез с ним в другую дверь. Они ушли врозь, чтобы не возбудить подозрений, так сказать, из соображений большей безопасности. Григорий утверждает, что, опасаясь быть замеченным, он ушел с одними червонцами, так как его в этой местности все знали и нести что-нибудь ему было опасно. Как бы то ни было, убийцы скрылись и были арестованы лишь через несколько дней. Ушли они с места преступления уже в пятом часу, когда становилось темно. Григорий Н. с убийства вернулся в свое общежитие и, так как там в это время был парикмахер, то побрился и постригся и пошел на дежурство. Когда он стоял на дежурстве, ему сообщили: «Слышал, Хряпину убили?». «Я, — говорит он, — и виду не подал». «Стоял, ветку охранял». «Только слышу, как будто кто из лесу кричит: «Гриша!» Глядь, нет никого». Два дня после убийства он волновался, спал плохо, видел неприятные сны, будто утопает в болоте, видел и убитую. «Для успокоения пил самогон», но не помогало. Через два дня его арестовали, как раз в день, когда он получил расчет и был уволен от службы. Когда он вернулся с получкой, ему сказали: «За тобой приезжали в автомобиле». Сначала он, испугавшись, спрятался за кадкой, но потом решил, что все равно найдут, и когда агенты розыска явились, он уже не прятался. Сначала при обыске у него червонцев не нашли, но потом оказалось, что он привязал их к половому органу.

Имея в виду, что один из убийц был уже уволен, а другой — намечен к увольнению, о чем он знал, нельзя не признать, что материальное положение их было плохое, хотя нужды, в тесном смысле, еще не было. Оба они имели пристанище у своих родных в деревне и все необходимое. У Григория, в самый момент преступления, было 16 тысяч, так что он не стеснялся выпить 2 бутылки пива;

в перспективе у него была скорая получка. Про свое преступление Григорий говорит: «Сделал великую ошибку». «Такая пала мысль, в заблуждении был». «Сам теперь не понимаю». «У меня не было белья, нужны были деньги для поддержания жизни: хотел поступить на другое место, на фабрику в верстах 70 от Москвы, без денег нельзя было, нужно было для этого кое-кому подсунуть, а у меня денег было мало»... «Думал и домой ехать в деревню, и здесь остаться». «Если бы в деревню приехал, отец бы сказал: что же, жил, жил, а денег не привез»... «Сделал очень плохо, большое преступление, у человека жизнь отнял»... «Человек без ошибки не может пробыть». «Это моя великая ошибка»... «Человека втянуло в алкоголь»... Во всех этих его объяснениях ясно сквозит его собственное сознание, что «без ошибки» можно было обойтись, что, хотя была нехватка денег, но не было ничего такого, что говорило бы о действительной нужде; выход был простой и нетрудный: ехать в деревню, поручив приятелям известить его о месте, когда последнее представится, или поехать за 70 верст на фабрику и попытаться устроиться там на место, без «подсовывания». К чему привела бы эта попытка, неизвестно, во всяком случае до нее прибегать к такому преступлению никакой нужды не было. Иван Д. также мог ехать в деревню, родные его даже звали, но он находил, что «зимой в деревне делать нечего», и боялся, что его родители женят, а он жениться не хотел и из власти родительской выйти не смел. Обращаясь к фактам, рисующим прошлое наших героев, их нравственный облик и семейные условия, узнаем следующее.

Григорий Н. происходит из крестьян Смоленской губернии, родился в 1895 году. Его родители живы и занимаются крестьянским хозяйством. Живут они, по словам Григория, не богато; у них есть и лошадь, и корова, но хлеба на весь год не хватает. Кроме Григория в семье есть еще брат и две сестры моложе его. Отец его когда-то работал в Ленинграде на заводе, а затем осел в деревне, пьет запоем, часто скандалит, очень горяч, иногда бьет жену. Григорий окончил сельскую школу, учился «так себе»; сравнительно более его интересовала и легче ему давалась арифметика. Вообще его интересует только то, что приносит непосредственную практическую пользу. Книжку с таким непосредственно полезным содержанием он не прочь почитать, но вследствие близорукости читает редко и мало. Романов он не читает, потому что, по его мнению, «романы читать можно, когда есть достаток», интересуется больше книгами, в которых «больше из жизни». Собственных романов у него никогда не было; имел лишь мимолетные половые связи с деревенскими девками, то с одной, то с другой. Выпить любит. «Пью, говорит он, когда есть, приходилось часто и сильно выпивать». В пьяном виде не буянит, но становится весел и очень разговорчив. Судился он лишь раз «за самогонку» и был приговорен к штрафу. Драться ему в жизни никогда

не приходилось. Если же его кто бил, то он держался всегда такого правила: «если ударивший здоровее, — спускал, а если слабее, — сдачи сдавал». В семье ни с кем не ссорился. У отца он не любивый, отец его своим не признает и нередко «давал ему по шапке». Но он всегда думал, что на это он не должен обращать внимания и отцу дерзостей говорить нельзя: «а не то он из дому выгонит». Мать и сестер Григорий любит, к остальным членам семьи — довольно равнодушен. С 1915 года он был на военной службе, по конец 1917 г.; в перестрелке бывал и стрелял по врагу издали; в атаках бывать не приходилось. С 1918 года по 15 августа 1921 года служил в красной армии и участвовал в боях на польском фронте. В конце 1922 года поехал в Москву работать. Ремесла он никакого не знает. Служил чернорабочим. Никаких наладов, которые мешали бы ему вернуться в деревню и пережить там трудное время, не было, одежда и обувь у него были, деньги на проезд также были. Даже если предположить, что своим приездом он доставил бы своей семье, особенно отцу, некоторую неприятность, то ведь преступлением он, несомненно, доставил еще большую. Он сам понимает, что семье тяжело будет узнать о его преступлении. «Сплю плохо, — говорит он, — д садию на себя за свою ошибку». «Стыдно будет, когда узнают в деревне». «Писать домой ничего не хочу, мать узнает, просто с ума сойдет». Итак, ехать он в деревню мог и, во всяком случае, своим преступлением он доставил гораздо более неприятности, чем мог бы доставить своим появлением в качестве безработного, да и работу себе в деревне он мог бы найти. Все дело в том, что его соблазнили 15 червонцев, хотелось из них получить половину, чтобы увеличить свой бюджет, а там видно бы стало, что делать; очень вероятно, что некоторое время ничего делать бы не стал, а сначала попил бы всласть, а потом уже поехал бы в деревню. Интересно отметить, что, решаясь на убийство, он никакой твердо поставленной цели не имел: ехать ли в деревню или искать место и «подсовывать» кое-кому. Он откровенно сознается, что это он потом бы решил, может-быть так, а может-быть и этак, деньги же нужны были и для того, и для другого. Григорий Н. — человек сухой, черствый, с эгоцентрическим складом характера. Алкоголик. Он ценит и понимает только непосредственную практическую пользу и последнюю постоянно принимает в расчет. Ему нравится только непосредственно для него полезное, служащее приятному удовлетворению его органических потребностей; и как скоро его сознанию представится возможность получить такую непосредственную для себя пользу, он не останавливается даже перед убийством. На последнее он решился без всяких колебаний, без какой-либо нравственной борьбы: нехватка денег в данный момент и представление возможности получить 7½ червонцев, — вот единственные движущие силы его преступления. Совершенное кажется ему только «ошибкой», и если он считает его плохим, то потому, что в деревне за

это осудят. Никакого сожаления к убитой, никакого внутреннего возмущения самым фактом убийства незащитной женщины, про которую он ничего плохого сказать не может и которая ему ничего не сделала! Только страх покойников и нерасположение к виду крови заставили его подыскать себе сотоварища, который выполнил бы самый акт убийства. Эта моральная нечувствительность, то, что я называю моральной имбецильностью, выражена у него очень ясно. У него есть некоторая привязанность к матери, не настолько большая, однако, чтобы подумать о страданиях матери перед преступлением, но кое-какая любовь к матери есть; заметны и следы некоторой любви к сестрам, — и только. Более этот человек ни к кому симпатии не питает, ко всем остальным глубоко равнодушен. Интересно отметить еще яркой чертой проходящий через его жизнь расчетливый гедонизм. Он любит выпить, но на выпивку тратит лишь часть наличных сумм, потому что иначе потом не на что будет выпить, да и вообще все тратить нельзя; и он воздерживается от третьей бутылки пива, хотя ему выпить хотелось. Он не прочь вступать в половые сношения с женщинами, но лучше с разными, в связи мимолетные, не заводя продолжительных отношений, «а то еще привяжется». Он очень любит поиграть в картишки — 21, но раз сильно проигрался, проиграл сапоги и перестал играть, придя к такому выводу о карточной игре: «последний человек, — кто в карты играет, все проигрывают». . . И эта расчетливость проявляется во всех его суждениях. Он осуждает кражу потому лишь, что сидеть в тюрьме неприятно. Украсть все же лучше, по его мнению, чем убить: у человека взяли вещи — он может еще нажить, а у убитого жизнь отнимают. Таков первый убийца этой кровавой драмы.

Его соучастник — Иван Д. несколько моложе его, ему 19 лет, в лице у него есть что-то детское. На руке, между большим и указательным пальцем, татуировка: якорь. Родители его — крестьяне и занимаются крестьянским хозяйством. Кроме него, у родителей есть еще один сын 14 лет. Таким образом, семья их состоит из 4 человек. Отец его — человек тихий и мало пьющий; с матерью он почти не ссорился и не дрался, выпивал лишь иногда по праздникам, детей бил мало, только иногда стегал Ивана ремнем и всегда за дело. Иван также человек тихий; говорит, что обижать ему никого, сколько помнит, не приходилось. Он окончил сельскую школу и после этого еще год пробыл в училище в г. Михайлове; дальнейшему учению воспрепятствовал недостаток средств. Память у него хорошая, учился он недурно; особенно его интересовала русская история. К родителям Иван относится почтительно и отношения у него с ними хорошие. В 1919 году, он, из-за пайка, поступил добровольцем в армию, побывал на войне, в атаках не участвовал, но в перестрелке бывал много раз, при чем в кого стрелял — не видел, «в прицел не брал», а стрелял, потому что приказывали. В 1920 году болел тифом и дизентерией, теперь здоров.

Пить он пил всего несколько раз. Водки не пил; раз, выпив самогонки, был совсем пьян. «Пристрастия, по его выражению, к алкоголю не имеет». Умственных интересов, как и у его соучастника, у него нет никаких. Читать не любит; «романов не обожает», потому что в них все пишут про женщин, а он — женофоб. Желает читать «про планету»... Половое влечение у него по временам к женщинам бывает, но это не мешает ему в общем их «ненавидеть», и в этой ненависти есть что-то ребячески-мальчишеское. Признаков склонности к гомосексуализму незаметно. Сильно побаивается, как бы родители его не женили, а из воли их он выйти не решится. Отчасти поэтому он не желает ехать в деревню и долго оставаться там. 26 августа 1923 года он уехал в Москву работать, поступил на железнодорожную ветку и работал вместе с Григорием Н. Отец писал ему из деревни, что прослышал, будто сыну плохо живется в городе, и, если это так, то пусть приезжает домой и, во всяком случае, «избегает плохих людей». «Не подчинился я, дурашливая башка», — говорит про себя Иван. «Дело такое вышло, недели 3 как уволили, деньги прожил, а тут Гришка говорит: у Хряпиной 12 червонцев, давай уьем». . . Он сознается, что у него были знакомые, у которых он мог на дорогу занять. Знакомые говорили ему, что верстах в 70 от Москвы можно было бы место получить. Думал и домой поехать, и решил поехать на Рождество, но и не хотелось ему временами ехать: «что делать в деревне зимой»? Побоялся, что и женить его родители могут. На преступление его пригласил Григорий Н., который будто бы раньше предлагал ему стащить пишущую машину у инженера, но он на это не согласился. Однако на данное убийство он согласился сразу, без борьбы и колебаний. Когда тот сказал: «у Хряпина 12 червонцев есть, давай, уьем Хряпина»... он сразу согласился, и они вместе в общих чертах наметили план убийства. В условленное время он зашел к Григорию Н., который в то время спал пьяный, разбудил его и, чтобы отвести глаза присутствовавшим жильцам казармы, сказал: «поедем, Гриша, в Москву». Тот понял намек, встал и они пошли. Во время беседы с Хряпиной у него мелькала мысль уйти бы, «провались они, червонцы», но он не ушел, и когда Григорий набросил на Хряпину пиджак и сказал ему: «ну, действуй», он быстро нанес ей не то два, не то три удара. Всю обстановку происшествия, фигуру и позу убитой хорошо разглядел и помнит, как она перешла на печку, что на ней был белый платок, помнит ее лицо, помнит, что она была старая. О преступлении вспоминает без особых усилий, но с неприятным чувством. К убитой он относится и относился безразлично, почти не знал ее, видел всего один раз и то издали. Покойников он не боится, кровь особенного впечатления на него не производит; после нанесенных им ударов крови не заметил, сейчас же принялся тащить имущество, при чем во все время убийства волновался, — «как на ходенях ходил», — набрал имущества и негодного, напр., взял два сапога

от разных пар, один хромовый, другой — какой-то старый. О своем преступлении он плохого мнения, потому что оно — «позорный поступок». «Теперь себя замарал. Обо мне, — говорит он, — вся деревня отнесется: тихий мальчик». «А теперь будут говорить: разбойник, каторжник». «Теперь мне веры не будет». Украсть, по его мнению, менее позорно, гораздо лучше; украсть у Хрятина червонцы он бы согласен, а убивать не следовало, — позорное дело: «по этому преступлению, говорит он, согласно закона, бить надо». «Должен нести наказание, так как сделал позорный поступок».

Не трудно заметить, что все указанные разновидности импульсивного типа близки друг к другу и часто переплетаются в том смысле, что у одного и того же субъекта мы наблюдаем склонности, характерные для разных разновидностей. В таком случае его приходится относить к той разновидности, черты которой у него выражены резче всего. Различение этих разновидностей и отнесение субъекта к той или иной из них имеет, однако, несомненное значение, так как фиксирует внимание на тех, именно, элементах конституции личности, которые имеют наибольшее криминогенное значение.

VII.

Перехожу теперь ко второму основному типу импульсивных преступников, к тем, у которых сложилась уже склонность к образу жизни, более или менее резко уклоняющемуся от трудовой жизни и приспособленному к тому, чтобы доставлять субъекту те чувственные удовольствия, к которым у него имеются особые склонности. У этих преступников представление известного образа жизни, с его особыми требованиями, выступает как особая мотивирующая сила, подкрепляющая их предрасположение к преступлению и распространяющая его на все те поступки, которыми поддерживается данный образ жизни. У преступников этого второго типа мы встречаем те же склонности, что и у описанных выше разновидностей, но подкрепленные большею или меньшею привязанностью к нетрудовому образу жизни. При этом у них чаще встречается совмещение у одного субъекта характерных свойств отдельных разновидностей импульсивного типа с преобладанием тех или иных из них.

В пределах этого второго типа импульсивных преступников я различаю две разновидности: 1) лиц с наметившейся деклассацией и 2) деклассированных. Процесс деклассации первых еще не закончился, а только наметился и идет; они не порвали еще окончательно с нормальным, трудовым существованием и, так сказать, одной ногой стоят на трудовом пути, но не сегодня, так завтра они окончательно порвут с ним. У носителей второй разновидности процесс деклассации уже закончился. Но и начало деклассации практически очень важно отметить. К лицам с наметившейся и закон-

чившейся деклассацией принадлежит громадное большинство импульсивных криминолоидов и профессионалов. В пределах каждого из этих видовых типов надо различать еще моральных дегенератов от лиц лишь с чертами морального недоразвития, алкоголиков, эпилептиков, истериков, вообще невропатов — от неалкоголиков и людей, вполне здоровых в нервном отношении. Затем, не лишено интереса отметить, что именно особенно привлекает субъекта в нетрудовом, паразитарном образе жизни: возможность ли неограниченных половых удовольствий и излишеств, злоупотребление наркотиком, алкоголизм, кокаинизм и т. п., или просто беззаботное прозябание изо дня в день, без какой-либо дисциплины и труда, с возможностью предаваться лени, азартным играм и т. д. Сначала остановлюсь на преступниках с наметившейся деклассацией, но все-таки еще кое-чем привязанных к трудовой жизни. Вот один из примеров этого рода состояния.

Влас Васильевич Б., 23 лет, и Николай Николаевич Д., 22 лет, познакомились на вокзале и уговорились вместе напасть на сторожку около станции Бескудниково, Савеловской железной дороги. В сторожке в это время находилась одна гражданка Люляева. Придя к ней часов в 12 дня, 9 октября 1923 года, наши молодцы сначала попросили у нее хлеба, а затем, получив отказ, повалили ее на пол и стали душить. Один из бандитов ударил Люляеву несколько раз стоявшим рядом колуном и нанес ей 5 тяжелых ран, от которых она тут же потеряла сознание. Затем, бандиты собрали находившееся в сторожке имущество в принесенный с собою мешок и попытались скрыться. Но один из них — Д. — был задержан погнавшим за ним братом потерпевшей и несколькими работавшими в поле крестьянами. Б. успел скрыться, но вскоре был задержан в Москве. В преступлении оба сознались и подвергнуты в наказание за него заключению на 4 года каждый с поражением прав на 3 года.

Оба героя этой драмы — русские и имеют по одной судимости за кражи. Оба — холосты. Оба не знают никакого ремесла и не имели постоянной работы, а пробивались случайным, поденным заработком на железной дороге, разгружая вагоны,нося пассажирам вещи и т. д. В день преступления Б. стоял утром на вокзале и ждал прихода пассажирского поезда. К нему подошел Д., заговорил с ним и предложил пойти украсть или ограбить, говоря, что «так больше выработаем». Оба они в данный момент были трезвы. Кокаина не нюхает ни тот, ни другой. Д. утверждает также, что он и не пьет ничего никогда. Б. признается, что пьет, но не сильно, «так себе» и редко. Д. играл более активную роль в преступлении: он повел Б. в сторожку, он и наносил Люляевой удары колуном.

Николай Д. происходит из бедной крестьянской семьи, которая жила в Слонимском уезде, Гродненской губернии, занимаясь крестьянским хозяйством. Отец, кроме того, прирабатывал на заводе

в качестве чернорабочего. Детей в семье было трое. У Николая два брата, из которых один — старше, а другой — моложе его. Отец его пил мало и редко, с женой не дрался, детей бил, но редко и только «за дело». Характер у отца — злой и раздражительный. Несмотря на это, семья жила довольно дружно и особого разлада в ней не было. В 1915 году ей пришлось, при отступлении русской армии, бежать, и она переселилась в Гомель. Здесь, верстах в 50 от города, отец получил участок земли и кое-как устроился; хотя и бедно жили, но имели свою лошадь, корову, телку и несколько овец. Николай и его младший брат попали на казен-

Бандиты Д. и Б. убийцы Любавской.

ный счет в гимназию, но проучился там очень недолго. Николай утверждает, что дошел в гомельской гимназии до 5 класса, но при проверке его знаний оказалось такое полное отсутствие всяких следов гимназического образования, незнание даже названий предметов, которые он должен был изучать в третьем или четвертом классе, что в лживости его уверения, будто он прошел 4 класса гимназии, не остается ни малейшего сомнения. Его образовательный уровень очень низок, он очень малограмотен. Учился, по собственному признанию, неважно. Умственных интересов не имеет никаких; из литературы кое-что читал в тюрьме: русские сказки, некоторые рассказы Гоголя и Тургенева. Умственно он развит мало, его мышление работает медленно и вяло, с эмоциональной окраской злобного характера. Он — зол, раздражителен, мстителен и жесток, склонен к выражению раздражения в насильствен-

ных формах, повидимому, притом, самолюбив, довольно хитер и очень лжив; в разговоре часто противоречит себе. Его узкое лицо, с злыми, серыми глазами, с небольшим, несколько вздернутым вверх носом, бледное и довольно угрюмое, производит неприятное, отталкивающее впечатление. Покончив с школьными занятиями, которые его несколько не привлекали, он одно время торговал папиросами и газетами, а в 1918 году, по уговору старшего брата, поступил добровольцем в армию, сражался в Сибири против Колчака, под Петроградом — против Юденича, участвовал в усмирении Кронштадтского бунта, в боях против Антонова и против Врангеля. На фронте пробыл около 4 лет, в боях участвовал часто, участвовал не раз и в штыковых атаках. Сначала бывало страшно, бывали случаи, что он убегал с линии, но потом привык. Бывали случаи, что он добивал раненых. Об одном таком случае он вспоминает не без удовольствия: один раненый поляк долго отстреливался ручными гранатами и Д., сильно разозлившись, с удовольствием его приколол штыком, при чем находит, что процесс втыкания штыка в тело малозаметен и что убить человека вообще ничего не стоит, однако «у всякого есть жалость» и у него, — как у других. За время своей военной службы Д. болел малярией, дважды был ранен пулями, один раз в голень, другой — в бедро и однажды — сильно контужен под Кронштадтом. После этой контузии он вылежал более 2 месяцев и стал страдать эпилептическими припадками. О военной службе он в общем сохранил недурное воспоминание, только к виду крови он привыкнуть не мог, и она на него всегда производила неприятное впечатление. Его товарищ по преступлению — Б. — рисует его как человека очень злого и рассказывает, что он бил Люляеву топором с большим ожесточением, «даже зубами скрипел». В его прошлом есть один условный приговор к шестимесячному заключению за кражу, в 1922 г., один привод за дезертирство в 1923 году и приговор за дезертирство к 6 месяцам лишения свободы в 1923 году. По поводу истории этих преступлений он дает какие-то путанные и противоречивые объяснения, из которых ясно только одно: в 1922 году он украл у кого-то белье, его догнали, избили и арестовали; его дезертирство также не было случайным опозданием из отпуска, как он хочет представить, а было сознательным уклонением от военной службы. Он производит впечатление человека опустившегося и совершенно обленившегося, отбившегося от своей семьи, которая, повидимому, порвала с ним всякую связь, безнадежно махнув на него рукой; да и он о семье мало вспоминает. Центральным признаком его является склонность к выражению злобного раздражения в насильственных формах и к бесшабашной жизни, без плана и регулярного труда, со скитанием по улицам и притонам большого города, с удовлетворением своих органических потребностей то путем милостыни, то путем недлительной и неутомительной случайной работы, в роде носки пассажирских вещей,

то путем преступления. Он совершил лишь одно бандитское нападение с убийством Люляевой, но в нем чувствуется уже профессионал-бандит, рождающийся из криминалоида. Самое пребывание его в Москве имеет, в сущности, лишь одно основание: желание ютиться в притонах этого большого города незамеченным, изо дня в день пробиваясь то преступлением, то милостыней, то случайным заработком. Он — нравственный имбецилл, приближающийся к состоянию полного нравственного вырождения. Он нравственно изуродован атмосферой войны, в которой протекала его юная жизнь. Он не имеет ни особого пристрастия к женскому полу, с женщинами имел лишь нечастые, мимолетные половые связи, не вступая ни с кем в сколько-нибудь продолжительное сожительство и никого не любя. У него нет любви к нарядам, хотя он не прочь иметь хороший костюм; но для добывания его особых усилий прилагать не станет. Он не особенно любит вечеринки, редко танцует, не любит карт. Более других развлечений ему нравятся кинематограф и пойти поухаживать за женщинами, но и к этим развлечениям его не очень тянет, они кажутся ему лишь сравнительно более привлекательными. Убийство он осуждает, осуждает и свой поступок, но делает это холодно, без живого раскаяния, без сожаления об убитой женщине: его осуждение есть лишь слово, с которым в его эмоциональной сфере не связывается отражения, способного удерживать его от таких насильственных поступков. Он холоден, жесток и чувственно-эгоцентричен.

Его товарищ по преступлению — Влас Б. — несколько иного склада. История его жизни, в немногих словах, такова. Родители его — бедные крестьяне Харьковской губернии, Изюмского уезда. Отец его умер в 1912 году, мать — в 1918 году. Родители часто и сильно ссорились. Отец сильно пил и постоянно бил мать и детей, которых было 5 человек, три сына и две дочери. Влас не любил отца и имел тяжелое детство, из которого в его памяти сохранились тяжелая работа и постоянные побои. После смерти отца мать вторично вышла замуж; и Власу жилось гораздо лучше: материальное положение семьи улучшилось и постоянные побои прекратились. Отношения с отчимом до смерти матери были недурны, но, когда мать умерла, отчим прогнал его и братьев из дому. Учился Влас в сельской школе, ходить в нее не любил, ленился и обладал плохой памятью; мать часто прогоняла его в школу, но он не всегда ее слушал. Умственных интересов у него нет никаких, читать не любит. После того, как отчим выгнал его из дому, Б. поступил в сельские рабочие. В 1919 году «белые» взяли его к себе с повозкою в обоз, затем увезли в Крым, а после эвакуировали в Турцию. Из Турции он попал во Францию, поступил в «иностраный легион» и был отправлен в Африку, а оттуда — в Сирию. За полуторагодовую службу в легионе Б. скопил порядочно денег и мечтал на них, по возвращении домой, купить земли и завести хорошее

хозяйство. Надо заметить, что в легионе он служил хорошо и за усердную службу получил нашивки. Однако стремление на родину заставило его бежать, и он, вместе с 15 другими товарищами разных национальностей, с солидной суммой золотых монет, с золотыми часами и с некоторыми другими вещами пустился в бегство. Дорогой их дочиста ограбили арабы. Оставшись без ничего, он с большим трудом добрался до Турции, а оттуда — в Батум. Здесь он попал в тюрьму, как белогвардеец, а затем был отправлен в Нижний-Новгород. Отбыв 6 месяцев заключения, он кое-как дотащился до Москвы и здесь находил себе кое-какую работу на железной дороге — грузил и разгружал вагоны, носил пассажирам вещи, а иногда — нищенствовал, нередко — голодал. В 1923 году был осужден за кражу белья на 6 месяцев заключения. В злополучное утро 9 октября он стоял на вокзале и ждал прихода пассажирского поезда. К нему подошел Д. и предложил идти на грабеж. Он сперва возразил ему, а потом согласился, но никак не предполагал, что будет убийство. Первый бросился на Люляеву Д., стал ее душить и велел Б. держать ее. Люляева отбивалась и кричала «караул». Неожиданно Д. схватил топор и стал наносить удары. Б. категорически осуждает убийство. Ему не приходилось даже скотину убивать. Никакая нужда, по его мнению, оправдать убийства не может. На фронте он не был, раненых и крови не видел. По природе он человек не злой, добродушный, не злопамятный, сдержанный, никогда не дрался и храбростью не отличается. Во время преступления сильно волновался и испугался. Один такого преступления он никак совершить бы не мог. Из других черт его характера заслуживает упоминания его любовь к красивым нарядам, особенное внимание, как на часть туалета, он обращает на сапоги. Вечеринок, карт и ухаживания за женщинами не любит; имел лишь мимолетные связи с проститутками и то редко. Не прочь выпить в трактире, но, по недостатку средств, позволял это себе редко. Что касается видов на будущее, то желает уехать на родину, в Харьковскую губернию, и там, при поддержке двоюродных братьев, завести свое крестьянское хозяйство. «Умру, — говорит он, — а больше воровать не буду». Сравнивая его с Д. и принимая во внимание, что он не воспользовался возможностью добраться на родину так же, как он добрался до Москвы, вспоминая его судимость за кражу, его следует признать импульсивным криминологом со склонностью к бесшабашной жизни и к хищническому добыванию средств для нее.

Вот еще один представитель той же разновидности, но у него к упомянутым склонностям присоединилась склонность к наркотикам.

Иван Васильевич Г., 32 лет, русский, из мещан Сергиевского посада. Его отец — фельдшер — пил запоем и страдал туберкулезом. Мать — эпилептичка. Семья жила бедно на небольшое жалованье отца. Из 9 человек детей 2 умерло в раннем детстве,

а 3 — взрослыми, при чем один из них от оспы, 1 — от туберкулеза и 1 покончил самоубийством. Иван Васильевич учился в Сергиевской гимназии и, дойдя до 6 класса, оставил ее из-за недостатка средств, пытался сдать при округе экзамен на городского учителя, за 6 классов гимназии, но провалился. Оставив ученье, он поступил на фабрику Келлера конторщиком и одновременно стал учиться на бухгалтерских курсах, которые и кончил. Но устроиться на бухгалтерскую службу ему не удалось, а места у Келлера он лишился, вероятно, потому, что стал сильно пить. Еще 14 лет он потихоньку начал таскать из аптеки спирт, а во время службы у Келлера пил уже сильно. Лишившись места, он до 1913 года жил уроками, а в этом году был призван на военную службу. С 1914 года по 1916 год он был на фронте, но работал, главным образом, в канцелярии артиллерийской бригады. Военная служба оставила у него хорошее впечатление: сначала немного жутко, «а потом чувство притупляется». В 1916 году он получил контузию, в результате которой 3 недели не говорил, потерял ряд зубов, и у него некоторое время было трясение головы и припадки эпилептического характера; все это впоследствии прошло, повторяются только головокружения, но без потери сознания. После контузии он был направлен в Бобруйск в качестве чиновника военного ведомства. При Керенском он был выбран командиром рабочего батальона, который вскоре был расформирован. После октябрьской революции у него начинается бесконечная смена мест: он служил в штабе военного округа в Москве, в земском и городском союзе в 1918 году, в городском совете народного хозяйства, а в 1919 году поступил добровольцем в Красную армию, служил в полевом штабе и в центровоентрудкомиссии. В октябре 1921 года был демобилизован и поступил на службу в наркомпрод. К этому времени относится его первая судимость: он зашел как-то на службу к брату, который поручил ему вынести с места службы партию резиновых подошв. За это он был приговорен тогда к 3 месяцам принудительных работ. Нужды он в это время никакой не знал. Еще в 1918 году он женился, и жена его, работая в качестве парикмахера, хорошо зарабатывала. Его семейная жизнь продолжалась с 1918 по 1922 год, когда жена с ним развелась, по его словам, из-за тещи, с которой он не ладил, и по материальным соображениям. После развода с женой он запил горькую и пил все время. С женщинами он сходил мало, а сейчас половой потребности не чувствует и считает себя совершенно бессильным, прежде же обладал средней половой силой. Начал вступать в связи с женщинами с 15 лет и считает, что всегда был в половом отношении человеком сдержанным, особой пылкости не обнаруживал. Жену он любил и любит до сих пор. Говорит, что за время семейной жизни он избегал даже наркотиков, к которым пристрастился раньше, — алкоголя, кокаина и морфия. Больше всего ему нравится алкоголь. От кокаина у него наступало удрученное состояние и появлялась

даже мания преследования; под влиянием кокаина он избегал женщин и становился, по его выражению, как бы деревянным. Кокаин он начал употреблять потому, что в то время нельзя было достать алкоголя. От кокаина он старался отучить себя при помощи морфия, который действовал на него, напротив, возбуждающе. После развода с женой он окончательно предался пьянству. В последнее время — в 1923 году — он служил в Подосинках делопроизводителем в авиационной части и постоянно пил и на свой, и на чужой счет. . . С упразднением должности лишился места. После этого у него бывали лишь на короткий срок места переписчика и случайный заработок на железной дороге, по нагрузке и разгрузке вагонов. Случалось день-другой и голодать. Однако, кокаина он не бросал. Ночуя в Ермаковском ночлежном доме, он всегда доставал там кокаин, даже без денег; поэтому его и тянуло туда. Там он познакомился и с соучастником своего последнего преступления К., который несколько раз говорил: «хоть бы придушить кого-нибудь, только бы достать денег». Под влиянием этих разговоров и у него стала вертеться в голове мысль о преступлении. По обсуждении этой мысли он «предпочел аферу, как способ более чистый и безопасный». Ему вспомнилась одна дальняя родственница жены брата — Телицына, — о которой он знал, что муж ее умер, а сын за границей служит в иностранном легионе. Старушка жила одна в Сергиеве и по соображениям Г-на должна была иметь много ценностей и денег. Он решил выманить у нее деньги следующим образом: написал подложное письмо от ее сына, и, основываясь на этом письме, хотел просить у старухи денег для сына, якобы вернувшегося из-за границы и находящегося в Ташкенте в ожидании денег. Убийства не предполагалось. Но возможность открытого нападения, в случае неудачи с письмом, предполагалась; иначе незачем было брать с собой К. Это подтверждается и ответом Г-на на вопрос: «а что если бы ему не была известна Телицына?» Он ответил: — «Масса таких старичков и старушек, которые сами сидят и другим ничего не дают». Телицына была богата, «у нее еще человек на 50 хватило бы», так что колебаний у него не было. Только уже в доме у нее появились колебания, показалось как-будто неблагородно, да перспектива остаться снова ни с чем одержала верх. Иван Г. выдал себя старухе за белого офицера, а К. представил как общего денщика — его и Телицына. Старуха, прочитав письмо, в котором якобы ее сын просил оказать полное доверие подателям этого письма, впустила их, не узнав подделки. Она поставила самовар и напоила их чаем, но, когда речь зашла о деньгах, у нее, по словам Г., повидимому, zakралось подозрение, и она объявила, что денег у нее нет. Тогда Г. бросил свою роль и сказал, что если она сама не даст, то он все равно возьмет, а так как она продолжала отказываться, то Г. связал ей руки и платком завязал рот; оставив К. сторожить (дело происходило в кухне), он сам пошел

в комнаты разыскивать ценности. Ему представлялось, что должна быть какая-то шкатулка с деньгами и драгоценностями. Поиски оказались тщетными, и он вернулся в кухню, где увидел задушенную К. Телицыну. Это было для него, по его словам, полной неожиданностью, так что он «обалдел». На самом же деле, как указано в приговоре, они оба бросились на Т., повалили ее, и связал Г — руки, а К. — заткнул рот платком. Затем он предложил К., чтобы пустыми не возвращаться, захватить шелка. Шелка взяли в 3 мешках червонцев на 130 — 150. Шелк был старинной выработки. Уехать же в Москву им не удалось; они опоздали к поезду. На станции Сергиево агент обратил на них внимание и их арестовали. Особенно Г. не волновался, даже когда забрали. «Я сознаю, — говорил он, — что это, конечно, очень подлое дело, но если все детально разобрать, что побудило меня к этому, то много можно найти смягчающих обстоятельств», и он в преувеличенных чертах описывал свою нужду: ходил без подметок, ноги почти отморозил, голодал, денег совсем не было, последнюю гимнастерку продал, на самом же деле у него была и ватная верхняя куртка. Брату стеснялся на шею сестры, у него у самого случайный заработок был. «Когда увидел убитую, — рассказывает он, — неприятное чувство было. Все-таки есть разница между убийством на войне и здесь». «Там все о смерти помышляют и являешься подневольным убийцей, а здесь мирный человек и не думает о смерти». «Лично бы не стал убивать». О совершенном преступлении Г. старается не думать. Расскаяния у него не видно. «Мне не старуху жалко», — говорит он. «Убить нехорошо, но раз убийство произошло случайно, то я не накладываю на себя особенной вины. Сына Телицной жаль». «Если он вернется, то окажется ни с чем, так как все имущество поступило в Собес, а старуха отжила свое». В будущем Г. думает уехать в Ташкент, где у него есть знакомые, и там устроиться на службу. За время сидения в тюрьме надеется отвыкнуть от наркотических средств, в чем можно усомниться, а это-то и помешает ему вести нормальный образ жизни. Раньше не хотел уезжать из Москвы, так как надеялся снова сойтись с женой. Нельзя отрицать, что Г. действительно нуждался в период совершения преступления, но все же братья не порвали с ним, и, как это ни тяжело, он мог бы найти у них временную поддержку. В Ермаковский дом его тянула страсть к вину и кокаину. Случайно брошенная фраза К.: «придушить кого-нибудь и взять денег» не встретила в его душе никакого протеста. Он развивает эту мысль, «отстраняя только, по его словам, убийство», потому что «афера чище и безопаснее». Он, несомненно, импульсивный криминолоид с чертами алкогольной дегенерации.

Процесс деклассации еще не совсем закончился и у Василия Терентьевича Петрова, 52 лет, жившего в Москве под фамилией Комарова и представлявшего собой в высшей степени яркий тип

импульсивного убийцы-профессионала и, вместе с тем, алкоголика-дегенерата, морального идиота.¹ Он прожил в Москве 2½ года и за это время совершил свыше 30 убийств; сам он, в разговоре со мной, признавал себя виновным в 27 убийствах. В среднем, по его мнению, приходилось одно убийство в неделю; бывало, что и по 2—3 недели он воздерживался, потому что не представлялось подходящего случая. Первое преступление он совершил в конце февраля или в начале марта 1921 года, а второе — месяца через 1½. Начиная с 13 марта 1921 г. в уголовный розыск стали поступать сведения о найденных — то на пустыре

Петров-Комаров.

Конного переулка, то на берегу Москвы-реки, то в подвале одного дома, на дворе и на огороде — мешках с трупами, связанными одинаковым образом. Постепенно раскрылись десятки его убийств. Сам он точного числа их не знает, и, в минуту откровенности, на вопрос о числе убитых им людей, говорил: «да, хрен их знает, нешто я их считал и записывал, ищи в Москве-реке». . . и при этом заливался своим беззубым, злобным смешком. Техника всех его преступлений была очень проста. Он утром шел на конную площадь, толкался среди покупателей, присматривался к ним, выбирал «провинциала», т.-е. не московского жителя, а приехавшего из провинции и приискивавшего себе по сходной цене лошадь. Комаров подробно и с большой аффектацией рассказывал мне

¹ Подробнее Комаров описан мною в журнале „Криминалист“. Москва. 1923. № 1.

и моим ассистентам, по каким признакам он узнавал провинциала, как с помощью разных провокаторских вопросов он убеждался в том, что данный провинциал, действительно, желает и ищет купить лошадь. Выдавая себя за служащего, он говорил такому провинциалу, что может ему доставить по такой-то сходной цене казенную лошадь, вел его к себе на квартиру и там убивал. Его рассказ о том, как он заманивал к себе, свидетельствует о том, что, несмотря на видимую простоватость и даже бестолковость, он—человек хитрый, понимающий психологию простого человека, знающий, как быстро залезть в его душу и завоевать его доверие. С одним он, бывало, поругает современные порядки, другому—особенно распишет доверие, которым он пользуется на службе, третьему расскажет о каких-либо вымышленных злоключениях своей жизни, как раз таких же, которыми недоволен его новый знакомый и на которые тот жалуется, и т. д. И все это с необыкновенным простодушем, сопровождая свою речь горячей жестикюляцией и увеличивая ее красноречие кучей площадных ругательств, столь привычных уху простого русского человека. В результате в короткое время он становился чуть не приятелем своего нового знакомого и зазывал его к себе на квартиру, чтобы «кончить дело» или посвободнее о нем поговорить. Нередко перед этим он заходил с своим новым знакомым в чайную или трактир, выпить с ним самогонки, даже выпивал иной раз на его счет, а затем вел его к себе на квартиру. Приходили обыкновенно часов около трех дня. Здесь уже готова была закуска, иногда колбаска или что-либо подобное, самоварчик и т. д. Посетитель с хозяином усаживались и начиналась беседа, иногда довольно продолжительная, в течение 1½—2 часов, при чем и гость и хозяин выпивали. На вопрос, а как бывало, если гость не пьет, Комаров отвечал: «а не пьет, дело быстрее пойдет». . . Затем, когда, как он говорил, требовала его «алкогольная температура», он поднимался, отходил в сторону, незаметно брал приготовленный заранее очень тяжелый молоток и, приблизившись к ничего не подозревавшему гостю сбоку, наносил ему сильный удар в переносицу или в висок. Вто-

Жена Петрова-Комарова.

рой удар наносился обыкновенно ошеломленному гостю из-под подбородка и иногда с такой силой, что лицевой скелет значительно сплющивался. Большею частью жертвы не успевали оказывать сопротивления. Но был один случай, по рассказу Комарова,

Один из убитых Петровым-Комаровым.

когда получивший от него удар гость вступил с ним в борьбу, и Комарову пришлось долго с ним возиться, пока он его не одолел. После одного-двух ошеломляющих ударов, Комаров набрасывал на шею жертвы петлю и туго затягивал ее, чтобы уменьшить кровотечение и устранить всякое сомнение, не осталась ли жертва жива. Из

убитого он старался выпустить как можно более крови, чтобы труп менее пачкал мешок и был легче. Кровь сначала выпускал на рогожи, но потом приспособил для этого особое оцинкованное корыто, а то расход на рогожи стал уж очень велик. Голова трупа

Труп, найденный в чуланчике, в квартире Петрова-Комарова, который он не успел вывезти.

обматывалась тряпками, чтобы кровь не просачивалась через мешок. Труп Комаров связывал особым образом: сначала руки назад, а затем притягивал ноги к животу. По однообразному способу связывания агенты розыска впоследствии узнавали, убиты ли

найденные в мешках трупы Комаровым или кем другим. Связанный труп закидывался Комаровым в мешок от овса, который он предварительно для этого подшивал и делал шире. Упакованный труп сначала прятался в маленький чуланчик, который был внутри квартиры Комарова, при переходе из комнаты в кухню, а ночью вывозился и закапывался или сбрасывался под откос на набережную.

Не всегда сразу удавалось Комарову найти среди покупателей подходящую жертву. «Иногда и день, и два, и более проходишь», — говорил он, — пока найдешь такого. О жертвах своих Комаров отзывался презрительно, как о простофилях-дураках, без всякой жалости. На вопрос, помнит ли он лица убитых, Комаров отвечал утвердительно, но никаких кошмарных снов или тревоживших его видений он, по его словам, никогда не видел. Убийства приходились обыкновенно на среду или пятницу, в дни конных ярмарок, а в четверг и субботу иногда Комаров ходил в церковь отмаливать грех. «В среду согрешишь, в четверг — помолишься, греха и нет». Внешняя, наружная набожность у него сохранилась, хотя свою веру он считал сильно поколебленной. Интересно, что он ссылался на то, что на него действовала будто бы неблагоприятная атмосфера, в которой он находился в последние годы: «все чертями стали, ну и я чортом стал» — говорил он. Немногие, зайдя к Комарову на квартиру в качестве покупателей лошадей, выходили оттуда живыми: был один-два случая, не более, когда слишком быстро покупатели ушли, да еще один или двое в комнату не пошли, а предлагали купить и расплатиться на дворе. Особенно недоволен был Комаров девушкой лет 16 — Лопатиной, — единственной женщиной, убитой им: «брата убил, а деньги-то у нее». . . «не идет в комнату, насилие затащил». Он был очень недоволен тем, что она двойную работу дала: вместо одного трупа пришлось вывозить два. Свои убийства Комаров совершал по склонности пьянствовать в компании и по склонности к насилию. На указание, что он имел возможность получить деньги на выпивку и без убийства, как извозчик, он ответил: «я уже и сам не знаю, хотелось попьанствовать». А в другой раз сказал: «пришло такое меланхольное дело и запутался». «Если бы я один пил, а то в компании». На вопрос, волновался ли он во время убийства, он, махнув рукой, со смешком ответил: «я спокойно, чего там!». Однако есть указания, что после убийства возбуждение у него проходило не сразу и сопровождалось головной болью. На это он и сам указывал, и его жена, которая, возвращаясь, когда убийство уже было кончено, заставляла мужа в возбуждении ходящим по комнате. Никакими душевными или нервными болезнями Комаров до самого последнего времени не страдал. Болел тифом. В молодости была венерическая болезнь, по его словам, мягкий шанкр. Теперь жаловался на грыжу и на то, что по утрам у него иногда бывает головокружение и, затем, бывает удушье от того, что сердце не в порядке. На вид, он — человек здоровый и сильный, поднимает пудов до 5,

а в молодости — до 8 — 10; роста — среднего, с окладистой с проседью бородкой, с морщинистым, простоватым лицом, с карими глазами. Часто морщит брови. В некоторые моменты лицо, особенно глаза, принимают у него злое выражение. Внешним видом своим он напоминает ночного сторожа, дядьку какого-либо учреждения или что-либо подобное. Человек — довольно веселый. Много говорит с юмором, прибаутками и площадною бранью. Сильно жестикулирует. Отвечает осторожно, вспоминая, не сразу. Хорошо владеет собой. Не теряется. Когда нашли первые трупы его работы, он был в толпе, ничем не выдал своего присутствия и, говорят, даже сам принимал участие в выкапывании трупов. Раз его арестовали по какому-то подозрению, но потом выпустили, так как никаких против него говорящих доказательств не нашли. С видом оскорбленной невинности, он энергично протестовал против всяких падающих на него подозрений: «знать ничего не знаю, ведать не ведаю, работаю на бирже извозчиком, такими делами не занимаюсь» и т. д. Его отпустили. Был у него обыск по подозрению в изготовлении самогона, присудили его за самогонку на несколько месяцев условно, но никаких указаний на убийства у него не нашли. Да и в этот раз, — в мае 1923 г. — не нашли бы, приди немного позднее с обыском; тогда он сумел бы увезти труп. А то пришли и нашли запертый чулан. Потребовали ключи. Жена крикнула сидевшему у окна мужу: «Василий Терентьич, скажи верхним жильцам, чтобы дали». . . Тот что-то крикнул, спрыгнул со второго этажа и убежал. Через 5 — 6 часов его арестовали в нескольких верстах от Москвы.

О прошлом этого выдающегося преступника мы знаем следующее. Он — родом из Витебской губернии, русский, из бедной крестьянской семьи. В семье их было 11 братьев и все пили. Жили не дружно и друг другом не интересовались. Василий Терентьевич давно потерял из виду своих братьев и ни с одним из них в дружеских отношениях не был. Ни он им, ни они ему никогда писем не писали. Его жена говорит, что за свои одиннадцать лет супружеской жизни она никогда не видела родственников мужа. О семье своей Василий Терентьевич вспоминал без теплого чувства, даже с раздражением и злобой. Не было у него, в частности, и к матери того теплого отношения, следы которого обыкновенно не трудно подметить даже у очень тяжких преступников. И у Котова, убившего 116 человек, во время беседы о его матери, заметны были следы, если не любви, то все же некоторого уважения и теплого отношения к памяти матери. Мать выделялась в его сознании из всей массы остальных людей. У Комарова я не только не заметил этого, но нашел даже довольно злобное отношение к матери. На вопрос, вспоминает ли он когда о матери, он прямо заявил: «а что она мне хорошего сделала, чтоб мне ее добром вспоминать». Вспоминает, что в детстве отец его сильно колачивал, да и от матери ему доставалось. Повидимому, живя в своей семье, Васи-

лий Терентьевич не встречал сердечного к себе отношения и большой ласки. Семья, состоявшая из пьяницы-отца, кучи детей и вечно рожавшей или беременной матери, жила, повидимому, хотя и без особой гнетущей нужды, но бедно и недружно; внутри нее царили вечные раздоры, наложившие свою мрачную печать на характер Василия Терентьевича. Семье некогда было заботиться о его воспитании. Он остался безграмотным и никогда не учился никакому ремеслу. Алкогольная наследственность, личный алкоголизм и тяжелая атмосфера семьи сделали его крайне раздражительным и злобным человеком. Он никогда не знал чувства симпатии ни в одной из форм его выражения, ни в виде любви, ни в виде дружбы. Больших друзей, с которыми он был бы связан сердечной привязанностью, у него никогда не было. Были лишь приятели-собутельники, которых он, по его словам, нередко угощал водкой и самогонкой, но к этим приятелям он относился очень легко, без особой привязанности, и полагал, что и они к нему относились так же. Угощал он их не из какой-либо симпатии или склонности сделать что-либо приятное другому, а бахвальства ради, чтобы, так сказать, себя показать: «чувствуй, мол, что могу угостить, и меня уважай». На вопрос, как он относился к гибели своих приятелей на войне, долго ли горевал о них, он, с некоторым даже раздражением, отвечал: «кой черт мне о них горевать, помер и все тут, и они обо мне не стали бы горевать». Василий Терентьевич был дважды женат и недоволен обеими женами. Любви он не испытывал ни к одной, много-много у него было к ним похотливое влечение. С обеими женами он постоянно дрался. Детей также бил постоянно и ремнем, и веревкой, и пьяный, и трезвый. Семейная жизнь его жены представляла жуткую картину непрерывного деспотизма и избиений ее и детей вечно пьяным мужем.

Несколько раз Комаров был на военной службе: в первый раз он вернулся с нее в 1898 г., затем был взят на фронт в японскую войну, а в 1918—1919 г. пошел на войну, поступив в Красную армию добровольцем, по причинам, которых он не мог указать и о которых, поэтому, можно разве догадываться. Политических убеждений у него не было никаких, и, поэтому, не политическое сочувствие руководило им при поступлении в армию добровольцем, а что-то другое. Невольно является предположение, что его влекло туда желание постранствовать, а, может-быть, и помародерствовать. Все указанные факты из жизни Комарова, с детства и до последнего времени, объясняют нам, как у него постепенно сложилась склонность не останавливаться перед применением насилия для удовлетворения своих чувственных потребностей. С давних пор у него развилась склонность к хищническому, нетрудовому приобретению имущества. В его прошлом есть судимость за кражу: когда ему было лет 40, он судился за кражу яблок. Затем, с 1921 г. по 16 апреля 1922 г. он служил возчиком в центроэвакуе и торговал фуфайками и другими вещами, похищенными со склада и пере-

данными ему для продажи на условии 50% цены проданных вещей за комиссию. Таким образом у него постепенно развилась и склонность к хищническому приобретению имущества. Вместе с этою склонностью сплелись в одно целое склонности к выпивке и насилию и образовали чрезвычайно сильное предрасположение, которое и выразилось в его чудовищных преступлениях. Алкоголизму Комаров обязан и своей импотенцией, и особым состоянием своего мышления. Он — не глуп и даже довольно хитер. Но его мышление отличалось своеобразной неустойчивостью. Его память и комбинаторная способность значительно понижены. События какими-то отрывками вставляли в его памяти, при чем многое в этих событиях вспоминалось очень плохо и с большим трудом. Связь между событиями находилась им с большим трудом, а иногда не находилась вовсе или найденная быстро исчезала из сознания. Он по пальцам высчитывал года и нередко сбивался в счете. У него заметны юмор алкоголиков, большая болтливость и, вместе с тем, сбивчивость изложения и мысли под влиянием врывавшихся «боковых» ассоциаций, нарушавших общее течение мышления и рассказа и запутывавших его мысль в мелочи, из сети которых она потом не могла выбраться. Начав рассказывать об известном факте, с азитацией, с трехэтажными ругательствами и с видимым интересом к описываемому событию, он быстро сбивался в сторону других фактов, затронутых при описании первого факта и игравших роль, казалось бы, второстепенных подробностей; подхватив какую-нибудь из последних, он скоро уходил в сторону и от нее и т. д. В результате получалась какая-то скачка мысли в сторону все новых фактов, свидетельствующая о неустойчивости внимания, о преобладании в мышлении ассоциаций по внешним признакам, об ослаблении связности мышления. Память на места, где он зарывал или бросал трупы, у него оказалась хорошая, вообще память на отдельные факты у него сохранилась, но память связи и последовательности событий сильно ослаблена.

VIII.

Перейду к деклассированным импульсивным преступникам.

Федор Григорьевич Н., 21 года, русский, сын крестьянина Тамбовской губернии, Лебедянского уезда. На вид, это — крепкий молодой человек, с энергичным лицом, очень решительный и смелый. На вопросы отвечает бойко, отчеканивая каждое слово, несколько не смущаясь и не задумываясь. Он участвовал в двух бандитских нападениях бандита Губина. Первый налет был учинен в мае, а второй — в июне 1923 года, оба — в Москве. За участие в этих делах он получил от Губина авансом 30 миллиардов рублей. Оба нападения были произведены в утренние часы. В первый раз они вторглись впятером с револьверами в квартиру, где оказался человек 20 народа, загнали всех в одну комнату, перевязали

и набрали всякого имущества червонцев на 200. Пробыли в квартире часа 4. Между прочим, во время грабежа, в квартиру пришли молочницы, которые также были ими задержаны. Вскоре после этого одну из них Федор Н. встретил на чистопрудном бульваре, она его узнала и они даже немного поговорили. Во время этого нападения Федор с револьвером в руках сторожил связанных людей и был совершенно спокоен. Роли распределял Губин. Награбленное затем продали и деньги разделили поровну. Второе нападение было в Грохольском переулке, часов в 9 утра. Когда вошли в квартиру, одна еврейка закричала, но Губин ее «успокоил» сильным

Бандит Губин.

Участник нападений бандита Губина—бандит Федор Н.

ударом револьвера. Здесь также всех перевязали, чем попало. Пробыли в квартире часов до 3 дня. Имущество взяли все, какое только было возможно. Приготовлен был один извозчик, оказалось мало, и Федор поехал приискывать другого, вернулся к месту преступления, нагрузил на своего извозчика часть награбленного и поехал. Едва он успел отъехать, как услышал сзади крики, а затем выстрелы; тогда он повернул извозчика в другую сторону и скрылся. Впоследствии оказалось, что, когда Губин и другие соучастники стали грузить вещи на второго извозчика, то один из связанных потерпевших развязался и поднял в окно крик. Губин в него выстрелил, но на крик потерпевшего прибежали какие-то красноармейцы с винтовками, а позднее и агенты уголовного розыска, и началась перестрелка. Губин и один из его соучастников успели вскочить на извозчика и поехали к вокзалам. Около

южного моста лошадь, на которой они ехали, была убита. Губин соскочил с пролетки, залег за тумбу и продолжал отстреливаться, чем дал время своему товарищу скрыться. Будучи ранен в живот, он все-таки пытался скрыться, а когда увидел, что ему это не удастся, застрелился. Кроме участия в описанных налетах, Федор Н. совершил еще несколько побегов: первые два раза он убежал по дороге, когда его вели к следователю; при этом он во второй раз засыпал сопровождавшему его милиционеру глаза табаком; третий раз он пытался бежать из таганской тюрьмы вместе с одним заключенным, через дымоход, но побег не удался. «Но сидеть я все равно не буду», откровенно заявляет он. То, что он сделал, он не считает преступлением, заслуживающим наказания, и сам себя считает отчаянным, на все способным человеком. «Таким меня сделал фронт», — заявляет он.

Знакомясь с историей его жизни, мы узнаем, что он с трехлетнего возраста живет в Москве. Отец его служил здесь артельщиком страхового общества «Якорь». Кроме Федора, в семье было еще двое детей: оба его брата моложе его. Отец Федора сильно пил и даже несколько раз болел от пьянства. Мать Федора не пила вовсе, Федор учился сначала в городской школе, а по окончании ее был отдан в коммерческое училище. В 1917 году умер от тифа его отец, и он, за неимением средств, прекратил ученье, вышел из 5-го класса коммерческого училища и поступил добровольцем в армию, «сочувствуя идее защиты революции». Сначала он был писарем в штабе, а с 1919 года перешел в строй и был назначен в армию Буденного, все время участвовал в боях и никакого страха не испытывал. В одном бою был контужен, после чего у него было нервное расстройство. В 1921 году он был демобилизован и начал заниматься торговлей: покупал в деревнях кур, муку и другие продукты и продавал в Москве. Торговал, между прочим, и самогонкой, как видно из того, что, зайдя к одному знакомому, он попал в засаду, при чем при нем был обнаружен бидон с сильным запахом самогонки. К этому времени относится его встреча с Губиным, которого он знал по военной службе. Он рассказал Губину о своем незавидном материальном положении и получил от него приглашение участвовать в бандитском налете. Сначала он колебался, жаль было мать и братьев, которые пропадут, если его посадят, а потом согласился, — очевидно, личные интересы взяли верх над жалостью к семье. В результате он принял участие в описанных выше бандитских нападениях. Ему были нужны деньги. Он любит хорошо принарядиться, с женщинами погулять, в театр сходить. Пить он не пьет и кокаина не нюхает. Не прочь он и почитать, при чем читал наших классиков и некоторых иностранных писателей — Гете, Шиллера, а также философские сочинения — Ницше, Шопенгауэра, но ни с одним из них ни в чем не согласен. Вообще у него, по его признанию, странный характер: он ни с кем никогда не соглашается. Кроме

того, он очень вспыльчив, задорен и самостоятелен. Моральной оценки своему поступку, при его совершении, не давал, об этом, вообще, не думал. Он не глупый, довольно хитрый и сообразительный человек. У него уже вполне сложилась склонность нужные ему для удовлетворения его органических потребностей и развлечений средства приобретать нетрудовым образом, на чужой счет, не останавливаясь перед применением насилия в его крайних формах. Эта склонность и образует тот элемент его конституции, который, с точки зрения криминальной психологии, представляет наибольший интерес. Убийство он осуждает, но в то же время откровенно заявляет, что при малейшем сопротивлении со стороны потерпевших он сейчас же, — не колеблясь, пустил бы в ход оружие. Он оставляет впечатление рассудочно-эгоцентрической натуры, человека отчаянного, способного на все. Интересно отметить у него крайне пониженную болевую чувствительность. За исключением некоторых частей его тела, например, левой стороны поясницы, у него наблюдается почти полная потеря чувствительности.

Не менее интересен другой бандит с вполне выкристаллизовавшейся конституцией профессионала.

Александр Б. — глава шайки, совершивший ряд бандитских налетов, 25 лет, из крестьян Московского уезда, Московской губернии, холостой, алкоголик, кокаинист, развратник, болевший всеми венерическими болезнями, сифилисом с 1920 года. Отец его — крестьянин, занимавшийся исключительно крестьянским хозяйством, также был сильным алкоголиком, человеком очень вспыльчивым и раздражительным. Несколько лет тому назад он умер от тифа. В виду малоземелья и невысокого качества земли семья Б. жила бедно. Воспитывался Александр у родителей до 17 лет; лето он проводил в деревне, а на зиму приезжал в Москву и здесь на средства фабрикантши Генки учился сначала в городском училище, а по окончании последнего — в среднем коммерческом; в последнем прошел 4 класса, кончить ему не удалось, потому что фабрикантша перестала помогать, а родная семья не имела средств. Учился Б. плохо, говорит «памяти не было», с трудом запоминал прочитанное. Объясняет он это отчасти тем, что в детстве ему ушибла голову лошадь, и ему делали операцию. В детстве у него бывали припадки, но точно описать их он не может, помнит только, что припадки случались редко; повидимому, это были эпилептические припадки. На правом глазу у него бельмо. Половую жизнь он начал с 15 лет, при чем связи имел все время с проститутками. Сам признает, что допускал половые излишества и рекомендует себя как очень похотливого человека. У него 2 брата и 2 сестры, все моложе его. Одна из сестер — 16 лет — по его словам, «совершенно дефективная», и, судя по его рассказу, умственно отсталая.

Семнадцать лет, выйдя из коммерческого училища, Александр уехал в деревню и прожил там год, в течение которого, по его собственному выражению, «черпал знания» у одного родственника; знания эти носили, главным образом, политический характер. Затем он возвратился в Москву и здесь начался ряд его служб на разных местах: месяца четыре служил конторщиком у отца своего школьного товарища, но был уволен за вредное влияние на хозяйского сына, с которым устраивал попойки и кутежи. После этого целое лето занимался комиссионерством, продавал крючки для военных шинелей, которые покупал у кустарей. Осенью поступил счетоводом в кооператив служащих одной железной дороги и прослужил месяцев 6. Эту службу покинул вследствие романа с одной служившей там женщиной, муж которой дал ему публично пощечину. Оставив это место, он поступил счетоводом на завод «Проводник», но здесь его служба была прервана призывом на военную службу в 1917 году. Его отправили в гор. Бахмут в запасную часть. На фронте не был, в сражениях не участвовал, принимал участие лишь в усмирении бандитских шайк на юге. Октябрьская революция застала его в госпитале в Смоленске. По выходе из госпиталя был демобилизован, вернулся в Москву, отсюда в свою деревню и, затем, занимал в уезде ряд должностей секретаря волисполкома, председателя комитета бедноты, секретаря народного суда, милиционера, агента уголовного розыска, помощника начальника уездного уголовного розыска и получил назначение начальником уголовного розыска Терской области, но здесь его служебная карьера прервалась. По дороге к новому месту службы он был арестован по обвинению во взяточничестве, затем освобожден, но вскоре, по новому доносу, опять арестован и подвергнут наказанию — заключению на 1 год в концентрационный лагерь за хулиганство и драку. С 1920 года началась бандитская деятельность Б. Впрочем, она носила не исключительно бандитский характер. Он составил шайку, в которой было не мало его односельчан, и с нею в 1921 году напал на склад продовольствия санатории, находившейся недалеко от его деревни; в нападении принимало участие 8 человек, при чем, по свиде-

Организатор бандитской шайки
Александр Б.

тельству Б. и его соучастников, с ними заодно был сторож санатории, который просил их связать его по окончании грабежа. В это время Б. находился в той местности на службе. В этом же году ими была разграблена одна пустая дача, из которой они вывезли все находившееся там в ящиках имущество, при чем их ждало большое разочарование: в одном самом тяжелом ящике оказались старые испорченные водопроводные принадлежности, а в другом — жестяные велосипедные номера. Но главные преступления шайки выпали на 1923 год, носили бандитский характер, редко происходили в уезде, большею же частью в разных частях Москвы, главным образом, в центре. Обыкновенно налеты совершались по вторникам, — понедельник тяжелый день, — под вечер или вечером, до 12 часов ночи. На налеты Б. обыкновенно шел от проститутки и к проституткам же отправлялся часто после преступления. Своей квартиры у него не было, — нельзя было ее иметь, так как агенты уголовного розыска слишком хорошо знали и помнили его, — жил он или у товарищей, или ночевал у проституток. Дележ добычи производил Б. и, — по общему отзыву всех его соучастников, с которыми мне и моим помощникам пришлось беседовать, — львиную долю брал себе; бывали случаи, когда он им совсем или почти ничего не давал, уверяя их, что золотые вещи он отдал продать знакомому комиссионеру, а последнего арестовали, и т. п. Техника нападений была проста. Исполнением руководили Б. и Василий Х., ближайший сотрудник Б. Сначала шайка нападала на склады и пустые дачи, а затем в 1922 — 1923 годах — на частные квартиры биржевых деятелей и спекулянтов. Работали всегда с «подводчиками», от которых получали некоторые предварительные сведения об обитателях квартир и о расположении комнат. Самый процесс налета был таков. Стучали в дверь. В ответ на вопрос, кто стучит, заявляли, что пришли произвести обыск. Испуганные хозяева открывали. Входило несколько человек: 4, 5, 6 — 7, в некоторых случаях лишь 2. Двое оставались сторожить дверь, остальные входили внутрь квартиры. Обитатели квартиры собирались в одну комнату и около них кто-нибудь ставился на страже. Затем Б. один или с кем-нибудь, отозвав хозяина квартиры, шел с ним в другие комнаты, требовал открытия ящиков, столов, комодов и шкафов и производил изъятие ценностей; обыску подвергался и отозванный хозяин, а затем и все остальные. После этого, заперев всех в уборную или ванную, бандиты удалялись. В случае, если обитатели квартиры требовали ордера, им говорили, что ордер у старшего, который сейчас покажет или принесет; если спрашивали, почему нет представителя домоуправления, то говорили, что за председателем послано и он сейчас придет, но что «при нем лучше не будет, так что если он и запоздает, то не важно» и т. п. Обращение было очень вежливое; одной расплакавшейся беременной даме сейчас же был подан стакан воды с прось-

бой не волноваться, так как это может быть опасно в ее положении, и с указанием, что вреда никому никакого причинено не будет, что просят всех оставаться совершенно покойными и т. д. Иногда заявляли хозяину квартиры, что ему надо будет потом пойти с ними ненадолго в милицию с целью устранить или предупредить подозрение, что они, на самом деле, не органы власти. Одного почтенного старца таким образом арестовали, повели за собой, а затем в глухом переулке сказали ему, что они бандиты и чтобы он, не оглядываясь, скорее шел домой. Сопротивления шайка ни в одном случае не встречала и на вопрос, что бы они стали делать в случае сопротивления, Б. и его сподвижники в один голос утверждали, что они бросились бы бежать и ни в коем случае никого убивать бы не стали. В одном случае, хотя им и не было оказано сопротивление, но поднялся шум и крики, они сейчас же бросились бежать. Оружия у Б. и его соучастников, по словам Б. и многих членов шайки, не было; другие говорят более уклончиво, что может-быть, у Б. и Х. оружие и было, но они его ни разу не употребляли и не показывали своим жертвам; некоторые члены шайки признают, однако, что они держали правую руку в кармане, как будто у них там скрыт револьвер. Б. положительно утверждает, что, хотя он человек решительный и смелый и равнодушен к виду крови и ран, но ни в каком случае убивать или наносить раны или побои не стал бы. То же говорили и его соучастники. По их словам, когда они решились на преступление, у них и в мыслях не было, что ими может быть совершено убийство или нанесение раны; если бы встретили препятствие, убежали бы. Однако, на вопрос, почему же он относится столь отрицательно к убийству, Б. достаточно полного ответа не дает: или вовсе не отвечает, или говорит, что не дорожит своей жизнью, а потому перспектива опасности не могла бы его побудить совершить такое дело и т. д. Сколько бандитских налетов совершил Б., сказать точно нельзя; он этого и сам не знает, несомненно, однако, что много. Его ближайший сотрудник Х. признает себя виновным в 11 налетах и говорит, что не участвовал во многих предприятиях Б. и что Б. начал гораздо раньше его заниматься подобными делами.¹

Главным мотивом преступной деятельности Б. была постоянная жажда грубейших чувственных наслаждений и денег как средства получения их. Пьянство и кутежи с проститутками — вот все его интересы в жизни. Семье своей он никогда не помогал, все тратил на себя и откровенно признается, что, «когда шайка работала, жил хорошо», т.-е. много прокучивал в ресторанах и «с девочками». Для этих наслаждений он живет день за днем, не ставя

¹ В беседе с нами Б. признавал себя виновным в 8 вооруженных ограблениях и неопределенно длинном ряде краж. Но у него нет ясной границы, отделяющей кражу от бандитизма.

себе никаких особых целей и идеалов. Он — яркий пример чувственного эгоцентрика, ставшего импульсивным бандитом — прожигателем жизни. По его словам, женщины имеют роковую роль в его жизни, — желание обладать ими и толкает его на преступление. «Когда я встречаю, — рассказывает он, — какую-нибудь «шикарную женщину», я говорю себе: «сегодня я должен обладать такою же». Единственный путь для выполнения этого, данного им себе, приказа — бандитизм. Правда, он признает, что иногда в его мысли мелькали и иные возможные пути, пути «легальные», но они казались ему длинными, трудными и такого быстрого достижения соблазнительной цели дать не могли. Для алкоголя и кокаина также требовались деньги. Ради этих наслаждений он и совершал свои преступления. Если принять во внимание, что жажда половых наслаждений и наркотиков соединялась у него с вспыльчивостью, порывистостью, с неумением обуздывать себя, с раздражительностью и равнодушием к чужим страданиям, с смелостью и с знакомством с техникой преступлений, приобретенным еще на службе в уголовном розыске, с отсутствием развитого воспитанием нравственного чувства, то внутренние пружины его поведения станут вполне понятны. В преступлениях своих он не раскаивается и потерпевших не жалеет. Людей он, по его словам, ненавидит. Он даже склонен оправдывать себя. Когда он совершал или готовил преступления, он не думал, хорошо это или плохо, не думал и о наказании. Правда, после преступлений ему иногда приходила в голову поговорка: «сколько веревочке не виться, а концу быть», но он думал, что поговорка эта верна не для всех случаев, что при некоторой ловкости, которая у него есть, «дела могут продолжаться и без конца». Теперь, когда он сидит в тюрьме, ему «горько и досадно, что он ошибался». Когда он готовился к преступлению и шел на последнее, «рассудок у него молчал и выступал на сцену уже после», почему он сам называет себя «человеком эмоциональным, у которого рассудок говорит уже после поступка». После совершения преступления он иногда думал о нем, старался найти оправдание и находил. «Являлась» мысль, — говорит он, — что преступление нехорошо, люди и закон говорят это». «Я начинал разбираться и приходил к выводу, что закон недостаточен гибок, не может ко всему применяться». «Я видел, что невинных наказывают, а виновных оставляют без наказания, и что люди это делают и пишут законы оттого, что от этого им хорошо». «А, значит, к чорту их закон». . . Таково его убеждение, сложившееся в ответ на смутный протест, поднимавшийся у него самого против его подвигов и свидетельствующий, что где-то на дне его нравственного сознания сохранились следы нравственного чувства, хотя и очень слабо, но по временам его тревожившего. Он выдает себя за сторонника Штирнера, называет себя анархистом-индивидуалистом и говорит, что «все, что бы я ни делал, правильно и хорошо, а до того, что думают другие люди, мне

дела нет». Но он сознается, что все эти «оправдания» он придумал уже после своих преступлений и что в генезисе его преступлений эти его «убеждения» роли не играли. Да и убеждения эти он не считает еще окончательными. А потому он не решается и категорически ответить на вопрос, стал ли бы он совершать новые преступления, если бы его освободили: неизвестно, какие убеждения у него сложатся в конце концов. Во время беседы с ним он был еще подследственным и говорил, что ждет себе «высшей меры наказания» и к этому равнодушен, так как жизнью не дорожит. Несомненно, что тяжкая наследственность, постоянный разврат и пьянство, а также сифилис наложили ясную печать на состояние нервной системы Б. К числу нервно здоровых его причислить нельзя, хотя и какой-либо душевной болезни у него нет. Он хорошо осмысливает окружающее, довольно находчив, склонен к резонерству, действует с осторожным учетом всех обстоятельств и способен сдерживаться, если признает это выгодным для себя и нужным. Он говорил, между прочим, что оружие они не брали и не находили нужным им угрожать, потому что вполне учитывали «обстановку действия и психологию русского обывателя», что он не грозил, не ранил и не убивал, потому что не боялся опасности и не находил нужным этих действий, что карманных краж, например, он не стал бы совершать, потому что они редко бывают выгодны и т. д. Своих сотрудников он убеждал своей диалектикой, вообще имел явное на них влияние. Некоторые сотрудники говорили, что он собирал их, читал им какие-то книги Дарвина, при чем выдержками из этих книг старался убедить их в верности приписываемого им Дарвину принципа, что свое счастье надо, не стесняясь, строить на чужом несчастье. На одного из сотрудников проповедь этого принципа произвела удручающее впечатление, он с ним примириться никак не мог, считал его неверным и решил отстать от шайки, другие же сотрудники или относились к этому учению равнодушно, или даже проникались им. Было бы ошибочно, однако, на основании этих поучений зачислять Б. в ряды преступников-резонеров. Он сам признает, что поступал не в силу каких-либо убеждений, а подчиняясь голосу чувственных потребностей, требовавших денег для полового разврата и пьянства. Резонерство у него служило для того, чтобы после преступления устранить поднимающуюся из глубины критику и чтобы ослабить или уничтожить протест нравственного чувства у других членов шайки. В заключение характеристики его надо добавить, что он выдал всех своих соучастников, по его объяснению, под влиянием кокаина, а более вероятно, — по соображениям выгоды, может быть, даже с надеждой вновь вернуться на службу в уголовный розыск. Он был арестован 20 сентября 1923 года тотчас после преступления и, по его словам, «занюханый», «не будь я занюхан, — говорит он, — живым бы в руки не дался, а то и сам завалился, и всю шайку завалил».

Резко выраженный тип прожигателя жизни представляет и ближайший помощник Александра Б. — Василий Х., 25 лет, из крестьян Черкизовской волости, под Москвой, по профессии слесарь, холостой, раньше не судился. Все детство провел в деревне у родителей. Лет 13 окончил сельское училище, учился «так себе», «не особенно хорошо, воспитание получил не такое», — поясняет он. Живя в деревне, все время занимался крестьянскими работами и одновременно подучился слесарному делу. С 16 лет был отдан в Москву в слесарную мастерскую. «Я больше всего обожаю свое слесарное дело, — говорит он, — могу быть и механическим, и водопроводным, и строительным слесарем». В голодные 1918, 1919 и 1920 годы служил в Москвотопе комендантом. С деревней он связи не порывал и время от времени ездил туда. В 1921 году сгорел оставшийся ему после родителей дом в деревне, — отец его умер в 1920 году, мать — раньше; ему дали «на погорелье» дачу на слом, но не было денег построить. Инвентарь также постепенно исчез, и его связь с крестьянским хозяйством и деревней порвалась. К этому времени и относится начало его совместной преступной деятельности с Б., с которым он был давно знаком, как с односельчанином. Лето 1921 года он проработал у одного подрядчика, к осени хозяин его расчислил. «В первый день Рождества, — говорит он, — пришлось без хлеба сидеть». В это время встретившийся с ним Б. предложил ему «дело», т.е. участвовать в бандитском налете. Он не утверждает, что Б. соблазнил его на ограбление. «Я не знаю, — говорит он, — как это взрослого человека соблазнить можно». «Я сам знаю, что можно, а чего нельзя». Но обстоятельства, по его словам, были трудные, а пример Б., жившего «этими делами», показался Василию Х. соблазнительным. После некоторых колебаний он согласился участвовать в конце 1921 года в первом ограблении, а затем в 1922 и 1923 г.г. — совершил еще ряд бандитских нападений. В общем он признает себя виновным в 11 нападениях. Многие из этих нападений он учинил совместно с Б., другие же самостоятельно, пригласив себе на помощь Дмитрия А. В шайке Б. Х. играл очень видную роль, он был главным его помощником; повидимому, в недрах этой шайки, как ее ответвление, существовала группа участников, которая работала то с Б., Х. и остальными вместе, то с Х., под его руководством. Таковы, например, два налета, учиненные Х. совместно с Дмитрием А. Характер нападений шайки Б. описан выше: приходили к частной квартире, стучали или звонили, входили под видом обыска, собирали всех в одну кучу, командовали «руки вверх», отзывали хозяина и в то время как остальных кто-нибудь из шайки — один или вдвоем — сторожили, с хозяином осматривали шкафы, комоды и сундуки, забирали деньги и драгоценности, а иногда и некоторые дорогие вещи из платья и удалялись. Иногда потерпевшие до самого конца не догадывались, что стали жертвой бандитского нападения, иногда догадывались довольно скоро, но

сделать ничего не могли. Василий X. играл в этих нападениях важную роль: производил «обыск», связывал, обыскивал и т. п. На свою деятельность он смотрит не с особенно строгим осуждением. Во-первых, он оправдывает себя нуждой, хотя нужда, если и толкнула его, то лишь на первое преступление. Да и в этом случае ссылка на нужду может быть принимаема с большим сомнением и осторожностью, если не терять из виду, что Василий X. — человек одинокий, опытный слесарь и имеет брата, который у Ваганьковского кладбища держит свою мастерскую, где и ему находилась, по показанию Дмитрия А., работа. * Деревня все равно, по его собственному признанию, обеспечивала его хлебом очень мало. Надо добавить еще, что объяснение его первого преступления нуждой подсказано ему, до известной степени, его общим взглядом на причины преступности, который он выражает так: «экономика родит преступников». Во-вторых, в бандитизме он ничего особенного не видит и считает его, во всяком случае, лучше кражи: «Я беру открыто, — говорит он, — а не тайком». «Я не возьму шубу или гимнастерку, а беру золото, ценные вещи, а вор унесет и последнюю одежду». «Бандит исправим, а жулик — нет». «Теперь все бандиты «спецы», которые могут работать, а не жулики». Одно преступление, по его словам, трудно сделать: дальше «само собой делается соблазнительным, раз человек отведал легкую жизнь, легкий труд». Во второй раз преступление легче совершить, сперва — нужда, а потом пойдет, как он выражается, «лесть к корысти и к капиталу». Этой последней он откровенно объясняет и свои преступления; первое преступление, по его словам, он совершил из нужды, а потом пошла «лесть к корысти и капиталу». В этих словах ясно выражается им самим чувствуемая, сложившаяся у него «установка» на бандитизм. У него образовалась прочная склонность таким путем удовлетворять свои материальные потребности. Он уже отстал от трудовой жизни. Желая получить деньги на еду, одежду и развлечения, он совершил одно за другим ряд бандитских нападений, вербовал себе соучастников и руководил ими. Он — человек, знающий ремесло, сильный, вполне здоровый и одинокий, откровенно признает, что легкая нажива его соблазняла на преступление и что деньги как легко доставались ему путем преступления, так «легко и уходили». Надо добавить, что он — не алкоголик, к женщинам, по его выражению, «апатичен», «к роскоши не привык». Значит, деньги были нужны ему на прожиток и развлечения. Он — несомненно импульсивный профессионал, легкомысленный, ленивый, отбившийся от трудовой жизни, деклассированный человек. С умственной стороны он не представляет ничего особенного: не глуп, развязен, довольно находчив, обладает хорошей памятью, любит почитать; читал Гоголя, Л. Толстого, Достоевского и некоторых других писателей. Более всех ему понравился Толстой, так как его читать и понимать легче. Уже в тюрьме с большим интересом прочитал

«Воскресение» Толстого». Достоевский ему не понравился: «трудно читается». Длительных и сколько-нибудь напряженных умственных усилий он не любит и мало к ним способен. Так как сидение в тюрьме ему неприятно, то полагает, что больше он налетов делать не будет; впрочем, это зависит от того, в «какие государственные условия он попадет».

Резко выраженный тип профессионалки-воровки с большой привязанностью к нетрудовой жизни и со склонностью к хищническому приобретению средств представляет Анна Григорьевна Б.,

Профессионалка-домушница Б.

20 лет, крестьянка Тверской губ., Кимрского уезда. Отец ее — довольно зажиточный человек — сапожник, который имел мастерскую в Москве на Рождественке и поставлял обувь одному большому магазину. Женат он был 2 раза и имел от двух жен 8 человек детей, из которых Анна была младшей от первого брака. Он почти ежедневно и сильно пил, играл в карты, на бегах и на скачках. Возвращаясь пьяный домой, сильно бил вторую жену, детей же не трогал, так как вообще стоял от них далеко. Каковы были его отношения к первой жене, Анна не знает, так как ее мать умерла, когда ей было всего год, но от нее всегда скрывали причину смерти матери, и она слышала, как говорили про отца, что он

вогнал в гроб свою первую жену. Отец Анны раз судился, но за что, она точно не знает, слышала, что за буйство в пьяном виде. Под конец отец стал переставать пить, после того, как сломал себе ногу. Мачеха относилась к детям мужа от первого брака скорее равнодушно, чем плохо, но всегда делала заметную разницу между ними и своими детьми. Девяти лет Анна поступила в четырехклассное городское училище, училась хорошо и кончила в 13 лет. Все предметы давались ей легко, только математика представляла для нее некоторое затруднение и ей не нравилась. По окончании школы она была отдана в исправительный приют для девочек при ст. Болшево. Причиной послужило то, что Анна уже с 8—9 лет постоянно воровала. Несколько раз она попадалась, ее приводили в полицейский участок, но затем отдавали отцу на поруки. Отец жестоко бил ее за кражи ремнем, говорил, что она позорит всю семью, но ничто не помогало. Каждый раз, чтобы избавиться от побоев, Анна обещала, что больше красть не будет,

но потом продолжала воровать, крада и у своих, и у чужих, так что в доме все приходилось от нее прятать и запирасть. Воровать ее научила их жилица, профессионалка-городушница, одинокая женщина лет 50, которая водила ее, когда ей было 8—9 лет, по рынкам и магазинам, покрывала ее платком, а Анна брала все, что ей нравилось. На добытые кражей деньги Анна покупала сласти, ходила в театры, ездила на лихачах и катала многих ребятшек со своего двора. Процесс кражи очень понравился Анне с первого же раза, и она вскоре, не удовлетворяясь теми случаями, когда ее брала с собой жилица, стала сама ходить по магазинам и совершать кражи. В большевском приюте Анна пристрастилась к чтению романов, при чем особенно ей нравились романы Пазухина и другие, «где говорится про преступников». Приют, из которого она вышла 15 лет, не только не исправил ее, но послужил для нее школой, давшей хорошую теоретическую и практическую подготовку к воровству. На воровском поприще Анна утвердилась окончательно и считает его хорошим и интересным. По выходе из большевского приюта она была помещена отцом в шляпную мастерскую, но через три месяца была оттуда уволена, так как брала принадлежавшие хозяйке или заказчикам шляпы и продавала их, а если они ей очень нравились, оставляла себе. Через три недели по увольнении из этой мастерской отец поместил ее в другую шляпную мастерскую, из которой ее уволили еще скорее по той же причине. Отец ругал ее, говорил, что она «делает подлость и позор», но это несколько не помогало. После революции, в 1917 году, семья Анны переселилась в деревню, а она осталась в Москве, никуда на работу уже не поступала, а жила на средства своего сожителя, сына квасного заводчика из Марьиной рощи, с которым познакомилась около этого времени и сошлась через месяц после знакомства. Он ее заразил сифилисом, но она последний залечила и прошла полный курс лечения. С этим молодым человеком она прожила около года, в 1918/19 году, при чем он ее бросил за легкомыслие и распутство, а она совершенно не желала поддаваться его попыткам исправить ее на свой лад. Через месяц после этого она сошлась с вором — «кооператором», поселилась у него и прожила с ним года 1½. На «работу» она с его шайкой не ходила, так как шайка женщин в свой состав не принимала. Жила с ним в общем недурно, хотя не раз случалось, что он ее сильно бил, «наслушавшись разных о ней сплетен». Надо заметить, что «на дело» она иногда ходила, независимо от шайки, вдвоем с своим сожителем. В 1919 году она попала с ним на месте преступления в домовой краже со взломом и была присуждена к 3 месяцам заключения условно. Надо заметить, что это была не первая ее домовая кража. Первую домовую кражу она совершила еще в 1917 году. Живя с вбром и не принимая участия в действиях шайки, очищавшей кооперативы, она «работала» нередко вдвоем с сожителем по домовой: он ломал двери и замки,

она входила вместе с ним в квартиры, вязала узлы и несла их, — на женщину с узлом меньше обращают внимания, чем на мужчину. Краденое они сбывали скупщику. После удачных краж она с сожителем и его шайкой ездила на лихачах, кутили в ресторанах и т. п., при чем за дам платили мужчины вкладчину. Сожительство ее с этим вором прекратилось в 1921 году, потому что он был арестован и сослан в Архангельск. Вскоре Анна сошлась и поселилась с одним из членов шайки своего арестованного сожителя и с ним совершила ряд домовых краж. В 1921 году она судилась 2 раза и во второй раз была приговорена к году заключения в концентрационном лагере. С третьим сожителем она расстается так же, как и со вторым, в виду ареста его, и переезжает к четвертому, также вору, от которого вновь переходит ко второму, вернувшемуся по отбытии наказания. С ним она и жила у его матери перед последним арестом; отношения у них очень хорошие, он по большей части сидел дома, не гулял. Оба они добывали средства к жизни домовыми кражами, а «свекровь» вела домашнее хозяйство. По утверждению Анны, ходила она «на работу» только тогда, когда выходили деньги, которые лично ей нужны были только для того, чтобы одеться и купить кокаина; предпочитала ходить «на работу» одна, чтобы другие не мешали; удавалось брать только по мелочам, хорошие куши попадались редко.

В настоящее время Анна отбывает наказание (1 год с высылкой из Москвы на 3 года) за покушение на кражу. Задержана днем одна в чужой квартире, мимо которой проходила случайно и в которую проникла, убедившись, что она пуста, с помощью оказавшегося подходящим ключа от ее собственной квартиры. Изнутри не заперлась, так как знала по опыту, что при открытой двери легче отговориться и доказать отсутствие взлома. Обстановку единственной комнаты, в которой она успела побывать, она запомнила хорошо, несмотря на то, что все время прислушивалась. В таком положении ее захватили вернувшиеся домой хозяева квартиры.

За все время своей деятельности Анна Б. имеет 2 судимости за домовые кражи, одну — за покупку краденого и 11 приводов в уголовный розыск по подозрению в краже. Она не скрывает, что совершила много домовых краж, не дошедших до суда; ни бандитизмом, ни карманным воровством она никогда не занималась. Она не скрывает и того, что любит воровскую профессию. Воровское дело понравилось ей с первого раза, когда она была еще ребенком, и она вносит в свою воровскую деятельность элемент какого-то спортивного азарта. Не без нескрываемой досады и волнения она рассказывает, как однажды, спускаясь с лестницы от своей портнихи, которую не застала дома, она увидела господина, вышедшего из квартиры и заперевшего за собой дверь на ключ: она спохватилась, что у нее нет с собой отмычек и «даже сердце заколотилось от досады». Анна раздражительна и нетер-

пелива, во время совершения краж сильно волнуется и думает только о том, как бы скорей кончить и уйти. С нравственной стороны она представляет картину полного нравственного вырождения. Высших, нравственных эмоций у нее нет. Она совершенно равнодушна к другим людям и ни к кому неспособна испытывать привязанности. Между прочим, и к своим сожителям, по ее словам, она ни к одному не испытывала любви; сходилась с мужчинами, потому что «с мужчиной жить покойнее, он и накормит, и оденет». Расставалась она с своими любовниками

Профессиональный городушник Макар К.

без всякого сожаления; равнодушно меняла одного на другого, раз только он мог не хуже прежнего добывать деньги. Равнодушно она относилась и к тому, что все ее сожители попадали в тюрьмы. Не трогали ее и картины горя потерпевших от краж лиц, свидетельницей которых ей иногда приходилось быть. Она — чувственно-эгоцентрическая натура, которой дело только до самой себя и все заботы которой сводятся лишь к тому, чтобы удовлетворить свои чувственные потребности, — потребность в еде, в нарядах, — принарядиться она любит, — половую потребность и т. д. Она весела, общительна, любит попеть и поиграть на гитаре. Она знает, что красть нехорошо, ей это много раз говорили, но она на этой мысли не останавливается и сама ничего плохого в краже не видит. Иногда она как будто устает от воровской деятельности и ей приходит в голову мысль бросить это занятие, но, повидимому, это — так, на словах, лишь минутное настроение, испытываемое ею в тюрьме и подсказываемое бес-

покойностью жизни вора, которому вечно приходится бояться и остерегаться, что, несомненно, многих воров сильно утомляет. Но никаких планов в направлении удаления с преступного пути она не делала. На вопрос, почему это так, она отвечает ссылкой на свое крайнее легкомыслие и слабохарактерность; благодаря последней, ее старые знакомые вору легко увлекают ее за собой и заставляют бросать мысль об оставлении воровского занятия. Она, действительно, непредусмотрительна и легкомысленна, но, кроме того, любит жизнь, полную одними лишь развлечениями и чувственными наслаждениями, без регулярного, планомерного труда, с «вольными» деньгами и без такого порядка, который заставлял бы себя более или менее продолжительное время держать в руках и к чему-либо принуждать; именно, эта страсть к жизни, лишенной такого порядка, такой самодисциплины, к жизни бесшабашной и веселой и сделала то, что все усилия ее родных вернуть ее к нормальной, честной жизни оказались совершенно бесплодными, а предложения ее товарок и любовников на кражи не встречали с ее стороны никогда отказа. Известную долю участия в выработке ее легкомысленного, порывистого и нетерпеливого характера надо отнести и к алкогольной наследственности и тому внутреннему разладу, который царил в семье благодаря постоянному пьянству отца. Рано лишившись матери, Анна была лишена заботливого домашнего воспитания, которое приучало бы ее постепенно к трудовой жизни и создало бы у нее круг интересов, способных более или менее противодействовать соблазнам преступления. А к этому присоединилось еще систематическое развращающее влияние жилища, приучавшей девочку к кражам. Старшие, повидимому, не особенно интересовавшиеся Анной, просмотрели это влияние и дали ему пустить глубокие корни. Анна, несомненно, ленивая, с трудом поддающаяся приучению к планомерной и сколько-нибудь длительной трудовой деятельности, а тут, вместо этого приучения, было систематическое развращение ребенка. Интересно отметить еще две черты этой женщины: она, во-первых, не любит детей и никогда не желала их иметь, беременна была 3 раза и делала себе аборт; во-вторых, алкоголь она не переносит, у нее поднимается от него рвота. Кокаин же ей нравится: «занюханная можешь делать все, что нужно, даже такое, что без этого ни за что не сделаешь». Но последнее время она стала плохо себя чувствовать и от кокаина и стала его избегать.

В высшей степени ярким типом профессионала бандита является Василий Котов. Есть основание думать, что не все его преступления были раскрыты, но вот краткий перечень тех, которые удалось раскрыть:

Осенью 1917 года в Гжатском уезде Смоленской губ., в селе Островцы, была убита семья церковного старосты. Всего было убито из револьвера 3 человека.

Осенью 1918 г. в г. Гжатске, в Акушерском переулке, было убито из револьвера двое граждан.

Зимой того же года, в 4 верстах от Гжатска, в имении Шлегерс убиты из револьвера владельца хутора и ее дочь.

В ночь с 23 на 24 ноября 1920 г. в г. Курске убита топором семья Макара Лукьянчикова из 5 человек.

В январе 1921 г. в Курске была убита топором семья одного китайца и несколько пришедших к нему гостей, всего 16 человек. Немного позднее, в том же Курске, убита семья из 6 человек.

В начале осени 1921 г. в Гжатском уезде были убиты топором женщина, мужчина и двое детей.

Осенью же 1921 г., в Можайском уезде Московской губ., была убита семья хуторянина Соловьева из 5 человек.

Осенью же 1921 г., близ Вязьмы, было совершено разбойное нападение на церковного старосту одной сельской церкви.

В январе 1922 г. в Курске была убита из револьвера семья неизвестного по фамилии «хромого» гражданина из 5 человек.

Около того же времени в Гжатске была убита семья Мешалкиных из 2 лиц.

В 20-х числах января 1922 г., в г. Гжатске, из револьвера были убиты супруги Тихоновы.

В феврале 1922 г. близ Москвы, на Поклонной горе, убита топором семья Морозова из 6 человек.

Зимой 1922 г. убито молотком на хуторе Разговорова, в Гжатском уезде, 3 человека.

В феврале 1922 г. в Москве, на Красносельской улице, убиты муж и жена Малец и их жильцы, всего 4 человека.

Летом 1922 г. на хуторе Федотова убита одна старуха.

20 июня 1922 г., в Боровском уезде Калужской губ., была зарублена топором семья и работники хуторянина Лазарева — всего 16 человек, при чем на месте преступления оставлены 2 окровавленных топора.

17 сентября 1922 г., в Гжатском уезде, близ станции Батюшково, вырублена семья хуторянина Яковлева из 6 лиц, при чем одна из жертв — девочка 15 лет — перед убийством была изнасилована.

Раньше, 2 мая, близ станции Шаликово, Верейского уезда, убита топором семья Поздняк, всего 8 человек, и 3 проходивших мимо хутора охотника.

8 мая 1922 г., в Воскресенском уезде Московской губ., убита семья Суздаlevых из 5 человек и бывшие у них 3 гостей, все убиты большой гирей, завернутой в полотенце, а затем всем было перерезано горло.

Через несколько дней, 15 мая, близ станции Нара, Нарофоминского уезда Московской губернии, убита топором семья хуторянина Иванова из 13 лиц.

В сентябре 1922 г. Котов убил своего ближайшего сподвижника — Морозова.

Таков, — несомненно неполный, — список подвигов котовской шайки или, вернее, котовских шаек, так как все эти преступления Котов совершал в компании с разными лицами, часто с многократно судившимися, старыми каторжанами. В последних убийствах соучастниками его были, между прочим, карманные вору Гаврилов и Борисов, несколько членов крестьянской семьи Крыловых и, затем, бывший каторжанин Морозов-Саврасов, с которым он познакомился летом 1921 г. С декабря 1921 года Котов сошелся с Серафимой Винокуровой, которая также принимала участие в некоторых его нападениях.

Общее число убитых Котовым и его соучастниками, по данным уголовного розыска, достигает 116 человек, но, в действительности, оно было, вероятно, гораздо более.

Просматривая приведенные выше данные, сразу можно сделать несколько интересных выводов:

Во-первых, деятельность Котова носит яркую печать упорной преступности бандита-профессионала. Он совершает одно убийство за другим; в мае, напр., 1922 года в течение первой половины месяца им организовано было 3 кровавых нападения. Во-вторых, его нападения происходили на территории нескольких губерний, требовали постоянных разъездов и быстрой организаторской деятельности. Уже одно их территориальное распределение говорит, что Котов был энергичным и быстро действовавшим организатором, которому некогда было долго задумываться над своими планами и колебаться их осуществлять. В-третьих, нападения Котов делал главным образом на одинокие хутора, расположенные вблизи станции, или в отдаленных частях городов. Очевидно, он действовал строго рассчитанно, внимательно взвешивая риск своей деятельности, не гонялся за первым мелькнувшим кушем, который можно украсть. Он действовал, так сказать, с большой выдержкой, и этим отчасти объясняется, что в течение нескольких лет он оставался неуловимым. Надо добавить, что этой выдержкой Котов в значительной мере обязан своему большому уголовному прошлому. Он — старый преступник. По его словам, его первая судимость относится к 1904 году. Он был тогда еще мальчиком в трактире и судился в Гжатске за растрату данных ему в трактире для оплаты марок, за что будто бы был приговорен к 3 месяцам тюрьмы. Затем, он судился за кражи в 1912 г., был приговорен к лишению особенных прав и к исправительным арестантским отделениям; в 1914 и 1916 г.г. судился за кражи со взломом и приговаривался к исправительным арестантским отделениям. Революция застала его в тюрьме в Петрограде отбывающим это наказание; по амнистии 1917 года он был освобожден. По освобождении, он некоторое время занимался мешечничеством, а затем, как показывает вышеприведенный список его преступле-

ний, стал заниматься бандитскими нападениями. Таков, так сказать, его послужной список. Постараемся теперь заглянуть в его внутренний мир.

Василий Родионович Котов происходит из крестьян Смоленской губернии. Во время суда над ним ему было 38 лет. Его родители занимались крестьянским хозяйством и жили, по его словам, не хорошо, не плохо, — «как все крестьяне живут». Семья состояла из родителей и еще, кроме Василия, из 4 братьев. Отец судился за неоднократно совершенные им кражи из лавок

Убийца 116 человек — Котов.

и амбаров, не раз сидел в тюрьме и отбывал 4 года исправительных арестантских отделений. Братья почти все также судились за кражи. Родители его оба пили, но, по его словам, «не шибко». Воспитывался Василий дома у родителей, пока его не отдали в город, в мальчишки, в трактир. Но сносного воспитания, как видно уже из биографических сведений о его родителях, он в семье не получил. Его не научили никакому ремеслу и не отдали в школу. Он — почти безграмотный: неважно читал и мог только расписываться. Из того, что и отец, и братья его судились за кражи, ясно, что семейная атмосфера не могла воспитать в нем честности в имущественных отношениях, и нет ничего удивительного, что он довольно скоро, служа в трактире мальчиком, попал под суд и, может-быть, не по столь невинному даже поводу как растрата нескольких марок. Отец его, по его словам, был человек строгий, но строгость свою проявлял главным образом тем, что бил детей довольно часто и больно; доставалось и Василию,

но это, конечно, не содействовало внедрению нравственных правил в душу мальчика. Про мать свою Василий также говорит, что она была строгая, и это, повидимому, все, что сохранилось в его памяти о ней. Сам он — и по отзывам Винокуровой, и по своим собственным словам — также строгий, и, повидимому, в том же смысле как отец. Чего-либо особенного о детстве и юности Василия Котова сказать нельзя, потому что они, повидимому, были бесцветны и, после первого осуждения в 1904 году, в значительной части протекали в тюрьмах. Ничто никогда особенно его не интересовало, кроме, разве, торговли, которою он, время от времени, занимался; торговал он, впрочем, повидимому, почти исключительно вещами крадеными или добытыми его разбойными нападениями, и только одно время — в 1917 году — мешечничал. Но из всех легальных занятий торговля ему всего более по душе. Никаких умственных интересов и навыков в каком-либо полезном труде он с детства и юности не приобрел, а потом жизнь его стала прочно на колею борьбы с уголовным законом и по этой колее шла до последнего времени, когда он, наконец, предстал перед уголовным судом за длинный список своих кровавых дел. В окружавшей его обстановке и в условиях его воспитания не было ничего, что могло бы возбуждать и развивать какие-либо альтруистические чувства в его душе, и если у него были какие-либо зародыши этих чувств, они заглохли, атрофировались. От его кровавых преступлений веет таким бессердечием, такой спокойной и непоколебимой жестокостью, что с трудом верится, чтобы душевноздоровый человек мог совершать их с такой настойчивостью и организаторской ловкостью, которой все они отличаются. А между тем врачебное исследование не обнаружило у Котова никаких признаков нервных или душевных болезней. Он — не эпилептик и не сумасшедший. В его внешности нельзя уловить никаких признаков вырождения. На вид, это — человек, ничем не отличающийся от обыкновенного прасола или мелкого лавочника, на которого он похож своею внешностью. Он — среднего роста. Обыкновенное лицо. Тонкий нос с горбинкой. Холодные, серо-зеленые глаза. Лицо — спокойное, не склонное к улыбке, с выражением сдержанности и сосредоточенности. Это лицо — не располагает к себе, но и не отталкивает. Оно — вовсе не говорит о той поразительной жестокости, которою веет от его преступлений. Вот, например, как было совершено убийство 11 человек на хуторе гражданина Поздняка. Картину этого убийства можно воспроизвести с полнейшей точностью, потому что, по счастливой случайности, одна из назначенных жертв этого преступления — Христина Поздняк — ускользнула от рук убийц. По ее рассказу, 2 мая под вечер, когда было еще совсем светло, из леса вышли 2 мужчин и одна женщина и пошли к их хутору. Войдя во двор, они объявили себя какими-то представителями административной власти, потребовали хозяина

и сказали, что произведут обыск. При этом строго велели всем собраться в избу. Собранным, угрожая револьвером, крикнули «руки вверх» и поднятые руки перевязали. Связанные были отведены в чулан. Через некоторое время в этот же чулан были приведены три охотника со связанными руками. Они объяснили остальным, что проходили мимо хутора на охоту и обманно были завлечены в избу, под предлогом, что они должны принять участие в обыске в качестве понятых. С наступлением вечера бандиты перевели всех из чулана в избу, поставили в один ряд у стены

Котов, Винокурова (сидят в середине) и некоторые члены шайки Котова. В верхнем ряду, третий слева, карманник Сергей Гаврилор.

и скомандовали «садись». Все сели. Севшим перевязали ноги, а некоторым и глаза. Пришедшая с бандитами женщина (Винокурова) с револьвером в руках осталась сторожить связанных, а мужчины стали выбирать и увязывать вещи. После отбора вещей высокий рыжий мужчина вышел из избы и через несколько минут вернулся одетым в длинный серый армяк, что-то придерживая под полой, при чем сказал товарищу: «ну, все готово». С этими словами он приблизился, рассказывает Христина, к моему отцу, сидевшему первым в ряду, и со всего размаха ударил его топором по голове. Все связанные в ужасе стали метаться, кричать и расподзаться как могли, моля о пощаде. Особенно просил о пощаде один из молодых охотников, плакал и умолял оставить его в живых ради 7 малолетних его детей, при больной матери. Все было

бесполезно. Бандит продолжал рубить голову за головой, отвечая на все грубейшей площадной бранью. Разбив череп матери семейства, сидевшей рядом с отцом, а затем братьям, убийца стал приближаться к Христине. В этот момент она неожиданно для себя, откинувшись назад, попала под стоявшую в комнате кровать с длинным пологом, дернула под себя ноги и заползла под провалившиеся под кроватью половицы, а затем с большим усилием — под стойки, на которых была сложена русская печь. Смутно она помнит, как кто-то из связанных как будто пытался поползти за ней под кровать, но был отдернут убийцей назад. Вскоре крики и стоны утихли, очевидно, все были убиты. Скрывшаяся слышала и видела, как в противоположном от нее конце избы убийца, вынув половицы и предварительно осветив подполье электрическим фонарем, стали бросать под пол трупы. В этот момент она потеряла сознание и когда очнулась — была уже полная тишина и было светло. С трудом освободившись от повязок, она выползла из своего убежища и направилась в соседнюю деревню, где все и рассказала. Она сообщила, затем, все виденное агентам уголовного розыска и, как могла, описала внешность и приметы убийц.

Через несколько дней, 15-го мая, близ станции Нара, Наро-Фоминского уезда, при сходной обстановке, была убита семья хуторянина Иванова из 13 лиц. В этом деле один из потерпевших, — сын хуторянина Николай Иванов, — каким-то чудом прожил с разможенным черепом некоторое время и иногда ненадолго приходил в сознание. Очень отрывочно, но он смог кое-что рассказать; из его отрывочных сообщений можно было составить картину, сходную с тем, что говорила Христина Поздняк: было 2 мужчин, из которых один рыжий, высокий, и черненькая, молодая, красивая женщина, так же одетые, как убийцы Поздняк. Таким же образом был совершен и самый акт убийства. И в других случаях техника преступлений была поразительно проста и однообразна. Приходили, связывали людей, увязывали вещи, при чем на процедуру отбора и увязки вещей тратили иногда много часов, так что, придя на хутор утром, уезжали с награбленным на лошади убитых поздно вечером, иногда — ночью. Во все время отбора вещей связанные сидели где-нибудь в чулане, затем, перед отъездом их выводили, сажали в ряд и разбивали им головы. Били топорами, иногда молотком, в одном случае — гирей по голове, иногда стреляли. Для убийства надевали особый брезентовый халат. Заботливо удаляли связанные узлы награбленных вещей с места убийства, чтобы на них не попали брызги крови и частицы разбиваемых голов жертв. Иногда женщины перед убийством насильовались, хотя насильовал ли их сам Котов или лишь его соучастник — Морозов, — осталось невыясненным. Заслуживает внимания, что Котов постепенно истреблял своих соучастников, по мере того, как они становились ему не нужны. Так, среди

убитых им было несколько семей скупщиков краденого, которым он продавал награбленное и от которых хотел избавиться. Таковы, например, были муж и жена Малец, а также семья убитого неизвестного «хромого». Интересно, как он убил своего ближайшего сподвижника Морозова, который стал слишком пить и становился опасен для него своею пьяной болтливостью. С Морозовым, казалось, его связывают приятельские отношения и прочные узы арестантской солидарности. Иван Иванович Морозов-Саврасов, выступавший под именем Ивана Ивановича Иванова, был, как и Котов, старый преступник, человек с большим уголовным прошлым, выпущенный в начале революции, по амнистии 1917 года. Он был освобожден с каторги, к которой был приговорен на 15 лет за убийство пытавшегося его задержать городского; и раньше он, по словам Котова, судился за «мокрые дела», т.-е. за убийства. Морозов был убит Котовым, по рассказу Котова, при следующих обстоятельствах и по следующим мотивам. В сентябре 1922 г., именно 23-го сентября, к ночи, Котов и Морозов приехали на станцию Апрелевка Брянской железной дороги и засели в лесу, между Апрелевкой и деревней Горки, в версте от станции, с намерением ограбить и убить «подходящих» проезжих крестьян или дачников. Некоторое время они ждали бесплодно. Тогда Котову пришла мысль, приходившая ему и ранее, о необходимости избавиться от Морозова, который ему сильно надоел и становился не безопасным, так как стал слишком сильно пить. В разговоре со мной он приводил и еще новый мотив своего убийства: будто бы он желал бросить преступную дорогу, устроиться с Винокуровой семейно где-нибудь на Кубани и заняться торговлей, а Морозов мешал ему, вовлекал его в преступления. По обычаю арестантов валить все на умерших или скрывшихся соучастников, Котов склонен винить Морозова в своей упорной преступной карьере, хотя она началась задолго до его встречи с Морозовым и раньше протекала в не менее кровавых формах. Он не раз подчеркивал, что головы обыкновенно рубил Морозов, хотя вынужден был признать, что иногда акт убийства приходилось совершать и ему самому. Как бы то ни было, мелькнувшая у него 23-го сентября мысль отделаться от сотоварища, с обычной для него решительностью, сейчас же была им осуществлена: двумя выстрелами из револьвера в упор сидевший рядом Морозов был убит.

Во время продолжительной моей беседы с Котовым, а также наблюдая его поведение на суде и внимательно вглядываясь в детали его поступков, я мог убедиться, что он прекрасно владеет собой, безусловно не глуп, быстро ориентируется в обстановке, в которой находится, и в людях, с которыми ему приходится говорить, имеет недурную память,—что отчасти подтвердили и произведенные мною эксперименты,—вполне обладает способностью быстро сосредоточивать и переводить свое внимание, очень

сдержан и скуп на слова, лишен той развязности и неприкрытой, бьющей ключом чувственности, которая так часто встречается у профессиональных убийц. Культ чувственных удовольствий был у него скрыт под видимой сдержанностью, да и круг этих удовольствий не отличался у него большим разнообразием. Он хотел, конечно, сытно и в довольстве пожить, и ради этого совершал свои кровавые преступления, но особой склонности к широким кутежам с бахвальством и с угощением массы приятелей, с шумным пьяным разгулом в притоне у него не было. Он любил выпить и вкусно поесть, но любил делать это у себя дома и не как-нибудь «безобразно» пьянствовать. Он не любитель ходить по гостям, да и у себя гостей принимать не охотник. Он любил побыть дома, поскольку позволяли «дела». С удовольствием жил бы на одном месте, но «положение мое, — говорил он, — было перекидное». Поторговав днем на рынке награбленным добром, он любил вечером попить у себя дома чайку, пойти с Винокуровой в кинематограф и тому подобные сравнительно невинные развлечения. Особенно любимых развлечений у него не было. Про себя он говорил, что он «не скучный, не мрачный, а так — средний». Этим он хотел сказать, что не склонен к тяжелым душевным переживаниям и к шумным удовольствиям и смеху, а к сдержанному удовлетворению своих чувственных потребностей. Состояние духа у него обыкновенно бывало ровное, спокойное, и на вопрос, как он вообще себя чувствовал прежде и теперь, он отвечал, что чувствовал и чувствует себя хорошо, лишь иногда он испытывал не то грусть, не то скуку, но это были мимолетные состояния, не омрачавшие надолго его существования. Никаких тревожащих или кошмарных снов он, по его словам, никогда не видел. На мой вопрос о жалости к убитым и о раскаянии он просто ответил, что жалости не испытывал и не раскаивался; «ведь это было бы бесполезно», — добавил он. За половыми наслаждениями он, повидимому, особенно не гнался. Семейная жизнь его не удалась. Он давно оставил жену, на которой еще юношей женился в деревне, и потерял ее из виду; от жены у него была дочь. В дальнейшей жизни у него были лишь мимолетные связи с женщинами, продолжительных сожителств не было. Любить он ни одной не любил. Следы некоторого чувства у него можно было заметить лишь в отношении Винокуровой; какая-то привязанность, не сильная и не яркая, у него к ней была. Об этом говорят его некоторые заботы о ней и в прежней их жизни, и в заключении. Нежен с ней — и по его словам, и по ее сообщению, — он не был, но и грубо не обращался. На вопрос, бил ли он ее, он ответил: «нет, она и так подчинялась». И, повидимому, эту покорность ее он, прежде всего, в ней ценил. На вопрос, могла ли она не подчиняться, он сдержанно, но строго ответил: «должна подчиняться». И из тона этого ответа, и из общего впечатления, им производимого, ясно, что не подчиняться такому человеку Серафима не

могла. Котов, несомненно, человек сухой и не экспансивный: в нежных формах он своей некоторой привязанности к Винокуровой не проявлял, но по известным заботам о ней об этой привязанности заключить можно. Впрочем, письмо, которое он написал ей в заключении, и по форме не лишено нежности. Оно начиналось словами: «Сима-детка». Между прочим, в нем была фраза, заставляющая думать, что Котову не чужда была мысль об особой арестантской славе в мире преступников; фраза эта следующая: «Имя наше долго будет». Как бы то ни было, если у Котова и была некоторая привязанность к Винокуровой, это, повидимому,

Сожительница бандита Котова, Серафима Винокурова.

единственная привязанность его в жизни. Поскольку удалось проследить его жизнь с детства, он никогда ни к кому не испытывал привязанности, ни с кем в дружбе не состоял, никогда никого не любил, ни с кем долго не сожительствовал. Затем, никогда он, повидимому, никому не помогал и никого не жалел; проявлений альтруистических чувств в его жизни я подметить не мог.

Я очень интересовался вопросом, чем мог понравиться Котов Винокуровой, что она в нем нашла? Она призналась, что его не любила и сошлась с ним не по любви. Их сожительство устроилось так. Родители Винокуровой — люди бедные, которые держали у себя постоянный двор, т.-е. давали за плату приют проезжим; жили они у станции Курск. Среди проезжих оказались Котов с Морозовым, при чем Котов выдавал себя за богатого, спекулирующего коммерсанта. Серафима Винокурова — совсем еще

молодая женщина; во время суда ей было только 20 лет. Это — брюнетка небольшого роста, с бледным, не особенно красивым лицом, с большими карими глазами и довольно скверными зубами. Умственно — мало развита, малоспособна, имеет плохую память. Училась 3 года в городском училище и довольно плохо, курса не кончила. Сама про себя она говорит: «учу, бывало, учу, не могу выучить». Сима сначала и не заметила Котова, никакого впечатления он на нее не произвел. Но когда, во время 3-го посещения Котова, Морозов сделал ей от имени Котова предложение сойтись с ним и рассказал о его богатстве, она ответила: — «подумаю». После этого она посоветовалась с родителями, так как «из родительских рук выходить нельзя», и, когда они согласились, дала свое согласие. До Котова она мужчин не знала, ни в кого не влюблялась, с молодыми людьми если и гуляла, то так, просто «для препровождения времени». Стараясь разузнать, что именно ее склонило, независимо от совета родителей, согласиться на это сожительство, я долго не мог найти объяснения. И только после того, как я стал внимательно прослеживать, что ей вообще нравится из предметов и занятий, я, наконец, выяснил, что более всего ей нравится торговать, и она с удовольствием занималась мелкой торговлей с лотка. Она призналась потом, что сошлась с Котовым в надежде, что он, как богатый спекулянт, откроет лавку, и она сможет в ней торговать. Никаких других интересов я у нее подметить не мог. Ленивая и малообразованная, она никогда не имела никаких умственных интересов. Крестьянское хозяйство ее не привлекало. Не склонная к любви, романам и мечтам, она хотела лишь через торговлю вывернуться из бедности и нажать капитала. Котов отвечал этим ее желаниям, как мужчина же он не производил на нее никакого впечатления. При своих исследованиях преступниц я не раз встречал такие черствые, рассудочные натуры, которые, несмотря на свои 17—18—19 лет, более всего мечтали и стремились к торговле и соглашались на участие в кражах и бандитских налетах, чтобы сразу получить большой куш и завести лавочку, палатку на рынке и т. п. Винокурова принадлежала к их числу. Итак, от нее мы узнаем, что в обществе Котов был незаметен и неинтересен, ни веселой болтливости, острот и шуток, ни нежного ухаживанья, которое могло бы привлечь к нему сердце юной девушки, с его стороны не было. И, действительно, сдержанный, малоразговорчивый, холодный и несколько суровый с виду Котов, по внешности, не был привлекателен. Впрочем, сама Винокурова, с своей точки зрения, была Котовым довольна и говорила про него, что он «человек хороший, к торговле способный, может купить-продать». Котов, повидимому, довольствовался одной Винокуровой; можно поверить ему, что изнасилования жертв убийства совершал Морозов. Вообще повышенной половой возбудимости и склонности к романтическим приключениям у него не заметно. С ней он был сдержан, суров,

но не дрался. Однако на один из моих вопросов, что бы он сделал, если бы Винокурова в каком-либо случае не подчинилась, стал ли бы ее бить, он спокойно ответил: «могло случиться». Мне не раз, во время беседы с ним, приходила в голову мысль, что Винокурову ждала участь Морозова, что вскоре, когда она прискучила бы ему, он пожелал бы от нее избавиться как от вредной свидетельницы и, возможно, применил бы свой обычный способ.

На свои дела и на самого себя Котов смотрел как на явление обыкновенное. «Обыкновенно» — это его любимое слово, которое он постоянно вставлял в свой рассказ. Когда его спрашивают, как он относится к крови и ранам, какое впечатление на него производит вид их, он отвечает: «обыкновенно, как все». Из дальнейшей же беседы выясняется, что они не производили на него совершенно никакого впечатления, и именно это он подразумевал в данном случае под словом «обыкновенно». Когда его спрашивали, как он совершил то или иное убийство, он отвечал: «обыкновенно, пришли, связали и убили». На вопрос, ладно ли он жил с Винокуровой и любил ли ее, он тоже ответил: «обыкновенно, как все». В преступлениях своих он тоже склонен видеть не более как «обыкновенные» преступления. Среди лиц, составлявших его шайку, Котов сразу выделяется как морально очень ограниченная, но цельная личность, как человек — решительный, безжалостный, неспособный ни на какие отступления или колебания ради каких-либо сентиментальных побуждений. Его кровавые дела, повидимому, действительно, в его глазах были чем-то обыкновенным и не производили на него никакого впечатления. Стоны, мольбы и просьбы жертв его только злили и вызывали с его стороны грубую брань. На него самая картина убийства не производила никакого смущающего, способного хоть сколько-нибудь поколебать, впечатления. Правда, он мне говорил, что во время убийства был в возбуждении, и на вопрос, что это за возбуждение и почему оно у него являлось, ответил: «все-таки некрасиво». Этим он хотел сказать, что чувствовал моральное безобразие этих поступков, но я имею основание полагать, что этот ответ он дал, принаравливаясь к собеседнику, с целью лучше выглядеть в его глазах. На самом деле его возбуждение, вероятно, имело не моральный источник, а садический характер. На такую мысль наводит многое. Во-первых, он убивал многих лиц, которых «для дела» убивать не было надобности, например, замеченных прохожих, в которых не было оснований бояться встретить потом опасных свидетелей, которые прошли бы, ничего не заметив, младенцев 2 — 3 лет, в одном случае даже 9 месяцев, которые, конечно, никого «опознать» не могли. Во многих случаях можно было просто украсть, никого не убивая. Но, повидимому, Котов и, может-быть, еще более Морозов во время «дела» приходили в состояние возбуждения, при котором им приятно

было убивать, и они стремились убить как можно более, не только всех, кто находился на месте преступления, но и около. В одном месте они убили даже кошку, чтобы ничего живого в доме не оставалось. Во-вторых, поведение его до момента убийства, когда в течение многих часов рассматривалось и разбиралось имущество жертв, и поведение после некоторых убийств, когда они тут же на месте преступления, перед отъездом, с аппетитом закусывали, говорит, что настроение их во время убийства было спокойно деловитое, без смущающего волнения, проистекающего из

каких-либо отголосков добрых чувств. Да и Винокурова не говорила, чтобы сам Котов испытывал страх или смущение от своих преступлений. Правда, по ее словам, он хотел бросить эти свои «дела», но потому, что при них нельзя было спокойно жить на одном месте, да и риск быть пойманным все возрастал, добра же он награбил порядочно. Притом, о том, что надо бросить эти «дела», только говорилось, — если вообще правда, что об этом была речь, — никаких же попыток переменить образ жизни не делалось. Интересно отметить еще, что, исследуя жизнь Котова, в ней нельзя уловить, с самой его юности, ни одной попытки, ни одного усилия вернуться на путь трудовой жизни. Наконец, общее впечатление

Крылов—участник шайки Котова.

от всех котовских «дел» говорит, что характер этого человека отличается поразительной цельностью, что из него выпало все, что могло бы вызывать колебания, отступления и внутреннюю борьбу. Да и сам он спокойно и уверенно заявлял также, что действовал вовсе не по нужде, что убивал, когда и не было в этом нужды. На вопрос же, что заставляло его в этих случаях убивать, он отвечал: — «не могу этого объяснить». Тот же ответ он давал и на вопрос, как он сам смотрит на свои преступления, какую оценку сам им дает. Когда же заходила речь о его жизни в ее целом, полной краж и убийств, и его спрашивали, как он попал на такой путь, он отвечал: «обыкновенно, попал с такими людьми». На вопрос, что именно привлекало его в убийствах, ведь он мог бы больше получить крупными кражами, техника которых ему хорошо известна, он тоже, — и, повидав

тому, искренно, — ответил: «не могу этого объяснить». Отношение самого Котова к его преступлениям всего правильное назвать «спокойно-деловитым»; таково было его настроение и в самый момент убийства: он деловито оценивал все обстоятельства, быстро ориентировался в них, спокойно разбирал добро, бил топором или револьвером и заботливо убирал мешки и узлы, чтобы они не запачкались кровью. Он избрал себе известный способ существования — страшный путь убийства — и шел по этому пути, ничем не смущаемый и не останавливаемый. Если и были у него зародыши чувств, которые могли смущать и вызывать внутреннюю борьбу, они умерли еще в его юности, а, может-быть, и в детстве. Да и были ли они когда-нибудь? Котов — яркий пример профессионала и, притом, импульсивного профессионала, действовавшего постоянно по первому требованию своих чувственных потребностей. Это — натура, без всяких колебаний, решительная, именно благодаря своему крайнему оскудению и ограниченности, вследствие морального вырождения. Принимая во внимание все, что может говорить в его пользу, в частности, его отношение к Винокуровой, все-таки его надо признать моральным имбециллом. Его ближайший сподвижник Морозов, повидимому, был еще ниже на лестнице морального вырождения, — моральным идиотом, — но с уверенностью о нем судить нельзя, так как мы знаем о нем только то, что сообщили Котов и Винокурова. Интересно отметить, что Морозов был страстным любителем газет, читал их каждый день по несколько штук, особенно судебную хронику. В заключение характеристики Котова надо отметить, что он производил впечатление арестанта, всецело проникнутого арестантской тюремной этикой. А одно из правил этой этики требует не выдавать соучастников; если сам попался так, что отвертеться нельзя, выгораживай, по мере сил, остальных. Но если соучастник выдал тебя, без стеснения «уличай» его на суде. И Котов так и делал: он старался, поскольку было возможно, выгородить Винокурову и остальных и прикрыть неразысканных членов его шайки. Только своему соучастнику Ивану Крылову, выдавшему их в уголовном розыске, он с спокойной холодностью сказал: «собираюсь на тот свет, да и тебя решил прихватить с собою». Про него он многое рассказал на суде.

IX.

Импульсивные типы различных оттенков очень распространены среди современных преступников. Так, например, из 250 бандитов, обследованных мною, я встретил их в 203 случаях, т.-е. более чем у 80%; не менее часто встречаются они среди воров,¹ да и среди других преступников они наблюдаются в доброй половине случаев. Чем же вызывается такое широкое распростра-

¹ О ворах автор готовит особую работу.

нение этого типа? Причин этого много и они очень разнообразны. Я не имею возможности входить здесь в подробное их рассмотрение. Отмечу сжато только три фактора, по моему мнению, имеющие особенно широкую сферу действия.

Прежде всего, алкоголизм, алкогольная наследственность, у многих усиливаемая личным алкоголизмом. Вглядитесь в биографии этих преступников и вы увидите, что почти все они — потомки алкоголиков. В лице массы современных импульсивных преступников мы имеем перед собой потомство ряда пропитанных алкоголем поколений. Это от своих предков-алкоголиков они унаследовали свою импульсивность, свою склонность действовать по импульсам, непосредственно возникающим из антидипаций тех или иных приятных ощущений, не задерживая этих импульсов, решаясь на самые бурные реакции преступного характера по поводам иногда совершенно незначительным. И, вступая на преступный путь, они не думают о наказании и вообще о будущем, живя лишь интересами текущего момента, руководясь тем, что предощущается ими как ближайшее последствие их поведения. Их преступная деятельность, так сказать, не течет в русле каких-либо общих целей их жизни и не составляет части работы, направленной на достижение последних, а развивается в соответствии с голосом отдельных, наличных потребностей, чтобы дать им известное временное удовлетворение. И обыкновенно импульсивные преступники действуют спокойно, или если волнуются, то по эгоистическим соображениям, из страха, из сознания опасности своего положения и возможных тяжелых для них последствий — побоев, смерти и др., и только иногда и некоторые — и вследствие глухого протеста некоторых добрых чувств.

Я подсчитал для 250 обследованных мною бандитов данные, касающиеся их алкоголизма и алкоголизма их предков, считая сильно пьющими напивающихся пьяными часто, в неделю раз и чаще и пьющих запоем. Вот цифры, которые я получил, при чем надо помнить, что многие из этих данных относятся ко времени запрещения спиртных напитков, когда достать последние было трудно. У 250 бандитов родители, по крайней мере отцы:

пили:	не пили:	сведений получить не удалось:
у 148 (59%)	61 (24,5%)	41 (16,5%).

Из 250 бандитов в возрасте от 17 лет:

пили сильно:	пили средне:	пили мало, т.е. редко, по особым случаям, не по своей инициативе:	не пили:
87 (35%)	75 (30%)	42 (17%)	46 (18%).

Из 250 бандитов во время совершения преступления были:

пьяны:	выпивши:	трезвы:	точных сведений не получено:
42 (17%)	67 (27%)	118 (47%)	23 (9%) ¹ .

Второй фактор, деятельно вырабатывающий импульсивные криминальные типы, это — отсутствие сколько-нибудь заботливого воспитания по разным причинам: вследствие сиротства, бедности семьи, нежелания родителей-алкоголиков заниматься своими детьми, их непонимания воспитательных задач и решения всех их одним средством — побоями. . . Эта заброшенность детей, беспризорность их в ее многообразных формах, — вот один из сильнейших факторов преступности и преступности импульсивной прежде всего. Посмотрите биографии этих преступников, и факты этой беспризорности будут постоянно мелькать перед вами.

Третий фактор — война. Преступный тип всегда носит живой отпечаток той социальной среды, в которой он вырабатывается. Как скоро в социальной среде происходят какие-либо крупные изменения или даже катастрофы, это неизбежно отражается на чертах криминальных типов данной эпохи и на личном составе их носителей. В частности, тип современного бандита сложился, несомненно, под впечатлениями войны, в атмосфере которой мы так долго жили. Война оказала несомненно нравственно огрубляющее и притупляющее влияние на многих не только участвовавших в ней, но и долго живших под впечатлением различных известий о военных событиях. Она приучила многих, особенно молодых и неустановившихся людей, быстро и без особых усилий решаться на открытое нападение на другого человека, менее ценить человеческую жизнь и личность, не смущаться применять физическую силу для того, чтобы добиться удовлетворения той или иной своей потребности. Так, например, из 250 бандитов 135 были на фронте и участвовали в боях; 48 — были на военной службе, но в боях не участвовали, а находились в тыловых частях, на нестроевых должностях и т. п.; 67 — не служили на военной службе, многие из них — по молодости лет. Любопытно сопоставить эти числа с числом бандитов с самостоятельной активностью, т. е. вступивших на бандитское поприще самостоятельно, не в силу чьих-либо уговоров, и выполнявших какую-либо активную роль; таких оказалось 152. Эти люди выполняли по своей инициативе активные роли во время нападения: угрожали, связывали, сторожили связанных, наносили побои, раны, убивали и т. д.

Из 250 бандитов решились на преступление:

Без заметных колебаний:	С непродолжительными колебаниями:	После долгих колебаний:	Не удалось выяснить:
176	56	7	11

¹ Самый характер преступления заставляет бандитов избегать опьянения во время преступления. Соучастники часто оставляют дома опьяневших товарищей.

Из них 100 человек относились с полным равнодушием к вопросу о применении насилия, к виду крови, ран и трупов. Из них 33 заявили, что сами заметили, что вполне привыкли ко всем этим зрелищам, — прежде для них неприятным, — на войне. У 82 бандитов были заметны нерасположение к насилию и тяжелые впечатления, производимые на них видом крови и ран. 24 бандита никогда не видели ран и крови, кроме небольших кровотечений при порезе собственных пальцев. Относительно 38 точных сведений по данному вопросу не получено. У шести была резко выражена любовь к насилию при равнодушии к его последствиям.

В качестве дальнейших факторов, действующих в том же направлении, могу указать на несовершенство пенитенциарных учреждений, побывав в которых, экзогенные преступники выходят с сильным предрасположением к импульсивной преступной деятельности, и на расшатанность нравственных воззрений современного общества.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Эмоциональные преступники.

Под эмоцией я разумею душевное движение, характеризующееся тем, что известное чувство выделяется в сознании и направляет ход психических процессов, затрудняя появление враждебных ему представлений и чувств и облегчая, наоборот, проникновение в фиксационную точку сознания тех, которые способны его поддержать.¹ Это душевное движение может сопровождаться более или менее сильным волнением, и тогда оно представляет собою аффект, который, в зависимости от силы своего напряжения и влияния на ход психических процессов, может быть физиологическим или патологическим. Патологический аффект, совершенно лишая человека возможности выбора, способности произвольных движений для достижения известных целей, делает его невменяемым. Состояние патологического аффекта представляет собою душевное волнение крайней и болезненной напряженности с сильным влиянием на сосудодвигательную нервную систему, благодаря которому возникают параличи, спазмы, неправильные расширения сосудов, и внезапно изменяется распределение крови и кровяное давление в мозгу. По форме своего проявления патологические аффекты могут быть различны: они могут носить характер неистовства, оцепенения, ужаса и т. д. Физиологический аффект, затрудняя понимание окружающего, наблюдение за собой и руководство своими действиями, не лишает, однако, человека, при известном усилии над собой, возможности обдумывания, взвешивания, выбора. Далее, эмоция может и не сопровождаться

¹ Ср. стр. 42 сл.

заметным волнением, а протекать сравнительно спокойно, проявляясь как некоторое напряжение известного чувства и сосредоточение около него психических процессов, не сопровождаемое таким влиянием на ход органических процессов, при котором о человеке говорят, что он волнуется. К эмоциональным преступникам я отношу тех, которые совершили преступление главным образом ради удовлетворения определенного чувства, у которых известные чувства достигают такой напряженности, что из комплексов, в состав которых они входят, рождаются сильные импульсы к определенному преступлению, не находящие у этих лиц достаточной задержки. Возникшее у подобного субъекта чувство требует удовлетворения с такой силой или настойчивостью, что он чрезвычайно живо антиципирует приятность удовлетворения этого чувства и подчиняется сильному импульсу к поступку, обещающему доставить это удовлетворение.¹

Среди эмоциональных преступников можно различать следующие главные разновидности:

1) *альтруистов*, т.-е. действующих ради удовлетворения известного альтруистического чувства, побуждающего служить другим людям и находящего свое удовлетворение в доставлении им чего-либо приятного, например, ради любви, дружбы;

2) *антиальтруистов*, т.-е. действующих ради удовлетворения известного антиальтруистического чувства, например, злобы, мести, ревности, вообще чувства, побуждающего вредить другим и в причинении этого вреда находящего свое удовлетворение.

В пределах каждого из двух указанных типов преступники могут быть разбиты на видовые типы, смотря по роду чувств, являющихся у них главными руководителями их преступной деятельности: злобно-раздражительные, ревнивцы, завистники и т. д., и, кроме того, в пределах каждого видового типа, на две разновидности:

а) действовавших в состоянии более или менее сильного душевного волнения, по взрыву, так сказать, известного чувства; их можно назвать *аффективными*, и

б) действовавших рассчитанно, с большею или меньшею обдуманностью ради удовлетворения известного чувства; их можно назвать *обдуманно-эмоциональными*.

¹ С целью сделать более ясной границу, отделяющую эмоциональных преступников от импульсивных, следует напомнить, что последние вступают на преступный путь главным образом для получения известных приятных ощущений, связанных с самым совершением преступления или с его плодами. Между чувствами и ощущениями есть несомненные различия: ощущения связаны с известной частью тела, чувства — нет; противоположные чувства переходят друг в друга и одновременно несовместимы в сознании, ощущения друг в друга не переходят; чувство не допускает сосредоточения на нем внимания и в таком случае исчезает, ощущение же от этого приобретает большую ясность. Ср. Титченер. „Учебник психологии“. Ч. I, 1914, стр. 192 сл.

Первые действуют в «порыве» известного чувства, необдуманно и иногда искренно и горько раскаиваются после в том, что они сгоряча сделали. Вторые действуют если и в аффекте, то не сильным, с расчетом, ставя иногда предварительные условия для того или иного образа действий, выжидают подходящих условий, а при отсутствии таковых откладывают свой поступок и т. д. У них антиальтруистическое чувство не вспыхивает сразу бурным аффектом, а обыкновенно нарастает постепенно, но, достигнув известного напряжения, долго держится на этом уровне, не вызывая видимого волнения. Часто они действуют с большим спокойствием, отчетливо помнят каждый свой шаг, не теряются, встречая какое-либо препятствие, и с большим хладнокровием потом скрывают следы преступления. При сильном напряжении чувства они сохраняют ясность и отчетливость мышления. Не чувство захватывает их, а как будто они отдаются во власть известного чувства, потому что им приятны его проявления. Ни особой торопливости, ни излишних, ненужных для их цели действий у них не бывает или бывает, во всяком случае, гораздо меньше, чем у других носителей эмоционального типа. Вся их деятельность, во время самого совершения преступления и сокрытия его следов, носит характер обдуманности, расчетливости, необычной в подобных случаях осмотрительности. Есть и случаи, в которых хотя и имеет место аффект, но он бывает не силен, так что субъект сохраняет способность взвешивать и обсуждать. Вот несколько примеров, иллюстрирующих различные оттенки состояния эмоциональных преступников.

Так, например, Иван Харитонович Г., 35 лет, русский, из крестьян Тамбовской губернии, 18 июля 1923 года, из мести, причинил тяжкое телесное повреждение девушке 16 лет Н., потерявшей зрение на оба глаза оттого, что он плеснул ей из стакана купоросным маслом в лицо, при чем сделал это по следующему поводу и следующим образом. Человек недалекий и злобный, но очень много о себе думающий и самолюбивый, большой авантюрист, побывавший в Америке и кое-чему там научившийся, мелочный и упрямо-принципиальный, — «до женщин не падкий», он последнее время торговал с лотка бритвами и гребнями у Иверских ворот и там познакомился с Н., торговавшей здесь же бутербродами. Он стал за ней ухаживать, провожал ее после торговли домой, покупал ей цветы, фрукты, духи и т. д. Он объяснил ей, что он до женщин не падок, что он рад, что кажется ей «неповерхностным», что он предлагает ей вступить с ним в брак и «имеет с ней дело как с человеком, которому много доверяется, но с которого многое и требуется», что она прежде, чем дать ему слово, должна серьезно подумать и т. д. Говорил, повидимому, долго и довольно витиевато. Некоторое время она его ухаживания принимала и согласилась стать его невестой. Вдруг как-то она заявила ему, что он ей надоел и что надо бросить «вольнку

тянуть». «Я, — говорит он, — не выражаюсь такими словами». Дома ему пришло в голову, что он оскорблен, что так порвать с ней она не имела права, что должна была «мотивировать» свой отказ, и если она ошиблась в нем, то — извиниться перед ним и вернуть ему истраченные им на нее деньги. В этом духе он составил письмо, в котором заявил ей, что она должна отдать ему истраченные на нее деньги, точный счет которых он представил, или, по крайней мере, извиниться перед ним. Придя утром на место торговли, он подошел к ней и молча подал письмо. Она спросила, что в письме написано? Он ответил: — возьмите и прочтите. Она отказалась принять. Тогда он на словах изложил ей содержание письма; она отказалась и деньги вернуть, и извиниться: «вот еще извиняться, что за хулиганство, подите вон, у нас говорят одно, а делают другое». Он ей говорил, что она «из принципа» должна или вернуть деньги или извиниться, но она в ответ обозвала его «хамом». На его слова: «потом узнаешь, хамство или нет» она ответила: «убирайся к черту». Ушел и стал читать газету. «У меня, — говорит он, — сложилась перспектива жизни, а она меня обманула». «Хотя она и училась в гимназии, но нравственного достоинства не имеет; если бы я знал, то не давал бы и не брал бы слова». Раньше он никогда не влюблялся и от женщин по возможности «воздерживался». В этой девушке он «полюбил человека». Разговоры с ней у него всегда были «на экономические темы». Он ей доверял более, чем кому-либо, а «она парализовала так его жизнь». У него явилась мысль о мести уже утром. «У меня ум, — говорит он, — быстро работает и не каюсь». «Раз решил, значит исполняю». «Оскорбление оскорблению рознь». «Я человек предупредительный, зря не пользуюсь слабой стороной человека». «Я имел с ней дело как с человеком, которому доверял свое я». «Я отдал ей лучшее место (для торговли), которое она изгадила как отхожее место». «Теперь ничего против нее не имею, так как она получила свое». «Я себя не признаю преступником». «Если нравственно паду, то сделаю преступление, а пока преступления не сделал». «Она сделала из меня тряпку, а я показал, что я человек, а ее сделал тряпкой». И он рекомендует себя при этом как человека «с твердым характером». Проходя утром по Трубному рынку, он увидел, что продают купоросное масло, и чувство мести нашло у него себе подходящую форму выражения; он подумал: «в той же мере отомщу, как и она мне». «Всякая измена есть величайшее преступление». «На фронте за измену к смерти приговаривают». «У нее с самого начала зародыши коварства были», она была «центростремительна», а он — «центробежен». «Нравственно» себя не считает виновным. «По мере сил, — говорит он, — накажу кого следует». Он считал преступлением предложить ей, как девушке, куда-нибудь пойти, а она оказалась «кусочек гадости». «Я душу свою так тонко знаю, — говорит он, — как никто», она

является «на 100% виновницей», а он терпит «наказание за наказание». 18 июля, купив масло, он явился на обычное место торговли, подошел вплотную к *Н.* и плеснул в нее купоросом, за что и был приговорен к лишению свободы на 8 лет. Главными движущими силами его преступления были его мстительность и злобность, подкрепленные резонерством. Интересно отметить, для характеристики *Г.*, что в 1914 г., когда началась война, он решил, что нравственно обязан вернуться на родину, вернулся, поступил добровольцем в армию, попал на германский фронт, участвовал в боях, был ранен и попал в плен; из Германии пробрался в Англию, откуда на пароходе второй раз поехал в Америку за снарядами. Другая черта его: желание учиться, он почти безграмотным попал в первый раз в Америку и многому там выучился; затем он был 1½ года студентом иркутского рабочего факультета. Он много читает и любит чтение.

Обдуманно, без особой спешности осуществил свой акт мести и другой юный преступник — Самуил *Ц.*, 25 лет, еврей, который с 1918 года был на военной службе, в последнее время — командиром эскадрона. Он задумал жениться на одной еврейской девушке, которая жила в другой квартире того же дома и которую он очень полюбил. Мать его была против этого брака и постоянно ссорилась с семьей невесты, упрекала ее родителей, что они «заловили» молодого человека, а про своего сына им говорила, что он — неряха, легкомысленный, никого долго любить не может и с их дочерью долго жить не будет и т. д. Она старалась действовать на сына и иным образом: не стирала и не чинила ему белье, отказывалась готовить ему обед, не хотела выдавать ему оставшийся после смерти отца в 1922 году зеркальный шкаф и продала отцовское пальто, а сын считал, что эти вещи должны пойти ему, и имел в виду после свадьбы взять их себе. На этой почве между сыном и матерью были постоянные нелады, которые и привели ночью 20 февраля 1923 года к роковой развязке. Дело происходило в Симферополе. 19 февраля Самуил утром не стал дома пить чай, а ушел к невесте и оттуда на службу. Вернувшись со службы, он узнал, что мать ворвалась с самоварными шипцами в квартиру невесты, ударила ее мать и схватила за волосы невесту. Родители невесты очень упрекали его, что он не имеет характера и не может укротить своей матери. Весь вечер Самуил пробыл у невесты и ушел от нее в 11 часов с намерением убить мать, задушить ее, как только она откроет ему дверь. Однако, когда она открыла дверь, он не выполнил этого намерения и пошел к себе спать. Не спалось. Припоминались все обиды, нанесенные ему матерью, он злился, временами плакал. У него окончательно созрел план убить мать, и он тщательно продумал его в течение нескольких часов. В четвертом часу утра он встал, прокрался в комнату матери, снял ключ от сарая, пошел в сарай, взял там одну из досок, аршина в 1½ длину, вернулся в комнату матери,

стал у изголовья и несколько раз ударил ее доской по голове. От стонов матери проснулся спавший в соседней комнате брат, бросился было в комнату матери, но убийца его не пропустил, сказав: «маме плохо, беги за доктором». Послав брата за доктором, Ц. хотел симулировать бандитский налет на их квартиру: сорвал крючок с наружной двери, выходящей во двор, открыл окно, молотком и стамезкой взломал зеркальный шкаф и разбросал вещи, положил, между прочим, коробочку с небольшим количеством золота, как будто бандиты уронили ее, и т. д. Окончив эти приготовления, он выскочил на улицу с криком: «у нас налет, маму убили» и т. д., и стал будить соседей, которые вызвали карету скорой помощи. Потерпевшая, не придя в сознание, скончалась. За это Самуил Ц. приговорен к 8 годам заключения со строгой изоляцией.

Знакомясь с его личностью, мы узнаем, что отец его сильно пил, был очень раздражителен, постоянно ссорился с женой, изредка ее бил. Мать Самуила также была очень раздражительна. Семья жила вообще не дружно, отношения с отцом у Самуила были хорошие, а с матерью, с братом и сестрой — дурные. Мать он давно ненавидит. Любил он в своей жизни лишь одну свою невесту. О детстве, в виду тяжелой домашней атмосферы, вспоминает с неприятным чувством. С удовольствием вспоминает о фронте и разных эпизодах войны; в боях он бывал много раз, раз был ранен осколком шрапнели в ногу и контужен в правую щеку. Недурное впечатление у него сохранилось о гимназических годах. Он кончил гимназию и дошел до II курса университета. Материальной нужды не испытывал, до 19 лет жил у родителей, у которых всегда были достаточные средства. Он очень зол, раздражителен, вспыльчив и мстителен. В содеянном раскаивается: какая она ни была, все-таки мать, и он не должен был так поступать. Кроме того, он жалеет, что лишил брата и сестру хозяйки. Центральным признаком его является способность предаваться долгим порывам злобы, часами обдумывать план выражения мести в насильственных формах даже по отношению к матери, от которой в крайнем случае он мог просто уехать, пожертвовав зеркальным шкафом и некоторыми мелкими удобствами жизни.

Еще пример. Василий Федорович Б., 19 лет, русский, внебрачный сын кухарки и одного портного, также человек злой, вспыльчивый и раздражительный. Будучи командиром бронепоезда, на одной станции познакомился с одной телеграфисткой, сошелся с ней, привез ее в Москву к матери. По дороге, в Харькове, у него вышел скандал: они жили месяца 2 в одной гостинице, продавая вещи. Один сосед по номеру стал ухаживать за подругой Василия Федоровича, в результате чего, после крупного разговора, Василий Федорович выхватил наган и чуть было не убил своего соперника, но их розняли. В Москве у него быстро обнаружился недостаток

средств, что отразилось на его отношениях с его возлюбленной. Той хотелось иметь ботинки, денег не было, он решил совершить карманную кражу и в трамвае залез в карман к одному американцу, который схватил его за руку. В результате 8 месяцев концентрационного лагеря. Приходя к нему на свидание в лагерь, мать его сообщила, что у его любовницы вдруг оказался двоюродный брат, командир полка Ш., и что она ушла к нему, почему и не приходит к Василию на свидание. Узнав об этом, он загрустил, решил, во что бы то ни стало, видеть ее, бежал с одним матросом из лагеря, узнал, что его возлюбленная поступила на службу в один магазин, пошел к ней туда, убедил ее вернуться к нему, помирился с ней по возвращении домой и лег спать. В час ночи послышался сильный стук и ворвался с несколькими военными командир Ш., обругал Василия Федоровича вором и стервецом и настоял, чтобы молодая женщина вернулась. Та согласилась, оделась, оставила своего прежнего любовника одного в постели и ушла со вторым обожателем. Что же делал в данный момент Василий Федорович? Он лежал, отвернувшись к стене, все время молчал, «был как зачумленный». Всю ночь он не спал. Утром встал, взял сапожный ножик и пошел дожидаться ее по дороге от квартиры командира полка к месту службы, но ее не встретил и тогда пошел бродить, зашел на земляной вал к точильщику, наточил у него нож, вернулся домой, пообедал, поспал и ушел опять, стал ожидать ее возвращения со службы. Часов около 7 вечера она вышла под руку с своим любовником. Василий шел за ними и следил. На углу Воздвиженки они расстались. Тогда Василий подошел к ней и стал объясняться; они прошли несколько улиц и переулков. Сначала он старался завести ее на набережную Москвы-реки и там зарезать, но она туда не пошла. Под конец они оказались на Арбате. У одного дома она, желая оправиться, вошла в ворота, сказав ему: «подожди меня здесь». Он бросился следом за ней, вонзил ей нож в спину, а затем нанес еще несколько легких ран, между прочим, отрезал часть носа. Она закричала, упала, он тут же был арестован. Это было 9 февраля 1922 года. Потерпевшая осталась жива. Анализируя этот случай, мы видим, что виновный сдерживает свои порывы, когда ему слишком рискованно их проявлять, часами гуляет с своей жертвой и беседует, выбирает то один план, то другой и т. д., словом, действует обдуманно, рассчитанно, и у него ясно выражена склонность рассчитанно совершать насильственные действия по злобе и мести, к которым примешалось уязвленное самолюбие. Он не мог примириться с мыслью, что он брошен и ему предпочтен другой. Он — человек неглупый, но мало развит и легкомыслен. Окончил 3 класса городского училища. Интересуется лишь политическими вопросами. В момент преступления был совершенно трезв, но вообще пьет и иногда бывает пьян. Отец его также пил.

В порыве злобной раздражительности, истязал свою дочь Михаил Семенович С., 44 лет, русский, из крестьян Смоленской губернии, сильный алкоголик, пьет с 10 лет, подвыпивши, любит говорить про что-нибудь хорошее и добреет. Очень раздражителен, зод, мстителен и скуп. Нередко колачивал и жену, и детей. Отец и мать его также были очень раздражительны. Отец часто и сильно бил. Михаил кончил трехклассную сельскую школу, учился недурно, только математика трудно давалась. Читал мало, — некогда. Прочитанное очень быстро забывает. Знает несколько ремесл: работал в качестве прядильщика, знает слесарное и столярное дело. В 1921 году ему отвели 8 десятин земли, и он решил перебраться с семьей в деревню; построил себе там избу, а вторую избу, необходимую ему в виду многочисленности его семейства, — 8 человек детей, — достроить не смог, капитала не хватило. В деревне у него есть лошадь и корова, но многое еще завести надо. Его жена — он женат с 1899 года — с дочками торговали горячим чаем на Сухаревке и недурно зарабатывали, нередко вся семья кормилась от этого заработка. Дети его — «все великолепные, умные и хорошего поведения». Старшая дочь его — Екатерина — «умница, хорошо училась и собой красавица», только на свое несчастье она в 1923 г. познакомилась с сыном бывшего торговца Е., который также торговал на рынке. Про этого молодого человека Михаил Семенович отзывается очень неодобрительно: «по глазам видно, что разбойник». Но Кате он понравился, и она с ним сошлась, а Михаил Семенович прискал ей хорошего жениха — еврея фабриканта, который сразу сделал много подарков Кате. Но Е. как-то встретил и избил этого жениха, после чего тот куда-то уехал. Отец запрещал Кате видаться с Е., но она не слушалась. К тому же, благодаря Е., пристрастилась к кокаину, «чуть всех детей не стравила кокаином», и стала потаскивать на кокаин деньги из выручки, за что все в семье были на нее очень злы. Она объявила, что выйдет замуж за Е., и ушла к нему, но через неделю вернулась, потому что тот ее выгнал и требовал 500 р. приданого. В роковой день, в ночь с 28 на 29 апреля 1924 г. часа в 2, Катя прибежала от Е. избитая им, и на вопрос отца, пойдет ли она к нему опять, ответила, что пойдет. Тогда он взял ремень и стегал ее ремнем, так ударил раз 20, а затем взял раскаленные на примусе толстые щипцы для завивки волос и причинил ей им ряд ожогов бедер и влагалища, в результате чего потерпевшая получила тяжкую болезнь. В истязании ему помогал сын Николай, 18 лет, который, во время причинения ожогов, покрывал одеялом голову сестры, чтобы ее крики не были слышны соседям. Продолжительность истязания точно установить не удалось, но, по всем признакам, оно продолжалось долго. Михаил С. был немного перед этим выпивши и сильно бранил дочь. Он присужден к 2 годам лишения свободы, а Николай — к году. Михаил С. находит свое наказание слишком суровым: как отец, он мог наказать

дочь, хотя ей уже 20 лет, а если он превзошел несколько границу своей власти, то следовало бы назначить ему месяцев 3 — 6 и то условно. Следует добавить, что обычное настроение его — угрюмое. Часто у него бывает сильная дрожь. По временам он испытывает какую-то беспричинную злобу, ни против кого в отдельности, а так вообще. Часто он склонен плакать. Многолетний алкоголизм ведет его по пути все большего психического вырождения.

В последнем примере мы имеем дело с эмоциональным преступником аффективного типа, но аффект его не мог бы помешать ему понять всю возмутительность его истязаний, если бы у него не было нелепого представления о его отцовской власти, открывавшего свободный выход его злобе.

Другой интересный случай учиненного в аффекте преступления произошел в прошлом году в Москве. 22 марта 1924 г. Леонтина Августовна Ш., 34 лет, немка по отцу и полька по матери, убила свою соседку по квартире Лебедеву, а затем сварила ее с каустической содой, с целью сокрытия своего преступления. Это — первое ее преступление, раньше она не судилась. Крайнее самолюбие, кичливая гордость своим целомудрием и несомненная большая злобность, — вот три черты ее характера, сыгравшие в этом деле большую роль. Дело было так. В роковой день 22 марта Лебедева, женщина с истерическим характером, исполнявшая в квартире роль ответственного съемщика, затеяла свою обычную перебранку, через стенку, с Леонтиной Ш., своей соседкой по комнате. Началось с неприятного, но, казалось бы, ничтожного спора из-за картошки, которую Ш., вопреки расчетам Лебедевой, для нее не сварила, а затем слово-за-словом и пошло. Во время перебранки Ш. назвала Лебедеву «сидоровой козой». Надо заметить, что девичья фамилия Лебедевой была Сидорова и под этой фамилией она имела какое-то уголовное прошлое, которое тщательно скрывала. Об этом Ш. узнала почти перед самым убийством и эпитет «сидорова коза» фигурировал в их перебранке впервые. Лебедевой этот эпитет показался очень обидным. Она влетела в комнату Ш. с коротким железным прутом, которым пользовалась в квартире как кочергой, с криком: «я тебе покажу, какая я сидорова коза!». Вскоре за этим она ударила Ш. кочергой по рукам. Придя в состояние сильного злобного раздражения и от перебранки, и от удара, Ш. схватила топор, которым незадолго до того щипала лучину, и со словами: «я тебе тоже покажу!» — ударила им Лебедеву по голове. «И показала», — добавляет Ш. с улыбкой. Надо заметить, что во время самого акта убийства каждой из женщин были произнесены еще какие-то фразы, восстановить которые невозможно. Когда Лебедева влетела с угрозой: «я тебе покажу, какая я сидорова коза», последовала некоторая пауза, во время которой Ш. произнесла: «а ну-ка, показывай». За этим

последовал удар кочергой и ответный удар топором. Лебедева сразу упала на постель, на подушку, лицом вниз. Ш. подошла к ней, попробовала пульс, осмотрела труп, убедилась, что Лебедева не «симулирует», и прикрыла труп шубой. Произошло это вечером в седьмом часу, когда в квартире не было никого, кроме сожительницы Лебедевой по комнате Анны Б. Привлеченная шумом ссоры Анна Б. вошла в комнату Ш. и между ними произошел приблизительно такой разговор.

Ш. Нюра, я Полю ударила. Пускай полежит. Дай мне ее пальто.

Б. Ты убила Полю?

Ш. Да, убила.

Б. (уходя). Это дело — не мое. Ты убила, ты сама и разделявайся, пальто я тебе не дам.

Ш. (топнув сильно ногой). Давай, не то и тебе то же будет, — стукну!

Убийца Лебедевой — Ш.

При этом, по словам Б., Ш. была бледна и говорила зловецким полупшепотом, с трудом сдерживая злобу. В результате испуганная Б. отдала пальто Лебедевой, которое было, затем, спрятано у Ш. под кроватью, чтобы можно было впоследствии всем сказать, что Лебедева ушла. И Ш., и Б. обе потом говорили всем, что Лебедева куда-то ушла и не возвращалась. Ш. строго потребовала от Анны Б., чтобы та молчала и никому не рассказывала о происшедшем. Из страха Анна не рассказала даже пришедшему вечером мужу, хотя ей очень хотелось это сделать. Вечер в квартире прошел обыкновенно; к Анне Б. вернулся ее муж и они мирно пили чай, а потом улеглись спать. Анна жалеет Лебедеву и ко всему этому делу относится с неподдельным ужасом. Ей непонятно, как могла Ш. учинить такое преступление. Она очень боится покойников. Очень неприятен ей и вид крови. Мучила ее также мысль, что за все это будет. По всем этим причинам она после преступления не спала почти всю ночь и вообще сильно «нервничала». Ш. она говорила: «оставь меня, ты убила, ты и разделявайся, как знаешь, не мое это дело». Но та настаивала очень резко и с угрозами. Анна очень боялась Ш. и потому подчинилась ей. Надо заметить, что Ш. для женщины большого роста и очень сильна, гораздо сильнее Анны, так что у последней было основание бояться. Ш. откровенно говорит, что в то время она была сильно раздражена и, если бы Анна ей не подчинилась,

могла бы ее убить. И так, как замечено выше, вернувшимся и спрашивавшим о Лебедевой жильцам говорила, что «Поли нет дома, она куда-то ушла». Тех это не удивляло, ибо Лебедева была легкого поведения и частенько подолгу отсутствовала. Ш. первоначально спрятала труп в корзину, а затем поздно вечером, когда два жильца вернулись уже из театра, она, запершись у себя в комнате, изрезала ножом труп: отрезала голову, руки, ноги, туловище. Отрезанные части она положила в бачок для кипячения белья и стала кипятить с каустической содой. Совершенно разваренное мясо она затем спустила в клозете, в канализационную трубу, а кости положила в печь и пыталась сжечь; при обыске они и были там найдены. Сварить ей удалось не весь труп, остались 2 куска, которые она заставила Б. бросить на следующий день; один из них был брошен в Кабанихином переулке, а другой — на Малой Бронной улице. Ш. утверждает, что в вечер когда было совершено убийство, она могла варить труп и делала это со злобой без особых усилий, резала труп даже с очень большой злобой. Но на следующий день она, по ее словам, как-то ослабела и больше резать и варить человеческое мясо не могла, даже подойти и притронуться к нему ей было противно, почему и настояла, чтобы Б. пошла и бросила оставшиеся куски. Она требовала, чтобы Б. снесла их подальше, бросила в каком-нибудь разрушенном доме и принесла бы назад клеенку, в которую они были завернуты, но та очень волновалась и в испуге бросила их в указанных выше местах. Неся первый кусок, она встретила милиционера, быстро зашла в подъезд, положила там свою ношу, пошла дальше, а затем вернулась, взяла ее и понесла далее. Ей казалось, что милиционер и все вообще на нее смотрят. Она сильно волновалась. «Меня всю трясло», говорит она. Клеенку назад принести забыла, оставила кусок в том виде, как он был завернут. Ш. осталась недовольна таким выполнением ее поручения. «Я бы так не поступила», рассказывает она. «Я бы снесла куда-нибудь в разрушенный дом». «Милиционер меня бы не смутил». «Почем он знает, что я несу»? «Потом я бы в клеенке не положила». «Когда я узнала, что Нюра бросила близко и в клеенке, я сказала: ну, теперь я пропала». Пока Нюра ходила с кусками, Ш. прибрала все в комнате и хорошо проветрила.

Останавливаясь на анализе внутренних пружин этого убийства, необходимо несколько заглянуть в историю знакомства Ш. с Лебедевой и познакомиться с общим характером их отношений. Та ссора их, которая непосредственно предшествовала убийству, была не первая. Они постоянно бранились и много раз дрались. Еще за неделю, приблизительно, они сильно дрались, так, что их с трудом ронял пришедший к одной из жилищ, за покупкой старья, татарин. Начиная ссоры и перебранку обыкновенно Лебедева; Ш. долго отмалчивалась и многое спускала своей соседке. Лебе-

дева была очень вспыльчива и невоздержанна на язык, бранилась, кричала, но вместе с тем была и очень отходчива, вскоре подходила, целовала Ш., сейчас же после ссоры или драки шла мириться. Совсем иной характер у Ш. Она довольно сдержанна, с трудом выходит из себя, но, выведенная из терпения, долго и сильно злобствует. Сама признается, что зла и мстительна. Обиду помнит долго, очень самолюбива и, если ее сильно задевают, легко может перейти к насильственным действиям. «Особенно меня выводит из себя, — говорит она, — если меня заденут за самолюбие». Она не принадлежит к числу тех женщин, которые от обиды плачут, но в силах активно выступить против обидчика и ответить ему каким-либо насилем. Она с безразличием относится к трупу и крови. Масса крови, вытекшая из Лебедевой, не произвела на нее никакого особенного впечатления. Она очень отчетливо помнит процесс разрезания трупа, точно указывает, что и как она отрезала; говорит, что отрезывать голову, руки и ноги, а также разрезать туловище ей трудно не было, все это она сделала простым кухонным ножом. Самый процесс нанесения удара топором она также помнит хорошо, помнит, между прочим, что ударила сознательно обухом, а не острым концом, «иначе от черепа ничего бы не осталось», плохо помнит лишь начало ссоры. После убийства, разрезания трупа и разваривания его, она спала ночь, как обыкновенно, хорошо. О покойной Лебедевой она не жалеет, говорит, что ее ненавидела и отзывается о ней со злобой и с злым огоньком в своих серых глазах. О совершенном она вспоминает не только, когда ее спрашивают, а и по своей инициативе, но равнодушно, без сожаления и раскаяния. Никаких тревожащих снов или видений у нее не было. Преступление свое она признает делом нехорошим, убивать Лебеду она права не имела, но какого-либо тяжелого чувства убийство в ней не вызвало: «как-будто кошку убила, — говорит она, — а не человека». «Наказать за это, по ее мнению, нужно, хотя, если принять во внимание, какая была Лебедева, то и наказывать за убийство ее не следовало бы». Резала она ее с такой злобой, «будто, — говорит она, — передо мною не человек, а скотина лежала». Начала она резать труп, когда он был еще теплый. Когда Лебедева от удара упала на кровать, она сначала подумала, что та просто в обмороке или симулирует, подошла к ней, присмотрелась, попробовала пульс, убедилась, что сердце не бьется. Все это она рассказывает с улыбкой, деловым тоном, как вещь самую обыкновенную. Осуждая содеянное ею, Ш. делает это холодно, без заметного эмоционального тона, и главным основанием для такого осуждения, повидимому, считает то, что придется за это нести большую ответственность.

Знакомясь с личностью Ш., мы узнаем о ее жизни и характере следующее. Она — уроженка Витебской губернии. Отец ее умер в 1903 или 1904 году, мать — в 1913. Отец пил сильно и умер

от какой-то желудочной болезни, мать — от туберкулеза. Родители жили дружно, не ссорились. Всех детей у них было четверо, старшая — дочь и еще 3 сына. Отец был строг, наказывал детей, но не жестоко, больше тем, что ставил в угол; мать была женщина добрая, но очень вспыльчивая. Леонтина до конца сохранила очень хорошие отношения с родителями, с которыми прожила до 17 лет. Семья их была не из бедных, нужды она никакой не знала. Летом они уезжали в небольшое имение матери, а зимой и осенью жили в городе. В школе она не училась, училась кое-чему дома, да потом, когда жила бонной на месте, кое-чему научилась от студента, сына хозяев, у которых жила. Она читает и пишет по-русски и по-немецки. У студента она старалась подучиться, потому что хотела сдать экзамен на сестру милосердия. Она не прочь почитать романы и иногда даже плачет над чувствительными романами, но прочитанное помнит плохо и вообще интеллигентностью не отличается. Помнит, что читала Тургенева, Пушкина, Вербицкую, но что именно — рассказать не может, так как быстро забывает. Но вообще память у нее хорошая и только прочитанное как-то недолго у нее сохраняется. О детстве своем она сохранила хорошие воспоминания; особенно хорошо и приятно ей вспомнить, как приезжала домой на праздники и каталась верхом, что она очень любит. Самое тяжелое воспоминание в ней оставила смерть отца, «потому что я поняла, — говорит она, — что придется из дома уехать». Из дома она уехала 17 лет и стала служить бонной. На местах служила по нескольку лет. В 1913 году вышла замуж за фотографа и стала заниматься вместе с мужем фотографией. В 1917 году фотографию пришлось закрыть, по случаю революции. В начале голодного периода она с мужем и двумя детьми, которые умерли в 1918 и 1919 годах, переехала в Орловскую губернию, где ее муж служил по продовольственной части. В 1919 году он умер от тифа. Леонтина осталась одна. Первое время она занималась в деревне фотографией и этим кормилась. В 1920 году поехала в Москву за материалами и осталась здесь. В Москве она все время пробивалась разной работой: наклеивала ярлыки на катушки ниток, ходила стирать белье и т. д. Без хлеба не сидела, голода не знала, но тяжело нередко приходилось. Так как она очень трудолюбива и сильна, то ей удавалось заработать себе на жизнь и даже обзавестись всем нужным для ее одинокого хозяйства. Надо заметить, что она очень экономна, скупа, домовита и хозяйственна. У нее есть все свое, и все эти предметы хозяйственного обихода она содержит в порядке и очень не любит, когда у нее что-нибудь берут и отдают ей в ненадлежащем виде. Жила она одиноко, любовников у нее не было. В половом отношении она холодна, на легкие связи идти не желала; желает выйти замуж серьезно за подходящего человека и жить с ним семейно «по-хорошему». В 1922 году она случайно познакомилась с Лебе-

девой и поселилась у нее; права на отдельную комнату у нее не было и это заставляло ее держаться за сожительство с Лебедевой и терпеливо выносить выходки последней. Лебедеву за «вольное поведение» хозяйка квартиры выселила; сожитель Лебедевой — Ф. — за кражу в то же время попал в тюрьму. Лебедева нашла себе приют в Трехпрудном переулке, куда с ней переселилась и Леонтина Ш. Лебедева нередко сбивала Ш. бросить трудную поденную работу и заняться проституцией, но та на это не соглашалась: «нет, лучше буду белье и полы мыть», говорила она. На этой почве у них не раз происходили размолвки. «Она хотела меня использовать,—говорит Ш.,—и настаивала, чтобы я была проституткой». «Дура, ты бы пошла, да за вечер червонцы брала», — говорила она мне. «Ты виднее, чем я, тебе бы только выйти». . . «Но мне противно было», — добавляет она. Когда они жили в одной комнате с Лебедевой, то жизнь была совсем невозможная, так как Лебедева постоянно укоряла Ш., зачем она стирает, катушки для наклейки ярлыков берет и т. д., при чем кричала ей, что лучше бы она занималась проституцией и что все равно ей придется кончить этим. А та упорно возражала: — «лучше буду белье и полы мыть, а не это». . . . Стирала она и на Лебедеву, «из любезности», так как с той денег было получить невозможно, и оказывала эту любезность, чтобы та меньше кричала; за это же в квартире даже дразнили, что она прислуга Лебедевой. Нередко, во время ссор с Лебедевой, Ш. подчеркивала свое целомудрие, свою честную жизнь, свой честным трудом заработанную копейку. Этим она очень гордится; здесь ее самолюбие почерпает, повидимому, свое главное удовлетворение. А самолюбива она очень. Хотя она скупа и расчетлива, но заявляет, что ее «карманные потери не трогают, а самолюбие очень большое». Особенно ее задевает, если упрекнут в дурном поведении. Интересно отметить, между прочим, что Лебедева давала ей разные неприятные прозвища. «Я такие не скажу никогда», — говорит Ш., — даже поведением меня укоряла, тогда как не имела решительно никакого права». Очень частые ссоры с Лебедевой начались с сентября. Кроме как с ней Ш. никогда ни с кем не дралась, а с ней дралась несколько раз, при чем первой всегда нападала Лебедева. Ш. гораздо сильнее ее, но та «увертливее»; обыкновенно, по ее словам, она схватывала Лебедеву за руки, лишала возможности дальнейшего нападения, некоторое время держала, а потом бросала и уходила к себе. Их обыкновенно успевали разнять. Таким образом, у Ш. с Лебедевой давно были тяжелые отношения и в атмосфере постоянных ссор накопилась ненависть к ней. Она откровенно говорит, что о покойной несколько не жалеет, так как ненавидела ее. Эти долго нараставшие ненависть и злоба и прорвались в роковой день 22 марта.

Обращаясь к дальнейшей характеристике Ш., надо отметить следующие ее черты. Она не глупа, — хотя, как замечено выше,

мало развита, — деловита, энергична, трудолюбива, любит посидеть спокойно дома, побольше поспать, а иногда скромно развлечься, например, сходить в кинематограф, или выпить, но немного и лучше на чужой счет. Никаких припадков и признаков душевного расстройства у нее никогда не было. Она терпелива и говорит, что любит ухаживать за больными. В жизни у нее были два плана и оба не удались: стать сестрой милосердия и завести себе хорошую семейную жизнь. Она недурно владеет собой и отличается большим хладнокровием. Сначала она в убийстве не сознавалась. Дело раскрылось через неделю. Всю эту неделю Ш. вела обычную жизнь, ничем не обнаружила своего беспокойства, спала на той же постели и подушке, на которых лежала убитая, и никаких тревожащих снов не видела, спала хорошо и долго.

Часто то чувство, которое толкает человека к преступлению, вспыхивает у него сразу, захватывает его сознание и сильно затрудняет оценку поступка, мысль о котором мелькнула, как о способе удовлетворить это чувство. Такой резко выраженный аффективный тип представляет собою, например, Надежда Х., 23 лет, поляка, истеричка, которая 9 апреля 1922 года убила женщину, сообщившую мужу Х., только что вернувшемуся из долгой отлучки, что в его отсутствие его жена вступила в связь с одним молодым человеком, чего, на самом деле, не было. Узнав об этом, Надежда захотела пойти в нижний этаж, взять у этой женщины взаем муки и масла и кстати объясниться с ней, спросить, на каком основании она высказала ее мужу свои предположения о мнимой ее связи с молодым человеком. Она отправилась к ней в кухню объясняться. Когда она выразила ей свое неудовольствие, та заявила ей, что ни муки, ни масла она ей не даст, — что брать-де вы умеете, а отдаете плохо, а что то, что она говорила о сожительстве Надежды с молодым человеком, — правда, — конечно, они в связи. Возмущенная Надежда схватила лежавшую на столе доску для рубки мяса и ударила обидчицу в висок. Та упала замертво. Надежда схватила, не отдавая себе отчета, муки и масла из шкафа и побежала вверх к мужу, страшно взволнованная, бормоча бессвязные слова, из которых он сначала не мог понять, в чем дело: — «убила. . . ругались, взяла» и т. д. Он спустился вниз с целью выяснить, что произошло, увидел труп и понял страшную правду. В содеянном Х. очень раскаивается «зубами бы, — говорит она, — вырыла ее из могилы, чтобы воскресить, не понимаю, как я могла это сделать». Надо добавить, что она сильно склонна в гневе к насильственным действиям, кричит, швыряет тем, что под руку попадет, больно бьет себя в грудь и т. д.

Случаев преступлений, учиненных в резко выраженном аффективном состоянии, в моей коллекции очень много, но, за недостатком места, я остановлюсь еще лишь на одном. 8 мая 1922 г. Федор К., 27 лет, электромонтер, русский, уроженец Тульской губ., сын запойного пьяницы, пьющий и сам, хотя «не шибко», при чем,

выпив, впадает в мрачное состояние, раздражительный, но умеющий сдерживать свое раздражение, — убил гражданина *Н.*, человека, который был гораздо старше его, за сорок лет. В течение 7 лет они находились в связи, *Н.* — был пассивным, а *К.* — активным педерастом. Соблазненный на противоестественные отношения еще в очень молодом возрасте, *К.* за последние годы очень тяготился их отношениями и желал их кончить. *Н.* страшно его ревновал, следил за ним, грозил, в случае разрыва, рассказать всем рабочим завода, где работал *К.*, об их отношениях. *К.* этого страшно боялся, продолжал тяготившую его связь и терпел постоянные побои от *Н.*, который был сильнее его. Лишь за несколько дней до убийства *К.* вышел из больницы, где лечился от язвы желудка, и в течение 2 недель избегал видиться с *Н.* Тот, наконец, потребовал его к себе, стал бить и настаивать на половых отношениях, от которых *К.* просил его временно освободить. Избиение и сцена ревности продолжались все утро, до 3 часов рокового дня. *К.* стал даже на колени и упрасивал *Н.* не приневоливать его к половым отношениям, но *Н.* бранил его и ударил ногой в живот. Стоявший на коленях *К.*, выведенный этим ударом окончательно из терпения, в порыве злобного раздражения схватил лежавший на столе большой замок и убил им *Н.*, за что и был приговорен к лишению свободы на 1 год.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Преступники расчетливые рассудочные. Резонеры и идейные преступники.

I.

Представителями типа *расчетливых-рассудочных* являются те преступники, которые, поставив себе целью достижение известного положения — служебного, социального, имущественного, семейного, — или известной роли в обществе, ради этой общей цели своей жизни совершают преступление, потому что, по их расчетам, преступление поможет им достигнуть ее, или устранил какое-либо стоящее на пути к ней препятствие и приблизит к ее осуществлению. В основе их преступной деятельности лежит цель, имеющая не мимолетное значение, а более или менее общее, руководящее значение в их жизни, поскольку достижением ее на долгий срок создаются известные рамки для этой жизни и определяется направление последней. Не порыв чувства, не стремление к мимолетным чувственным наслаждениям, а представление известной связи совершаемого преступления с их общей целью, — вот что толкает их на преступную дорогу, и, чтобы свести их с последней, надо или изменить в их глазах значение этой общей цели, или привести к убеждению в необходимости идти к ней иными, не преступными путями.

В качестве общих целей, толкающих к преступлению, у этих преступников всего чаще фигурируют:

1. Карьера, при чем преступники, у которых движущей силой является склонность к достижению этой цели, стремятся к последней или по честолюбию, как к властному, видному, почетному положению (карьеристы-властолюбцы или честолюбцы), или ради материальных выгод, связанных с известным положением (корыстные карьеристы). Представителем носителей этого типа может служить обрисованный выше (стр. 44 сл.) С.

2. Достижение известного семейного положения, — освобождение себя от известных тягостных для субъекта почему-либо уз с целью поставить себя в новое семейное положение, или обеспечение за собой известного семейного положения и т. д. (искатели семейного покоя или счастья).

Вот одна из носительниц этого типа. — 14 февраля 1924 г. около 3¹/₂ часов дня к проживавшей с родителями по 1-му Зачатьевскому переулку Марии С. явилась ее подруга — 17-летняя Евдокия Г. и пригласила Марусю к себе будто бы на бал, устраиваемый ее родителями по случаю благословения дочери на брак, имеющий состояться после Пасхи. Переодевшись в свое парадное платье малинового бархата, Маруся отправилась с подругой и более домой не возвратилась. На расспросы отца пропавшей «Дуся» говорила, что 14 февраля Маруся на самом деле к ней вовсе не заходила, приглашение же ее было лишь заранее условленным и вымышленным предлогом для того, чтобы Маруся могла уйти с какими-то неизвестными тремя подругами на бал, на который иначе родители ее не пустили бы. Все розыски родителей погибшей оставались безрезультатными, пока 28 февраля дворник дома, где жила семья Г., проходя по обширному пустырю, прилежавшему одной стороной к задворкам этого дома, не наступил на покрытый снегом твердый сверток, оказавшийся, при ближайшем рассмотрении, куском женского тела.

Г. жила все время с родителями, которые вели торговлю на рынке, и нужды не знала. Она не без оттенка гордости даже пересчитывала со мной свои золотые вещи, которых мы насчитали семь, и на мое замечание, что она могла бы, с целью выручить жениха, продать надетую на ней шубу, а сама остаток зимы немного померзнуть ради него, она ответила: — «я думаю, что, если бы я эту шубу продала, у меня все-таки нашлось бы что надеть». Кроме Дуся, у родителей ее есть еще дочь, учащаяся в гимназии, и два маленьких сына — 7 и 9 лет. Оба родители — люди здоровые и работающие. Но отец пьет запоем и, повидимому, не в особенно хороших отношениях находится со старшей дочерью; по крайней мере, Дуся отзывается о нем как о человеке злом и суровом: «он злой и суровый, говорит она, так что я не хотела с ним разговаривать; что скажешь, он не принимает никаких слов». Между прочим, она сообщает, что отец ее большой любитель чтения, читает

газеты, разные рассказы, даже сказки, о чем она упоминает с усмешкой. С матерью у нее, повидимому, более теплые и сердечные отношения. С сестрой же она ругалась чуть не каждый день, что объясняет своей унаследованной от отца раздражительностью. Про братьев своих она сообщает, что один из них «немного такой нервный, что когда рассердится, то сразу падает и делается такой черный, словно с ним какой припадок». В общем атмосфера в семье Дуси не была такой согревающей и сердечной, как это могло бы быть; наоборот, между членами семьи было не

Убийца подруги Маруси — Г.

мало взаимного равнодушия, а часто — и сильного раздражения. Алкоголизм отца и алкогольная наследственность несомненно наложили некоторую печать на жизнь этой семьи и взаимные отношения ее членов.

Знакомых и подруг у Г. было много, но близких, закадычных друзей среди них не было. «Я — человек скрытный», — рассказывает она про себя, и с усмешкой добавляет: — «но любопытный». С Марусей она была в хороших, приятельских отношениях. «Она была веселая, добродушная, доверчивая», — рассказывает она, — «открытая была со мною во всем». Однако в последнее время между подругами произошло некоторое охлаждение, причиной которого послужил плохой отзыв Маруси о Павлике, как каком-то хулигане и человеке подозрительном. Образовательный ценз Дуси равняется 4 классам гимназии бывшей Арсеньевой, которую она оставила года 2 назад, будто бы по причине материальных затруднений, связанных с переживаемым трудным временем. Последнее

время, — вплоть до самого ареста, — в течение 6 месяцев — она училась на стрекаловских курсах кройки и шитья. Училась она в гимназии недурно, особенно любила русский язык и арифметику. Приходилось ей писать и сочинения, не легко это было, но она все-таки с этим справлялась. Из тем сочинений она помнит лишь одну: «четыре времени года». Читала мало. Нравилась ей Некрасов и Пушкин. «Гоголя ничего рассказы есть». Далее, впрочем, выяснилось, что и Некрасов, и Гоголь, принесенные ей женихом, остались непрочитанными: «времени не было». Читала она еще «романы», например, «Вавочка», «Леон Дрей», но «это не занимало». В памяти из прочитанного остается очень мало: «так, читала, интересовало меня, — говорит она, — а запоминать не запоминала». Любит посещать театры, особенно кинематографы, в которых предпочитает комическим картинам драмы, как, например, «Падшая душа», изложить содержание которой, впрочем, не может: «это вообще из романов, в роде как роман». . . . Последние полгода она, по ее словам, не посещала театра, потому что очень была занята в школе кройки и хотела ее кончить. Шитьем она увлекалась и занималась с большим усердием, даже будто бы стала от этого раздражительнее, от постоянного душевного напряжения: «а вдруг не так сошью». Зато к занятию своих родителей — к торговле — она никакой склонности не чувствовала и считала его делом низменным: «проучившись в гимназии, да вдруг стоять у палатки». . . . Около 2 лет тому назад она познакомилась с молодым человеком, который на 2 года старше ее. Через некоторое время он стал ее женихом. Особой нежности к нему она, повидимому, никогда не чувствовала. Он всегда казался ей «мямлей» и малоразвитым, — «поговорить, как следует, не умеет», да и танцует очень плохо. Но ей было приятно, что он влюблен в нее, что она им командует, да и внешность его ей нравилась. А главное, что он «был почтительный навсегда». Себя она считает гораздо рассудительнее его и вообще сильнее в духовном отношении, что же касается ее способности увлекаться, то говорит про себя: — «я навсегда спокойная». Во время одной из бесед она призналась, однако, что ревнива, но что Павлик ей поводов к ревности не давал. Свою будущую жизнь с ним она себе рисовала так: он будет заниматься тем же, чем занимался раньше, — коммиссионной продажей благотворительных открыток в пользу инвалидов, — а она будет принимать заказы, ибо шьет «великолепно». Иметь детей она решительно не желала бы и не по одним материальным соображениям, а главным образом потому, что она вообще не любит детей. Замуж выйти за Павлика она очень желала, считая его подходящей для себя партией; нравились ей в нем, между прочим, его хозяйственность и коммерческие способности. Родители ее также желали этого брака. Для чего же ей, чуть не накануне свадьбы, понадобилось совершить такое преступление, самая мысль о котором, казалось бы, должна была возмущать ее чувство?

Почему она совершила поступок, который в корне уничтожил все ее планы? Сама она рассказывает об этом следующее. Однажды, когда никого, кроме нее и Павлика, не было дома, к ней пришла подруга Варя, с которой она стала веселиться: завела граммофон и стала танцевать. Павлику скоро это надоело и он стал настаивать на прекращении танцев. За это она назвала его дураком и шутя ударила по носу. Жених, в ответ на это вспылil, азруг выхватил из кармана квитанции, со злостью их разорвал и бросил в печку, сказав: «так, в таком случае, пусть все пропадет». Излив свой гнев, он выбежал за ворота, откуда через некоторое время был невестой водворен обратно. Это происшествие поставило Павлика в затруднительное положение. Он заявил невесте, что ему нужно или возместить причитающиеся по истребленным документам 5 червонцев, или сесть на 2 года в тюрьму. Надо заметить, что деньги за проданные открытки он сдавал под квитанции и получал 25% с вырученной суммы. Таково было значение разорванных им квитанций. Услыхав от жениха, что ему нужно или внести известную сумму денег, или сесть в тюрьму, Дуся обеспокоилась. В этом пункте ее рассказ полон противоречий: один раз она сказала, что Павлик ни о чем ее не просил, и она сама надумала, как его выручить, а в другой раз заявила, что он настойчиво просил ее достать денег, что «ему дали срок возмещать по червонцу в неделю», и он настаивал, чтобы она достала ему 2 червонца, даже советовал в крайнем случае украсть у родителей, заявляя, что ему достать решительно не у кого: с братом он в ссоре, к будущей же теще ему обращаться неловко: «так что жених, а просит два червонца». На вопрос, почему для того, чтобы выручить жениха, она не продала хотя бы одну из своих золотых вещей, например, браслет, который стоил не менее 2-3 червонцев, она ответила сначала, что эта мысль не пришла ей в голову, а потом призналась, что продать браслет ей было бы, пожалуй, жалко. На такой же вопрос о шубе она ответила, что тоже не подумала об этом, а если бы продала шубу, ей мерзнуть не пришлось бы, так как у нее все-таки нашлось бы что надеть. Из нужных ей двух червонцев один она заняла у знакомой портнихи, но та недели через 2 стала требовать возврата долга, и тогда Дуся опять стала перед необходимостью найти 2 червонца. Просить у родителей она не хотела, опасаясь отказа с их стороны, тем более, что, когда они узнали о ее займе у портнихи для Павлика, то сказали: «когда так, то пусть он сам и отдаст». Она и задумала достать нужные ей деньги с помощью убийства кого-либо из подруг. Сначала, дней за 10 до убийства Маруси, она наметила было убийство той Вари, с которой весело танцевала в памятный день своей ссоры с Павликом. Варя была приглашена под тем же предлогом, как и Маруся, часам к 5 вечера. Но она сильно опоздала и когда пришла, то, кроме Дуси, застала ее мать и жениха. Намеченное преступление не совершилось, и Дуся признавалась, что почувство-

вала даже облегчение от того, что не пришлось выполнить задуманное.

Вся техника убийства, жертвой которого стала несчастная Маруся, была ею тщательно продумана. Она выбрала такой час, когда начинало уже темнеть, а в доме никого еще не было: родители ее возвращались между 7 и 8 часами вечера, сестра еще позднее, а братья, в отсутствие родителей, бегали по улице: в этот день она с умыслом уснула их перед убийством за нитками на смоленский рынок. К Марусе она заходила накануне убийства, 13 февраля, и приглашала притти к ней на следующий день. В день убийства она зашла к ней в четвертом часу дня и увела с собой. Жила Маруся очень близко. Когда они пришли домой, Маруся сначала спросила: почему нет гостей. На это подруга ответила ей: — «вот придет мама, тогда и начнется», а затем предложила ей посмотреть висевшую на стене новую свою фотографию. Та подошла, нагнулась и сказала: «как ты красиво снялась». В этот момент Дуся ударила ее молотком по голове, сбоку, по темени. Она призналась, что читала о подвигах Петрова-Комарова, убивавшего молотком, и это чтение навело ее на мысль о молотке. От первого удара Маруся упала без крика. «Тогда, — рассказывает Дуся, — я ударила ее еще раз пять в то же место, так как боялась, что вдруг она вскочит и побежит». «Потом вытащила труп в кухню волоком». Затем началось рассечение трупа. Сначала одним ударом была отделена голова, при чем кровь брызнула очень сильно: «там такая жилка есть», — поясняет она. Руки по локоть и ноги по колено отрубались в 2 приема с каждой стороны; туловище было разрублено надвое. Перед всей этой операцией она сняла с трупа платье, чулки и башмаки, так что на теле оставались нижняя юбка, рубашка и кальсоны. Рассказывая о том, как она расправлялась с трупом, она слегка посмеивается и замечает: — «очень смешно говорить». Посмеивается она потому, что ее собеседник кажется ей непонятливым, — все переспрашивает, что, да как, а что тут мудреного. Процедура разрубания трупа взяла, по ее словам, около полутора часов. Завернув части тела в старый капот матери, она стала выносить их на пустырь, прилежавший к их двору и находившийся против ее окон. «Только что хотела вынести, — рассказывает она, — вижу идет сосед». «Я спросила, чтобы глаза отвести, не у него ли ключи от чердака». «Он ответил, что нет, и пошел далее». «Капот скоро весь вымок в крови, я стала таскать в ватном одеяле». «Смотрю — все светло». «Я все делала очень проворно; обернула раза 4, каждый раз запирала замком двери квартир». Зарывала она части в разных местах пустыря, но недалеко друг от друга и неглубоко; снег копала «лыжем», снег был рыхлый. Рассказывая про всю эту процедуру, она весело смеется. Когда труп был закопан в снегу, оставалось привести в порядок квартиру. Она за это и принялась. Как раз в это время вернулись с рынка ее братья, но она их в квар-

тиру не пустила, а велела им еще погулять, сама же стала мыть полы в тех местах, где они были запачканы кровью. Это было не легко, так как полы в кухне деревянные и кровь пропитала поверхность досок. Вымыв полы, она впустила братьев, а сама занялась шитьем, но больше для вида, так как чувствовала сильное беспокойство и «раздражение». Вернувшиеся домой родители обратили внимание на тяжелый воздух в квартире и спросили, почему пол мокрый. Дуся объяснила, что таз, который исполнял некоторые функции испорченной канализации, пролился, и она замыла пол. Часов в 8 вечера она отправилась к Павлику и пробыла у него до 12 часов ночи, беседуя с ним главным образом о комнате, которую он, в виду предстоящей женитьбы, хотел достать в том же доме. С Павликом она держала себя как всегда, но его мать заметила, что она молчалива и как будто чем расстроена. О преступлении она жениху ничего не сказала: «совесть не позволяла». Вернувшись от жениха, она легла спать и спала не плохо, хотя среди ночи проснулась. Встав на другой день часов в 8 и написавшись чаю, она стала обдумывать способы ликвидации оставшихся после убитой вещей, которые были спрятаны у нее в сундуке, причем у платья, сильно забрызганного кровью, пришлось отрезать ворот. Держать у себя это платье ей «как-то противно было» и она вскоре отдала его Варе, однако не совсем, а только для переделки. Пальто же покойной Маруси она отдала продать Павлику, сказав ему, что это пальто она украла с вешалки на курсах кройки и шитья. За это Павлик ее сильно ругал, но пальто продал за 2 червонца, из которых один пошел на уплату долга портнихе, а другой он пропил вместе с купившим у него пальто знакомым сапожником. Если принять во внимание крайнее самолюбие Г., ее злобность, черствость и решительность, то внутренние пружины ее поступка станут понятны. Она хотела выйти замуж и, несмотря на то, что командовала Павликом и часто ругала его, очень дорожила им как женихом. Поэтому, когда он разорвал квитанции и затем сообщил ей, что ему придется года два просидеть в тюрьме, она серьезно испугалась и была сильно озабочена тем, как бы помочь ему. Не сострадание и любовь в этом случае руководили «навсегда спокойной» Дусей, а расчет: иначе свадьбе не бывать. И она рассчитала и взвесила все, а затем все и выполнила, как решила. Ей нельзя отказать ни в умении владеть собой, ни в решительности. Конечно, ее расчет нас удивляет: как могла эта молоденькая девушка стать подражательницей Комарова и совершить преступление с такой методической жестокостью! Бедь у нее были под руками другие способы выйти из затруднительного положения, между прочим, и способы преступные, но менее тяжкие. Она могла, действительно, украсть пальто на курсах, даже просто обокрасть приведенную ею с собой Марусю, спрятав оставленное последней в передней пальто и симулировав кражу, сказать подруге: — «Маруся милая, а где твое пальто, и дверь рас-

крыта» и т. п. Она могла попросить у родителей, даже украсть у них в крайнем случае. Почему же она не сделала ничего подобного? Убийство казалось ей простейшим решением задачи. Она драчлива и склонна осуществлять свои цели насильственным образом. Это ее — центральный признак. Расстаться с своими драгоценностями она не хотела, это — уменьшало бы ее приданое, а ее жених «с коммерческими способностями», вероятно, менее ценил бы ее как невесту, если бы она обеднела, да и жаль было расставаться с красивыми вещами. Просить у родителей — значит унижаться и жениха унижать в их глазах; посторонних же, у кого можно было бы попросить, у нее не было. Украсть — опасно, раскроют, назовут воровкой. Вот она и решила убить. Правда, особой любви у нее к жениху не было; это она сама чувствовала, но все-таки некоторую привязанность она чувствовала лишь к двум существам: к матери, которая делала ее жизнь приятной своим баловством и лаской, и к жениху, жизнь с которым рисовалась ей, если и не в особенно радужных красках, то все-таки в виде лучшего будущего, отказать от которого она не хотела. Натура решительная, активная и эгоцентрическая, она должна была предпочесть всем представлявшимся ей выходам убийство: не придется ни унижаться, ни особенно рисковать, никто ничего не узнает и все будет хорошо. Она говорит, что мысль об убийстве пришла ей за 3 дня, и она колебалась в своем решении часа полтора: «и не хотела, и подталкивало». «Чувствовала, — говорит она, — что должна это сделать». Колебания ее понятны и можно только удивляться их непродолжительности. Она, конечно, сознавала некоторый риск дела и его сложность, но думала, что все скроет; не могла не смущать ее и новизна положения: раньше она никаких преступлений не совершала, да и некоторое неприятное чувство связывалось у нее с перспективой такого кровавого дела, чувство, если не сострадания, то брезгливости. Ее не отталкивала мысль, что это жестоко, гадко, в ней не говорили ни любовь, ни сострадание к подруге, потому что этих чувств у нее нет. Поэтому ей и не было трудно убивать. Малоразвитая, с умом не сильным, жестокая, черствая и холодная, она едва понимает, что поступила нехорошо, но этого не чувствует; от осуждения ею своего поступка веет холодом, оно лишено эмоционального тона. В нем слышится лишь некоторая досада на себя, что поступила нерасчетливо, рассчитала плохо, не стоило этого делать, а то вот приходится за это сидеть и все ее планы рухнули. Жених, после преступления, от нее отшатнулся и укоряет ее за совершенное, а сделала она это для него же, потому что поверила тому вздору, который он ей говорил о разорванных квитанциях, их мнимом значении и своем вероятном торемном сидении. Он-то говорил с целью ее припугнуть, заставить еще раз почувствовать, как он важен для нее, а она приняла все это всерьез. Опрометчиво поступила. Вот вся ее оценка сделанного злодеяния. Рассуждения

о последнем приводят ее, между прочим, к отрицанию бытия божия. Она вообще не религиозна, а теперь и совсем ни во что не верит: ведь если бы бог существовал, он не должен был допускать подобных поступков. На вопросы, вспоминается ли ей ее поступок, считает ли она его плохим и что именно особенно в нем плохо, она говорит, что «вспоминается навсегда», что особенно плохо то, что она разрубила убитую — «это — по-зверски», — а затем добавляет: — «все плохо, и что убила, и что разрубила». Но оценка эта холодная, рассудочная, без искры альтруистического чувства.

Стремление сбросить некоторые семейные узы, в связи со склонностью не останавливаться перед применением насилия для осуществления своих желаний, привело на преступный путь Николая П., 43 лет, русского, родом из Костромской губернии. Отец его умер, когда ему было года 3. Он слышал, что отец его сильно пил и частенько бил свою жену, мать Николая. Последняя также часто и сильно пила. О детстве своем Николай вспоминает с тяжелым чувством: оставшись с 4 малолетними детьми вдовой — мать его жила очень бедно, с трудом кое-как обрабатывала землю и прирабатывала тем, что нанималась к соседям. Лет 8-9 Николай ходил с бабушкой просить милостыню, а лет с 10 нанимался к соседям в няньки и скотину стеречь. В школе он учился всего год, малограмотен. Ученье давалось ему с трудом, что он объясняет плохой памятью. Особенно трудно было ему рассказывать и решать задачи по арифметике. И сейчас он по части счета слаб, «трудно ему смекнуть», он полагает потому, что «не торговал». 5 на 6 он еще мог помножить, а 6 на 9 и 13 на 6 — нет; не удалось ему и разделить 164 на 4, с делением же 64 на 4 он с трудом справился. Процесс чтения ему удается сносно, но усвоение прочитанного и рассказ — очень затруднительны. Книг он никаких не читал, только газеты по временам читает. С матерью он прожил в деревне до 15 лет, а потом отправился в Москву и стал работать по малярной части. Малярное дело ему нравится, и он его знает недурно. С 15 до 18 лет был в учении, а потом начал работать как уже знакомый с делом маляр. Из периода его детства и юности особенного ничего указать нельзя. В детстве, кроме бедности, постоянных колотушек строгой матери, — на которую он, впрочем, за это не обижается, считая колотушки нормальным воспитательным приемом, — да работы, иногда трудной и неприятной, у него ничего не было. Из болезней он перенес в детстве скарлатину и брюшной тиф. В 1902 году он был призван на военную службу. На военной службе он был три раза: в 1902-1905 г.г., в 1914-1918 г.г. и в Красной армии в 1919-1921 г.г. О военной службе он вспоминает с удовольствием во всех отношениях; не нравились ему только уроки словесности. В последний раз он попал на военную службу так: пожар уничтожил в деревне его дом, он отправился в Чухлому искать места и обра-

тился с просьбой о месте к местному военному начальству, его и взяли в «вольнонаемные конники». С год он служил в команде, ловившей дезертиров. За прежнюю свою военную службу он много раз бывал в боях, часто видел трупы и раненых и привык к этим зрелищам. Однажды, в 1914 году, ему пришлось упорно защищаться карабином и шашкой, когда враг неожиданно вплотную подошел к батарее, на которой П. служил. Между прочим он участвовал в боях под Новой-Александрией и Ивангородом и попал в плен. Вернувшись из плена, он поселился в деревне, но в 1919 г. у него сгорел дом, и это обстоятельство, как указано выше, опять привело его на военную службу.

На 20-м году жизни П. женился и имел 6 человек детей, из которых 3 в детском возрасте умерли. Половую жизнь он начал до женитьбы, лет с 16-17, и имел лишь мимолетные связи, без длительных сожительства. Венерическими болезнями не болел. С женой особых неладов у него не было, бил он ее редко, но и жил с ней редко, бывая в деревне лишь наездами и большею частью пребывая в Москве, где он работал у разных подрядчиков малярных работ в качестве мастера. Демобилизованный в 1921 году, он приехал в Москву и поступил здесь на работу; к семье в деревню он не ездил уже около 2-х лет, что объясняет скудостью своих денежных средств. Живя в Москве, он редко имел сношения с женщинами, так как его половая способность сильно понизилась. Лишь летом 1923 года он сошелся со своей соседкой по комнате Королевой, вскоре перешел в ее комнату, сохранив, однако, за собой и свое прежнее место в квартире. И ей, и другим жильцам квартиры он говорил, что вдов, что жена его будто бы во время пожара в деревне сгорела, оставив двух детей. Королева вскоре забеременела от П. и, случайно узнав, что он не вдов, стала беспокоиться о судьбе своего будущего ребенка. Ей объяснили, что если П. ничего не будет ей давать на ребенка, то она может требовать с него судом. Королева имела очень небольшой заработок от торговли булками и материальный вопрос ее сильно озабочивал. П. говорит, что она, узнав о посылке им денег в деревню, требовала, чтобы он эти посылки прекратил и окончательно порвал с своей семьей, на что он отвечал, что любит жену и детей и посылать им деньги не перестанет. Он утверждает также, что Королева постоянно ревновала его и высказывала сомнения в его верности, хотя он никаких поводов к тому не подавал. Возможно, что его пониженная половая способность внушала Королевой некоторые подозрения. Как бы то ни было, они часто ссорились, при чем два раза П. переходил жить из комнаты Королевой на свое прежнее место и обратно. Надо добавить, что П. часто и довольно сильно колачивал Королеву. 29 марта 1924 года он поколотил ее особенно сильно, потому что она опять угрожала ему подать на него в суд. На следующий день — 30 марта — П. встал поздно; оказывается, Королева, проснувшись раньше, успела зайти к одной

соседке, которая советовала ей пойти к доктору и показать ему, какие побои нанес ей П., не считаясь с тем, что она на 8-м месяце беременности. По словам этой соседки, П., который, несомненно, этими побоями нанес вред ребенку, суд назначит лет 7-8 тюрьмы. Такого рода угрозы Королева и высказала своему сожителю. П. утверждает еще, что его сожительница не раз грозила выжечь ему «зеники», т.-е. плеснуть в глаза серной кислотой, что раз будто бы даже, когда она собиралась это сделать, он вырвал у нее бутылку и разбил. Этой угрозы серной кислотой он будто бы очень боялся. Как бы то ни было, в злополучное воскресенье 30 марта П. встал поздно, выслушал сетования и угрозы Королевой, хотел было ее избить еще раз, но удержался, и часов до 3-х дня они провели время вместе в атмосфере обычной воркотни и перебранки. Часа в 3 он пошел на рынок, а когда вернулся часам к 6, то вскоре они сели за стол и опять стали вести неприятный для П. разговор о ребенке, об угрозах кислотой, судом и т. д. Возвращаясь с рынка, П. выпил 3 бутылки пива и был несколько навеселе. Под влиянием неприятных разговоров он встал из-за стола раздраженный, опять хотел было избить сожительницу, но удержался. Тут ему пришла мысль убить ее. Часов с 7 до 8 $\frac{1}{2}$ он ходил по комнате «сам не свой»; были минуты, когда ему хотелось плюнуть, избить и уйти. Часов в 9 вечера стали ложиться спать. К этому времени бурный, испещренный площадной бранью разговор П. с сожительницей прекратился. Он говорил, что даже будто бы просил у нее прощенья и просил, чтобы она не выжигала ему глаз, но она ему ответила, что «как сказала, так и будет». После этого ответа он утвердился в мысли убить ее. Полежав некоторое время, он сказал: — «ну, ладно, пойду закурю», встал и пошел к столу, на котором лежал табак и хлебный нож. Он спрятал этот нож в рукав, лег рядом с Королевой с левой стороны, еще раз спросил ее, согласна ли она простить его и, получив ответ, что она остается при прежнем решении, сказал: — «что у тебя, Наташа, одеяло, сползло, дай поправлю», обнял ее, выпростал нож из рукава и резнул по горлу. Ни криков, ни испуганного лица ее он не заметил, заметил один только ее хрип. Перерезав ей горло, он перевалил ее на правый

Убийца Королевой—П

бок и «дорезал». Покончив с своей жертвой, он свалил ее на пол, положил вдоль печки, а сам сел на кровать и почувствовал сильную усталость, какой-то туман в голове, в глазах даже потемнело. Потом лег на кровать ногами к изголовью, — правый головной угол постели был весь в крови, — и крепко заснул; снов никаких не видел. Всю процедуру убийства П. рассказывает совершенно спокойно, с оживленной жестикацией, при чем, обняв шею одного из моих ассистентов, точно указал, проводя ногтем по его шее, куда и как он ее резал. Проспал он часов до 7 утра, утром встал, напился чаю, как обыкновенно, запер квартиру и ушел на службу. На службе проработал весь день, не проявляя никакого беспокойства или волнения. Вернувшись со службы домой, он пообедал и принялся за сокрытие следов преступления: разрезал труп на части, разрубив кости топором, туловище в мешке стащил на берег Москвы-реки и бросил в реку под стенами Новинской женской тюрьмы, конечности и голову снес второй раз и бросил в реку в другом месте. Так как обеспокоенные долгим отсутствием Королевы соседи, к которым она постоянно заходила, сообщили об этом отсутствии милиции, то вскоре в комнату П. явилась следственная власть, которая застала его за сжиганием остатков одежды убитой, носивших на себе следы крови. П. вынужден был сознаться, хотя давал на суде разные натянутые и неправдоподобные объяснения. Суд признал, что он убил Королеву с целью избавиться от Королевы и ребенка, при чем один из свидетелей показал суду, что однажды П. сказал ему, когда зашла речь о том, что с него будут по суду требовать на содержание ребенка — что, может быть, и не будет никакого ребенка. Но, принимая во внимание трудовой образ жизни П., его темноту и несознательность, суд приговорил его к 8 годам заключения со строгой изоляцией и с поражением прав на 3 года.

Однако по справкам о судимости у П. числится 2 судимости: в 1909 году у мирового судьи мясницкого участка за кражу, при чем первый раз он был оправдан, а во второй — приговорен к 3 месяцам тюрьмы. Он объясняет этот приговор следующим образом: один его приятель взял чьи-то часы, продал их и пригласил нескольких товарищей-маляров в трактир выпить на эти деньги.

В содеянном П. не раскаивается, о Королевы не вспоминает, с моральной оценкой к этому поступку не подходит. Конечно, убийство — большой грех и перед богом, и перед людьми, но если тебе человек не вреден, а если вреден, то какой же тут грех, говорит он. Покойная Королева была ревнивая, характерная баба, которая хотела ему «зенки выжечь». «Избавился от такой сволочи и ладно, зарезал и из головы долой». На вопрос, желал ли бы он, если бы было возможно, воскресить ее, он говорит: — «никак не надо». Насколько верны заявления П. об угрозах Королевы касательно его «зенок»? Нужно думать, что, если тут не все

ложь, то много преувеличений. Во всяком случае поразительно то равнодушие, с которым *П.* относится к судьбе своей сожительницы, и то хладнокровие, с которым он выполнил самый акт убийства, скрывал следы преступления и вспоминает обо всем этом. Интересно отметить, что *П.* искренно расположен к своей живущей в деревне семье, особенно к детям, и очень тоскует о ней. Худшее, что он видит в своем поступке, выражается у него словами:—«вот, только детей жаль, как они теперь в деревне: жили, жили, все ничего, а вдруг узнают, что отец в Москве сожительницу зарезал». Вот эта сторона дела его только и смущает. К остальным людям, кроме жены и детей, он совершенно равнодушен, иногда даже чувствует ненависть какую-то к людям.

3. Следующая общая цель, которая часто встречается у расудочных преступников, сводится к достижению солидного имущественного положения не просто путем получения куша денег для временного облегчения и улучшения своего положения или кутежей,—как это бывает у импульсивных преступников,—а прочного изменения своего имущественного положения, путем устройства, расширения или обеспечения известного постоянного источника дохода,—какого-нибудь торгового предприятия («коммерческие дельцы») или какого-нибудь хозяйства («хозяйчики»), создания себе клиентуры и практики и т. д. Так, напр., одна нянька одной провинциальной больницы — *Г.*, — желая довести годовой бюджет своего хозяйства до известной суммы и получить некоторый придаток к жалованью своего мужа и своему, произвела около 100 абортов и избрала это преступление как постоянный, подсобный источник своего дохода. В этих случаях известный целевой комплекс, ассоциируясь с образом известного преступления, как средства для этой цели, создает очень устойчивое предрасположение к преступлению, которое надо тщательно выяснить, чтобы, затем, найти средства, как на него надо действовать.

Никакого идейного базиса под свое преступление расчетливые преступники не подводят; они знают, что оно нехорошо, и им не следовало бы его делать, но их соблазняет представляющаяся им связь этого преступления, как средства, с целью, которой они решили добиться. Этим они отличаются от резонеров. К этому типу принадлежат, между прочим, те, которые совершают преступление, мечтая таким путем добыть себе капитал для торговли, завести лавку и т. п. Представительницей этого типа может считаться подруга Котова — Винокурова, мечтавшая завести с ним вместе лавку и торговать. Другим примером может послужить одна молодая девушка — Елена *М.*, 19 лет, — которая подвела шайку бандитов к знакомым ей людям, рассчитывая за этот подвод получить сумму, на которую она сможет завести лавку. К этому типу принадлежат и муж и жена, участвовавшие в убийстве двух стариков в Звенигородском уезде, описанные выше (стр. 75). Некоторые из расудочных-расчетливых преступников решаются на преступле-

ние как на аферу, которая, если не на всю жизнь, то на ряд лет поставит их в положение богатого человека и позволит им изменить свою жизнь («аферисты»). Таков, например, описанный выше убийца Гребнева В., мечтавший посредством преступления разбогатеть настолько, чтобы уехать за границу и там начать новую жизнь.

II.

В заключение этой главы остановлюсь ненадолго еще на двух криминальных типах, — на идейных преступниках и резонерах. Между ними — большая разница. Первые совершают преступления ради торжества известной моральной или социальной идеи, которой они подчиняют свою личность и поведение. Вторые пытаются подвести идейный базис под свое стремление к удовлетворению известных своих потребностей; они прикрывают личные цели известными общими идеями и через посредство последних получают особую энергию для достижения этих целей. Одни приносят в жертву торжеству известных общих идей свои личные интересы, а иногда и целиком свою личность. Другие пользуются известными общими идеями для торжества своих личных целей. Не следует думать, однако, что в резонерстве есть элемент сознательной лжи. Нет, настоящее резонерство бывает вполне искренним, а его своекорыстный, личный элемент может быть скрыт под общими фразами так глубоко, что станет незаметен самому субъекту. Разница между теми и другими преступниками в самом содержании идей, лежащих в основе их предрасположения к преступлению. В одном случае, это — моральная или социальная идея, которая получает свое осуществление в чем-либо объективном, по отношению к данному субъекту, и если приносит ему какую-либо пользу, то как отражение известного объективного порядка. В другом случае, это — идея, осуществляющаяся в рамках жизни данного субъекта, в известных формах его существования и, притом, идея всегда ложная, так как только ложная идея может разрешить человеку преступление ради его личных целей. У преступников-резонеров мы встречаем кривую логику, софистические уловки. Отсюда не следует, конечно, что те идеи, которыми руководятся идейные преступники, всегда верны. Нет, и они часто ложны, но могут быть и верны.

Признаки резонерства отмечались мною выше (стр. 190 сл.) при описании бандита Б. Они есть и у убийцы Гребнева — В. Но в этих случаях резонерство не лежало в основе предрасположения к преступлению. Оно сводилось или к рассуждениям, выдуманному уже после преступления, или к дополнительным, второстепенным соображениям, на которых субъект не основывал своей деятельности. К резонерам надо относить лишь тех, у которых резонерские рассуждения лежат в основе их преступной деятельности,

так что, не будь у них резонерских рассуждений и не почерпни они из последних известного запаса энергии, они не совершили бы преступления. Хотя и не часто, но такие резонеры встречаются. Один, например, признанный врачами шизофреником и невменяемым, бывший студент-юрист второго курса, позднее состоявший следователем, С., 27 лет, сын врача, организовал нападение на квартиру одной своей знакомой для похищения ее бриллиантов, при чем и сам был убежден, и своим соучастникам внушил мысль, что тут нет ничего дурного, так как можно допустить лишь государственную собственность, а частную собственность—только в зависимости от полезности ее обладателя, и этой полезности он за данной своей знакомой не признавал.

В другом случае один бандит, выдававший себя за анархиста, — А. — заявил мне, что он не видит в бандитизме ничего дурного и занимался им потому, что считал себя в праве это делать: он видит в бандитизме лишь «индивидуальную борьбу с капитализмом». То же убеждение высказывал и другой бандит — М., — которому оно было внушено мужем его сестры, казавшимся ему человеком высокообразованным. Какую роль могут играть подобные убеждения в генезисе преступлений, показывает следующий случай, на котором я остановлюсь несколько подробнее.

Бандит Сергей М.

6 апреля 1921 г. в Москве, на Моховой, в 3¹/₂ часа дня, группой молодых людей из 7 лиц, большинство которых были студенты, было произведено бандитское нападение на кассу коммунального хозяйства и похищено 60 миллионов рублей, в то время представлявших крупную сумму. Один из участников нападения — Л. — был сыном кассира этого коммунального хозяйства и сам служил там вместе с отцом. Он сообщил остальным о сумме, которую можно будет похитить, о времени, когда касса закрывается, о расположении помещения, о входе и выходе и т. д. Войдя в кассу незадолго до ее закрытия, бандиты скомандовали «руки вверх», бывших в кассе двух посетительниц и двух девочек заперли в уборную, взяли 60 миллионов и скрылись; один из бандитов, во время преследования, застрелился. Организатором налета был сын врача, студент Е., признанный впоследствии душевнобольным, который и каждому соучастнику в отдельности, и собрав их нака-

нуне налета всех вместе, с большим красноречием развивал такого рода взгляд: вы живете бедно и имеете ряд неудовлетворенных потребностей, тогда как немного мужества и трезвый взгляд на дело, и вы сможете значительно улучшить свое положение. Если вам не хватает денег, прихватите у государства денег еще, никто от этого не пострадает, потому что государство лишь немного более напечатает денег, вот и все. Не смущайтесь мыслью, что это — кража или грабеж. Вздор! Это — заем, взятие кучки бумаги для поддержания кое-чего реального и большого, — ваших сил и семей. Неужели же эта реальность не стоит кусочков бумаги и последние, по вашему мнению, выше! Просто трусость! Неужели вы не понимаете, что, взяв сейчас эти бумажки, вы вернете государству нечто более ценное — ваши поддержанные и сбереженные силы! Этот заем в конечном счете выгоден для государства, ведь человек же значит более, чем бумаги, которых можно напечатать и еще; от того, что вы возьмете их, никто не пострадает и т. д. Приблизительно в таком духе говорил Е. с своими товарищами и говорил горячо, красноречиво, с блеском в глазах и с волнением в голосе. Они пробовали возражать, но он сейчас же отбивал все их возражения. И у них явилось убеждение, что он — прав. Никто из них нужды, в собственном смысле слова, не испытывал, все они имели места и пайки и, не будь этих красноречивых рассуждений Е., никто из них и не подумал бы ни о каком грабеже. Вот несколько данных о некоторых участниках этого налета.

Сергей Г., уроженец Москвы, 22 лет, русский, окончивший в 1918 году гимназию и во время преступления состоявший на физико-математическом факультете московского университета. В 1919 году он был призван на фронт, в 1920 году — с фронта вернулся, поступил в корпус военных топографов и служил начальником склада. Это место он занимал и во время преступления. Отец его умер в 1919 году, мать — в январе 1922 года, уже когда он был в тюрьме; арестован он был еще в начале мая 1921 года. В семье их было 3 брата, он — младший. Ни у него, ни у родителей не было болезней, дающих основание заподозреть психопатическую наследственность. Он — здоров, но впечатлителен, вспыльчив, легко поддается чужому влиянию и твердым характером не отличается. Не отличается он ни большим развитием, ни вдумчивостью; производит впечатление довольно поверхностного и легкомысленного молодого человека, на вид гораздо моложе своих лет. Когда, дня за 3 до преступления, его товарищ по гимназии Е. предложил ему участие в этом бандитском налете, он сначала решительно отказался, но когда тот повторил ему цепь своих резонерских рассуждений и украсил их живым описанием выгод, которые Сергей может получить для себя самого и семьи, он сдался. Идя на преступление, совсем не чувствовал, что совершает преступление, «шел, — говорит он, — как на какое-то хорошее дело». Когда

они пришли к месту преступления, рассказывает он, на них напало как бы оцепенение какое-то, действовали как бы автоматически и сначала заколебались было идти внутрь, но руководимые *Е.* и *Ш.* вошли; Сергей *Г.*, впрочем, остался на улице, на страже, и почувствовал «большое нервное ослабление», т.е., очевидно, упадок сил и духа. *Е.*, придя к нему после преступления, назвал его трусом, да и самому Сергею *Г.* «потом было неловко за свое малодушие». Сергей *Г.* — довольно изнеженный молодой человек. Любит комфорт. Его тяготила ограниченность средств, хотелось запастись провизией и купить себе получше одежду. Действительной нужды он не знал, жил вдвоем с матерью, получал жалованье, был поставлен гораздо лучше очень многих людей в то время; хотя он говорит, что нуждался, но в его устах это означает ограниченность средств, а не такой их недостаток, который можно было бы назвать действительной нуждой. О наказании он не думал, так как *Е.* сумел им внушить мысль, что они легко успеют скрыться и останутся необнаруженными. Нравственная оценка поступка была устранена после первых минут сомнений резонерскими рассуждениями *Е.* Эти рассуждения тем более сильно могли его толкать на преступный путь, что он думал на полученные от преступления деньги кое-что сделать для матери, которую очень любил. В тюрьме его очень мучила мысль, что, быть-может, хотя отчасти, он явился причиной скорой смерти матери, которая очень горевала о нем. Через несколько дней после преступления — 11 апреля 1921 года — он женился на девушке, с которой познакомился на службе. Желание вступить в брак заставляло его особенно неприятно чувствовать ограниченность своих материальных средств. В приговоре суда, назначившем ему заключение в тюрьме на 5 лет, отмечены, между прочим, «жизненная неопытность» Сергея *Г.*, его «малодушие» и «стремление с колыбели жить хорошо, но не работать». От невесты своей он все скрыл, но можно думать, что намерение вступить в брак послужило для него одним из толчков к преступлению.

Другой участник преступления, Владимир *Л.*, уроженец Москвы, русский, 22 лет, сын кассира ограбленной кассы, окончил московскую гимназию в 1917 году, студент-медик первого курса. Все время жил с родителями и воспитывался у них. Холост, но имел невесту, жениться собирался года через два, когда «окончательно станет на ноги». Отец его был против брака. Поэтому Владимир решил разойтись с семьей и начать самостоятельную жизнь. В деньгах он не нуждался в том смысле, что на прожиток ему хватало, он жил в своей семье, служил и получал жалованье. Сестра его служила в железном. При немногочисленности их семьи, — родители, бабушка, сестра и он, — им хватало. Но он жаловался на царившую в их семье атмосферу. Семья жила дружно, но отец отличался деспотическим характером, не признавал самостоятельности сына, и на этой почве у них были нелады. Подобно Сергею *Г.*,

Владимир Л. — молодой человек довольно поверхностный и пустой, неглупый, но не особенно вдумчивый и развитой, не имеющий твердых взглядов и легко поддающийся влиянию. В характере у него заметно унаследованное, вероятно, от отца некоторое упорство, стремление поставить на своем. В общем, несмотря на недовольство некоторым деспотизмом отца, у него с родителями хорошие отношения. Сидя в тюрьме и освободившись от влияния Е., к которому он, как и Сергей Г., питает теперь неприязненное чувство, он искренно удивляется, как мог принять участие в таком деле. На вопрос, как же он мог допустить, чтобы его отец был под угрозой выстрела в него, он говорит, что у них было условлено и Е. обещал, что оружие применено не будет. С Е. он был знаком пять месяцев и находился под его сильным влиянием. В самом преступлении он играл роль интеллектуального пособника. После налета прямо ушел домой. Обещанную ему долю денег получил от Е. не вполне и полученные деньги — 4 миллиона — истратил на покупку новой студенческой фуражки и микроскопа.

Любит приодеться. Со стороны наследственности у Л. нельзя отметить ничего особенного. Он вполне здоров и никаких психопатических черт не обнаруживает.

Третий участник — Владимир С., уроженец Москвы, русский, 22 лет, окончивший московскую гимназию, студент 1 курса высшего технического училища. В момент преступления служил делопроизводителем корпуса военных топографов. Отец его — банковский служащий — умер в 1918 году от туберкулеза. Он был человеком очень слабым, но трезвым, не пил совершенно. Владимир жил с матерью, которая служила, с бабушкой и братом 16 лет, который также был привлечен по этому делу, так как играл в нем небольшую вспомогательную роль. Роль С., во время нападения, сводилась к тому, чтобы задерживать публику. Он задержал двух женщин и двух девочек и запер их в уборную; брат ему помогал. В руках у него был испорченный револьвер. Сначала предложение Е. принять участие в этом деле вызвало у него большие колебания. Но потом, на следующий день, он поддался на рассуждения Е., был у него на собрании участников; на этом собрании он высказал свои колебания, за что Е. назвал его трусом, и это сильно на него подействовало. Подействовало на него и то, что Е. уверил всех, что намеченная операция ни для кого опасна не будет, — ни для служащих кассы, ни для публики, ни для самих участников нападения. Сидя в тюрьме, он разочаровался в рассуждениях Е. и очень раскаивается в содеянном. Глубоко огорчает его, что и родственники, и знакомые, как он узнал, резко осуждают его поступок, «отвернулись от него и обливают его грязью». С. — человек впечатлительный, очень вспыльчивый, слабохарактерный и легко поддающийся чужому влиянию. Он менее поверхностен, чем Л. и Г., сравнительно с ними гораздо более читает и развитее их, но все же легкомыслен, недостаточно вдумчив. У него есть прочный умствен-

ный интерес к электротехнике, которой он много и с интересом занимался. «Запоем» он читал — и до тюрьмы, и в тюрьме — беллетристические сочинения. Своих романов у него еще не было. Он холост, невесты не имеет, «к женщинам равнодушен». Не пьет. Кокaina не нюхал. Вел трудовой и вполне трезвый образ жизни. Психически и физически здоров. Дурной наследственности нет. С охотой занимался теннисом и музыкой. Свое преступление объясняет нуждой, но последней у него не было, как и у Г. Полученные десять миллионов истратил на покупку провизии. Его роль в преступлении кажется ему ненасильственной, и он утверждает, что на насилие никогда не согласился бы, так как питает к нему отвращение. Все трое вышеупомянутых молодых людей горячо раскаивались в содеянном, хотя ясных аргументов, опровергающих рассуждения Е., я у них не нашел.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

К вопросу о программе криминально-психологического исследования.

Когда современный законодатель или судья назначает наказание на известный срок, этот срок принимается ими, в значительной мере, гадательно. Почему 3 года, а не 2 или не $2\frac{1}{2}$, почему 8, а не 5 лет и т. д.? На этот вопрос в настоящее время достаточно полно мотивированного ответа дать нельзя, потому что нет таких из опыта почерпнутых данных, которыми можно было бы мотивировать выбор одного срока предпочтительно перед другим. И часто при этом, сами того не замечая, люди сбиваются на путь принципа возмездия и стараются выбрать такое наказание, которого данное преступление стоит... с точки зрения принципа возмездия. Такое положение вещей неизбежно будет продолжаться до тех пор, пока не будет накоплено достаточное количество криминально-психологических знаний и пока криминально-психологическое исследование не займет подходящего ему места в сфере уголовной юстиции.¹ Необходимо принять все меры к тому, чтобы обеспечить развитие криминально-психологических знаний и их проникновение в уголовно-судебную, уголовно-розыскную и пенитенциарную практику. Без этого и наши карательные учреждения никогда не смогут превратиться в различные социальные клиники, предназначенные для носителей разных криминальных типов. Для каждого из этих типов необходима своя особая пенитен-

¹ Бывший в январе 1923 г. Всероссийский Съезд по психоневрологии, в своих резолюциях по моим докладам, признал желательным допущение психологической экспертизы в уголовном суде, устройство при крупных пенитенциарных учреждениях криминально-психологических лабораторий и отметил необходимость принять меры к увеличению числа криминалистопсихологов.

циарно-воспитательная система, в основу которой должно быть положено знание их особенностей и планомерное наблюдение за действием на них различных мер.¹

В настоящее время в приговорах, которые поступают из судов в пенитенциарные учреждения, не содержится данных о личности преступника, или содержатся данные малоговорящие, очень скудные, и, пока на суде нет надлежащего криминально-психологического исследования преступников, достаточно полных данных и не может быть. А, между тем, суд и пенитенциарные учреждения выполняют части одной общей работы, и очень желательно, чтобы то, что судья нашел криминогенного в личности виновного, было сообщено пенитенциарному деятелю, который сам не располагает теми сведениями об отношении преступника к другим людям, которые раскрылись на суде и могут иметь очень важное значение с пенитенциарно-воспитательской точки зрения. Пенитенциарный деятель имеет перед собою преступника, взятого из той среды, в которой он жил, и поставленного в новые условия, в которых многие его свойства могут быть на долгий срок скрыты. Необходимо возможно сблизить и согласовать работу судов и пенитенциарных учреждений, чтобы сведения, добытые о личности преступников судами, могли послужить точкой отправления для пенитенциарно-воспитательской работы. Но без ясного общего представления о преступном типе и без классификации преступных типов нельзя вести изучения отдельных преступников. Это — необходимые инструменты для такой работы.

Из сделанных выше общих замечаний и из приведенных описаний различных криминальных типов ясны громадное жизненное значение криминально-психологического изучения и главная задача, которую оно себе ставит. Оно стремится, путем анализа фактов, вылущить, если так можно выразиться, те элементы психической конституции, которые образуют как бы особое криминогенное ядро в личности преступника, рассмотреть составные элементы этого ядра, чтобы можно было потом решить, как и какими мерами на него можно действовать. У экзогенных преступников это ядро слагается из признаков недоразвития или слабости таких комплексов, из которых рождаются импульсы, задерживающие рост стремления к преступлению. Криминально-психологическое исследование этих преступников имеет своей задачей обнаружить все те черты личности, от которых зависит ее пониженная сопротивляемость внешним влияниям, толкающим на преступный путь, осветить с различных сторон эти дефекты личности и возможно полнее выяснить степень ее недоразвития или ослабленности в известных отношениях. У эндогенных преступников криминогенные элементы являются в виде предрасположения к известному преступлению. Это предрасположение представляет собою склон-

¹ См. мои „Основы пенитенциарной науки“. 1924.

ность к достижению известных целей способами, обнимающими, как одну из своих форм, данное преступление, или способами, сходными с этим преступлением, подготовляющими или адаптирующими к нему. Криминально-психологическое исследование этих преступников должно раскрыть их предрасположение к преступлению, выяснить содержание этой склонности и ее силу.

Программа криминально-психологического исследования определяется указанными задачами его. Она распадается на три части: 1) изучение совершенного субъектом преступления или преступлений, если субъект неоднократно развивал преступную деятельность; 2) изучение прошлого субъекта; 3) изучение его настоящего состояния, криминогенных элементов его психической конституции.

Криминалист - психолог должен, прежде всего, внимательно ознакомиться с преступлением данного субъекта по всем судебным, следственным и иным материалам, которые только он сможет получить в свое распоряжение. Он должен стараться с возможной полнотой уяснить себе те мотивы, которые проявились в деянии виновного, чтобы потом установить, — на основании всей совокупности сведений, добытых им относительно личности преступника, — те свойства личности, из которых родились эти мотивы и удельный вес последних в психической жизни субъекта.

Изучение прошлого субъекта должно начинаться с собирания сведений о родителях и вообще о предках преступника, чтобы выяснить, какие задатки получены данным субъектом в наследство от предков и какова была та атмосфера, в которой складывался его характер и выростали его взгляды. Взаимные отношения родителей и детей, общий дух симпатии и дружбы, или вражды и постоянных ссор, который царил в семье и создавал атмосферу, благоприятную для развития альтруистических или антиальтруистических чувств; болезни и алкоголизм родителей также должны быть предметом серьезного внимания. Если преступник воспитывался не в родной семье, то необходимо выяснить строй жизни и ту атмосферу, которые господствовали в семье, где данный субъект получил воспитание. Необходимо отметить также отношение субъекта к его детству и отрочеству, характер воспоминаний, сохранившихся у него об этих периодах жизни, и те факты, которые могли наложить свою печать на его характер, например, сильный испуг во время пожара, падение с высот и т. п. При этом, выясняя условия, в которых с детства складывался характер субъекта, надо особенно следить за развитием тех именно свойств личности, которые особенно ярко выразились в ее преступной деятельности, за проявлением зародышей этих свойств и за условиями, благоприятствовавшими их развитию.

Стараясь выяснить все криминогенные элементы конституции преступника, криминалист-психолог должен обследовать и интеллектуальную, и эмоциональную, и волевою сферу личности с тех

именно сторон, которые имеют существенное значение для возникновения и осуществления решения совершить данное преступление. Он должен постараться выяснить, прежде всего, круг общих жизненных целей изучаемой личности. Под общими целями я разумею такие, которые заключаются в достижении известного более или менее длительного и постоянного состояния или положения личности, или известной части внешней для личности среды. Таковы, напр., определенное служебное, семейное, социальное, имущественное положение личности, известное состояние государства, общества, какого-либо учреждения, предприятия и т. д. Общая цель всегда обнимает множество частных, конкретных целей, служит основанием для оценки и выбора последних и через них получает свое практическое осуществление. У каждого человека есть круг целей, которые являются главными, направляющими, или, так сказать, дирижирующими его поведением целями. Будут ли они заключаться в том, чтобы устроить или довести до известной степени совершенства определенное дело, сделать известную карьеру, добыть себе определенное семейное положение, добиться известности и славы, или просто в том, чтобы проводить жизнь в известных чувственных удовольствиях, в кутежах или любовных интригах и т. п., все равно, те или иные господствующие цели есть у каждого человека и образуют круг практических двигателей его поведения. На них он опирается, решая, в отдельных случаях, что ему делать и от чего ему следует воздерживаться. Узнать эти цели — значит проникнуть в тайники той лаборатории, в которой вырабатываются решения человека, проявляющиеся в его поведении. Но не у каждой личности господствующие цели носят характер общих целей, в указанном выше смысле. К сожалению, есть много людей, которые живут изо дня в день и господствующие цели которых состоят из постоянно возобновляющихся частных целей, исчерпывающихся удовлетворением на ближайшее время отдельных потребностей. Если у преступника есть цели общего характера, их необходимо прежде всего установить. Выяснив круг этих общих жизненных целей преступника, криминалист-психолог должен посмотреть, какая связь существует между ними и совершенным данным субъектом преступлением и на почве каких свойств личности выросли и утвердились те из этих целей, которые так или иначе связаны с преступною деятельностью данного лица. Он должен посмотреть, насколько субъект располагает взглядами, суждениями и понятиями, необходимыми для достаточно полной оценки этого преступления и понимания его последствий. Так как это зависит от общего состояния интеллектуальной сферы, от степени ума и умственного развития субъекта, то на них должно быть, несомненно, обращено внимание: точность и полнота восприятий, или, напротив, их неточность, неполнота или

иллюзорность; память, воображение, обилие или недостаток ассоциаций для объяснения и понимания явлений природы, а также явлений нравственного и социального мира, степень и характер эмоциональной окраски мышления, степень развития комбинаторных способностей имеют очень важное значение. Запас знаний, почерпнутых из школы и чтения, наличность или отсутствие умственных интересов и их устойчивость также должны быть отмечены, поскольку это проливает свет на то, с какого рода идеями подходит субъект к той сфере отношений, в плоскости которых лежит совершенное им преступление. Затем, общий склад характера субъекта, преобладающие в нем наклонности и их отношение к проявившимся в преступлении склонностям, степень возбудимости у субъекта альтруистических и антиальтруистических чувств, ясность и твердость принимаемых им решений, его самостоятельность или податливость внушению, — все это необходимо выяснить. Важным подспорьем при этом выяснении могут служить анализ взаимных отношений соучастников и то, что они сообщают о жизни и личности друг друга и о своих отношениях.

С помощью всех указанных выше исследований надо выяснить: 1) общее отношение субъекта к своей жизни, его мирозерцание, наличность или отсутствие у него какого-либо плана или идеала жизни и каких-либо общих целей, могущих удалять его от преступного пути или влечь на последний, наличность или отсутствие у него определенной оценки преступления; 2) те чувства, которые преобладают в его личных отношениях к другим людям — доброта, злобность, раздражительность, участливость, бессердечие и т. д.; 3) его отношение к труду и к трудовой жизни. При исследовании виновников посягательств на личность особенное значение имеет исследование их склонностей к тем или иным личным отношениям, а при исследовании имущественных преступников, — их отношение к трудовой жизни и к трудовому и нетрудовому приобретению имущества.

То исследование, программа которого в общих чертах изложена в настоящей книге, представляется совершенно новым. В будущем криминальная психология установит еще многие десятки криминальных типов и укажет точные признаки для распознавания всех их в отдельных случаях. Ее классификация разрастется, методы расширятся, дополнятся многими новыми, уточнятся. Но автор глубоко убежден, что изложенные в настоящей книге основы исследования останутся непоколебленными.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	4
Введение. Криминально-психологическое изучение преступника, его задачи, необходимость и значение.	6
Глава первая. Преступный тип	13
Глава вторая. Два основные преступные типа: эндогенные и экзогенные преступники	30
Глава третья. Основные и дополнительные признаки преступного типа.	69
Глава четвертая. Экзогенные преступники	93
Глава пятая. Эндогенные преступники	109
Глава шестая. Импульсивные преступники	117
Глава седьмая. Эмоциональные преступники	218
Глава восьмая. Преступники расчетливые-рассудочные	233
Глава девятая. К вопросу о программе криминально-психологического исследования	251
